

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

4

2023

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	КОНДРАЛЬ А. А. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by
Бон Т.	Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волански Ф.	Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жанбосинова А. С.	Научно-исследовательский центр Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Жеребцов И. Л.	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.
Линднер Р.	Констанцкий университет, Констанц, Германия.
Минасян Э. Г.	Ереванский государственный университет, Ереван, Армения.
Упадуэй А.	Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели, Индия.
Фишер Д.	Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
Фэн Ш.	Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М.	Университет Матяя Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бабищевич А. Н.	Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Космач В. А.	Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В.	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Лозовюк П.	Западно-Чешский университет, Пльзень, Чехия.
Локотко А. И.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзальюк И. А.	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н.	Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р.	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Новогродский Т. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Пилипенко М. Ф.	Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ходин С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	КОНДРАЛЬ А. А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі новага і навішага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by

- Бародкін Л. І.** Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т. Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Валанскі Ф. Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жанбасінава А. С. Навукова-даследчы цэнтр Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л. М. Гумілёва, Астана, Казахстан.
Жарабцоў І. Л. Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктывукар, Расія.
Лінднер Р. Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Мінасян Э. Г. Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, Ерэван, Армения.
Упадуэй А. Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыя.
Фішэр Д. Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.
Фэн Ш. Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М. Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

- Вабішчэвіч А. М.** Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э. Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Карпаў С. П. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г. Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А. Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лазавюк П. Заходне-Чэшскі ўніверсітэт, Пльзень, Чэхія.
Лакотка А. І. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В. Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А. Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р. Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Наваградскі Т. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Нячухрын А. М. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Піліпенка М. Ф. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Туманс Х. Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Ходзін С. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **KAKHANOUSKI A. G.**, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: kohanovsky@bsu.by
- Deputy editor-in-chief** **MENKOUSKI V. I.**, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: menkovski@bsu.by
- Executive secretary** **KONDRAL A. A.**, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: kondral@bsu.by

- Bohn T.** Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
- Borodkin L. I.** Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Feng Sh.** School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies, East China Normal University, Shanghai, China.
- Fisher D. C.** University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
- Lindner R.** University of Konstanz, Konstanz, Germany.
- Minasyan E. G.** Yerevan State University, Yerevan, Armenia.
- Šmigel' M.** Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
- Upadhyay A.** Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
- Wolański F.** Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
- Yanouski A. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Zhanbossinova A. S.** Research Centre of L. N. Gumilyov, Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
- Zherebtsov I. L.** Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Duk D. V.** Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
- Karpov S. P.** Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Karpyuk S. G.** Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Khodzin S. N.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Koshelev V. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Kosmach V. A.** Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Viciebsk, Belarus.
- Kovalenya A. A.** National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Larin M. V.** Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
- Lavrinnovich D. S.** Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
- Lokotko A. I.** National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Lozoiyk P.** University of West Bohemia, Plzeň, Czechia.
- Marzaluk I. A.** House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
- Miazga M. M.** Francisk Skorina Gomel State University, Gomiel, Belarus.
- Miknys R.** Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
- Nechukhrin A. N.** Yanka Kupala State University of Grodno, Grodna, Belarus.
- Novogrodsky T. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Pilipenko M. F.** Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Centre for the Belarusian Culture, Language and Literature Research, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Tumans H.** University of Latvia, Riga, Latvia.
- Vabishchevich A. N.** Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
- Widder E.** Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.

ОТ РЕДАКЦИИ АД РЭДАКЦЫІ EDITORIAL

Летом 2023 г. кафедра истории России и кафедра истории южных и западных славян исторического факультета Белорусского государственного университета отметили 25-летие своей деятельности. Славянская и российская истории преподавались в аудиториях БГУ со дня его торжественного открытия. Вот только соответствующих кафедр не существовало до 1930-х гг. При этом учебные планы первых факультетов БГУ включали множество курсов по всемирной истории, в том числе российской и славянской. Их читали профессора-историки, ставшие в советской Беларуси первопроходцами в университетском преподавании. Пример всем подавал В. И. Пичета – первый ректор БГУ, известный историк, профессор. Плечом к плечу с ним трудились крупные ученые-россиеведы, профессора А. А. Савич и Д. А. Жаринов, а также славяновед, член Чешской академии наук, профессор А. Н. Ясинский. Именно эти люди создали традиции изучения и преподавания российской и славянской истории. В последующие десятилетия данные дисциплины претерпели как позитивные, так и разрушительные изменения. С начала 1930-х гг. российская история стала частью истории СССР, а славянская история чуть не растворилась во всеобщей истории. Тем не менее благодаря высокому профессионализму нескольких поколений ученых и преподавателей БГУ два важнейших направления исторического знания с достоинством прошли все испытания.

С 1936/37 учебного года в БГУ стала действовать кафедра истории народов СССР и истории БССР. Вскоре она была переименована в кафедру истории СССР. В политических условиях тех лет история СССР воспринималась как история Руси, России и Советского Союза. Преподавание славянской истории осу-

ществлялось силами сотрудников разных кафедр, что не позволяло обеспечить развитие такой области научного знания, как белорусское славяноведение.

Период с конца 1980-х по 1990-е гг. примечателен духом радикальных перемен в жизни общества. Белорусская история, став по-настоящему отечественной, вышла на первые позиции. Широким фактическим и смысловым контекстом ее должны были обеспечивать российская история и славянская история, однако со временем стало очевидно, что эти научные направления требуют отдельного внимания.

После нескольких лет поисков было найдено оптимальное решение: 8 июня 1998 г. были учреждены кафедра истории России и кафедра истории южных и западных славян. С момента создания оба подразделения следовали идеям и замыслам В. И. Пичеты, который воплотил в своем научном и педагогическом творчестве лучшие традиции россиеведения и славяноведения. Правильность принятого решения подтверждает плодотворная деятельность кафедр на протяжении 25 лет.

В статьях данного номера представлены лишь некоторые направления, разработкой которых занимаются преподаватели указанных подразделений. За годы функционирования кафедр ее сотрудниками подготовлено множество учебно-методических изданий, опубликованы десятки оригинальных монографий и сотни статей, а также проведено большое количество конференций, круглых столов и презентаций (совместно с белорусскими и зарубежными коллегами). Можно смело утверждать, что белорусские научные школы россиеведения и славяноведения оформились.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 355.231(470)“1917/1918”

РЕФОРМА СРЕДНИХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В РОССИИ И ЕЕ СУДЬБА (1917–1918)

А. М. ЛУКАШЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Через призму ценностного подхода рассматривается реформа средних военно-учебных заведений (кадетских корпусов) в России, проведенная при Временном правительстве. Описываются особенности создания и деятельности комиссии по реорганизации военно-учебных заведений под руководством генерала З. А. Макшеева. Отмечается, что в марте – июле 1917 г. комиссия провела серьезную работу по реорганизации военной школы на широких демократических началах. С 1917/18 учебного года в кадетские корпуса был открыт доступ детям всех сословий. Для создания равных условий при зачислении на казенное содержание были снижены требования к кандидатам, а вместо конкурса была введена система баллотирования. Отмечается, что в ходе реформы на базе кадетских корпусов были организованы гимназии военного ведомства, которые обрели статус общеобразовательных заведений (отменялось присвоение воинских званий и проведение строевых занятий, на все должности разрешалось назначать гражданских лиц). Были приняты меры по упрощению быта воспитанников и обслуживанию ими собственных нужд, допускалось создание ученических организаций. Управление гимназиями основывалось на принципе доверия к персоналу (решением многих вопросов занимался педагогический совет). Делается вывод о том, что приход большевиков к власти в октябре 1917 г. привел к отказу от реформы. Поскольку значительная часть представителей кадетского сообщества, сформированного еще при императорской власти и воспитанного в монархическом духе, не признали советской власти, в июле 1918 г. гимназии военного ведомства были упразднены.

Ключевые слова: Временное правительство; военно-учебные заведения; кадетские корпуса; гимназии военного ведомства; З. А. Макшеев; реформа; система баллотирования; педагогический совет.

Образец цитирования:

Лукашевич АМ. Реформа средних военно-учебных заведений в России и ее судьба (1917–1918). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023; 4:6–22.
EDN: OSKFSG

For citation:

Lukashevich AM. Reform of secondary military educational institutions in Russia and its fate (1917–1918). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;4:6–22. Russian.
EDN: OSKFSG

Автор:

Андрей Михайлович Лукашевич – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Andrei M. Lukashevich, doctor of science (history), full professor; professor at the department of history of Belarus of new and contemporary times, faculty of history.
lukashevand@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5868-8114>

РЭФОРМА СЯРЭДНІХ ВАЕННА-НАВУЧАЛЬНЫХ УСТАНОЎ У РАСІІ І ЯЕ ЛЁС (1917–1918)

А. М. ЛУКАШЭВІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Праз прызму каштоўнаснага падыходу разглядаецца рэформа сярэдніх ваенна-навучальных устаноў (кадэцкіх карпусоў) у Расіі, праведзеная пры Часовым урадзе. Апісваюцца асаблівасці стварэння і дзейнасці камісіі па рэарганізацыі ваенна-навучальных устаноў пад кіраўніцтвам генерала З. А. Макшэева. Адзначаецца, што ў сакавіку – ліпені 1917 г. камісія правяла сур'ёзную працу па рэарганізацыі ваеннай школы на шырокіх дэмакратычных пачатках. З 1917/18 навучальнага года ў кадэцкія карпусы быў адкрыты доступ дзецям усіх саслоўяў. Для стварэння роўных умоў пры залічэнні на казённае ўтрыманне былі зніжаны патрабаванні да кандыдатаў, а замест конкурсу была ўведзена сістэма балаціравання. Адзначаецца, што падчас рэформы кадэцкія карпусы былі пераўтвораны ў гімназіі ваеннага ведамства і набылі статус агульнаадукацыйных устаноў (адмянялася прысваенне воінскіх званняў і правядзенне страйвых заняткаў, на ўсе пасады дазвалялася прызначаць грамадзянскіх асоб). Былі прыняты меры па спрашчэнні побыту выхаванцаў і абслугоўванню імі ўласных патрэб, дапускалася стварэнне вучнёўскіх арганізацый. Кіраванне гімназіямі грунтавалася на прынцыпе даверу да персаналу (вырашэннем многіх пытанняў займаўся педагагічны савет). Робіцца выснова аб тым, што прыход бальшавікоў да ўлады ў кастрычніку 1917 г. прывёў да адмовы ад рэформы. Паколькі значная частка прадстаўнікоў кадэцкай супольнасці, сфарміраванай яшчэ пры імператарскай уладзе і выхаванай у манархічным духу, не прызналі савецкай улады, у ліпені 1918 г. гімназіі ваеннага ведамства былі скасаваны.

Ключавыя словы: Часовы ўрад; ваенна-навучальныя ўстановы; кадэцкія карпусы; гімназіі ваеннага ведамства; З. А. Макшэў; рэформа; сістэма балаціравання; педагагічны савет.

REFORM OF SECONDARY MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN RUSSIA AND ITS FATE (1917–1918)

A. M. LUKASHEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article, through the prism of a value approach, examines the reform of secondary military educational institutions (cadet corps) in Russia, carried out under the Provisional Government. The preparatory measures, the creation and activities of the commission for the reorganisation of military educational institutions under the leadership of general Z. A. Maksheev are revealed. It is noted that in March – July 1917, the commission did a lot of work to reorganise the military school on a broad democratic basis. From the 1917/18 academic year, access to the cadet corps was open to children of all classes. In order to create equal conditions for admission to state support, the requirements for exams were lowered, and instead of a competition, a ballot system was introduced. In the course of the reform, the cadet corps were transformed into gymnasiums of the military department and acquired the character of general educational institutions (ranks and drill classes were canceled, weapons and banners were confiscated, and civilians were allowed to fill all positions). Measures were taken to simplify the life of pupils and to serve their own needs, the creation of student organisations was allowed. The management of gymnasiums was established on the principle of trust in the staff (most issues were decided by the pedagogical council). It is concluded that the coming to power in October 1917 of the Bolsheviks led to the rejection of the reform. Since the majority of the cadet community, formed under the imperial government and brought up in a monarchical spirit, did not recognise the Soviet government, the gymnasiums of the military department were abolished in July 1918.

Keywords: Provisional Government; military educational institutions; cadet corps; gymnasium of the military department; Z. A. Maksheev; reform; system of vote; pedagogical council.

Введение

История военного образования в Российской империи начала XX в. уже несколько десятилетий является предметом активного изучения. В постсоветский период различные аспекты этой темы исследовались российскими специалистами С. В. Волковым

(история офицерского корпуса [1]), А. А. Михайловым (особенности управления военным образованием [2]), В. М. Коровиным (развитие системы военного образования) [3]), а также В. В. Ионовым, И. А. Алёхиным и А. В. Чистяковым¹. В то же время

¹Ионов В. В. Подготовка военных кадров в России (XIX – начало XX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 1998. 42 с. ; Алёхин И. А. Развитие теории и практики военного образования в России XVIII – начала XX века : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01. М. : Воен. ун-т, 2004. 48 с. ; Чистяков А. В. Развитие системы военного образования в Российской империи: вторая половина XIX века – начало XX века : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. М. : Воен. ун-т, 2012. 24 с.

реформа военно-учебных заведений, проведенная при Временном правительстве в 1917 г., практически выпала из поля зрения исследователей. Ее изучение оказалось на своеобразном историческом разломе: исследователи имперского периода до нее не доходили, а ученые советского периода уже «не замечали».

Впервые реформа 1917 г. упоминалась еще в диссертации И. В. Обьедкова, посвященной военно-учебным заведениям, которые действовали в России в 1914–1917 гг.² Впоследствии отдельные сюжеты реформы затрагивались в диссертационных исследованиях А. М. Лушников³ и Ф. Д. Тимофеева⁴, проведенных с использованием сравнительного принципа (сопоставление военной школы Российской империи и военной школы РСФСР (СССР)). В частности, А. М. Лушников считал, что попытка российских властей «искусственно отгородить военную школу от общественной жизни, полностью деполитизировать ее сыграла с царизмом злую шутку», поэтому после февраля 1917 г. «втянутые в политический круговорот кадеты, юнкера и слушатели часто терялись и оказывались либо на крайних полюсах,

либо в стороне от основных событий»⁵. В то же время в диссертации А. М. Лушников реформа 1917 г. не нашла должного отражения. Не стала она предметом изучения и в работе Ф. Д. Тимофеева.

Кроме того, реформа военно-учебных заведений 1917 г. упоминалась в публикациях российского историка Е. И. Лелиной [4] и белорусских исследователей А. Л. Самовича (судьба кадетских корпусов в России в 1880–1920-х гг.⁶ [5]), А. М. Лукашевича и В. И. Шайкова (судьба Полоцкого кадетского корпуса и его выпускников [6]) и др.

Таким образом, реформа военно-учебных заведений в России, проведенная в 1917 г. под руководством генерала З. А. Макшеева, представляет несомненный научный интерес. Она позволяет проследить эволюцию общественной мысли в отношении кадетских корпусов в условиях революционной демократизации российского общества.

Цель данной статьи – раскрыть содержание и проследить судьбу реформы средних военно-учебных заведений (кадетских корпусов), проведенной в России при Временном правительстве.

Методология исследования

При подготовке статьи использовался историко-сравнительный метод исследования, а также контент-анализ документов. В основе работы лежит аксиологический подход, ключевым понятием которого выступает ценность [7]. Благодаря ценностному подходу удалось проследить трансформацию субъективации объективных ценностей человеческого сообщества⁷, т. е. превращение их в личностные смыслы применительно к кадетским корпусам в разные периоды российской истории (в период существования Российской империи, между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г., а также в период после прихода большевиков к власти).

Установлено, что в конце XIX – начале XX в. средние военно-учебные заведения (кадетские корпуса) были призваны обеспечивать подготовку детей преимущественно дворянского происхождения к военной службе в целях формирования в обществе надежной опоры для российского самодержавия. Это проявлялось в воспитании кадетов исключительно в милитаристском, монархическом и религиозном

духе. При этом в военно-учебных заведениях отсутствовало сословное и конфессиональное равенство при наборе учащихся и комплектовании преподавательского состава [1, с. 119–125; 6].

После Февральской революции 1917 г. в российском обществе наблюдалась эволюция аксиологических взглядов, в том числе на роль кадетских корпусов. Несмотря на то что в обществе сохранялась сословно-групповая структура, происходил постепенный пересмотр ценностных приоритетов. На первое место вышел лозунг буржуазного общества «Свобода, равенство и братство». В этих условиях представители дворянского сословия утратили привилегированное положение во многих сферах, включая систему военного образования. В новой редакции кодекса «Свод военных постановлений» определялось, что кадетские корпуса призваны предоставлять сыновьям офицеров и солдат «общее образование и воспитание»⁸.

Комиссия под руководством генерала З. А. Макшеева была призвана определить приоритеты в сфере

²Обьедков И. В. Военно-учебные заведения России в 1914–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М. : Моск. гос. ист.-арх. ин-т, 1989. 20 с.

³Лушников А. М. Военно-учебные заведения России в 1861–1941 гг.: социально-политические аспекты развития : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Ярославль : Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 1998. 45 с.

⁴Тимофеев Ф. Д. Военно-учебные заведения России и РСФСР в 1914–1921 годах (состав, деятельность, преемственность) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2008. 26 с.

⁵Лушников А. М. Военно-учебные заведения России в 1861–1941 гг. ... С. 36–37.

⁶Самович А. Л. Кадетские корпуса в России (80-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Минск : БГУ, 2003. 20 с.

⁷Здравомыслов А. Г. Ценности // Философ. слов. / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Республика, 2001. С. 646–647.

⁸Педагогический сборник. 1917. № 5–6, ч. 1. С. 62.

образования. В качестве одного из них признавалась трехступенчатая (по четыре года каждая ступень) школа. Она включала обязательное для представителей всех сословий начальное образование, профессиональное среднее образование (с дополнительной специализацией, в том числе военной) и высшее образование. При этом для воспитанников гимназий военного ведомства (реформированных кадетских корпусов) приоритетными направлениями стали отказ от милитаризма (общегражданская подготовка), сословный и конфессиональный демократизм (право на зачисление на казенное содержание представителей всех сословий и конфессий), гендерное равенство при комплектовании учебных заведений преподавательским составом. Объединяющим ценностным понятием всех сословно-групповых и религиозных слоев общества объявлялась любовь к Отечеству.

Приход большевиков к власти привел к слому имперской сословно-групповой структуры общества и упразднению учебных заведений, обслуживавших интересы ранее привилегированных сословных страт. Данное обстоятельство предопределило судьбу гимназий военного ведомства, которые даже в реформированном виде не отвечали аксиологическим взглядам большевиков и поэтому были упразднены.

Для раскрытия исследуемой проблемы использовался широкий массив документальных источников, прежде всего материалов военного делопроизводства. К последним относятся приказы по «Военному ведомству»⁹ и «военно-учебным заведениям»¹⁰, циркуляры Главного управления военно-учебных заведений Военного министерства (далее – ГУВУЗ)¹¹.

Особый интерес представляют журналы заседаний комиссии по преобразованию военно-учебных заведений (под руководством генерала З. А. Максеева¹²), а также ее итоговые документы в виде положений и правил («Положения по учебно-вос-

питательной части для гимназий военного ведомства на 1917/18 гг. учебный год»¹³, «Правила приема в кадетские корпуса в 1917/18 учебном году казенно-коштных и своекоштных интернов и перечисления своекоштных и приходящих кадет на казенное содержание»¹⁴). Большинство документов были опубликованы в официальной части ведомственного журнала «Педагогический сборник» за 1917–1918 гг., а также на страницах военной газеты «Армия и флот свободной России» за 1917 г.¹⁵

Указанная документация дополнялась ведомственной перепиской ГУВУЗ с руководством кадетских корпусов (например, с руководством Полоцкого кадетского корпуса), которая хранится в НИАБ (ф. 2613 «Полоцкий кадетский корпус»)¹⁶ и РГВИА (ф. 725 «Главное управление военно-учебных заведений»)¹⁷.

Для понимания общественной реакции на реформу военно-учебных заведений важное значение имели материалы Первого Всероссийского съезда деятелей кадетских корпусов в Москве 31 мая – 4 июня 1917 г.¹⁸ (доклады участников, резолюции, хроника событий) и материалы Первого Всероссийского съезда делегатов кадетских корпусов в Петрограде 5–9 июля 1917 г.¹⁹, которые были опубликованы в неофициальной части журнала «Педагогический сборник» и на страницах газеты «Армия и флот свободной России» за 1917 г.²⁰ Дополняют представление об общей атмосфере революционной России 1917 г. мемуарные свидетельства представителей военного сообщества и воспитанников кадетских корпусов (Л. Б. Буйневича²¹, Е. И. Оглоблева²² и др.).

Судьбу гимназий военного ведомства удалось проследить по декретам СНК РСФСР и приказам Народного комиссариата по военным делам (Наркомвоена) РСФСР за 1918 г.²³

В статье все даты до 31 января 1918 г. приводятся по юлианскому календарю, а после 31 января 1918 г. – по григорианскому календарю.

⁹ Педагогический сборник. 1917. № 3–4, ч. 1. С. 18–19; Там же. С. 58–59. (Тексты документов и материалов приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.)

¹⁰ Рос. гос. воен.-ист. арх. (РГВИА). Ф. 725. Оп. 51. Д. 332. Л. 11; Педагогический сборник. 1917. № 3–4, ч. 1. С. 17, 19–21; Там же. № 7–9, ч. 1. С. 85, 86.

¹¹ Педагогический сборник. 1917. № 3–4, ч. 1. С. 21–22; Там же. № 7–9, ч. 1. С. 86–87; Нац. ист. арх. Беларуси (НИАБ). Ф. 2613. Оп. 1. Д. 250. Л. 1.

¹² Педагогический сборник. 1917. № 3–4, ч. 1. С. 38–39; Там же. № 5–6, ч. 1. С. 62–70, 77–80; Там же. № 7–9, ч. 1. С. 92–98.

¹³ Там же. № 7–9, ч. 1. С. 86–92.

¹⁴ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 252. Л. 49–54 об.

¹⁵ Армия и флот свободной России. 1917. № 1–246.

¹⁶ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 239, 250, 252.

¹⁷ РГВИА. Ф. 725. Оп. 51. Д. 332.

¹⁸ П. С. Первый Всероссийский съезд деятелей кадетских корпусов в Москве // Пед. сб. 1917. № 5–6, ч. 2. С. 494–509.

¹⁹ Коноров М. Делегатский съезд кадетских корпусов в Петрограде // Там же. 1917. № 7–9, ч. 2. С. 272–299.

²⁰ Съезд делегатов кадетских корпусов // Армия и флот свобод. России. 1917. № 153. С. 2; Открытие Съезда делегатов кадетских корпусов // Там же. № 155. С. 3; Делегатский съезд по реформе кадетских корпусов (второй день, 6-го июля) // Там же. № 157. С. 3; Делегатский съезд по реформе кадетских корпусов (пятый день, 9-го июля) // Там же. № 161. С. 2–3; Колокольников А. А. Итоги съезда представителей кадетских корпусов // Там же. № 168. С. 2–3.

²¹ Буйневич Л. Вчера // Кадет. переключка. 1976. № 16. С. 39–44.

²² Оглоблев Е. Мой корпус. 1917 // Там же. 1987. № 43. С. 121–123.

²³ РСФСР. Народный комиссариат по военным делам. Предметный указатель приказов Наркомвоена за 1918 год. Петроград: Воен. тип. Всерос. гл. штаба, 1920. 29 с.; Декреты советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Политиздат, 1957. 640 с.; Там же. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Политиздат, 1959. 698 с.

Основная часть

Подготовка реформы. К началу 1917 г. в Российской империи действовал 31 кадетский корпус (включая Морской кадетский корпус и Пажеский корпус). Они представляли собой средние военно-учебные заведения с семилетним сроком обучения. Общее число обучавшихся в них достигало 15 тыс. человек. Главной задачей кадетских корпусов являлась подготовка детей преимущественно дворянского происхождения к военной службе с продолжением обучения в военных училищах, а также призрение детей лиц, погибших или получивших увечье на военной службе [1, с. 119–125].

Февральская революция 1917 г. оказала существенное влияние на судьбу кадетских корпусов. В центре внимания оказался вопрос о принципе комплектования этих учебных заведений. Стремление определенной части военных кругов сохранить привилегированный статус кадетских корпусов (по свидетельству воспитанников данных учебных заведений, в них поддерживался монархический дух²⁴) для подготовки дворянских детей к военной службе уже не отвечало новым реалиям революционной России. Впрочем, реформа была связана не только с общественно-политическими событиями, но и со значительным изменением сословно-групповой

структуры офицерского корпуса за годы Первой мировой войны [1, с. 145–148].

Для проведения реформы кадетских корпусов требовалось участие военных деятелей, не обремененных грузом политического недоверия. По мнению военного и морского министра Временного правительства (3 марта – 5 мая 1917 г.) А. И. Гучкова (рис. 1), реформа не могла осуществляться людьми, преданными царскому правительству, поэтому общероссийская чистка армии затронула и ГУВУЗ.

В марте 1917 г. начальник ГУВУЗ (1910–1917) генерал от инфантерии А. Ф. Забелин (рис. 2) подал рапорт об увольнении «по расстроенному здоровью»²⁵. Так, 23 марта он издал последний приказ, в котором поблагодарил сослуживцев и попрощался с воспитанниками учебных заведений²⁶.

В тот же день военный министр назначил директора Педагогического музея военно-учебных заведений генерал-лейтенанта З. А. Макшеева (рис. 3) временно исполняющим обязанности начальника ГУВУЗ²⁷. Этот выбор был неслучайным. З. А. Макшеев, как директор музея, на протяжении 1906–1917 гг. отвечал за организацию учебно-воспитательного процесса в кадетских корпусах, а также за подготовку преподавателей и воспитателей.

Рис. 1. Александр Иванович Гучков (1862–1936). Фотография. 1910.

Источники: 3-й созыв Государственной думы: портреты, биограф., автографы. СПб.: изд. Н. Н. Ольшанского, 1910. С. 11

Fig. 1. Aleksandr Ivanovich Guchkov (1862–1936). Photo. 1910.

Source: 3rd convocation of the State Duma: portraits, biogr., autographs. St. Petersburg: ed. N. N. Olshansky, 1910. P. 11

Рис. 2. Александр Федорович Забелин (1856–1933), генерал от инфантерии (1911). Фотография. 1914.

Источники: Военная энциклопедия: [в 18 т.] / под ред. Ген. штаба полк. В. Ф. Новицкого, воен. инж. подполк. А. В. фон Шварца [и др.]. [Т. 10]. СПб.: Товарищество И. Д. Сытина, 1914. С. 419

Fig. 2. Aleksandr Fedorovich Zabelin (1856–1933), general of infantry (1911). Photo. 1914.

Source: Military encyclopedia: [in 18 vol.] / ed. by Gen. regimental hqrs. V. F. Novitskii, mil. eng. Lieutenant colonel A. V. fon Shvarts [et al.]. [Vol. 10]. St. Petersburg: Partnersh. of I. D. Sytin, 1914. P. 419

²⁴Оглоблев Е. Мой корпус. 1917. С. 121–122; Буйневич Л. Вчера. С. 42.

²⁵РГВИА. Ф. 725. Оп. 51. Д. 332. Л. 1.

²⁶Педагогический сборник. 1917. № 3–4, ч. 1. С. 19–20.

²⁷Там же. С. 17, 21.

Рис. 3. Захар (Захарий) Андреевич Макшеев (1858–1935), начальник ГУВУЗ, генерал от артиллерии в отставке (1917). Фотография. 1906.
Источник: Русский инвалид: бесплатное иллюстрированное приложение. 1917. № 2. С. 3

Fig. 3. Zakhar (Zakharii) Andreevich Maksheev (1858–1935), head of the Main Directorate of Military Educational Institutions of the Military Ministry, General of Artillery (1917). Photo. 1906.

Source: Russian invalid: free illustrated application. 1917. No. 2. P. 3

Именно З. А. Макшееву помощник военного министра генерал от артиллерии А. А. Маниковский еще 13 марта 1917 г. поручил организовать особую комиссию, которая должна была решить вопрос «о правильной организации военно-учебных заведений»²⁸.

А. И. Гучков 2 апреля 1917 г. издал приказ о принципах замещения высших должностей в военном ведомстве, послуживший основанием для массового увольнения генералов и офицеров. В документе было отмечено: «При назначении на ответственные должности в армии и флоте старый порядок руководствовался принципом старшинства, осложненным целым рядом формальных и канцелярских наслоений. <...> Такая система часто выдвигала на ответственные посты в армии и флоте и центральных учреждениях людей малоспособных, а подчас и совершенно негодных для тяжелой и ответственной перед Родиной работы»²⁹. Министр посчитал необходимым оперативно изменить данный порядок: «В обновляемых военных силах свободной ныне России не должно быть места протекционизму. Только лучшие дарования, проверенные службой, могут дать право продвижения на высшие должности. Устаревшие принципы старшинства и выслуги лет должны быть заменены принципом выдвижения достойнейших»³⁰.

В тот же день, 2 апреля 1917 г., генерал А. Ф. Забелин был уволен (с мундиром и пенсией) «за болезнью», а генерал З. А. Макшеев был назначен начальником ГУВУЗ³¹. Обращаясь 15 апреля с приветствием к служащим военно-учебного ведомства,

новый начальник выразил уверенность в том, что все они, «начиная с ответственных начальников и кончая юнкерами, кадетами и солдатами, найдут в себе достаточно внутренней силы, чтобы отдаться исполнению служебного долга с полным забвением своих личных дел и личных интересов», и призвал «работать не покладая рук, с верой в светлое будущее великой России»³².

Деятельность комиссии З. А. Макшеева. Это была не первая комиссия, перед которой стояла цель реорганизовать кадетские корпуса. Еще в 1906 г., после неудачной русско-японской войны 1904–1905 гг., в особой комиссии при ГУВУЗ поднимался вопрос о необходимости сохранения в ведомстве учебных заведений с общеобразовательным курсом, но тогда кадетские корпуса было решено оставить³³.

Спустя 11 лет судьба этих военно-учебных заведений снова стала главной темой общественного обсуждения. Комиссия под руководством З. А. Макшеева должна была решить вопрос о том, сохранять ли кадетские корпуса как общеобразовательные учебные заведения, и вопрос о том, оставить их под началом военного ведомства или передать в ведение Министерства народного просвещения.

Для работы в комиссии З. А. Макшеев решил привлечь специалистов из столичных военно-учебных заведений. Помощник начальника ГУВУЗ генерал от артиллерии Г. М. Яковлев (рис. 4) 17 марта 1917 г. разослал в кадетские корпуса циркуляр, предписывавший избрать в комиссию своих представителей³⁴.

²⁸Педагогический сборник. 1917. № 3–4, ч. 1. С. 17.

²⁹Там же. С. 18–19.

³⁰Там же.

³¹Там же. С. 18; РГВИА. Ф. 725. Оп. 51. Д. 332. Л. 11.

³²Педагогический сборник. 1917. № 3–4, ч. 1. С. 21.

³³Там же. С. 31.

³⁴Там же. С. 21–22.

Рис. 4. Григорий Михайлович Яковлев (1852–1922), генерал от артиллерии (1915).

Фотография. 1906 (в чине генерал-майора).

Источник: Разведчик (журнал военный и литературный). 1906. № 832. С. 715

Fig. 4. Grigoriy Mikhailovich Yakovlev (1852–1922), artillery general (1915).

Photo. 1906 (with the rank of major general).

Source: Scout (military and literary magazine). 1906. No. 832. P. 715

Рис. 5. Аполлон Николаевич Макаров (1840–1917), генерал от инфантерии в отставке (1906).

Фотография. 1900-е гг.

Источник: Военная энциклопедия : [в 18 т.] / под ред. Ген. штаба полк. В. Ф. Новицкого, воен. инж. подполк. А. В. фон Шварца [и др.]. [Т. 14]. СПб. : Товарищество И. Д. Сытина, 1914. С. 510

Fig. 5. Apollon Nikolaevich Makarov (1840–1917), military teacher, retired infantry general (1906). Photo. 1900s.

Source: Military encyclopedia : [in 18 vol.] / ed. by Gen. regimental hqrs. V. F. Novitskii, mil. eng. Lieuten. colonel A. V. fon Shvarts [et al.]. [Vol. 14]. St. Petersburg : Partnersh. of I. D. Sytin, 1914. P. 510

От военно-учебных заведений Петрограда и конференции педагогических курсов в комиссию были отобраны 28 представителей (директора, воспитатели, ротные командиры, инспекторы классов, преподаватели и медицинские работники). Среди них числились директор Второго кадетского корпуса генерал-лейтенант А. К. Линдеберг, один из основоположников экспериментальной педагогики профессор А. П. Нечаев и др.

По особому приглашению к работе комиссии привлекли опытных военных педагогов: отставного генерала А. Н. Макарова (рис. 5), публициста А. Н. Острогорского, деятеля народного образования, члена Государственной думы от Самарской губернии И. С. Ключева, юриста, общественно-политического деятеля, профессора В. Д. Кузьмина-Караваева, преподавателя Высших женских курсов, историка литературы Я. Л. Барскова, директора гимназии Карла Мая А. Л. Липовского и др. В состав комиссии вошли 44 человека³⁵.

Среди представителей комиссии выделялся опытный генерал от инфантерии в отставке А. Н. Макаров, который ранее возглавлял Вторую Московскую военную гимназию (1877–1878), Вторую Петербургскую военную гимназию (1878–1886), Педагогический музей военно-учебных заведений (1891–1906) и являлся создателем Педагогических курсов для подготовки воспитателей и преподавателей кадетских корпусов (1900).

Уже на первом заседании (28 марта 1917 г.) между членами комиссии возникли разногласия, но с реорганизацией кадетских корпусов было решено не спешить. А. Н. Макаров, один из активнейших членов комиссии, отмечал: «Может быть, кадетские корпуса и неуместны в предстоящем государственном устройстве, но при ликвидации их нужна известная осторожность, и временно они должны быть сохранены, пока не будет выработана общая школа в Министерстве народного просвещения, и пока эта школа не придет в полное устройство»³⁶.

Большинство представителей комиссии высказались за трехступенчатую систему образования (низшая, средняя и высшая ступени), в основании которой лежал принцип преемственности. Предполагалось, что низшая ступень станет обязательной для всех начальной школой и будет представлена четырехлетним высшим начальным училищем. Первые три класса этого училища соответствовали трем классам существовавшей тогда средней школы, а 4-й класс служил последним звеном низшего образования для лиц, не желавших учиться дальше. Среднюю ступень представляли учебные заведения, программа обучения в которых соответствовала четырем старшим классам существовавшей тогда средней школы. При этих учебных заведениях мог-

³⁵Педагогический сборник. 1917. № 3–4, ч. 1. С. 23.

³⁶Там же. С. 38.

ли открываться дополнительные классы или курсы (педагогические, математические, юридические, сельскохозяйственные и др.). Они позволяли получить специальное образование лицам, не желавшим учиться в высших учебных заведениях. Высшую ступень представляли высшие учебные заведения³⁷.

Как видно из предложенного проекта, кадетским корпусам (как средним учебным заведениям с семилетним курсом) в нем места не нашлось. Тем не менее в связи с отсутствием подготовленного педагогического состава для проектируемой сети школ кадетские корпуса было решено сохранить. При этом в организацию их работы следовало внести существенные изменения, а именно открыть представителям всех сословий доступ в закрытые (интернатского типа) учебные заведения и сохранить только старшие классы кадетских корпусов как классы, дающие специальное образование.

В свою очередь, представитель от особой комиссии по построению армии на новых началах (председателем комиссии являлся генерал от инфантерии А. А. Поливанов) подполковник А. Н. де Лазари высказал мысль о том, что после окончания мировой войны значение учебных заведений интернатского типа возрастет, поэтому нельзя отказываться от кадетских корпусов.

Чтобы благотворительность не шла в разрез с задачами военно-учебных заведений, многие из членов комиссии высказывались за строгое отделение пансионно-приютов (как подготовительных школ для средних учебных заведений) от учреждений специального образования³⁸.

В конце 1-го заседания комиссии З. А. Макшеев подвел итоги. Во-первых, было признано принципиально правильным, что подготовка будущих офицеров будет проводиться в единой для всех граждан средней школе. Во-вторых, определялась нежелательной передача общеобразовательных учебных заведений военного ведомства (кадетских корпусов) в ведение Министерства народного просвещения. В-третьих, интернаты считались необходимостью для армии³⁹.

На 2-м заседании комиссии, состоявшемся 6 апреля 1917 г., были внесены изменения в статью Свода военных постановлений, касающуюся предназначения кадетских корпусов. В новой редакции она гласила: «Кадетские корпуса имеют целью доставлять малолетним, преимущественно сыновьям заслуженных воинских чинов – офицеров и солдат, общее образование и воспитание»⁴⁰.

Наиболее остро стоял вопрос о порядке приема учащихся в кадетские корпуса. Мнения членов комиссии разделились: одни выступали за прием на конкурсной основе, другие – за прием по системе баллотирования. Конкурс предусматривал, что между претендентами на казенные вакансии в пределах каждого разряда проводилось соревнование (экзамен), позволявшее отобрать наиболее способных кандидатов. Применение жеребьевки давало возможность отобрать из списков претендентов столько человек, сколько имелось вакансий. Противники конкурсного приема мотивировали свою позицию следующим образом: «Для детей солдат – тех же крестьян – конкурс явится непосильным: они не в состоянии соперничать с хорошо подготовленными и бойкими городскими детьми. Если же конкурс ставит детей солдат в невыгодное положение, то он препятствует достижению главной цели – демократизации кадетских корпусов»⁴¹. В результате голосования 14 членов комиссии высказались за прием на конкурсной основе, 13 членов комиссии выступали за прием по системе баллотирования, 1 член комиссии воздержался от ответа⁴².

Результаты голосования вызвали несогласие А. Н. Макарова, который 8 апреля 1917 г. высказал свое мнение. Он подверг сомнению итоги заседания, поскольку из 44 членов комиссии в голосовании участвовали только 28 членов. Заслуженный военный педагог еще раз сделал акцент на том, что деревенские дети будут испытывать психологическое давление при конкурсном отборе и что это не позволит им успешно пройти экзамен⁴³.

На 3-м заседании (10 апреля 1917 г.) комиссия рассмотрела проект документа «Порядок комплектования кадетских корпусов», принятый подкомиссией 8 апреля 1917 г. В проект документа были внесены некоторые изменения, затем его отправили на доработку⁴⁴.

На 4-м заседании комиссии (13 апреля 1917 г.) по настоянию А. Н. Макарова было проведено пере голосование по вопросу о порядке приема в кадетские корпуса. На этот раз большинство членов комиссии высказались за прием на основе баллотирования. Окончательный вариант правил должно было выработать 1-е (инспекторское) отделение ГУВУЗ, которому затем необходимо было представить его на утверждение⁴⁵. Данное решение стало последним вкладом А. Н. Макарова в преобразование кадетских корпусов, так как 27 апреля 1917 г. педагог скончался.

³⁷ Педагогический сборник. 1917. № 3–4, ч. 1. С. 38–39.

³⁸ Там же. С. 41.

³⁹ Там же. С. 40–41.

⁴⁰ Там же. № 5–6, ч. 1. С. 62.

⁴¹ Там же. С. 68.

⁴² Там же. С. 70.

⁴³ Там же. С. 79–80.

⁴⁴ Там же. С. 77–78.

⁴⁵ Там же. № 7–9, ч. 1. С. 92, 97–98.

Первые изменения в военно-учебных заведениях начались 22 апреля 1917 г., когда кадетские корпуса и военные училища утратили свои почетные наименования (императоров и особ императорской фамилии) и стали носить, как и прежде, названия городов, в которых располагались⁴⁶. При этом Пажеский корпус был переименован в Петроградский кадетский корпус⁴⁷.

В мае 1917 г. до сведения кадетских корпусов были доведены изменения в программах на предстоящий учебный год. В циркуляре ГУВУЗ отмечалось, что «ввиду того, что с будущего учебного года в кадетские корпуса будет приниматься контингент таких малолетних, для которых подготовка к экзамену в 1-й класс по французскому языку явилась бы крайне затруднительной», с разрешения военного министра данный экзамен отменяется⁴⁸. В связи с этим предписывалось увеличить количество часов по французскому языку в 1-м классе с четырех до шести, обучение немецкому (английскому) языку начать со 2-го класса, а количество часов по этому предмету также увеличить с четырех до шести. Географию следовало изучать не во 2-м классе, а в 1-м. В целом количество часов в 1-м и 2-м классах осталось прежним, несколько изменилось только расписание предметов⁴⁹.

Правила приема в кадетские корпуса в 1917/18 учебном году казеннокоштных и своекоштных интернов и перечисления своекоштных и приходящих кадет на казенное содержание незамедлительно были разосланы во все учебные заведения после утверждения⁵⁰.

Однако уже в мае 1917 г. в военном ведомстве произошли серьезные кадровые перестановки. Так, 5 мая 1917 г. пост военного и морского министра занял А. Ф. Керенский. Смена руководства в Военном министерстве повлекла перестановку кадров и в ГУВУЗ. Директором Педагогического музея военно-учебных заведений 13 мая 1917 г. был назначен генерал-лейтенант В. В. Квадри, ранее (1906–1917) являвшийся директором Николаевского кадетского корпуса⁵¹. Он же с 14 июня 1917 г. возглавил учительские и воспитательские курсы при ГУВУЗ⁵².

«По расстроенному здоровью» 10 июня был отправлен в отставку помощник начальника генерал от артиллерии Г. М. Яковлев⁵³. На его место 13 июля был назначен генерал-майор С. Д. Быстревский⁵⁴, ранее являвшийся директором (1914–1917) Второго Московского кадетского корпуса. Генералом для поручений при ГУВУЗ 10 июня 1917 г. был назначен

редактор (1910–1918) журнала «Педагогический сборник» генерал-майор И. С. Симонов (с сохранением должности редактора журнала)⁵⁵. Именно эти должностные лица претворяли в жизнь решения комиссии под руководством З. А. Макшеева.

Определение категорий учащихся и порядок приема в кадетские корпуса. Согласно правилам приема в кадетские корпуса на казенное содержание после сдачи вступительного экзамена (на основе баллотирования) зачислялись кандидаты, принадлежавшие к одному из девяти разрядов.

К 1-му разряду относились сироты – дети военных чинов (офицеров, солдат и матросов), военных и военно-морских врачей, военных и военно-морских чиновников, представителей духовенства армии и флота, а также сироты – дети лиц, погибших от несчастных случаев на заводах и в лабораториях по изготовлению взрывчатых веществ, удушливых и ядовитых газов и снарядов с этими веществами (для военных нужд), и представителей военно-санитарного и военно-ветеринарного персонала, убитых на войне или умерших от ран, контузий, увечий, отравления удушливыми газами и болезней, полученных на войне. Ко 2-му разряду были отнесены дети, потерявшие одного родителя из тех же категорий лиц, к 3-му разряду – дети лиц, причисленных к 1-му классу Александровского комитета о раненых (инвалидов 1-й группы), к 4-му разряду – дети лиц, причисленных ко 2-му классу Александровского комитета о раненых (инвалидов 2-й группы), к 5-му разряду были отнесены сироты – дети лиц, причисленных к 3-му классу Александровского комитета о раненых, и лиц, представленных в перечне 1-го разряда, которые умерли при исполнении служебных обязанностей на действительной военной и военно-морской службе. Далее шли дети лиц, получивших воинские отличия. К 6-му разряду относились дети лиц, награжденных орденом Святого Георгия, к 7-му разряду – дети лиц, получивших георгиевское оружие, к 8-му разряду – дети офицеров, военных и военно-морских врачей, военных и военно-морских чиновников, награжденных орденами (или георгиевскими крестами), дети представителей военного и военно-морского духовенства, награжденных наперстными крестами на георгиевской ленте, а также дети солдат и матросов, награжденных георгиевскими крестами. К 9-му разряду причислялись дети лиц, представленных в перечне 8-го разряда (в том числе дети кандидатов на

⁴⁶Педагогический сборник. 1917. № 5–6, ч. 1. С. 58–59.

⁴⁷Там же. С. 59.

⁴⁸НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 250. Л. 1.

⁴⁹Там же.

⁵⁰Там же. Д. 252. Л. 49–54 об.

⁵¹Педагогический сборник. 1917. № 7–9, ч. 1. С. 85.

⁵²Там же.

⁵³Там же. С. 86.

⁵⁴Там же.

⁵⁵Там же.

классную должность), которые находились на действительной военной или военно-морской службе не менее 10 лет, а также сверхсрочнослужащих солдат, которые прослужили не менее 5 лет (впоследствии 10 лет) сверх срока⁵⁶.

Право на поступление в кадетские корпуса сверх штата в качестве бесплатных приходящих имели дети всех служащих в военно-учебных заведениях (при условии службы в кадетских корпусах не менее 10 лет и наличия свободных мест в классах)⁵⁷.

Все кандидаты допускались к медосмотру и экзамену на казенные места в результате баллотирования. При этом лица, отнесенные к более высокому разряду, имели больше возможностей получить место (см. таблицу).

Своекоштные кадеты, пробывшие в корпусе три года и перешедшие в следующий класс, переводились из числа имевших право на казенное содержание в число казеннокоштных без баллотирования (по желанию лиц, определивших их в корпус). Перевод остальных своекоштных кадет на казенное содержание, а также перевод учащихся из одного корпуса в другой проводился на основе баллотирования по соответствующим разрядам (за исключением

случаев перевода по педагогическим соображениям или из-за климатических условий)⁵⁸.

Для зачисления ребенка в кадетский корпус его родители или опекуны должны были до 1 июля подать директору корпуса прошение и документы, подтверждавшие право на казенное содержание учащегося. Директор корпуса проводил разверстку казенных вакансий по разрядам. Данная процедура заключалась в следующем: составлялись списки кандидатов по каждому разряду, определялось количество казенных вакансий (складывалось из некомплекта лиц к концу курса, уволенных в связи с окончанием обучения, и ожидаемого числа отчисленных по причине неустойчивости), вакансии распределялись по установленной норме пропорций, незанятые вакансии распределялись вновь по общим правилам (см. таблицу).

Для определения числа казенных вакансий, отнесенных к указанным разрядам, число кандидатов в каждом разряде умножалось на коэффициент, представляемый каждому разряду (большей или меньшей вероятности выпадения жребия). В частности, число кандидатов 1-го разряда умножалось на коэффициент увеличения 2, а количество кандидатов 9-го разряда – на коэффициент увеличения 1.

Правила распределения казенных вакансий для баллотирования между различными разрядами кандидатов

Rules for the distribution of state vacancies for balloting between different categories of candidates

Разряд	Количество кандидатов в разряде, чел.	Коэффициент увеличения	Удельный вес кандидатов, чел.	Общее количество вакансий
1	15	2	30	10
2	6	$1\frac{7}{8}$	11	3
3	28	$1\frac{6}{8}$	49	15
4	3	$1\frac{6}{8}$	5	2
5	27	$1\frac{4}{8}$	40	13
6	5	$1\frac{3}{8}$	7	2
7	4	$1\frac{2}{8}$	5	2
8	20	$1\frac{1}{8}$	22	8
9	32	1	32	10
<i>Всего</i>	<i>140</i>	–	<i>201</i>	<i>65</i>

Примечание. Составлено по: НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 252. Л. 50, 54–54 об.

Например, если общее число вакансий составляло 65, а количество кандидатов в разрядах достигало 140, то распределение осуществлялось следую-

щим образом. Чтобы распределить 65 вакансий между малолетними лицами девяти разрядов, необходимо было умножить количество кандидатов

⁵⁶ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 252. Л. 49–49 об.

⁵⁷ Там же. Л. 49 об.

⁵⁸ Там же.

в каждом разряде на коэффициент увеличения, что давало удельный вес кандидатов. Затем 65 вакансий следовало умножить на удельный вес каждого разряда и разделить на удельный вес всех кандидатов. В итоге каждому разряду соответствовало определенное количество вакансий. При этом на одну вакансию приходилось 1,5 кандидата в 1-м разряде (15:10) и 3,2 кандидата в 9-м разряде (32:10). Таким образом, кандидат 1-го разряда имел более высокую (в два раза) вероятность замещения вакансии, чем кандидат 9-го разряда, а для всех остальных кандидатов такая вероятность отличалась на $\frac{1}{8}$ коэффициента увеличения между 1-м и 9-м разрядами⁵⁹.

Баллотирование производилось под наблюдением директоров или инспекторов классов при участии избираемых депутатов из числа родителей (попечителей). В Петрограде, Москве и Оренбурге, где было несколько кадетских корпусов, баллотирование осуществлялось следующим образом: в Петрограде – при Первом кадетском корпусе, в Москве – при Третьем Московском кадетском корпусе, в Оренбурге – при Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. При этом все вакансии суммировались, а распределение по корпусам одного города производилось после баллотирования с учетом поданных в тот или иной корпус заявлений.

Баллотирование на вакансии, установленные для каждого разряда, проводилось до последней вакансии в пределах каждого разряда, чтобы в случае открытия вакансий (если, например, кто-то не выдержал экзамена или оказался непригодным по причине плохого здоровья) их замещение проходило на законных основаниях. Замещение вакансий производилось до 1 октября.

В случае если все вакансии были заполнены, родители могли подавать на имя директора заявления об определении своих детей в другие корпуса. Эти заявления вместе со сведениями о вакансиях и списками забаллотированных (с указанием адресов родителей, разрядов баллотирования и классов) подавались в ГУВУЗ. В тех корпусах, где оставались вакансии, повторное баллотирование не производилось, а замещение осуществлялось на основании поданных в ГУВУЗ списков.

Кроме того, директора кадетских корпусов по своему усмотрению могли принимать некоторое число воспитанников сверх штата в случае освобождения вакансий в начале учебного года по непредвиденным обстоятельствам. О результатах приема директора сообщали в ГУВУЗ до 1 сентября⁶⁰.

В качестве своекоштных принимались дети всех российских граждан при условии, что число кадет в классных отделениях соответствующих возрастов не превышало 35 человек. Преимущественным правом на своекоштное зачисление пользовались дети, не попавшие по баллотированию на казенное содержание (в порядке очередности разрядов). За ними следовали лица, имеющие право на поступление в кадетские корпуса в качестве бесплатных приходящих, а затем все прочие. В случае если количество желающих поступить в качестве своекоштных превышало число вакансий, прием осуществлялся «по старшинству полученных отметок»⁶¹.

В сопроводительных письмах ГУВУЗ от 26 мая 1917 г. директорам кадетских корпусов предписывалось немедленно приступить к приему прошений и провести баллотирование до 1 августа. Приемные экзамены следовало организовать с таким расчетом, «чтобы учебный год мог начаться в обычное время»⁶².

В большинстве учебных заведений экзамены прошли в августе. Например, в Полоцком кадетском корпусе (гимназии военного ведомства) первые 17 воспитанников нового набора были зачислены 31 августа 1917 г.⁶³, а еще 12 человек были приняты по предписанию ГУВУЗ 9 октября 1917 г.⁶⁴

Педагогические съезды в Москве и Петрограде. Значительную помощь в работе комиссии под руководством З. А. Макшеева оказали резолюции Первого Всероссийского съезда деятелей кадетских корпусов. Мероприятие проходило в Москве 31 мая – 4 июня 1917 г. в здании Третьего Московского кадетского корпуса. Основное внимание участники съезда сосредоточили на вопросах реорганизации средних военно-учебных заведений. Именно этой проблеме было посвящено большинство докладов делегатов (Б. П. Винокурова, К. И. Шампенуа, В. В. Покровского, В. В. Орлова и др.)⁶⁵.

По наблюдению военного педагога М. И. Конорова, на московском съезде произошла «первая товарищеская встреча деятелей кадетских корпусов, свободно делившихся мыслями о наболевших нуждах и надеждами на светлое будущее»⁶⁶. Таким образом, форум отличался непринужденной обстановкой.

В Петрограде 5–9 июля 1917 г. прошел Первый Всероссийский съезд делегатов кадетских корпусов (далее – Делегатский съезд). В его работе участвовало более 100 человек⁶⁷. Впоследствии принятые на съезде важные решения использовались комиссией под руководством З. А. Макшеева при доработке

⁵⁹ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 252. Л. 50, 54–54 об.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. Л. 54.

⁶² Там же. Л. 50 об.

⁶³ Там же. Д. 239. Л. 20 об.

⁶⁴ Там же. Д. 252. Л. 142 об.

⁶⁵ П. С. Первый Всероссийский съезд деятелей кадетских корпусов в Москве. С. 494–509.

⁶⁶ Коноров М. Делегатский съезд кадетских корпусов в Петрограде. С. 272–299.

⁶⁷ Колокольников А. А. Итоги съезда представителей кадетских корпусов. С. 2–3.

документов. Председателем организационного комитета съезда являлся редактор журнала «Педагогический сборник» генерал-майор И. С. Симонов, он же был избран председателем съезда⁶⁸.

В ходе заседаний съезда, которые проходили в Первом кадетском корпусе, делегаты обсуждали самые разные вопросы: комплектование гимназий военного ведомства преподавателями (докладчик Б. М. Боровский), проведение собраний педагогического совета (В. П. Буданов), деятельность предметных комиссий (Д. А. Александров), балльная оценка (Б. М. Боровский), применение наказаний (Р. П. Сульменев), образование ученических организаций и товарищеских судов (Д. А. Александров), деятельность родительских комитетов (Д. М. Левшин), работа вспомогательных школ (М. И. Коноров), использование наглядных пособий и посещение Педагогического музея военно-учебных заведений (В. П. Буданов), физическое воспитание и образование учащихся в средней школе (А. А. Крутецкий), врачебно-санитарное обеспечение (П. И. Кокин), изменения по хозяйственно-административной части (В. Н. Никитин) и др. Многие из этих вопросов вызвали острые дискуссии⁶⁹.

В частности, при обсуждении балльной оценки знаний были высказаны мнения в пользу 2-, 3-, 5- и 12-балльной системы. Однако большинство делегатов поддержали 5-балльную систему. Была принята соответствующая резолюция, в которой отмечалось, что до коренного пересмотра вопроса с начала 1917/18 учебного года следует руководствоваться следующими изменениями в оценке знаний: 12-балльная система заменяется на 5-балльную, баллы выставляются не как оценка занятий воспитанников за определенный период времени, а как оценка усвоения ими отдельного курса⁷⁰.

Важной была резолюция съезда и по вопросу о наказаниях. В ней отмечалось, что «правильная постановка дела воспитания требует применения не наказаний, но мер, предупреждающих проступки», а если в интернатах с большим количеством учащихся от наказаний отказаться нельзя, то «последние должны основываться... на принципе нравственного воздействия и считаться с индивидуальными особенностями воспитанников»⁷¹.

Значительное число участников Делегатского съезда признали его важную роль в подготовке положений

для учебно-воспитательной части на 1917/18 учебный год⁷². Впрочем, делегаты отмечали, что этот съезд «не отличался тем эмоциональным подъемом, который замечался на съезде в Москве»⁷³. По мнению военного педагога М. И. Конорова, который готовил отчет о съезде для журнала «Педагогический сборник», причины заключались в следующем. Во-первых, «тревожность момента, обусловленная тяжелыми событиями на фронте и в столице (речь шла о неудачном летнем наступлении 1917 г. и последовавшем за ним правительственном кризисе 3–5 июля. – А. Л.), не могла не действовать удручающе на участников съезда», во-вторых, «сама сущность съезда, как делегатского, придавала ему несколько особый характер»⁷⁴. По наблюдению М. И. Конорова, Делегатский съезд в Петрограде носил более деловой характер, поскольку каждый докладчик выступал не только от себя, но и от имени направившего его учебного заведения. Кроме того, перед съездом стояла задача прийти к определенным результатам, отраженным в точных и понятных формулировках резолюций. И с этой задачей съезд справился: большинство из резолюций были приняты единогласно или со значительным числом голосов⁷⁵.

На рождественских каникулах 1917–1918 гг. в Москве планировалось провести очередной съезд учителей средней школы военного ведомства⁷⁶. Однако он не состоялся.

Новая организация военных гимназий. Итоговые резолюции Делегатского съезда в Петрограде были учтены при доработке документа «Положения по учебно-воспитательной части для гимназий военного ведомства на 1917/18 учебный год», который 7 августа 1917 г. утвердил военный и морской министр А. Ф. Керенский. Рассылая документ директорам кадетских корпусов, начальник ГУВУЗ предлагал принять его к руководству. Приступить к выполнению указаний необходимо было с началом занятий. Иные вопросы, которые поднимались на Делегатском съезде, подлежали уточнению в будущем. Генерал З. А. Макшеев просил приложить все усилия, чтобы начать учебный год в спокойной обстановке, в полном составе преподавателей и воспитателей. На это была направлена деятельность педагогического совета учебного заведения, наделенного новыми правами. Педагогический совет должен был «содействовать разъяснению воспитанникам

⁶⁸Открытие съезда делегатов кадетских корпусов. С. 3.

⁶⁹Коноров М. Делегатский съезд кадетских корпусов в Петрограде. С. 272–299.

⁷⁰Там же. С. 280.

⁷¹Там же.

⁷²Делегатский съезд по реформе кадетских корпусов (второй день, 6-го июля). С. 3 ; Делегатский съезд по реформе кадетских корпусов (пятый день, 9-го июля). С. 2–3 ; Колокольников А. А. Итоги съезда представителей кадетских корпусов. С. 2–3.

⁷³Коноров М. Делегатский съезд кадетских корпусов в Петрограде. С. 299.

⁷⁴Там же.

⁷⁵Там же.

⁷⁶Там же. С. 295.

необходимости новых условий жизни, дабы и они сознательно приступили к делу в серьезном и спокойном настроении»⁷⁷.

Согласно новым положениям кадетские корпуса переименовывались в гимназии военного ведомства. Учебный курс должен был проходить по существовавшим программам (до их переработки в ГУВУЗ). Воспитание в гимназиях следовало организовывать на «широких демократических началах с полным отказом от прежнего предназначения воспитания к военной службе»⁷⁸.

Деление воспитанников гимназий на возрастные группы сохранялось, но отменялось именование их ротами. При этом упразднялась строевая организация в старшем возрасте, а также отменялись должности воспитанников и ротных командиров. До учреждения должностей инспектора воспитанников (помощника директора по воспитательской части) и начальника хозяйственной части (директора по хозяйственной части) обязанности старших воспитателей возлагались на ротных. Они объединяли деятельность воспитателей соответствующего возраста, но без власти над ними. Старшие воспитатели освобождались от дежурства по возрастам (назначались только на дежурство по гимназии). Преподаватели, имевшие педагогическую практику, при ограниченном числе уроков (до 15) могли занимать должности воспитателей с соответствующим денежным содержанием, а также получали право на казенные квартиры⁷⁹.

Учащимся гимназий военного ведомства под руководством педагогического совета разрешалось проводить собрания, создавать организации (бытовые, просветительные, спортивные или преследующие цели нравственного и эстетического порядка), а воспитанникам старшего возраста – проводить и товарищеский суд. Деятельность разного рода организаций в гимназиях признавалась важным фактором «социального воспитания учащихся», однако она не должна была нарушать «принципиального взгляда на школу, как на общегосударственное образовательное и воспитательное учреждение, стоящее вне программ, деятельности и борьбы политических партий»⁸⁰.

Новые положения предписывали упростить быт воспитанников в смысле их самообслуживания, но не в ущерб учебе (ранее в кадетских корпусах существовали так называемые служительские роты из нижних чинов). Кроме того, предлагалось обратить особое внимание «на внедрение в воспитанниках чувства уважения к личности, что ближайшим образом должно отразиться на их отношениях к прислуге,

на бережливое отношение воспитанников к казенному имуществу, как составляющему народное достояние, и на искоренение в них привычки к барству»⁸¹.

Занятия гимнастикой, танцами, пением, музыкой, ручным трудом, фехтованием, стрельбой и плаванием должны были проводиться во внеклассное время. Строевые занятия сохранялись лишь в минимальном объеме, необходимом «по условиям жизни интерната для передвижения групп воспитанников»⁸².

Функции педагогического комитета отныне должны были выполнять педагогические советы, положение о которых подлежало специальному утверждению. В педагогический совет входили директор (председатель), инспектор классов, старшие воспитатели (бывшие ротные), воспитатели, помощник инспектора классов, законоучители (преподаватели Закона Божия) и преподаватели всех предметов курса (в том числе частные), врачи и представители родительского комитета (при его учреждении). Чины административно-хозяйственного состава участвовали в заседаниях педагогического совета по приглашению директора и только при обсуждении проблем, связанных с их деятельностью.

В компетенцию педагогического совета входили следующие вопросы: прием гимназистов, перевод их из класса в класс, их увольнение и выпуск из заведения, выдача аттестатов и свидетельств учащимся и лицам, сдавшим экзамены при гимназии, обсуждение успеваемости и поведения воспитанников, а также мер наказания по отношению к ним, утверждение внутреннего распорядка и расписания занятий, формирование классов (по возрастам) и классных отделений, распределение уроков между преподавателями и классных отделений между воспитателями, избрание представителей в учебные и воспитательские комиссии и утверждение постановлений этих комиссий, выбор учебных руководств и пособий из числа рекомендованных ГУВУЗ, а также книг для наполнения фундаментальных и возрастных библиотек⁸³.

На должности штатных частных преподавателей педагогический совет имел право избирать лиц, отвечающих требованиям Свода военных постановлений. Отныне в качестве частных учителей к преподаванию всех предметов наравне с мужчинами допускались женщины. Педагогический совет также получал право избирать на должности воспитателей лиц из числа преподавателей и военных, проявлявших способности к педагогической деятельности. Совету предоставлялось право намечать кандидатов на должности директоров и инспекторов классов, причем эти сведения необходимо было

⁷⁷ Педагогический сборник. 1917. № 7–9, ч. 1. С. 86–87.

⁷⁸ Там же. С. 87.

⁷⁹ Там же. С. 87–88.

⁸⁰ Там же. С. 88.

⁸¹ Там же. С. 89.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. С. 89–90.

предоставить в ГУВУЗ до 1 февраля 1918 г. для утверждения общего кандидатского списка. В тех заведениях, где должность помощника инспектора классов была вакантной, педагогический совет избирал секретаря совета и библиотекаря.

Заседания совета считались состоявшимися при условии присутствия половины его членов. Решения принимались большинством голосов. Однако для решения вопросов, связанных с избранием на воспитательские и иные должности, а также при увольнении и выпуске воспитанников необходимо было присутствие абсолютного большинства членов совета (двух третей), а кворум должен был составлять три четверти его списочного состава⁸⁴.

Для регулирования и взаимного согласования преподавания дисциплин, внеклассных занятий и физического образования педагогический совет создавал предметные комиссии. В их состав входили директор, инспектор, его помощник и все преподаватели соответствующей группы предметов. В комиссии могли приглашаться и специалисты со стороны с правом совещательного голоса. Предметные комиссии разрабатывали учебные планы, а также согласовывали требования к учащимся, методику проверки знаний и др. В случае необходимости директор мог созывать специальные совещания по частным вопросам воспитания и обучения⁸⁵.

Для оценки знаний учащихся вместо 12-балльной системы вводилась 5-балльная. Поведение воспитанников, создание ученических организаций и проведение товарищеских судов предполагалось обсудить на заседаниях педагогических советов для дальнейшего рассмотрения в ГУВУЗ⁸⁶.

В эпицентре политической борьбы. Многие вопросы, которые затрагивали армию в условиях революции, не могли обойти стороной и гимназии военного ведомства. Это были как частные вопросы (о форме одежды и погонах), так и глобальные (воспитание в воинском духе). Именно на это были направлены циркуляры ГУВУЗ. Так, предписание о разрешении воспитанникам 6-х и 7-х классов курить в специально отведенных местах можно рассматривать как частичную демократизацию⁸⁷, а циркуляр о ношении воспитанниками старой формы одежды – как попытку снять вопрос о дополнительных финансовых расходах⁸⁸.

С началом 1917/18 учебного года у воспитанников 6-х и 7-х классов изымались штыки, а имевшиеся в корпусах винтовки по приказу военного министра генерал-майора Г. А. Якубовича (рис. 6) подлежали сдаче на артиллерийские склады. Для обучения стрельбе в гимназиях оставлялось по пять трехлинейных винтовок со штыками и учебное оружие⁸⁹.

Рис. 6. Военный министр Александр Федорович Керенский с помощниками.
Фотография К. К. Буллы. Август 1917 г. Слева направо: В. Л. Барановский, Г. А. Якубович,
Б. В. Савинков, А. Ф. Керенский, Г. Н. Туманов.
Источники: <https://commons.wikimedia.org>

Fig. 6. War Minister Aleksandr Fedorovich Kerenskii with his assistants.
Photo by K. K. Bulla. 1917 August. From left to right: V. L. Baranovskii, G. A. Yakubovich,
B. V. Savinkov, A. F. Kerenskii, G. N. Tumanov.
Source: <https://commons.wikimedia.org>

⁸⁴ Педагогический сборник. 1917. № 7–9, ч. 1. С. 90–91.

⁸⁵ Там же. С. 91.

⁸⁶ Там же. С. 92.

⁸⁷ Там же. № 10–11, ч. 1. С. 120.

⁸⁸ Там же. С. 121–122.

⁸⁹ Там же.

Выступление в августе 1917 г. Верховного главнокомандующего (19 июля – 29 августа 1917 г.) генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова было поддержано многими военными, в том числе в ГУВУЗ. Провал корниловщины обусловил новые кадровые перестановки в ведомстве. Так, 3 сентября 1917 г. от должности был освобожден генерал З. А. Макшеев. Его отставка объяснялась «расстроеным здоровьем» [4, с. 194]. Так, З. А. Макшеев 29 сентября был произведен в генералы от артиллерии с увольнением в отставку (с мундиром и пенсией).

Лишенный возможности попрощаться с сослуживцами в форме приказа, З. А. Макшеев обратился в редакцию журнала «Педагогический сборник». В рубрике «Письмо в редакцию» отставной генерал дал краткий обзор проделанной за пять месяцев работы: «Собранная мною на выборном принципе комиссия, в которую вошли как деятели в.у.з., так и выдающиеся педагоги и общественные деятели, без всяких колебаний приступила к коренному переустройству нашей школы на демократических началах. <...> Все мероприятия, намеченные руководимой мною комиссией, встретили полное сочувствие Делегатского Съезда деятелей кадетских корпусов, созванного в Петрограде в июле. Это единодушное Съезда дает мне право заключить, что Комиссия по реорганизации в.у.з. шла верным путем»⁹⁰.

Новым руководителем ГУВУЗ 28 сентября 1917 г. был назначен директор Алексеевского военного училища (1909–1917) генерал-лейтенант Н. А. Хамин (рис. 7). В должности он был утвержден только 8 декабря 1917 г. [4, с. 194]. Во главе ГУВУЗ Н. А. Хамин оставался до 20 февраля 1918 г.

Рис. 7. Николай Александрович Хамин (1864 г. – после 1923 г.), генерал-лейтенант (1915). Фотография. 1900-е гг.

Источник: <http://ria1914.info>

Fig. 7. Nikolai Aleksandrovich Khamin (1864 – after 1923), lieutenant general (1915). Photo. 1900s.

Source: <http://ria1914.info>

Ликвидация гимназий военного ведомства. Низложение Временного правительства в октябре 1917 г. и приход к власти большевиков ускорили слом российского военного механизма.

Главным комиссаром военно-учебных заведений Российской республики 16 ноября 1917 г. был назначен польский социалист и бывший штабс-капитан лейб-гвардии Гренадерского полка И. Л. Гинтовт-Дзевалтовский (рис. 8). Вскоре в гимназиях военного ведомства начались необратимые изменения. Прежде всего установление нового революционного порядка коснулось внешнего вида воспитанников. На заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета 10 ноября 1917 г. было решено упразднить все военные чины и звания, связанные с ними преимущества и титулования, а также отменить наружные знаки отличия (погоны, нашивки, аксельбанты) и ордена. Об этом 3 декабря 1917 г. было объявлено приказом № 11 по Петроградскому военному округу. Декрет СНК РСФСР «Об уравнивании в правах всех военнослужащих» от 16 декабря 1917 г. отменил военные чины, ордена и знаки отличия во всероссийском масштабе⁹¹ [8, с. 382–384].

Во исполнение указанных решений директорам гимназий военного ведомства предписывалось принять соответствующие меры в отношении всех офицеров, военных чиновников и воспитанников. Уже 24 января 1918 г. учащимся гимназий указывалось снять погоны, срезать петлицы, заменить кокарды на металлические или трафаретные буквы (с названием учебного заведения), а пуговицы с гербом на костяные или обшитые материей пуговицы. Подобные действия советской власти вызвали недовольство и саботаж со стороны персонала гимназий военного ведомства (отказ выполнять служебные обязанности, протестные увольнения). В ответ главный комиссар И. Л. Гинтовт-Дзевалтовский пригрозил отдать всех саботажников под суд, что привело к возвращению некоторых преподавателей. Однако доверия к гимназиям военного ведомства у новых властей не прибавилось. Комиссарам военно-учебных заведений предписывалось «строго следить» за персоналом гимназий, а в случае выявления попыток противодействия советской власти немедленно принимать «энергичные меры» [5, с. 25–30].

Поскольку новая власть встретила в гимназиях военного ведомства непримиримую оппозицию, советское правительство отказалось от дальнейшего реформирования этих учебных заведений и предложило передать их в ведение Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) РСФСР. В связи с этим ГУВУЗ подлежал упразднению. Впрочем, этот процесс растянулся на несколько месяцев.

⁹⁰Макшеев З. А. Письмо в редакцию // Пед. сб. 1917. № 7–9, ч. 2. С. 301–302.

⁹¹Декреты советской власти. Т. 1. С. 243.

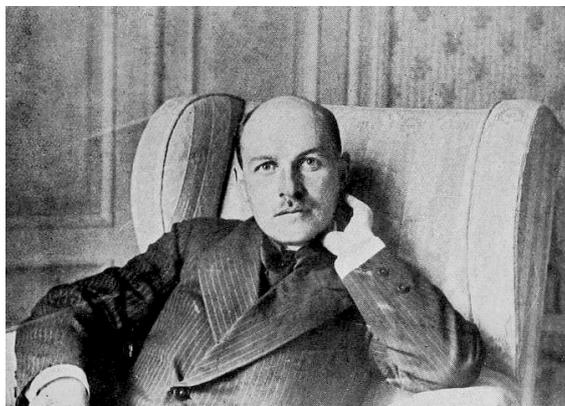

Рис. 8. Игнатий Леонович Гинтовт-Дзевалтовский (1888–1935). Фотография. 1920-е гг.
Источник: Белый архив : сб. материалов по истории и лит. войны, революции, большевизма, бел. движения и т. п. : в 2 т. / под ред. Я. М. Лисового.
Т. 1. Париж : [б. и.], 1926. Вклейка между с. 32 и 33

Fig. 8. Ignatii Leonovich Gintovt-Dzevaltovskii (1888–1935). Photo. 1920s.
Source : White archive : collect. of mater. on the hist. and lit. of the war, revol., Bolshevism, the white mov., etc. : in 2 vol. / ed. by Ya. M. Lisovoi. Vol. 1. Paris : [s. n.], 1926. Inset between p. 32 and 33

Приказом народного комиссара по военным делам от 22 января 1918 г. Педагогический музей военно-учебных заведений был передан в подчинение Наркомпроса РСФСР. В результате объединения прежнего ГУВУЗ и института главного комиссара военно-учебных заведений Российской республики 16 февраля 1918 г. было положено начало деятельности Главного управления военно-учебных заведений Наркомвоена РСФСР⁹².

В этом же месяце И. Л. Гинтовт-Дзевалтовский утвердил документ «Общие положения о внутреннем и административно-хозяйственном распорядке гимназий военного ведомства». В соответствии с ним общее наблюдение за деятельностью гимназий возлагалось наряду с директором на назначаемых новой властью комиссаров с правом вето. Уже вскоре приказом по военно-учебным заведениям Петроградского округа должности директоров и инспекторов классов и вовсе упразднились. Их заменили два комиссара – по учебной части и по хозяйственной части [5, с. 25–30].

В мае 1918 г. И. Л. Гинтовт-Дзевалтовский был назначен руководителем Главного управления военно-учебных заведений Всероссийского главного штаба⁹³. Под его началом осуществлялась реорганизация подведомственных военно-учебных заведений.

В мае 1918 г. был утвержден документ «Временное положение об управлении гимназиями военного ведомства». Однако он так и не вступил в дей-

ствие, поскольку 30 мая 1918 г. был издан Декрет СНК РСФСР об объединении учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств в ведомстве Наркомпроса РСФСР⁹⁴. В целях его исполнения приказом И. Л. Гинтовта-Дзевалтовского все гимназии военного ведомства с 15 июля 1918 г. передавались в ведение этого наркомата⁹⁵. Кроме того, с июля 1918 г. прекратил существование и журнал «Педагогический сборник», сыгравший важную роль в реформировании кадетских корпусов⁹⁶.

В соответствии с планом отдела единой школы Наркомпроса РСФСР к началу 1918/19 учебного года гимназии военного ведомства подлежали преобразованию в единую трудовую бесплатную школу политехнического типа. В связи с этим от воспитанников гимназий военного ведомства уже не требовалось соблюдать правила воинской этики, которые десятилетиями прививались учащимся кадетских корпусов.

В силу обстоятельств уже в конце 1917 – начале 1918 г. воспитанники старших классов многих кадетских корпусов стали примыкать к Белому движению⁹⁷. Это привело к восстановлению некоторых учебных заведений на территориях, находившихся под контролем белых. Старшие воспитанники этих кадетских корпусов активно участвовали в борьбе против советской власти, многие из них погибли. Поражение Белого движения привело в 1920 г. к перемещению кадетских корпусов из России за границу [5, с. 30–48].

⁹² Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.) : словарь-справочник : в 4 кн. Кн. 3. Л – П / редкол. : В. П. Козлов [и др.] ; сост. : В. А. Владыкина [и др.]. М. : Наука, 2001. С. 294, 295 ; РСФСР. Народный комиссариат по военным делам. Предметный указатель ... С. 15–18, 26–27.

⁹³ Самуйлов В. И. Устройство вооруженных сил республики : лекции, чит. В. И. Самуйловым на ускор. курсе Акад. Ген. штаба раб.-крест. Крас. армии в 1918/19 учеб. г. Вып. 1, ч. 1–2. Петроград : Акад. Ген. штаба, 1919. С. 41.

⁹⁴ Декреты советской власти. Т. 2. С. 357–359.

⁹⁵ Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.). С. 286.

⁹⁶ Педагогический сборник. 1918. № 4–6, ч. 1. С. 1, 2.

⁹⁷ Буйневич Л. Вчераш. С. 42–44 ; Оглоблев Е. Мой корпус. 1917. С. 123.

Заключение

Таким образом, Февральская революция 1917 г. в России обусловила необходимость пересмотра аксиологических подходов к роли средних военно-учебных заведений (кадетских корпусов). Комиссия под руководством генерала З. А. Макшеева, состоящая из известных педагогов и общественных деятелей, в течение марта – июля 1917 г. провела серьезную работу по реорганизации военной школы бывшей Российской империи на широких демократических началах. В ходе реформы было решено отказаться от прежнего назначения кадетских корпусов, которые готовили детей к военной службе в офицерском звании.

С 1917/18 учебного года в кадетские корпуса был открыт доступ детям всех сословий. Для создания равных условий при зачислении на казенное содержание были снижены требования к экзаменам, а вместо конкурса вводилась система баллотирования. В августе 1917 г. кадетские корпуса были реорганизованы в гимназии военного ведомства и приобрели статус общеобразовательных учреждений (отменялось присвоение воинских званий и проведение строевых занятий, замещение всех должностей разрешалось гражданским лицам, изымались оружие и знамена). Были приняты меры по упро-

щению быта воспитанников и их самообслуживания. В целях повышения общественной активности воспитанников в гимназиях разрешалось создавать ученические организации вплоть до товарищеских судов в старших классах. Управление гимназиями военного ведомства строилось на принципе доверия к персоналу: почти все вопросы внутреннего распорядка перешли в ведение педагогического совета (его права были значительно расширены).

В августе 1917 г. был проведен первый и последний набор в военные гимназии по правилам, основанным на широких демократических началах. Однако приход большевиков к власти в октябре 1917 г. привел к отказу от реформы. Поскольку значительная часть представителей кадетского сообщества, сформированного еще при императорской власти и воспитанного в монархическом духе, не признали советской власти, гимназии военного ведомства подлежали упразднению. Процедура ликвидации этих учебных заведений растянулась на несколько месяцев, и официально они были упразднены 14 июля 1918 г. При этом на территориях, которые вышли из-под контроля советской власти, наблюдался процесс возрождения кадетских корпусов, воспитанники которых на несколько лет стали кадровым резервом Белого движения.

Библиографические ссылки

1. Волков СВ. *Русский офицерский корпус*. Москва: Воениздат; 1993. 368 с.
2. Михайлов АА. *Руководство военным образованием в России во второй половине XIX – начале XX века*. Псков: Издательство Псковского областного института повышения квалификации работников образования; 1999. 463 с.
3. Коровин ВМ. *Военное образование в Российской империи (середина XIX – начало XX века)*. Воронеж: Воронежский государственный университет; 2009. 704 с.
4. Лелина ЕИ. Главное управление военно-учебных заведений в революционных событиях 1917 г. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2007;2:192–195.
5. Самович АЛ. *Военная школа России в 1914–1920 гг.: кадетские корпуса*. Москва: Спутник+; 2002. 50 с.
6. Шайкоў В, Лукашэвіч А. Полацкі кадэцкі корпус і яго выхаванцы. *Беларускі гістарычны часопіс*. 1999;4:45–51.
7. Рамазанов СП. *Проблема ценности в истории: историографические и методологические аспекты*. Волгоград: Волгоградское научное издательство; 2006. 127 с.
8. Шепелёв ЛЕ. *Титулы, мундиры, ордена Российской империи*. Москва: Центрполиграф; 2004. 423 с.

Referenses

1. Volkov SV. *Russkii ofitserkii korpus* [Russian officer corps]. Moscow: Voenizdat; 1993. 368 p. Russian.
2. Mihajlov AA. *Rukovodstvo voennym obrazovaniem v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Management of military education in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Pskov: Izdatel'stvo Pskovskogo oblastnogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov obrazovaniya; 1999. 463 p. Russian.
3. Korovin VM. *Voennoe obrazovanie v Rossiiskoi imperii (seredina XIX – nachalo XX veka)* [Military education in the Russian Empire (mid 19th – early 20th century)]. Voronezh: Voronezh State University; 2009. 704 p. Russian.
4. Lelina EI. [Main directorate of military educational institutions in the revolutionary events of 1917]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2007;2:192–195. Russian.
5. Samovich AL. *Voennaya shkola Rossii v 1914–1920 gg.: kadetskie korpusa* [The military school of Russia in 1914–1920: cadet corps]. Moscow: Sputnik+; 2002. 50 p. Russian.
6. Shajkow V, Lukashjevich A. [Polotsk cadet corps and its pupils]. *Belaruskі gіstarychny chasopіs*. 1999;4:45–51. Belarusian.
7. Ramazanov SP. *Problema tsennosti v istorii: istoriograficheskie i metodologicheskie aspekty* [The problem of value in history: historiographical and methodological aspects]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo; 2006. 127 p. Russian.
8. Shepel'ov LE. *Tituly, mundiry, ordena Rossiiskoi imperii* [Titles, uniforms, orders of the Russian Empire]. Moscow: Tsentrpoligraf; 2004. 423 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 27.05.2023.
Received by editorial board 27.05.2023.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(34)+294.3

ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ПАЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ

ЧОВДУРИ УПЕНДА РАО¹⁾

¹⁾Университет Джавахарлала Неру, Нью-Мехраули роуд, Нью-Дели, 110067, г. Дели, Индия

Предлагаются пути решения современных экологических проблем, базирующиеся на древнем образе жизни в том виде, в каком он представлен в Тхераваде (палийской литературе), где описана всеобщая взаимозависимость мира. Показывается, что различные компоненты окружающей среды связаны между собой. Обеспокоенность состоянием окружающей среды не является феноменом последних лет. Единение с матерью-природой выступает жизненно важным элементом индийской культуры. Отношения между культурой и экологией были неотъемлемой составляющей древнеиндийского общества. Внимание к вопросам окружающей среды всегда считалось существенной частью буддийской литературы. Наши предки верили в связь человека с природой и настаивали на гармонии человека и матери-природы. Индия является одной из древнейших цивилизаций с богатым культурным наследием. Сегодня люди могут наслаждаться природными ресурсами благодаря их разумному потреблению и распределению в прошлом. Необходимо понимать, что природные ресурсы, доступные человеку, являются ограниченными и их использование вызывает проблемы с окружающей средой. Палийская литература показывает, что основоположником того дружественного окружающей среде образа жизни, которого люди придерживались в древности, был Будда, а также его последователи.

Ключевые слова: окружающая среда; пали; палийская литература; Будда; экология; буддийская литература; джатак; Джамбудвипа; леса; деревья; животные; птицы; санскрит; экологический кризис; срединный путь; индийская культура; Ангулимала; сельское хозяйство.

Образец цитирования:

Човдури Упенда Рао. Правила поведения в отношении окружающей среды в палийской литературе: опыт изучения. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;4:23–29 (на англ.).
EDN: OLDPZO

For citation:

Chowduri Upendra Rao. Environmental ethics in Pali literature: a study. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;4:23–29.
EDN: OLDPZO

Автор:

Човдури Упенда Рао – профессор; профессор школы санскрита и индийских исследований.

Author:

Chowduri Upendra Rao, full professor; professor at the School of Sanscrit and Indic studies.
skt.scholar@gmail.com

ПРАВИЛЫ ПАВОДЗІН У АДНОСІНАХ ДА НАВАКОЛЬНАГА АСЯРОДДЗЯ Ў ПАЛІЙСКОЙ ЛІТАРАТУРЫ: ВОПЫТ ВЫВУЧЭННЯ

ЧАЎДУРЫ УПЕНДА РАО^{1*}

^{1*} Універсітэт Джавахарлала Неру, Нью-Мехраулі роўд, Нью-Дэлі, 110067, г. Дэлі, Індыя

Прапаноўваюцца шляхі вырашэння сучасных экалагічных праблем, заснаваныя на старажытным ладзе жыцця ў тым выглядзе, у якім ён выкладзены ў Тхеравадзе (палійскай літаратуры), дзе апісана ўсеагульная ўзаемазалежнасць свету. Паказваецца, што розныя кампаненты навакольнага асяроддзя звязаны паміж сабой. Занепакоенасць станам навакольнага асяроддзя не з'яўляецца феноменам апошніх гадоў. Яднанне з маці-прыродай выступае жыццёва важным элементам індыйскай культуры. Адносіны паміж культурай і экалогіяй былі неад'емным складнікам старажытнаіндыйскага грамадства. Увага да пытанняў навакольнага асяроддзя заўсёды лічылася істотнай часткай будыйскай літаратуры. Нашы продкі верылі ў сувязь чалавека з прыродай і настойвалі на гармоніі чалавека і маці-прыроды. Індыя з'яўляецца адной са старажытнейшых цывілізацый з багатай культурнай спадчынай. Сёння людзі могуць атрымліваць асалоду ад прыродных рэсурсаў дзякуючы іх разумнаму расходванню і размеркаванню ў мінулым. Мы павінны разумець, што прыродныя рэсурсы, даступныя нам, з'яўляюцца абмежаванымі і іх выкарыстанне выклікае праблемы з навакольным асяроддзем. Палійская літаратура паказвае, што заснавальнікам дружалюбнага навакольнаму асяроддзю ладу жыцця, якога людзі прытрымліваліся ў старажытнасці, быў Буда, а таксама яго паслядоўнікі.

Ключавыя словы: навакольнае асяроддзе; палі; палійская літаратура; Буда; экалогія; будыйская літаратура; джатакі; Джамбудвіпа; лясы; дрэвы; жывёлы; птушкі; санскрыт; экалагічны крызіс; сярэдні шлях; індыйская культура; Ангулімала; сельская гаспадарка.

ENVIRONMENTAL ETHICS IN PALI LITERATURE: A STUDY

CHOWDURI UPENDRA RAO^a

^a Jawaharlal Nehru University, New Mehrauli Road, New Delhi, Delhi 110067, India

This research article shows the solutions to the environmental problems faced by the present generation, based on the ancient lifestyle as depicted in the Theravāda Pali literature, wherein the mutual interdependence of the world has been described. The article says that the various components of the environment are mutually dependent. Environment awareness is not a recent phenomenon. The vital element of the Indian culture is its unity with the mother nature. The relationship between culture and ecology was an integral part of ancient Indian society. Environmental ethics has always been upheld as an inherent part of Buddhist literature. Man and nature relationship was at the centre of the vision of our ancestors, they stressed on the harmonious of human living with the mother nature. India is one of the oldest civilisations in the world with its rich cultural heritage. Today people enjoy natural resources because of the wise resource management and allocation strategies adhered by their ancestors. We need to note that available natural resources are limited, and the exploitation of these resources is causing the environmental crisis. Pali literature shows the ancient environmental friendly way of life, lead by the Buddha and his followers.

Keywords: environment; Pali; Pali literature; Buddha; ecology; Buddhist literature; jātaḥ; Jambūdvīpa; forests; trees; animals; birds; Sanskrit; ecological crisis; middle path; Indian culture; Angulimala; agriculture.

Introduction

Paryāvaraṇam (environment) is a Sanskrit word which is made up of two words, *Pari* and *Āvaraṇam*. *Pari* means «around» and *Āvaraṇam* means «to surround», in such a way that surrounds from all directions. What is surrounding us? As a matter of fact, the earth, air, fire, water, and space are surrounding us. These are the five gross

elements, often depicted in Pali and Sanskrit literatures with the name of pañca mahā bhūta. Whatever exists in the environment, influencing the human beings directly or indirectly, can be known as the environment. Environment is life, life cannot be imagined without the environment.

Pali literature

Pali is a significant language that contains the unparalleled teachings of the Bhagavān Buddha. Being the ancient language of India, Pali preserves Indian history

and several other aspects of Indian culture. Therefore, forgetting this language proves a significant loss in human history. Pali is also one of the most ancient

languages, which shows a dynamic role in the linguistics of the entire Jambūdvīpa. The Pali language and literature have influenced the Indian languages and literatures. Pali has the extensive literature, both canonical and non-canonical. Buddhist ethics preserved in Pali have much to offer to the environmental crisis, but when we say Buddhism, we must make it clear that

which sect of Buddhism are we speaking, as today Buddhism has expanded very vastly. Therefore, I will try to enumerate the environmental awareness as found in the Pali Theravāda Buddhist literature, because I want to concentrate on a portion of Buddhist Pali literature for better research-oriented results on environmental issues.

Buddha and environment

Buddha has accepted the importance of forest and peaceful life of solitude as the most favourable condition for the highest attainment in life. Therefore, he chose the Uruvela forest and Nirahjana River as the most suitable places for meditation. Important events in the life of Buddha happened in the lap of nature, spanning from his birth to Mahāparinirvāṇa. When Mahāmāyā Devī was going to her mother's house, she gave a birth under a Śāla tree (a kind of very tall tree) in the Śālavana (grove of Śāla tree) named as Lumbini between Kapilvastu (capital city of Shakya) and Devadāha¹ (the ancient capital of Koliya Kingdom, located 7 km east of Lumbini). He took *pāyasa* (sweet mixed milk-rice) served by Sujāta under the banyan tree. He attained enlightenment under the shade of Aśwatha tree, spent four weeks enjoying the liberation under the Aśwatha, Ajapāla and Rājayatana trees respectively after attaining enlightenment. Ultimately Mahāparinirvāṇa happened under the Śāla tree. The 24 Buddhas in Buddhist tradition, also attained enlightenment under one or the other tree like Aśwatha,

Śāla, Vaṭa, Puṇḍarika, Śirīṣa, Udumbara Nāga and Kadamba, etc. It is known from the jāta stories that out of the 550 that the Bodhisattva was born in different forms, 43 times he appeared in the form of a tree-deity. In Tripitaka texts it is said that there are 6400 species of the fish in Jambūdvīpa, 4500 species of birds and 2400 species of beasts. There are 10 000 species of trees, 8000 species of grass, 740 types of medicinal herbs and 43 types of aromatic plants (Dvādaśaviharaṇa Sūtra²). Green forests provide us with very useful things for our survival. The Therīgāthā of Khuddakanikāya of Pali literature is very unique in this aspect.

In Angulamāla Theragāthā (name of a sutta found in Theragāthā text) we find that Angulamāla says with perplexed state of mind: «I remained under the trees of forest and caves of mountains» (Theragāthā, p. 170). In the same text in another sutta named «Aniruddha Theranāthā», the Aniruddha says that it may be a village or forest down or up but the place where Arahants wander, is a beautiful place. The Pali verse as follows:

*Gāme vā yadi vā'raññe ninne vā yadi vā thale
yatthārahanto viharanti taṃ bhūviṃ rāmaṇeyyakam* (Dhammapada, p. 27).

Further, he points out an important fact that in the beautiful forests an ordinary man cannot relish because he is always in search of sensual pursuits, whereas a scholar with dispassion can find a great deal of peace and happiness there. The significance of tree worship was prevailed even before the Buddha, which is available in entire Indian literature in the form of protection of the plants, protection of the environment and depiction of natural beauty. In Pali literature, *vana* (forest), *upavana* (garden), *atavī* (forest), *ārāma* (Buddhist hermitage, a place for self-training), *vihāra* (monastery, it can be described as a residence for monks, a centre for religious work and meditation and a centre of Buddhist learning),

trees, lakes, hills, wind, etc. have been discussed at various places. The whole life of Buddhist monks was spent near forests and various trees, because for the great experience of meditation, quiet, lonely, deserted places, and green, natural environment are most required. Along with forests, rivers, mountains, caves etc. there are also suitable places for the spiritual practices. Once a Bhārdwāja Brāhminā went to the forest where Buddha was absorbed in a deep meditation. He thought that in an empty and deserted forest, where there is no song, no instrument, yet this ascetic is sitting in a lonely forest with a great happiness, how is it possible? The Pali verse depicting of this meaning is as follows:

*Gambhīra-rūpe bahubherave vane, suññaṃ aranññaṃ vijanaṃ vigāhiya
aninjamānena t̥hitena vaggunā, sucārurupṃ vata bhikkhu jhāyasi* (Samyuttanikāya, p. 29).

Everyone is familiar with the importance of the forest. The existence of life can be possible due to the existence of forests on the earth. Earth, water and remaining gross elements are the sources of our life. Because of water all living beings are living on the earth. There is an invaluable heritage of nature, and important foun-

dations of natural resources are available on the earth. Today, the destruction of forests is being a big reason for the distortion of nature. Due to the cutting of trees, humans are facing many problems. The ground water levels are decreasing, there is a decrease in oxygen, there is no rain, agriculture and environment are being affected

¹*Deva* means in Sanskrit «God» and *Dāha* means «a pond hence». So, the literal meaning of Devadāha is «pond of the gods». It is believed that the Gods and Goddesses and saints bathed in this pond. Prince Siddhārtha himself is believed to have bathed in this holy pond during his visit here in Devadāha.

²The name Dvādaśaviharaṇa Sūtra is a reconstruction of the Sūtra's original Sanskrit name.

either by no rains or the excessive rains, and the noise pollution is another huge problem. The level of noise pollution will be less in the city where more and more trees are flourished. During his preaching, Lord Buddha used to promote the conservation and importance of the nature, and by making many vihāras, gardens, fo-

*Rukkhamūla-senāsanaṃ nissāya pabbajjā
Pūtimuttibhesajjāṃ nissāya pabbajjā* (Mahāvaggo, p. 85).

After the initiation into Pravrajyā, living under the trees is essential for a monk, and the medicine of cow-urine must be used throughout his life. The Vanaropa Sutta (one of the sermons) emphasises on the importance of environment that the person, who plants trees in gardens, forests, and builds bridges

*Ārāmaropā Vanropā, Ye Janā Setukārakā.
Papānca Udapānaṃ ca, Ye Dadanti Upassayaṃ
Tesaṃ divā ca ratta ca, sadā puññaṃ pavaḍḍhati.
Dhammathā Silasampannā, Te Janā Saggagāmino* (Saṃyuttanikāya, p. 381).

In Pali literature the seed is the main source, and the rain is considered the best for it. Many contexts are available in the Pali literature which give an importance to agricultural work.

I cultivate, I sow, and I eat by plowing, sowing. Therefore, I call myself a farmer, but I do not see your agriculture. Brahmin Kasi Bhāradhwāja said rather sharply to the Buddha: «O, Śramaṇa, I plough, and I sow, and when I have ploughed and sown, I eat. You, Śramaṇa,

*Kassako paṭijānāsi, na ca passāma te kasim
Kasim no pucchito brūhi, yathā jānemu te kasim* (Suttanipāta, p. 141).

Then Buddha says this very important thing. Faith is the seed, austerity is the rain, wisdom is his yoke and plough. His pole is modesty, mind is the strap and he has

*Saddhā bijaṃ, tapo vuṭṭhi, paññā me yuganangalaṃ,
hīri isa, mano yottam, sati me phālapācanaṃ.
Kāyagutto vacīgutto āhāre udare yato
saccaṃ karomi niddānaṃ, soraccaṃ me pamocanaṃ,
viriyam me dhuradhorayhaṃ, yogakkhemādhivāhanaṃ
gacchati anivattantaṃ, yattha gantvā na socati.
Evam esa kasi katthā, sā hoti amatapphalā:
etaṃ kasim kasitvāna sabbadukkhā pamuccatīti* (Suttanipāta, p. 20).

In Anguttara Nikāya, three quick actions of the farmers have been explained, namely *idha, bhikkhave, kassako gahapati achchāchikāni karaṇīyāni, katamāni tīni seegham khetta sukam karoti sumtiktan... khetta sukthe karitva... bijāni patitthāpeti* (Anguttara, p. 104). The farmer plows quickly, plows properly and sows the seed in it, then irrigates it with water, removes it when it is in excess. Similarly, the one who donates food gives strength, the one who donates clothes gives character: *Annado balado hoti, vatthado hoti vannado* (Saṃyuttanikāya, p. 361). Donations of food and clothes are given more importance, and these two things result from agriculture. We can find importance of agriculture and folklife in Pali literature.

*Channā kuti āhito gini, ath che pathayasī pavassa deva.
Andhaka maksā na vijjare, kachhe rulhateine charanti gāvo.
Vuṭṭhiṃ pi saheyyuṃ āgataṃ, atha che pathayasī pavassa deva* (Suttanipāta, p. 41).

rests, mountains, and riverbanks as his abode, and by making living places inside the forest areas. While giving initiation to the monks, he had specified the four Niśrayas (means) of life-sustenance, out of which two (Śayanāsana and Bhaiṣajya) were completely related to the nature.

over the rivers, arranges the drinking water, and digs wells, gets merits through his virtues, and therefore such person is considered a virtuous man, because by following the path of Dharma, humans can attain heaven. This meaning is conveyed by the following Pali verses:

should plough and sow too for having done so, you may eat». In other words he says that if you want to eat, you should work, if you don't work, you shouldn't eat. Be like me, I work, then I eat, so you also should work first, then eat. One should not depend upon other people. But Buddha says: «O, Brahmin, I too plough and sow, and when I have ploughed and sown, I eat». So, the Brahmin Kasi Bhāradhwāja is rather surprised at this, and he says to Buddha:

mindfulness for share and goad. Being well-organised in act and word, he is eating every day, with truth, he clears the weeds, and his attainment of Nirvaṇa is reaping the crop.

During the rainy season, the Dhaniya Gopa, who is living in a natural, delightful environment, being pleased with the life of a householder, begs Meghadeva (cloud god) that he should be on the bank of the Mahī River. «I am living with my relatives, I have covered the hut, I have lit the fire, O Meghadeva! If you want, shower a lot. Flies and mosquitoes are not here, cows graze on the grass grown on the bank of river, they bear it if it rains. Now O God! If you want, shower a lot. Here the natural love of this contented cowherd, living on the banks of the river during the rainy season is unique». The above meaning is conveyed in the following Pali verses:

Dhaniya Gopa was one of the cowherds in those days. Dhaniya Gopa literally means, the one whose wealth is the cattle, and according to the commentary, his herd consisted of 30000 herds of cattle. In the Bhayabherava Sutta, Buddha explains about the importance of Araṇyavāsa (living in forests) and says that he lives in Araṇya Vanakhanda (forest areas) for two reasons: with the thought of my happiness in this birth, for the mercy on future people, so that they too can be a part of this success by following me after taking renunciation. In the context of Devadatta³ (literally means god-given) in Mahāsāropama Sutta of Majjhima Nikāya, the Buddha tactfully explains to the monks the analogy of the huge tree, saying that a man who goes out to search for the essence, and finds a huge tree with essence, but he only plucks its branches, leaves and copal considering them as essence, but neglecting the real essence. Likewise, a lazy monk without understanding the essence of Dharma, is attracted by only parts of a branch of palāśa (a kind of tree), like an ordinary man. Therefore, such a monk gets only sorrow in the world.

In Buddhist sūtra texts we often find the descriptions of the donations of forests, comforts, vihāras, gardens, etc. Some of the noteworthy are, Magadha's (a famous kingdom in ancient India) king Bimbisāra donated Veṇuvana to Buddha and his monks. Likewise, Śrāvastī's⁴ Sreṣṭhī (businessman) Anātha piṇḍika (a famous merchant) donated a huge, resourceful, and beautiful Jetavana to Buddha. Vaishali's Ambapālī⁵ courtesan donated the beautiful Āmravana (Mango grove) and Shrāvastī's Mrigāramātā (another lady devotee) donated the Pūrvārāma Vihāra to Buddha. Buddha has termed Vihāra Dāna (donation of groves) as the best Dāna (donation). The Āmravana of Rājgriha's⁶ Jīvaka Kaumārabhr̥tya, (famous pediatrician in Buddha's time), and «Madrakukṣi's Mṛgadāva» (deer park) are some of the very famous viharas in ancient India. Similarly other forests and comforts are also mentioned everywhere in the Pali Piṭaka literature (Pali canonical literature). The following is a list of various forest lands and various groves donated to Buddha in ancient India. Mṛgadāva, where the Buddha reached and lived, such as «Isipatana Migdāva», (the deer park at present day

Sarnath, near Varanasi City), Subhaga-vana of Ukkāṭha, Kappasiya Vanakhanda on the Vāranāsi-ūruvela Road, Sālavana of Gosinga, Tapodārāma of Rājagṛha, Kannakattala Migdaya at Uju, Andhavana near the Śrāvastī, Paṭalīputra's Kukkuṭārāma, Kajangal's Mukheluvana, Kaushambi's Ghoṣitārāma, Nālakan's Palāśa-vana, Nāla's Pāvārikambavana, Mithila's Makhādeva Amravana, Saket's Añjana-vana, Sihavana, Mahāvana, Tapovana, Kāraṇḍaka, Dandakāranya and Sāgauna-vana near the Himālayas, etc. where the four exiled sons of King Ikshvāku lived. In the same way, the mention of many mountains, seas, lakes and rivers, etc. is also significant in this regard.

Gijjhakūṭa, Pāṇḍava, Vebhāra, Isigila and Vepulla (all these are the names of mountains) Gayaśīrṣa Mountain of Gaya, Himavanta, Mallagiri, Ahoganga, Isidhara, Udayaka-pabbata, Meru, Yugandhara, Chittakūṭa and Tikūṭa mountains, etc. are the famous ones which are mentioned in Pali literature. This shows the rich environmental heritage of India. Likewise, the lakes Anotatta, Kanamunda, Khema, Chakkadaha, Chhaddanta, Simwalī, etc. are mentioned in Pali. The rivers Gangā, Yamunā, Achiravatī, Sarabhū, Hemavatī, Neranjarā, Nammadā, Kosikī, Sīdā, Miga-sammatā, Vettavatī, Bhāgīrathī etc., are also mentioned in Pali.

Buddha had made many rules for the protection of flora and fauna, if any monk harms flora by cutting trees, grass, etc., he will be blamed for pācittiya (a kind of mistake). Even in the law of Varṣāvāsa (rainy season retreat) the matter of conservation of plants is propounded in a different way, because, if a monk goes everywhere in the rainy season, he will destroy numerous types of animals, leaves, and grasses on the way. Adharma (sin) occurs due to this kind of violence against animals and plants because they will be destroyed due to human movements. The 13 kinds of Dhūtānga-education have been given to monk to follow. Mainly there is a law to accept Āraṇyakāṅga (living in forest) and V.ṛk.samūlikāṅga (living under the trees). According to the monastic rules of Buddha dharma a monk should give up sleeping and eating inside the village, but should accept the Araṇyavāsa, and in that Araṇyavāsa the seeker will be engrossed in contemplation and meditation, as said in Visuddhimagga:

*Pavivitto asansidho pantasenāsane rato.
āradhayanto Nāthassa Vanavasena Mānasam.
Eko arññe nivasam, ye sukham labhte yati.
Rasam tassa na vindanti, api deva sa-indakā* (Visuddhimagga, p. 48).

In Theragāthā, the monks love of nature has been explained very beautifully, because the life of the monks was deeply related to the nature, as Vanavattha (a monk) describes the beauty of the self-satisfied mountains by

the Sthavira Dharmasādhana (a monk). These mountains covered with Indragopa of beautiful, cool and holy water, having colours like blue clouds, he finds very delightful as he describes this in the following Pali verse:

³Devadatta was a cousin and brother-in-law of Gautama Siddhārtha. He later became a Buddhist monk but known as a divisive figure in Buddhism.

⁴During the 6th century BC, Shrāvastī was the capital of the Kingdom of Kosala. It was a prosperous trading centre and it was known for its religious associations.

⁵Āmrpālī was a celebrated royal courtesan of the republic of Vaishali in ancient India around 500 BC. Following the Buddha's teachings, she became a Buddhist nun. She donated Ambapali vana to Buddha.

⁶The word Rājgriha literally means «the city of kings». It is a historic town in the district of Nalanda in the state of present Bihar in India.

*Nīlabbhavannā ruchirā, sitwārī sucindharā.
indagopaka saṁcannā, te selā ramayanti maṁ* (Theragāthā, p. 7).

Description of the dance of peacocks and their beauty according to Chudaka Sthavira is very impressive. The peacocks with their beautiful crest, beautiful eyes, blue neck, beautiful face and speech are dancing graceful-

ly on the green grassy land. Here, the healthy and human-friendly forest life filled with beautiful melodies of birds such as peacocks has been described in one of the texts of Pali literature named «Theragāthā».

*Nandati morā suśikhā, sumeruvuṇā,
sunīlagīvā sumukhā sugajjino* (Theragāthā, p. 7).

Similarly, due to the chirping of birds and due to the chirping of crickets the monk Rāmaneyaka Sthavira concentrates his mind in meditation. Monk Godhika while doing meditation in the rainy season says, that it is raining musically, and during this rain my cottage is

covered in all directions, oh cloud God, you can rain, as much as you want. In the same way the winter season was spent by Udayī monk. The spring season has come, the earth is covered with green grass, the forest blocks have become dormant, the roads have become passable:

*Angārino dāni dumā adante,
Phalesino chadanam vippahāya,
Te acchimantova pabhāsanti* (Theragāthā, p. 117).

Global environment crisis in present times

Today's man has learned to construct beautiful buildings with all comforts, but being entangled in the net of Samsāra (worldly matters) he is not able to realise how the environment is constantly being polluted by such technological developments. Factories and vehicles are discharging the gasses, as a result, we are not able to receive pure and clean air. Even oceans are polluted with marine food, oils and industrial waste. In those days as evident in the texts of Theravada Buddhism, Bauddha Bhikṣus (Buddhist monks) were used to live happily in the forests and villages. Therefore, even today Buddhism can show solutions to the environmental crises in the age of globalisation by following the ancient Indian methods which can be seen in the Pali literature. Today I wonder what kind of scientific progress or human comforts are achieved by a man! The entire atmosphere is going to be damaged by the so-called industrial development. But in old days green forests and species living there could experience an immense peace and bliss. Sitting under the trees Buddhist monks peacefully meditated with the inner *prajña* (wisdom) and like a mountain in the forest, they never moved to the various disturbances of the world. The ancient India has reached to the status of ecological religion. The relationship between Buddhist ideas and the natural resources can be scrutinised within few important ways. Firstly Buddhists have treated nature as a teacher. Secondly, in Buddhism nature was respected as a spiritual force, Thirdly as per the teachings of Buddha, nature became the way of life to Buddhist monks. But yet one can never find environmental movement in any Pali or Sanskrit text, because it wasn't needed at that time. People had a continuous connectivity with the nature. Just see the life of Buddha, all significant events occurred in the countryside and are associated with trees and forests. His birth at Lumbini as his mother took hold of a branch of a Sala tree, his early experience of meditative absorption

beneath the rose apple tree, his enlightenment beneath the Bodhi tree and his *parinirvāna* (death) happened between the twin Sāla trees.

Today's man turned to ignore the fact of the mutual interdependence of all processes of the world. Various components of the environment are mutually dependent. For instance, an environmental control system is a critical subsystem of offshore wind farms, which is responsible to adjust and maintain a normal operational condition. For the environment control system, if humidity, salinity, temperature is at a more stressful state, the deterioration of the devices in the environment control system is accelerated, which will likely decrease the reliability of the environment control system. Additionally, the deterioration of the environment control system also effects its operation state, and then the state of its working environment is influenced and gets worse accordingly. Human society affects environmental change but the human society also is vulnerable to these changes. This relation has generated a number of theories that either focus on how we affect the environment or how the environment effects on us. Few theories explicitly focus on the interaction based on the Buddhist dependent origination theory. Therefore, we can say, by harming nature, man is harming himself. Like a famous line in Sanskrit, *Dharma eva hato hanti dharmo rakshit rakshitah* «Dharma destroys them, who destroy it, but the same will protect them if they protect it». Likewise, we can say that *vrkṣa eva hato hanti, vrkṣo raksati raksitah* (trees protect men when he protects the trees).

Jātakapali contains the information about peaceful rural life of that period. People nurtured various animals especially cows. The herdsman could recognise each cow based on the marks on it. Villagers used the vessels of bronze, wood, and fruit shells unlike plastic, which is used by the present generation. Jataka tales «Loska» and

«Takka» state that villagers used to establish schools and build residential quarters for teachers in a peaceful area amidst of forest trees. A monk should satisfy by residing beneath the tree. Monks loved the mountains. They used to reach beautiful mountains for peaceful meditation in solitude. They relished at the sight of a large cluster of huge trees, herds of animals, lovely creepers, birds, flowers, and peacocks. All these were enhancing the peace and the beauty of forests situated on the mountains.

In Tālapuṭa Theragāthā we can find a noble dream of a Tālapuṭa. He proclaims: «When shall I alone wander in the caves of mountains, and treat all things as impermanent?» (Theragāthā, p. 201). The same monk feels in other Gāthā: «After hearing the melodious sounds of peacocks and other birds, when shall I awake during the morning in the forest? He further says that now enough of the household life, and thus he feels to depart into forest. We find plenty of such Gāthas in Theragāthā alone» (Theragāthā, p. 202–203).

One should stay with the benefactor. For example, even after the rivers Gangā, Yamunā, Aciravatī, Sarayū, etc. fall into the sea and rain water falls from the sky, there is no change, nor does it cross its limits, in the same way a monk gets benefit, hospitality, praise, worship, etc. Teachings should not be broken and should be as stable as the ocean. A monk, doing yoga should also be full of the qualities that exist in water, light, air, mountain, space, and moon, virtues. Even in the Mahā Rāhulovāda Sutta, the context of the same feeling of great elements like earth, water, fire, air etc. is exemplary for the monk. In «Bhaishajya Kandhaka» of Mahāvaggo, the method of consuming medicines made from the roots, flowers, bark, and fruits of natural plants has been prescribed for the sick monk. In this way, in entire Pali literature the references are mentioned at various places describing the importance of natural resources and their protection (Mahāvaggo, p. 335). Our ancient culture is known as Aranyaka or Tapovana (forest oriented) culture, but today the endless thirst of human beings is killing all the creatures of nature. But exploiting the nature with the approach of resource management leads us into many difficulties. Mainly we lose ethics and humanity and therefore many are involved in animal slaughter to keep the kitchens of the world constantly supplied with meat and the killing of peaceful creatures of the sea by rich countries. So, what to speak about other countries like Thailand, Sri Lanka, Burma, and Cambodia? Bud-

dism stands on the opposite of this. The first precept in Buddhist Pañcasīla emphasises on the abstention from animal killings: *pāṇātipātā veramanī sikkhāpadam samādiyāmi* (I undertake the precept to refrain from destroying living creatures).

Buddhism advocates the harmonious interaction between the beings and nature. In this way, it obviously leads to consider the possibility of vegetarianism. This vegetarianism eventually became common in India. The Ājīvakas (ancient Indian philosophers) and Jains were vegetarians. Some writers wrongly advocated non-vegetarianism for Buddhists. They say, as far as monks and nuns were concerned, it was acceptable to eat meat on the condition that they did not see, hear or suspect that the person offering the meal had killed the animal specifically for them (Dhammika, p. 10). But this does not seem to be logical. In the Pali Tipiṭaka texts the Jains have been the advocators of vegetarianism.

The jātika gives a good idea of the early Buddhist attitude towards animals and plants. The animals in these stories are often represented in a most sympathetic manner and sometimes in contrast to the greed, and due to cruelty of humans they suffer. Even plants were sometimes attributed with having the noblest human-like qualities. According to them, wayside trees lowered their branches so that hungry and weary travelers could reach their fruits. Early Buddhist texts caution that those who kill animals like fishermen, hunters for wild pigs and butchers, who slaughter bulls and goats will be reborn in purgatory.

Some scholars pointed out that the concepts of nature and environment can be seen in the doctrine of paticca Samuppada (dependent origination), because everything is somehow connected. In Buddhism, all phenomena are understood basically in terms of dependent origination, the idea of the interdependence and interaction among all existences. The environmental view of Buddhism is a life-centric one, and is a life-independent too. Both subject and its environment have a mutually interdependent and therefore have interconnected relationship. By understanding this we can develop harmony with nature. In Pali literature we not only find such environment related issues, but we can also find the deep philosophical and spiritual questions. In fact, today Buddhist philosophy is a famous term in the international academic world. Therefore, we have to read and spread the Pali literature to understand its numerous valuable morals, including the environmental ethics.

List of shorts

Anguttara Nikaya – Anguttara Nikaya (ekaka-duka-tikanipata) / ed. Bhikkhu J. Kashyap. Bihar, 2017 ; **Dhammapada** – Dhammapada / ed. Ven. Weagoda Sarada Maha Thero. Singapore : Singapore Buddhist Meditation Centre, 1993 ; **Dhammika** – *Dhammika S.* Nature and the environment in early Buddhism. Singapore : Buddha Dhamma Mandala Society, 2015 ; **Mahāvaggo** – Mahāvaggo (Vinayapiṭaka). Chakurat Lalitpur : Vipashyana Vishodhana Vinyasa, 1998 ; **Saṃyuttanikāya** – Saṃyuttanikāya. Varanasi : Bouddha Bharati, 2001 ; **Suttanipāta** – Suttanipāta / ed. Dwarikadas Shastri. Varanasi : Bouddha Bharati, 2005 ; **Theragāthā** – Theragāthā / ed. Swāmī Dvārikādāsa Sāstrī. Varanasi : Bouddha Bharati, 2003 ; **Visuddhimaggo** – Visuddhimaggo / ed. B. Shukla. Varanasi, 1969.

Received by editorial board 05.03.2023.

УДК 329.3:28(620)(043.3)

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ АССОЦИАЦИИ «БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ»: ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПУТЬ И СВЯЗЬ С ЕГИПЕТСКИМ ОБЩЕСТВОМ

А. А. КОНДРАЛЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Ассоциация «Братья-мусульмане», или «Братья» (далее – БМ), зародившаяся в Египте в 1928 г. как сообщество религиозного просвещения, противостоявшее вестернизации, экономической нестабильности и увеличивающемуся разрыву между политической элитой и обществом, сегодня завершила полный жизненный цикл. БМ боролись с монархией во время правления короля Фарука в 1940-х гг., затем были объявлены вне закона и репрессированы при Г. А. Насере в 1950-х и 1960-х гг. Будучи реабилитированными при А. Садате в 1970-х гг., БМ смогли выйти на официальную политическую арену Египта, завоевать влияние в профсоюзах и впоследствии принять участие в парламентских выборах. В 1990-х и 2000-х гг. при Х. Мубараке они постепенно превратились в полноценную политическую организацию и стали ведущей оппозиционной группой в Египте. Наконец, на вершине своей политической траектории организация одержала убедительную, хотя и недолговременную победу на президентских и парламентских выборах после «арабской весны» в 2012 г., потеряв власть уже через год, в 2013 г. Однако потеря власти не стала самой трагичной вехой в истории организации. Последовав примеру Г. А. Насера, новый президент Египта А. Ф. ас-Сиси воспользовался поддержкой военного руководства и фактически поставил под вопрос само существование ассоциации, лидеры которой были либо приговорены к смертной казни, либо заключены в тюрьму, либо вынуждены эмигрировать. В данной статье рассматривается процесс постепенного политического восхождения БМ и их стремительного падения после прихода к власти. Автор утверждает, что наиболее заметной причиной политического успеха организации было умение поддерживать постоянную связь с египетским обществом, которая была разорвана после завоевания власти. При этом исследование показывает, что сегодня БМ сталкиваются с такими новыми вызовами, как утрата идентификации и неопределенность идеологии. Эти проблемы делают нынешний кризис еще более драматичным по последствиям, чем кризис, возникший в годы правления Г. А. Насера.

Ключевые слова: политический ислам; ассоциация «Братья-мусульмане»; Абдель Фаттах ас-Сиси; «арабская весна»; современная политика Египта.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь (№ гос. регистрации 20211323).

Образец цитирования:

Кондраль АА. Взлет и падение ассоциации «Братья-мусульмане»: ее политический путь и связь с египетским обществом. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;4:30–40 (на англ.).
EDN: SIEMXU

For citation:

Kondral AA. Rise and fall of the Muslim Brotherhood Association: political pass of the movement in connection with Egyptian society. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;4:30–40.
EDN: SIEMXU

Автор:

Александра Александровна Кондраль – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Aliaksandra A. Kondral, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history, faculty of history.
kondralaliaksandra@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0142-1918>

УЗЛЁТ І ПАДЗЕННЕ АСАЦЫЯЦЫІ «БРАТЫ-МУСУЛЬМАНЕ»: ЯЕ ПАЛІТЫЧНЫ ШЛЯХ І СУВЯЗЬ З ЕГІПЕЦКІМ ГРАМАДСТВАМ

А. А. КОНДРАЛЬ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Асацыяцыя «Браты-мусульмане», ці «Браты» (далей – БМ), якая зарадзілася ў Егіпце ў 1928 г. як супольнасць рэлігійнай асветы і супрацьстаяла вестэрнізацыі, эканамічнай нестабільнасці і разрыву паміж палітычнай элітай і грамадствам, сёння завяршыла поўны жыццёвы цыкл. БМ змагаліся з манархіяй падчас праўлення караля Фарука ў 1940-я гг., затым былі абвешчаны па-за законам і рэпрэсаваны пры Г. А. Насеры ў 1950-я і 1960-я гг. Будучы рэабілітаванымі пры А. Садаце ў 1970-я гг., БМ змаглі выйсці на афіцыйную палітычную арэну Егіпта, заваяваць уплыў у прафсаюзах і ў далейшым прыняць удзел у парламенцкіх выбарах. У 1990-я і 2000-я гг. пры Х. Мубараку яны паступова ператварыліся ў паўнаважны палітычны арганізацыю і сталі вядучай апазіцыйнай групай у Егіпце. Нарэшце, на вяршыні сваёй палітычнай траекторыі арганізацыя атрымала пераканаўчую, хоць і недоўгачасовую перамогу на прэзідэнцкіх і парламенцкіх выбарах пасля «арабскай вясны» ў 2012 г., страціўшы ўладу ўжо праз год, у 2013 г. Аднак страта ўлады не стала самай трагічнай вяхой у гісторыі арганізацыі. Узяўшы прыклад з Г. А. Насера, новы прэзідэнт Егіпта А. Ф. ас-Сісі скарыстаўся падтрымкай ваеннага кіраўніцтва і фактычна паставіў пад пытанне само існаванне асацыяцыі, лідары якой былі або прысуджаны да смяротнага пакарання, або зняволены ў турме, або вымушаны эмігрыраваць. У дадзеным артыкуле разглядаецца працэс паступовага палітычнага ўзыходжання БМ і іх імклівага падзення пасля прыходу да ўлады. Аўтар сцвярджае, што найбольш прыметнай прычынай палітычнага поспеху арганізацыі было ўменне падтрымліваць пастаянную сувязь з егіпецкім грамадствам, якая была разарвана пасля заваявання ўлады. Пры гэтым даследаванне паказвае, што сёння БМ сутыкаюцца з такімі новымі выклікамі, як страта ідэнтыфікацыі і нявызначанасць ідэалогіі. Гэтыя праблемы робяць цяперашні крызіс яшчэ больш драматычным па сваіх наступствах, чым крызіс, што ўзнік у гады кіравання Г. А. Насера.

Ключавыя словы: палітычны іслам; асацыяцыя «Браты-мусульмане»; Абдэль Фатах ас-Сісі; «арабская вясна»; сучасная палітыка Егіпта.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны пры фінансавай падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь (№ дзярж. рэгістрацыі 20211323).

RISE AND FALL OF THE MUSLIM BROTHERHOOD ASSOCIATION: POLITICAL PASS OF THE MOVEMENT IN CONNECTION WITH EGYPTIAN SOCIETY

A. A. KONDRAL^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Born in Egypt in 1928 and labeled as a community of religious enlightenment confronting westernisation, economic instability and the widening gap between the political elite and the society, the Muslim Brotherhood Association or the Brothers, Brotherhood (hereinafter – MB) has now completed a full life cycle. The MB struggled with the monarchy during king's Farouk rule in the 1940s, then it was outlawed and repressed by G. A. Nasser in the 1950s and 1960s. Again, the MB raised from the ashes under A. Sadat in the 1970s, managed to enter the official political arena of Egypt and to gain the upper hand over professional syndicates before participating in parliamentary elections. It gradually expanded into a full-fledged political stakeholder in the 1990s and 2000s under H. Mubarak, and became the leading opposition group in Egypt. Finally, at the apex of its political trajectory, the MB enjoyed a landslide albeit short-lived victory in the aftermath of the Arab spring in 2012, losing power even faster in 2013. However, the loss of power was not the most dramatic milestone in the organisation's history. Indeed, borrowing the methods of G. A. Nasser towards the organisation, the new president of Egypt, A. F. el-Sisi, benefiting from the support of the military brass, sealed the fate of the MB, which leaders were either sentenced to death, imprisoned, or forced to emigrate. The focus of the present article is twofold. On one hand, it examines the process of the gradual political ascent of the MB and their *arx Tarpeia Capitoli proxima* (pride comes before a fall) moment after gaining power. The author argues that the most prominent reason of the organisation's political success was their proficiency in maintaining a constant connection with Egyptian society, which was broken after the conquest of power. On the other hand, the investigation shows that nowadays the MB faces new challenges, implying a loss of self-identification and a tangible shortcoming of its ideology. These setbacks make the current debacle even more dramatic in its consequences than during the wilderness years under G. A. Nasser.

Keywords: political Islam; Muslim Brotherhood Association; Abdel Fattah el-Sisi; Arab Spring; modern Egyptian politics.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Ministry of Education of the Republic of Belarus (state registration No. 20211323).

Introduction

The beginning of the 21st century was characterised by the strengthening of the role of Islam in the regulation of the socio-political life of the Middle East countries. This phenomenon resulted in a significant expansion of the political presence of religiously oriented parties and organisations. In this pattern, the Egyptian Muslim Brotherhood Association, or the Brothers, Brotherhood (hereinafter – the MB) occupied a special place among Islamist political groups. Over many years of its activity, it evolved from a solely religious community to the most influential political group in Egypt. However, the path leading the MB to political heights was fraught with pitfalls and the organisation experienced periods of ups and downs throughout its history.

The most difficult period of its activity was marked by the harsh repression carried out by the regime of G. A. Nasser in the 1950s and 1960s. However, the MB not only managed to maintain their integrity, but transformed into an even more stable and competitive political organism, able to withstand the challenges of the external environment and to quickly respond to the demands of society. Since the 1980s, the organisation had been gradually conquered the Egyptian political arena. They reached the culmination of all their activities in 2012 and won the parliamentary and presidential elections in Egypt.

Nevertheless, a resounding success turned into a crushing failure. One year after he was elected as President of Egypt, M. Morsi, the representative of the MB, was dethroned and sent to prison. The new administration of Egypt, headed by President A. F. el-Sisi, unleashed a harsh repression against the MB, and the association was forced to act underground and return again to illegal activities. It is noteworthy that, unlike under G. A. Nasser, it was the Egyptian people who took to the streets of Egypt to demand M. Morsi's resignation shortly after voting for him.

Such a rapid fall of the popular political organisation actualises the question of the factors that brought it to power in Egypt, and the reasons for the rapid loss of trust within the Egyptian society. This issue becomes even sharper, taking into account the fact that the organisation has always positioned itself as an offshoot of society. Furthermore, one additional question needs to be contemplated: is the current harsh period going to prompt a refit of the MB (as it was the case in 1960s), or, on the contrary, is the association doomed to remain forever in exile outside of Egyptian political life?

The problem of the ideology and political activity of the MB throughout its history has been covered by

a number of sources and investigations. The fundamental work of the founder of the association H. al-Banna «Collection of messages of Imam Shahid Hasan al-Banna» represents one of the main sources of the MB ideological background, kept by the association till nowadays [1]. But the organisation has seriously transformed its political narrative throughout its nearly century-old existence, so the programme documents represented an important source of political thought of the MB in the period of their vigorous political activity (for example, Statement on democracy of 1995, the electoral programme of the MB Freedom and Justice Party during the parliamentary elections in Egypt in 2012)¹.

Historiography of the MB activity is represented by a significant number of investigations mainly in Russian, French, English and Arabic languages. The ideology and activity of the MB from the time of its creation till the beginning of 2000s was examined by the Russian scholar M. Razhbaddinov in a full-fledged monograph «Egyptian movement of the “Muslim Brotherhood”» [2]. The leading Belarusian expert in Arabic studies V. Koshchev investigates the modern and contemporary history of Egypt as well as the activity of the MB in this context [3; 4]. American and European researchers C. Wickham, B. Rubin and B. Rutherford [5–8] are the authors of numerous books and articles dedicated to the activity of the MB association before and after Arabic Spring. These scholars focused on main stages of the organisation's social and political activity and its formation as an influential political group.

Different aspects of the MB activity during the period of el-Sisi presidency have already been covered by a certain number of articles, published online by experts of international think tanks or non-governmental analytical initiatives as «Carnegie», «Hudson», etc.² They focus mainly on different aspects of president A. F. el-Sisi's repression on the MB and consider it as the main driver for the current crisis experienced by the organisation. American researcher of Egyptian origin K. al-Anani analyses this issue in more diverse ways, giving an idea of the MB response to repressions and its strategy of survival³.

Dissecting the political path of the MB, the present article aims to show the interconnection between the response of the organisation to public demands and its political success. Using a historical-genetic method, the author traces back social and political activity of the MB in line with the main problems of Egyptian society was facing at different stages, and it investigates the further transformation of the MB as the leading

¹The programme of the Freedom and Justice Party. Cairo, 2011. 80 p. (in Arab.) ; Statement of the Muslim Brothers on democracy // Rowaq Arabi. 1997. Jan. P. 139–143.

²Zollner B. Surviving repression: how Egypt's Muslim Brotherhood has carried on [Electronic resource]. URL: <https://carnegie-mec.org/2019/03/11/surviving-repression-how-egypt-s-muslim-brotherhood-has-carried-on-pub-78552> (date of access: 15.01.2023) ; *Manmoud Kh.* Sisi's grab for Brotherhood assets [Electronic resource]. URL: <https://carnegieendowment.org/sada/77427> (date of access: 16.01.2023) ; *Tadros S.* The Brotherhood divided [Electronic resource]. URL: <https://www.hudson.org/national-security-defense/the-brotherhood-divided> (date of access: 18.01.2023).

³*al-Anani Kh.* Rethinking the repression-dissent nexus: assessing Egypt's Muslim Brotherhood's response to repression since the coup of 2013 [Electronic resource]. URL: <https://carnegieendowment.org/sada/77427> (date of access: 16.01.2023).

oppositional political force. This method was also used to show the process of the association's degradation as a ruling power and rapid loss of trust of Egyptian society. Historical-comparative method was used to reveal similarities and differences of MB inner state as well as its

interaction with Egyptian society during repressions of Egyptian presidents G. A. Nasser and A. F. el-Sisi, emphasising the internal crisis association has undergone and determining the trajectory and perspectives of its development, as well as changes in public opinion towards it.

The genesis of the movement in a British garrison

In the first half of the 20th century, in spite of a formal sovereignty gained in 1922 Egypt still remained under the political, economic and cultural grip of the United Kingdom. This state of dependence nurtured the ideological basis of social movements of Egypt raising in the 1920s and 1930s [3, p. 95].

Unlike the elite and secular-bourgeois Wafd Party, the MB was born in the deep Egyptian society. As such, it was created in 1928 by the school teacher H. al-Banna, a paragon of people's intelligentsia. Son of Hanbali imam, he graduated from Dar al-Ulum, one of the first Egyptian «modern» institutions, specialised in teachers' education.

The MB emerged in Ismailia, a British garrison situated on western bank of the Suez Canal. There, the process of foreign domination and its procession of unemployment, social stratification and westernisation of mentalities were more blatant than in the rest of the country, echoing a negative reaction in the population, which openly and regularly protested against the British [4, p. 99].

Such an environment crafted the robustness of the MB's primary goal, which was the preservation of the cultural and religious identity of Egypt, and the return to

real independence. H. al-Banna tried to propose a domestic governance formula to all social and economic issues by returning to Islam as a comprehensive and self-sufficient system of governance, as it used to be under the Righteous Khalifs. This message was understandable and close to the Egyptian ordinary people, 90 % of which were Muslims and followed Islamic rules.

However, the comprehensive transformation of economic, political and social areas of Egyptian society could not be the matter of a single day. Therefore, a concept of gradual penetration of the MB ideology into all the strata of the state system was worked out. Obviously, the religious education of Egyptian population was seen as the first and the most important step to build an Islamic state. Thus, the MB began their activities with the opening of schools for the study of the Qur'an, charity and preaching, without interfering in politics [3, p. 4]. As time passed, the MB was gaining more and more influence among the population and began to go beyond purely religious discourse. In 1935, the association crossed the Rubicon and was officially identified as a political movement which set the creation of an Islamic state as its primary goal [2, p. 86].

From the oppression of G. A. Nasser to a political institutionalisation facilitated by A. Sadat

By the 1940s the MB turned into one of the most influential opposition organisation. Involved in the political struggle, they became a real counterbalance to the power. They supported the military coup organised by G. A. Nasser and Free Officers in 1952, which resulted in the overthrow of King Farouk and the establishment of the republic. However, G. A. Nasser rapidly considered the MB as inveterate political rivals and launched a merciless repression campaign against the organisation [9, p. 96]. As a result, most of the leaders of the MB were imprisoned or executed, and the association itself was outlawed in 1954 [10, p. 771–775].

This crackdown became the first serious challenge to the history of the MB. However, the society was not destroyed. The survival of the organisation found its grassroots in complex and siloed structure, expressed in the system of «families» (usar), scattered throughout Egypt. Each «family» consisted of 5–7 members, headed by amir. After some time amir might create a new family and appoint the new amir. «Families» epitomised the system of social corporatism of the MB, while the ideological preparation was entrusted to the phalanxes. The main unit of the phalanx was a group of

10 people – ushra. Four ushras made up a larger unit – ashir (40 people), five ashirs constituted rakht (200 people), five rakhts were united into a phalanx – katiba (1000 people) [2, p. 74–75].

These sui generis structures of the MB were hard to destroy due to their flexibility, decentralised mechanisms and comprehensiveness. Moreover, they gave birth to a generation of highly motivated and devoted activists, who maintained a constant steadiness in the context of an all-round repression against its prominent leaders. Pragmatically, the MB put the project of political leadership aside, focusing on its ideological work within the society. This tactic attracted more and more supporters.

Ironically, the oppression against the MB prompted the association's development abroad. Indeed, numerous key members were forced to immigrate to different countries all over the world and gave birth to the international network of the organisation [12, p. 85].

The return of the MB to politics happened after A. Sadat came to power in 1970. The new president tended to rehabilitate the Islamists, deemed to be a useful counterweight to the Nasserists [2, p. 245]. In 1971,

during a general amnesty, most of the MB members were released from prisons. Using the loyalty of authorities, the organisation restarted to work almost openly. Though, their activity was not officially legalised. Such a half-legal status put them at the mercy of the president, who ambited to turn them into a «pocket opposition». However, the situation helped the MB to gradually gain more political influence. In 1977, the organisation controlled the student unions of all Egyptian 13 universities. In 1978, the association won control of the Egyptian National Student Union [5, p. 116].

The control over student unions became the first leverage towards politics. After the assassination of A. Sadat in 1981 the MB continued to climb up the political ladder, disseminating their activities in professional syndicates. In 1984, the MB began to control the medical syndicate, in 1986 – the syndicate of engineers, in 1988 – the syndicate of pharmacists [10, p. 44]. Having gained significant political experience in labour associations, the

members of the MB went to the parliamentary elections. In 1984, the coalition of Wafd Party and the MB won 58 seats in the National Assembly, 8 of which belonged to the members of the MB [2, p. 201]. However, the coalition soon fell apart due to internal feuds for leadership. Therefore, in the next elections in 1987, the MB opted for an alliance with the Socialist Party of Labour and the Liberal Socialist Party and won 36 seats in Parliament [2, p. 211].

The political thaw of the A. Sadat time was materially beneficial to the MB. The society expanded the network of MB-affiliated schools, free of charge or inexpensive hospitals, and charity organisations, etc. [8, p. 85]. The influence and prestige of the organisation among Egyptians skyrocketed, as the association assumed the social functions of the state, where the latter was unable to intervene properly, all the more since president's A. Sadat liberal Infitah policy⁴, had fueled cronyism and marginalised wide ranges of Egyptian society, including employees of the public sector.

Regaining political influence through adherence to democratic principles

After the successful start in the late 1980s, the MB won only one seat in the Parliament in 1995 [7, p. 45], linked to two factors.

The group was hit by a string of arrests, and was forced to go underground for the second time in its history.

Besides, the results of the vote obviously illustrated, that the MB declined and lost its electorate. The group failed in its community outreach. Political activity of the organisation targeted wider circles of the Egyptian population, rather heterogeneous in social and religious terms. This required a precise, robust and overarching political programme. The vague slogan («Islam is our solution»), tailored by H. al-Banna, was deemed a bogeyman. The days of the fight against westernisation and confrontation with Israel had sunk into oblivion. Egyptian society became more inclusive and globalised, and an excessive focus on Islam repelled potential voters.

Nevertheless, this political failure acted as an incentive for political transformation. The MB started to develop a new political programme based on democratic tenets. In 1995, the organisation issued a Statement on democracy, in which it officially declared its commitment to democratic principles⁵. The political programme of the MB of 2000 (with it the organisation ran for parliamentary elections) was based on this statement. A turn to democracy really helped the MB to regain the trust of the voters. It gained 17 seats in the

National Assembly. In 2005 the success of the organisation became even more significant: they gained 20 % of the mandates and became the most widely represented opposition group in the National Assembly [13, p. 83]. On this occasion, the MB managed to meet peoples' aspirations and to work out a comprehensive programme tailored to the society's aspirations. Moreover, the organisation's representatives in Parliament acted as a real representative of the people's interests and raised the most pressing issues that worried the public: corruption in the ruling National Democratic Party and government, emergency law, police brutality, etc. [14, p. 167].

But the MB became dangerous rivals for Egyptian powers. On 10 October 2010, the very day after the organisation announced the nomination of their candidates for parliamentary elections, 22 members of the group were detained in Mansur and Alexandria⁶. By the end of November, the number of members arrested, according to the chief lawyer of the association, A. Maksud, reached 1206 people, including 5 members running for elections. All of them were charged with membership in an illegal organisation and the use of religious slogans⁷. At the beginning of the pre-election race, it became clear that the MB was unlikely to repeat its electoral success in 2005. The elections were held with such flagrant violations that the association's supreme mentor, M. al-Badia, announced the refusal of the MB candidates to participate in the second round.

⁴An «open door» policy aimed at expanding foreign investment and the private sector. A. Sadat has been always criticised for its not very successful outcome – widening social gap, expressed in the formation of a layer of oligarchs with a general decline in the standard of living of the population.

⁵The Statement of the Muslim Brothers on democracy. Cairo : Cairo Inst. for Hum. Rights Stud., 1997.

⁶Elections in Egypt. State of permanent emergency incompatible with free and fair vote. N. Y. : Hum. Rights Watch, 2010. 28 p.

⁷Shalaby A. 76 Brotherhood members arrested while hanging up campaign posters for Brotherhood candidates [Electronic resource]. URL: <http://www.almasry-alyoum.com/printerfriendly.aspx?ArticleID=274975> (date of access: 27.10.2010).

Tahrir Square in January 2011: the opportunistic springboard to power

Predictably, when Egyptian revolution broke out in 2011, the MB supported all its slogans in accordance with the political programme of the group: democratisation of socio-political life, freedom of speech, abolition of the state of emergency law. The members of the MB constituted a significant part of the protesters. In the middle of the uprising period on Tahrir Square, there were about 600 thousand of MB activists⁸. Moreover, the MB provided direct organisational support to the demonstrators. The organisation set up a series of checkpoints on the accesses to the square in order to prevent H. Mubarak's supporters from entering Tahrir Square and to avoid bloodshed. Besides, they provided food and medical care, they set up a pedestal with a microphone and a loudspeaker on the square [14, p. 140]. Without coming to the forefront, the members of the association took the most active part in the revolution, worked with the wind of the uprising without pretending to lead it. The MB could not pretend to play the role of the ideological mastermind of the revolution.

The revolution of January – February 2011 was a united protest of the Egyptian society, diverse and heterogeneous in its social, political and religious composition [15, p. 139]. During the revolution the MB acted as a part and on behalf of Egyptian society and demonstrated total awareness of the people's needs.

After the revolution, the MB continued to adapt to the political mainstream that dominated in the society. The MB tried in every possible way to demonstrate its adherence to the ideals of the revolution. Its members put forward a democratic programme. Despite the preservation of the thesis of the compliance of legislation with Sharia law (which, however, was already present in the legal system of Egypt) the newly formed political party of the MB – the Freedom and Justice Party – advo-

cated for an independent judiciary, freedom of speech, political pluralism, anti-corruption and social justice⁹.

In addition, the Freedom and Justice Party nominees for the parliamentary elections were not directly affiliated with the party, but campaigned within the so-called democratic alliance, a hodgepodge of moderate Islamic movements and civilian parties, such as the Nasserist Karama Party (Dignity), the secular democrats Ghad el-Thawra, Free Egyptians and the Democratic Generation Party, the Labour Party, the Egyptian Arab Socialist party¹⁰.

This demonstrative willingness to cooperate with other political forces was fruitful. Indeed, the Freedom and Justice Party won the elections to the Egyptian People's Assembly, and obtained 47 % of the seats in the Parliament. Further, following the beaten path of the promotion of a democratic programme while preserving basic Islamic principles, the MB candidate M. Morsi won the presidential elections¹¹ with the final result of 51.73 %.

To many observers, the final electoral success of the MB after the revolution again was a result of their interaction with Egyptian society in the broadest sense. The people of Egypt did not vote not for M. Morsi or the MB itself, but rather for the ideals of revolution, embodied by the organisation. In this situation, the victory of the MB did not mean an unconditional support of their ideology by the people. Voters assumed that, as the ruling power, the MB would continue the policy of solidarity with all layers of Egyptian society and political forces. The maturation of a new-built democratic system implied a strict observation of the principles of fair political competition. This challenge entirely fell on the new president, who was elected subsequently to the democratic revolution in Egypt in 2011.

The short-lived experience of power

Yet, the main shortcomings of the MB came rapidly to the surface. It turned out that this time the group was unable to take the pulse of the country and to build a new political equilibrium favouring interaction within the society.

At odds with his pledge to embrace a democratic orientation and trying to find a compromise with other political forces, M. Morsi, by inertia, followed the authoritarian path of his predecessor. He launched an all-round offensive against the positions of other influen-

tial political forces like military and secular democratic parties.

The new president started with personnel changes: first, in August 2012, he dismissed the head of the General Intelligence Service, the commander of the Republican Guard, the commander of the Presidential Guard, the director of Cairo Security and the Governor of North Sinai¹². Formally, this dismissal justified by a terrorist attack which took place earlier in North Sinai on the border with Gaza and Israel. Nevertheless, his

⁸Yah'i M. Musa, Sharia and Abu al-Madaj go out onto the Tashiro to support protesters // Al-Masri al-Yaym. 2011. 5 Feb. P. 5 (in Arab.).

⁹The programme of the Freedom and Justice Party. 80 p. (in Arab.).

¹⁰Democratic alliance (Freedom and Justice) [Electronic resource]. URL: <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/33/103/26895/Elections-/Electoral-Alliances/Democratic-Alliance.aspx> (date of access: 02.01.2012).

¹¹Muslim Brotherhood's Mursi declared Egypt president [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-18571580> (date of access: 01.07.2012).

¹²Domestic and foreign affairs in Morsi's third month [Electronic resource]. URL: <https://studies.aljazeera.net/en/positionpapers/2012/09/2012967561441983.html> (date of access: 01.10.2012).

next actions demonstrated that this sacking was aimed at transforming the political space.

M. Morsi fired the Minister of defence and the head of the Supreme Forces M. H. Tantawi, as well as a number of other representatives of the council who served under H. Mubarak. Moreover, he cancelled a constitutional declaration that limited presidential powers issued by Supreme Council of Armed Forces in June¹³. This step caused a wave of discontent among high-ranking officers. Yet, it was just the beginning. In November 2012, he issued a Constitutional declaration, which unprecedentedly expanded the powers of the president, by depriving the judiciary of the right to challenge his decisions, as well as authorising him to dissolve Parliament and the Constitutional Assembly. As a result, the powers of the president went far beyond the executive power. In addition, the head of state was endowed the right to take any necessary measures in the event of a threat of revolution, national unity and security. In fact, it exhumed the disparaged state of emergency, which had been canceled right after the revolution [16, p. 41]. As it was marked by al-Jazeera Centre for Studies, «Morsi had more powers than Mubarak did»¹⁴. Eventually, the concentration of power in the president's hands was a vigorous attempt to downgrade the power of the military apparatus – main rival of the MB – in the political system.

The next step towards the maximisation of MB's power was made in January and May 2013, when president M. Morsi appointed members of the organisation

to the government, increasing their number to 10 (out of 35). In a similar way, in September 2012 and June 2013, 10 out of the 27 new Egyptian appointed governors were also the representatives of the MB. The opposition denounced then a «Brotherhoodisation» of the state¹⁵.

Having started with the governmental level, M. Morsi targeted public organisations. On 29 May 2013 he initiated the draft law, regulating the activities of non-governmental organisations (NGOs), allowing the government to restrict the funding and operation of NGOs. The authorities acquired the right to object to their internal decisions and activities. Not surprisingly, this step caused a flurry of criticism and let the opposition groups to accuse the MB of authoritarianism. The critics became even harsher when in June 43 people were sentenced to prison for being member of illegal organisations¹⁶. Ironically, oppressed under G. A. Nasser and H. Mubarak as an illegal group, the MB went down the same path as their oppressors.

Dissatisfaction grew among the political forces of Egypt and ordinary citizens. In November 2012, the leaders of the secular opposition M. Baradei, H. Sabahi, A. Nur, M. M. Musa called on the Egyptians to take to the streets to protest against M. Morsi's dictatorship¹⁷. As a result, on 27 November 2012, about 100 thnd of Egyptians gathered in Tahrir Square, calling on the president to cancel the abhorred legislation. Moreover, many called for M. Morsi overthrow, saying that he had betrayed the principles of the revolution¹⁸.

Pride comes before a fall

On 3 July 2013 M. Morsi was overthrown by a military coup staged by the Supreme Council of the Armed Forces and spearheaded by the Minister of defence A. F. el-Sisi. The context of the coup, was very reminiscent of the revolution that had replaced H. Mubarak two years earlier: in July 2013, over one million of citizens demonstrated on the streets of Cairo, demanding the immediate resignation of president M. Morsi¹⁹.

Sharing the destiny of his predecessor H. Mubarak, M. Morsi was taken into custody and detained²⁰. The MB was officially declared a terrorist organisation.

The essence of the crackdown was dictated by the logic of the military, which acted as a counterweight to the MB, and aspired to neutralise their opponents and take over completely, implementing the doctrine of the 1952 coup.

Paved with decades of hardships, the protracted political experience of the organisation could not prevent the MB from clinging to power for more than a year. Demonstrating solidarity with the aspirations of the people throughout the history of their activities in the opposition, reaching power with a democratic

¹³Egypt president orders military chief Tantawi to retire [Electronic resource]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-egypt-army-tantawi-idUSBRE87B0IQ20120812> (date of access: 02.10.2012).

¹⁴Domestic and foreign affairs in Morsi's third month [Electronic resource]. URL: <https://studies.aljazeera.net/en/positionpapers/2012/09/2012967561441983.html> (date of access: 01.10.2012).

¹⁵Momani B. In Egypt, «seep state» vs. «Brotherhoodisation» [Electronic resource]. URL: <https://www.brookings.edu/articles/in-egypt-deep-state-vs-brotherhoodization/> (date of access: 01.10.2012).

¹⁶Egypt: new draft law an assault on independent groups [Electronic resource]. URL: <https://www.hrw.org/news/2013/05/30/egypt-new-draft-law-assault-independent-groups#:~:text=The%20draft%20would%20give%20the%20government%2C%20and%20in,and%20Political%20Rights%20%28ICCP%29%2C%20Human%20Rights%20Watch%20said> (date of access: 01.06.2014).

¹⁷ElBaradei, Sabbahy and others call for anti-Morsi protests on Friday [Electronic resource]. URL: <http://www.egyptindependent.com/news/elbaradei-sabbahy-and-others-call-anti-morsy-protests-friday> (date of access: 10.04.2013).

¹⁸Egypt: protesters descend on Tahrir Square [Electronic resource]. URL: <http://www.theguardian.com/world/2012/nov/27/egypt-protesters-descend-tahrir-square> (date of access: 10.12.2012).

¹⁹Egypt faces more bloodshed as Muslim Brotherhood offices torched [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/jul/01/egypt-muslim-brotherhood-offices-civil> (date of access: 11.10.2013).

²⁰Morsi ousted, under house arrest, as crowds celebrate in Cairo [Electronic resource]. URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/morsi-ousted-under-house-arrest-crowds-celebrate-cairo-flna6c10523507> (date of access: 12.10.2013).

programme, the MB slipped into authoritarianism as soon as they took authority.

By following the path of institutional seizure of influence, their representative M. Morsi went astray. His political basis eroded day by day, and was rapidly limited to staunch and loyal MB. The Egyptians who voted for him felt deceived and betrayed.

In addition, he clearly underestimated the power of the military, who did not tolerate any challenge of their positions and encroachments in their sole preserve. As a result, the generals became the thriving force that mechanically prepared the ground for the overthrow of the MB.

Furthermore, the exercise of power was detrimental to the MB. They lost their comparative advantage of understanding the society, on which they had gained their popularity. The MB did not feel, or simply ignored, the conflicting various ideological currents that existed within the Egyptian society. They behaved as if they were the only one influential political force, and did not pay attention to the actual change in the political conjuncture and its demands.

M. Morsi ruled as an oriental despot. He eliminated political rivals and gnawed off larger and larger pieces of the political and economic pie. His behaviour was forgiven neither by the leading political competing players – the military, nor by the Egyptians themselves.

Predictably, the armed forces brought their main representative to power again. In May 2014, A. F. el-Sisi gathered 96.91 % of the popular vote and was elected the President of Egypt²¹.

Towards a structural weakening of the organisation

At first sight, the dire situation endured by the MB presented similarities with G. A. Nasser's era, when a whole galaxy of the MB activists had to move outside Egypt, including to Europe, where they had managed to build up the infrastructure to preserve the association's existence, but also to expand its influence abroad and organising the whole system of the MB representation in exile.

However, in 2010s and 2020s the organisation was not anymore the young and ambitious, though experienced, organisation, still gaining influence and developing its infrastructure. They represented a worldwide

A widespread repression targeted the MB in the aftermath of his election, effectively repeating G. A. Nasser's stance.

The general guide of the MB M. Badie was detained right after the coup in August 2013, and was eventually sentenced to life imprisonment. M. Morsi himself was convicted and sentenced to death in May 2015, before seeing his sentence commuted to life imprisonment in June 2016. He died in 2019.

Further, the repressive mechanisms became self-reinforcing: even former repentant members of the association were accused of having links with the MB and were arrested: in 2018, A. M. A. A. Fotouh, who left the group before the 2011 revolution, was taken into custody and then identified as a terrorist. In January 2021 along with M. Ezzat, general guide of MB in 2013–2020 and H. Malek, one of the largest MB financiers²², he was sentenced to 15 years in prison²³ in May 2022. June 2022 9 members of the MB including its leader Y. Moussa, were sentenced to death²⁴.

Subsequently, a significant amount of prominent members of the organisation, as well as MB-affiliated officials, were forced to immigrate. In order to preserve its existence, the headquarters of the MB were moved to London. Turkey became a safe haven for many activists²⁵. The next general guide appointed after the arrest of M. Ezzat was I. Munir, who had been granted political asylum in the UK in the early 1980s and actively participated in creating the local MB infrastructure. The current official leader of the movement S. Abdel-Haq, elected in February 2023, has been living outside Egypt from 1990s²⁶.

deployed social and political network, possessing an appropriate organisational, financial and personnel base.

Having this pattern in mind, the authorities opted for a decapitation of the MB at all levels, aiming to deliver the final blow to the organisation's infrastructure.

Financial resources of the association were targeted first. The assets of arrested MB leaders were frozen directly after their condemnation. K. al-Shater and H. Malik, former largest Egyptian millionaire businessmen were not spared. Further in April 2018, A. F. el-Sisi issued a new repressive law, by which the state could seize the assets of entities recognised as terrorist organisations.

²¹Abdel Fatah el-Sisi sweeps to victory in Egyptian presidential election [Electronic resource]. URL: <https://theguardian.com/world/2014/may/29/abdel-fatah-al-sisi-sweeps-victory-egyptian-election> (date of access: 10.06.2014).

²²Egypt places 50 Muslim Brotherhood leaders on terrorism list [Electronic resource]. URL: <https://egyptindependent.com/egypt-places-50-muslim-brotherhood-leaders-on-terrorism-list/> (date of access: 10.03.2021).

²³Court jails Egyptian former presidential candidate for 15 years [Electronic resource]. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/court-jails-egyptian-former-presidential-candidate-15-years-2022-05-29/> (date of access: 11.06.2022).

²⁴Egypt places 50 Muslim Brotherhood leaders on terrorism list [Electronic resource]. URL: <https://egyptindependent.com/egypt-places-50-muslim-brotherhood-leaders-on-terrorism-list/> (date of access: 10.07.2022).

²⁵Turkey open to bids for refuge by Muslim Brotherhood exiles [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2014/09/16/world/europe/turkey-open-to-bids-for-refuge-by-muslim-brotherhood-exiles.html> (date of access: 10.03.2021).

²⁶Salah Abdel-Haq appointed acting guide of Brotherhood [Electronic resource]. URL: <https://www.thedailyreports.com/salah-abdel-haq-appointed-acting-guide-of-brotherhood/> (date of access: 10.03.2023).

In September 2018, Egypt's Committee for Inventory, Seizure, and Management of Terrorist Funds confiscated the assets of MB-affiliated companies, schools, NGOs, hospitals, etc. for 3.4 bln US dollars feeding directly the Egyptian treasury²⁷.

Such a blow had far more far-reaching consequences than simply depriving the association's elite of money and capital. MB-affiliated businesses and social infrastructure played an important role in ensuring loyalty of existing members and attracting new ones. Not only the owners, but a significant part of the clients and employees of the MB companies belonged to the association. Its educational and healthcare establishments provided high quality and cheap or even free services to the MB members²⁸. The government pressure led to the breakdown of the organisation on the grassroots level, depriving the livelihood of not only prominent activists, but even ordinary members and sympathisers, who were not related to political activity.

But material factor was even not the most dramatic one. Such an extended social network led to the formation of a peculiar microcosm, gated the MB community. Its collapse led to real social apocalypse of its members and loss of all the supports, plunged them into a state of social uncertainty, causing their strong demotivation and depression. In these circumstances the essential strategy of the rank-and-file members of the MB was to focus on their own survival, not association's one.

Arrests and exile of the MB leaders also resulted in the internal split, further weakened the organisation. Some young members insisted on the continuation of the violent resistance, while the old guard pursued a policy of retreat into the shadows and suspension of any political activity. With the official leadership in exile, the previously marginalised youth started to play a more significant part in the MB activity inside Egypt and even formed its own governing body called Supreme Administrative Committee led by former member of the organisation's Guidance Bureau M. Kamal, though, not recognised and soon dissolved by the MB official leadership. Anyway, its dissolution didn't stop the process of rethinking association's activity in Egypt by the MB youth and their increasing distance from the old leadership. This situation as well as the flow of repressions in some cases led to emergence of a kind of political absenteeism in its ranks. Famous researcher and the MB expert K. al-Anani gave the following example: «Mustafa Ahmed, a 23-year-old member in the Brotherhood who fled the country to Sudan after he was released from prison on bail, believes Sisi's regime has consolidated its power and there is no value in resisting it. As he states, "I don't believe anymore in peaceful change. I don't

believe in pushing back either. I don't care about politics. What I do care about is the release of thousands of people who are now in prison." He also expressed bitter sentiment towards the Brotherhood's leaders which led him to abandon the movement. According to him, "The Brotherhood achieved nothing since it entered politics a few decades ago. They failed in politics miserably and should focus on law and charity"»²⁹.

Such a tendency reveals one more problem, the MB faced with. Its strategy of gradually infiltrating society in order to gain political supremacy suffered a crushing fiasco when the association came to power. This political failure caused the predictable crisis of identity and ideological uncertainty. If under G. A. Nasser epoch the MB members were inspired by a higher purpose of creating an Islamic state, nowadays this aim seems to be absolutely unattainable. The organisation unconvincing experience in power demonstrated that a main addressee of its political narrative – Egyptian society – was not ready for the Islamic discourse of the MB, which they sought to implement. In this way, the existence of organisation turned out to be senseless and nowadays the association works solely to secure its own survival.

Under G. A. Nasser, in spite of brutal oppression of the MB, it had still one very significant advantage. It was a relatively young organisation with innovative ideas, reflecting the needs of Egyptian peoples. 1950s in the history of Egyptian state were marked by the search of political direction of the young republic and its desperate and unsuccessful confrontation with Israel. In the context of G. A. Nasser's pan Arabism failure, the Islamist ideology advocated by the MB seemed to be a reasonable alternative. Moreover, the fact that the MB struggled against the monarchy along with Free Officers and then were rapidly repressed, gave them the image of scapegoats of political games and paradoxically led to its transformation into a leading opposition organisation.

On the contrary, the political failure of the MB after the revolution was nothing, but their own fault. The organisation demonstrated total inability to maneuver in the political space and weak applicability of its ideology in contemporary Egypt. The organisation return on the Egyptian political stage seems to be unrealistic and a very distant prospect. Now, the outlawed MB is doomed to return to underground activities and find the best way to function in new conditions. Though, throughout all its history the MB is already fitted with a well-functioning scheme of interaction with repressive regimes and the total destroy of its Egyptian wing is highly unlikely. However, now the association has to act not only in hostile environment, but also in conditions of internal divisions and a self-identification crisis.

²⁷Mahmoud Kh. Sisi's grab for Brotherhood assets [Electronic resource]. URL: <https://carnegieendowment.org/sada/77427/> (date of access: 15.01.2022).

²⁸Egypt: social programmes bolster appeal of Muslim Brotherhood [Electronic resource]. URL: <http://www.irinnews.org/Report/26150/EGYPT-Social-programmes-bolster-appeal-of-Muslim-Brotherhood> (date of access: 10.04.2012).

²⁹al-Anani Kh. Rethinking the repression-dissent nexus: assessing Egypt's Muslim Brotherhood's response to repression since the coup of 2013 [Electronic resource]. URL: <https://carnegieendowment.org/sada/77427> (date of access: 16.01.2023).

In these circumstances the most pressing issue the MB facing nowadays is the search of suitable forms of activity and a system of self-preserving mechanisms,

that would allow it to restore the long-established connection with the Egyptian society, which was lost during the period of their rule and repression by the authorities.

Conclusions

The political history of the MB can be labelled as diverse and unstable: the association experienced periods of ups and downs, either entering the political vanguard, or going into the shadows, even being forced to move to illegal activity. The harsh policies of president G. A. Nasser almost led to the complete destruction of the group, but the MB rose from the ashes and rebuilt their infrastructure both in Egypt and abroad.

At the same time, throughout the entire period of its existence, the MB has built its activities on the basis of the requirements and aspirations of broad segments of Egyptian population. Moreover, the association not only positioned itself as a part of it, but also competently integrated into it, gradually expanding its sphere of influence at all levels and gaining popularity among ordinary Egyptians. The organisation did not only promote its ideology to the masses, but rather transformed it in accordance with the most pressing problems Egyptian society was facing, and managed to develop the image of political force concentrated on the protection of public interests. During the period of dependence on Great Britain, the MB insisted on the real sovereignty of Egypt and the preservation of national and religious identity, during the years of G. A. Nasser's rule they developed an international network, using the status of victims of repression,

and during the times of A. Sadat and H. Mubarak, they advocated social equality, the fight against corruption and the democratisation of socio-political sphere. Their vigorous activity during the revolution of 2011 and the electoral success of 2012 was fully consistent with this strategy: partly silencing the Islamist component, the association promoted a programme based on the ideals of Tahrir, suitable for a wide range of voters.

But after taking authority, the MB moved away from this approach and began to pursue a policy actually opposite to the principles declared by them before, trying to concentrate power in their hands as much as possible and quickly came to the political collapse.

Moreover, as in the days of G. A. Nasser, the new president A. F. el-Sisi unleashed a wave of repression on the MB, questioning the very possibility of its existence in Egypt. Despite all the similarities with the times of G. A. Nasser, the situation in which the MB occurred now is even more difficult: the repression is even more severe and comprehensive, and the association itself is experiencing a serious internal crisis caused by the loss of confidence of the Egyptian society, as well as its own members. In this way, the MB have again returned back to square one and will be forced to build a new political identity in unfavourable conditions.

Библиографические ссылки

1. аль-Банна Х. *Собрание посланий имама Хасана аль-Банни*. Каир: Дар ад-Дават ли ат-Таба ва ат-Тавзия; 1998. 756 с. (на араб.).
2. Ражбадинов М. *Египетское движение «Братьев-мусульман»*. Москва: Институт востоковедения РАН; 2004. 434 с.
3. Кошелев В.С. *Египет до Эль-Аламейна: из истории внутривосточной борьбы, 1939–1942*. Минск: БГУ; 1977. 176 с.
4. Кошелев В.С. *Египет: от Ораби-наши до Саада Заглула, 1879–1924*. Минск: Наука; 1992. 288 с.
5. Wickham C. *Mobilising Islam*. New York: Columbia University Press; 2002. 300 p.
6. Rubin B. *Islamic fundamentalism in Egyptian politics*. New York: Palgrave Macmillan; 2002. 222 p.
7. Rubin B, editor. *The Muslim Brotherhood: the organisation and policies of a global Islamist movement*. New York: Palgrave Macmillan; 2010. 196 p.
8. Rutherford B. *Egypt after Mubarak. Liberalism, Islam and democracy in the Arab world*. Princeton: Princeton University Press; 2008. 280 p.
9. Hefner R. *Shari'a politics: Islamic law and society in the modern world*. Bloomington: Indiana University Press; 2011. 330 p.
10. Лютфи М. *Фарук и падение монархии в Египте 1936–1952*. Каир: Мактабат Мадбули; 1989. 1032 с. (на араб.).
11. Абу-Фарис М. *Политическая доктрина имама Хасана аль-Банни*. Каир: Дар аль-Башар ли ас-Сакафа ва аль-Улюм; 1999. 128 с. (на араб.).
12. Кондраль АА. «Братья-мусульмане» в Европе: идеологическая и организационная трансформация. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2020;4:80–90 (на англ.). DOI: 10.33581/2520-6338-2020-4-80-90.
13. Arafat A. *The Mubarak leadership and future of democracy in Egypt*. New York: Palgrave Macmillan; 2009. 270 p.
14. Guibal C, Salaun T. *L’Egypte de Tahrir. Anatomie d’une révolution*. Paris: Editions du Seuil; 2011. 253 p.
15. Кондраль АА. Деятельность организации «Братьев-мусульман» в период народного восстания в Египте (январь – февраль 2011 г.). *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и педагогические науки*. 2012;12(1):133–140.
16. Row B. *The Egyptian experience of the Muslim Brotherhood in power 2012–2013*. London: Nine Bedford Row International; 2015. 108 p.

References

1. al-Banna H. *Collected messages of Imam Hassan al-Banna*. Cairo: Dar ad-Dawat li at-Taba wa at-Tawzia; 1998. 756 p. Arabic.
2. Razhbadinov M. *Egipetskoe dvizhenie «Brat'ev-musul'man»* [Egyptian movement of the Muslim Brotherhood]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 2004. 434 p. Russian.

3. Koshelev VS. *Egipet do El'-Alameina: iz istorii vnutripoliticheskoi bor'by, 1939–1942* [Egypt to El Alamein: from the history of internal political struggle, 1939–1942]. Minsk: Belarusian State University; 1977. 176 p. Russian.
4. Koshelev VS. *Egipet: ot Orabi-pashi do Saada Zaghlul, 1879–1924* [Egypt: from Orabi Pasha to Saad Zaghlul, 1879–1924]. Minsk: Nauka; 1992. 288 p. Russian.
5. Wickham C. *Mobilising Islam*. New York: Columbia University Press; 2002. 300 p.
6. Rubin B. *Islamic fundamentalism in Egyptian politics*. New York: Palgrave Macmillan; 2002. 222 p.
7. Rubin B, editor. *The Muslim Brotherhood: the organisation and policies of a global Islamist movement*. New York: Palgrave Macmillan; 2010. 196 p.
8. Rutherford B. *Egypt after Mubarak. Liberalism, Islam and democracy in the Arab world*. Princeton: Princeton University Press; 2008. 280 p.
9. Hefner R. *Shari'a politics: Islamic law and society in the modern world*. Bloomington: Indiana University Press; 2011. 330 p.
10. Lutfi M. *Farouq and the fall of the monarchy in Egypt 1936–1952*. Cairo: Maktabat Madbouli; 1989. 1032 p. Arabic.
11. Abu-Faris M. *Political doctrine of Imam Hassan al-Banna*. Cairo: Dar al-Bashar li al-Saqafa wa al-Ulum; 1999. 128 p. Arabic.
12. Kondral AA. The Muslim Brotherhood in Europe: organisational and ideological transformation. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;4:80–90. DOI: 10.33581/2520-6338-2020-4-80-90.
13. Arafat A. *The Mubarak leadership and future of democracy in Egypt*. New York: Palgrave Macmillan; 2009. 270 p.
14. Guibal C, Salaun T. *L'Egypte de Tahrir. Anatomie d'une revolution*. Paris: Editions du Seuil; 2011. 253 p.
15. Kondral AA. [The activity of the Muslim Brotherhood organisation during the national uprising in Egypt (January – February 2011)]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i pedagogicheskie nauki*. 2012;12(1):133–140. Russian.
16. Row B. *The Egyptian experience of the Muslim Brotherhood in power 2012–2013*. London: Nine Bedford Row International; 2015. 108 p.

Received by editorial board 30.06.2023.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

УДК 378.4(476-25)(091)

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРВОГО УНИВЕРСИТЕТА БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО УКРЕПЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (1919–1925)

О. А. ЯНОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основе новых архивных данных рассматривается процесс закрепления важнейших институциональных характеристик (кадровое обеспечение, организационные формы обучения и научных исследований, особенности структуры и др.) первого университета Беларуси – Белорусского государственного университета. Данный процесс отражает институциональную эволюцию учреждения высшего образования. Развитие университета рассматривается в контексте политического и экономического укрепления белорусского государства, а также практики его взаимоотношений с РСФСР (СССР). Показываются трудности, которые приходилось преодолевать университету и государству на пути достижения если не полной самостоятельности, то равноправия в условиях первоначально зыбких представлений об исторической самодостаточности белорусов в политической и общественной среде.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; белорусская государственность; институциональные характеристики; РСФСР; СССР; политика; экономика; формы взаимодействия.

Благодарность. Работа выполнена в рамках темы 1.03.21 «Институционализация образования и науки Беларуси в условиях общественно-политических процессов 1920–1930-х гг.» подпрограммы 1 «История» государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг.

Образец цитирования:

Яновский ОА. Эволюция институциональных характеристик первого университета Беларуси в условиях политического и экономического укрепления белорусской государственности (1919–1925). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;4:41–53. EDN: MRZHLS

For citation:

Yanouski AA. Evolution of the institutional characteristics of the first university of Belarus under the political and economic strengthening of the Belarusian statehood (1919–1925). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;4:41–53. Russian. EDN: MRZHLS

Автор:

Олег Антонович Яновский – кандидат исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории России исторического факультета.

Author:

Aleh A. Yanouski, PhD (history), full professor; head of the department of Russian history, faculty of history. helgoleg@mail.ru

ЭВАЛЮЦЫЯ ІНСТЫТУЦЫЯНАЛЬНЫХ ХАРАКТАРЫСТЫК ПЕРШАГА ЁНІВЕРСІТЭТА БЕЛАРУСІ ВА ЁМОВАХ ПАЛІТЫЧНАГА І ЭКАНАМІЧНАГА ЁМАЦАВАННЯ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ (1919–1925)

А. А. ЯНОЎСКИ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На аснове новых архіўных даных разглядаецца працэс замацавання найважнейшых інстытуцыянальных характарыстык (кадравае забеспячэнне, арганізацыйныя формы навучання і навуковых даследаванняў, асаблівасці структуры і інш.) першага ўніверсітэта Беларусі – Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гэты працэс адлюстроўвае інстытуцыянальную эвалюцыю ўстанова вышэйшай адукацыі. Развіццё ўніверсітэта разглядаецца ў кантэксце палітычнага і эканамічнага ўмацавання беларускай дзяржавы, практыкі яе ўзаемаадносін з РСФСР (СССР). Паказваюцца цяжкасці, якія даводзілася пераадолюваць краіне і ўніверсітэту на шляху дасягнення калі не поўнай самастойнасці, то раўнапраўя ва ўмовах першапачаткова няўстойлівых уяўленняў аб гістарычнай самадастатковасці беларусаў у палітычным і грамадскім асяроддзі.

Ключавыя словы: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; беларуская дзяржаўнасць; інстытуцыянальныя характарыстыкі; РСФСР; СССР; палітыка; эканоміка; формы ўзаемадзеяння.

Падзяка. Работа выканана ў рамках тэмы 1.03.21 «Інстытуцыяналізацыя адукацыі і навукі Беларусі ва ўмовах грамадска-палітычных працэсаў 1920–1930-х гг.» падпраграмы 1 «Гісторыя» дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг.

EVOLUTION OF THE INSTITUTIONAL CHARACTERISTICS OF THE FIRST UNIVERSITY OF BELARUS UNDER THE POLITICAL AND ECONOMIC STRENGTHENING OF THE BELARUSIAN STATEHOOD (1919–1925)

A. A. YANOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

On the basis of new archival data, the process of consolidating the most important institutional characteristics (staffing, organisational forms of training and research, structural features, etc.) of the first university of Belarus – the Belarusian State University is considered. This process reflects the institutional evolution of the institution of higher education. The evolution of university institutionalism is considered against the background of the political and economic strengthening of the Belarusian statehood, the practice of its relations with the RSFSR (USSR). The difficulties that both the state and its university had to overcome on the way to achieving, if not complete independence, then equality in the conditions of initially shaky ideas in the political environment and public perception of the historical self-sufficiency of Belarusians are shown.

Keywords: Belarusian State University; Belarusian statehood; institutional characteristics; RSFSR; USSR; policy; economics; forms of interaction.

Acknowledgements. The work was carried out within the framework of the theme 1.03.21 «Institutionalisation of education and science in Belarus in the conditions of socio-political processes of the 1920–1930s» subprogramme 1 «History» of the state research programme «Society and humanitarian security of the Belarusian state» for 2021–2025.

Введение

История Белорусского государственного университета – первого университета белорусского государства – ведет отсчет с февраля 1919 г. На сегодня она изучена достаточно подробно, однако в ней по-прежнему немало деталей общего и частного характера, которые исследователи еще не изъяли из глубин архивных фондов. Таким образом, дальнейшее из-

учение эволюции институциональных характеристик этого многофункционального и постоянно совершенствующегося организма представляет интерес для специалистов. Существование БГУ всегда было обусловлено как внутренними трендами развития всех университетов мира, так и внешними общественными, политическими, экономическими и другими

факторами. Хронологические рамки настоящего исследования охватывают период от зарождения белорусской государственности до первой реализации университетского проекта (первого выпуска подготовленных в стенах университета экономистов и юристов), т. е. с января 1919 г. до февраля 1925 г. Конечно, некоторые смысловые отклонения от этих рамок и необходимы, и уместны.

В русле размышлений следует обратиться к значимым политическим факторам развития БГУ – становлению белорусской государственности и учреждению Союза Советских Социалистических Республик. Важно проследить, как университетское сообщество воспринимало свою принадлежность к «местному государству» – Социалистической Советской Республике Белоруссии (ССРБ), и как менялось это восприятие. Изучение архивных документов позволяет сделать вывод о том, что профессорско-преподавательский коллектив БГУ, состоявший в основном из педагогов старой закалки, не сразу принял факт существования новой политической конструкции, вдруг утвердившейся на западных рубежах бывшей имперской России и новой Советской России. Интерес представляют и иные обстоятельства развития университета: постоянное пополнение студенчества выходцами из пролетарско-крестьянской среды, а также усиление роли партийной и комсомольской организаций с их весьма своеобразным пониманием новой жизни.

Сегодня историки не придают большого значения сущности исторических дефиниций, используя в своих работах первоначальные полные или аббревиатурные наименования белорусской государственности. Однако нельзя забывать, что определение «Социалистическая Советская Республика Белоруссия» первого утверждения вовсе не тождественно определению «Белорусская Советская Социалистическая Республика» в период вхождения страны в СССР. Очевидно, что те смысловые акценты, которые изначально содержались в названии белорусского государства, на протяжении 1919–1922 гг. изменялись в силу бурных политических пертурбаций. В вариантах названия Республики Белоруссии превалировала то социалистическая, то советская парадигма. В декларации об образовании СССР было закреплено наименование «Белорусская Социалистическая Советская Республика», хотя в дальнейшем использовалось наименование «Белорусская Советская Социалистическая Республика».

Методология исследования

За последнее столетие одна лишь белорусская историография на указанную тему претерпела множество переоценок, где аргументы за и против су-

Подобные лексико-терминологические поиски властных структур, безусловно, вносили определенные коррективы в психологические установки преподавателей, сотрудников и студентов БГУ. У представителей педагогического сообщества постепенно утверждалось понимание того, что создается университет белорусского, а не российского государства, университет отдельной республики, а не университет на западных рубежах РСФСР. Но путь от этого понимания к внутренней убежденности, подкрепленной чувствами именно белорусского патриотизма, оказался непростым.

БГУ «состоялся» в результате долгого осмысления сущностного предназначения новой образовательной структуры. Знаменательно, что создание университета стало чуть ли не первым официальным проектом молодого белорусского государства. К реализации первых организационных шагов в этом направлении и приступила 24 февраля 1919 г. ССРБ (причем сама она была декларирована менее чем двумя месяцами ранее – 1 января 1919 г.).

Создание БГУ и становление белорусской государственности после революционных потрясений 1917–1919 гг., конечно, явились итогом многолетних тенденций развития общества. Не углубляясь в перипетии внутренних и внешних политических событий тех лет, не вступая в бесконечный спор об истинных замыслах и стратегии большевиков (хотя бы насчет буферности белорусских земель в условиях агрессивной политики Запада), можно констатировать: создание ССРБ, как и учреждение БГУ, не могло состояться без всеобъемлющей поддержки Советской России, какой бы политически прагматичной она ни была в то время. В данном контексте уместно сослаться на А. Г. Червякова, ставшего очевидцем советско-польских переговоров в Риге. В своих письмах коллегам осенью 1920 г. он указывал на вполне ясные и точные заявления, прозвучавшие на переговорах по поводу Белоруссии, Украины и Литвы. Также А. Г. Червяков с горечью констатировал, что глава российской делегации А. А. Иоффе сделал акцент на безусловном приоритете вопроса о положении на фронте и второстепенности вопроса о политической судьбе белорусского государства. Данное обстоятельство свидетельствовало о том, что «раздел Белоруссии уже предreshен», и этим «доброе белорусское имя» А. Г. Червякова «будет скомпрометировано навеки»¹.

ественно разнятся. Это можно увидеть в работах как современников тех событий [1], так и советских исследователей, сформировавших канонические

¹Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 3. Д. 455. Кор. 32. Л. 1–3; Шумейко М. Ф. 70 лет назад, в Риге (письма А. Г. Червякова о советско-польских переговорах в Риге) // Коммунист Белоруссии. 1991. № 9. С. 14–20. (Тексты документов и материалов приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.)

представления о судьбоносном для становления белорусской государственности времени [2–4]. Известными своими глубокими познаниями начальной истории белорусской советской государственности В. В. Скалабан, публикуя некоторые письма из архива историка и правоведа В. А. Круталевича и представляя краткие воспоминания о нем, указывал на остроту перманентной полемики в кругах белорусских историков по поводу того, кто создал БССР и кому принадлежала главенствующая роль в этом процессе – ЦК РКП(б), белорусским секциям РКП(б), смоленским большевикам или Белорусскому национальному комиссариату. При этом В. В. Скалабан подчеркивал научное значение вышедшего в 1975–1979 гг. из-под пера его старшего коллеги двухтомника под названием «Рождение Белорусской Советской Республики», который стал результатом работы историка над докторской диссертацией [5, с. 42, 43].

Попытки переосмыслить события 1917–1922 гг. и рассмотреть их с новых позиций неоднократно предпринимались поколением историков рубежа XX–XXI вв. (представителей старой и новой формаций). Данные исследования необходимо интерпретировать в контексте строительства суверенного белорусского государства [6–16].

И сегодня отечественные историки не считают завершённой полемику своих предшественников. Об этом свидетельствуют, например, труды по истории белорусской государственности [17–19], изданные Институтом истории НАН Беларуси. В 3-м томе издания [17] главное внимание уделено новому изложению происходивших после 1917 г. событий, которые позволили свершиться особой белорусской государственности – советской, социалистической [20]. Неоднозначность развития этого процесса нашла визуальное отражение в картах 4-го тома издания «Вялікі гістарычны атлас Беларусі»². В работе подробно представлены документальные и исследовательские материалы, относящиеся к тому периоду.

История белорусской государственности емко воспроизводится в учебном пособии, подготовленном университетскими профессорами³. Благодаря этому изданию появилась возможность чтения единого для вузов Беларуси одноименного учебного курса. В пособии представлена тема с характерным названием «Нацыянальна-дзяржаўнае будаўніцтва ў 1917–1941 гг.». На 25 страницах университетского издания освещены важнейшие процессы и события, которые сопровождали многотрудный путь национально-государственного строительства Беларуси («рэвалюцыя і беларускае пытанне», «абвяшчэнне БНР», «роля Белнацкама», «Літбел», «другое абвяшчэнне ССРБ», «наступствы Рыжскага міру», «стварэнне СССР», «узбуйненні БССР» и т. д.⁴).

Автор статьи не раз в разных ракурсах представлял читателю и коллегам обстоятельства рождения БГУ как раз в условиях национально-государственного строительства. В данном случае небезынтересно обратиться к осмыслению включенности университетского коллектива в события тех лет. Первый год работы БГУ был значимым: вырисовывались перспективы деятельности университета, а также предлагались, корректировались, реализовывались, а часто и отвергались идеи, рожденные в умах ученых и политиков на этапе осмысления вопроса: «Каким должен быть белорусский университет?» (именно так формулировал вопрос белорусский математик И. Р. Брайцев). Свои проекты предлагали незаурядные ученые филолог Е. Ф. Карский и историк М. В. Довнар-Запольский – уроженцы Беларуси, прославившиеся и в России. Известно, каким БГУ видели работники Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) РСФСР и первые отечественные партийно-государственные лидеры белорус А. Г. Червяков, латыш В. Г. Кнорин и армянин А. Ф. Мясников, каким его представляли в предложениях наверх (в центральные государственные органы РСФСР и ССРБ) руководители Минского губернского отдела народного образования русский И. С. Саватеев и еврейка М. Я. Фрумкина, нарком от сферы образования ССРБ белорус В. М. Игнатовский. Впрочем, постепенно в спорах и был рожден окончательный проект университета со всеми его институциями. В первых учебных планах следовало адаптировать российские образовательные традиции к белорусской специфике (например, русский философ В. Н. Ивановский настаивал на том, чтобы в преподавании истории высшего образования студентам-гуманитариям первоочередное внимание должно быть уделено развитию данного направления в России).

Таким образом, 1922 год стал годом бурной деятельности, годом проб и ошибок. И даже несмотря на чудовищную постреволюционную и поствоенную разруху, политическая обстановка позволяла мыслить категориями созидания, а не предаваться унынию. Такие условия создавались и благодаря тесному взаимодействию молодых советских республик. Коллектив БГУ не мог не оценить это взаимодействие, ведь оно предоставляло возможности для интеллектуальной кооперации, от которой зависело многое, особенно в финансовом и кадровом отношении. Не секрет, что финансирование университета осуществлялось Наркомпросом РСФСР, кадры профессуры (и не только) рекрутировались из разных регионов России (а также из Украины и закавказских республик) при непосредственном участии российского ведомства. И если бы произошло резкое размежевание стран по национальному признаку, то о перспективах создания белорусского государства

²Вялікі гістарычны атлас Беларусі : у 4 т. Т. 4. / рэд. В. Л. Насевіч. Мінск : Белкартаграфія, 2018. С. 17–23.

³Гісторыя беларускай дзяржаўнасці : вуч. дапам. / І. А. Марзалюк [і інш.]. Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2022. 447 с.

⁴Там жа.

и учреждения белорусского университета можно было бы говорить лишь гипотетически.

Нельзя не принимать в расчет очевидную и в обозримом прошлом, и в реалиях первичных революционных переустройств старого порядка политику сдерживания национально-государственных устремлений белорусов. Она проводилась самодержавной Россией, а также была частью стратегии первых советско-российских властей. Известно, например,

что белорусские представители не были допущены к обсуждению условий Рижского мирного договора. Вопросы, касающиеся непосредственно Беларуси, решались польской стороной и участниками переговоров от России и Украины. При этом роль будущего первого ректора БГУ В. И. Пичеты в качестве эксперта российской делегации представляется очевидно значимой. Всестороннее исследование этого вопроса проведено профессором М. Ф. Шумейко⁵ [21–23].

Результаты и их обсуждение

Прежде всего следует обратиться к фактам в предметном поле данной публикации. Так, 31 октября 1921 г. в аудитории № 1 БГУ была прочитана первая лекция. Со следующего дня начались регулярные занятия на медицинском факультете и факультете общественных наук. Для 1711 студентов (на факультете общественных наук обучались 1110 человек, на медицинском факультете – 310 человек, на рабочем факультете – 291 человек), 18 профессоров, 65 преподавателей и ассистентов начался учебный год⁶. Следует заметить, что эти данные руководство БГУ отослало в Москву еще 26 ноября 1921 г., как и предписывалось циркуляром Совета по делам вузов РСФСР. В реальности же университет начал свою деятельность с более скромных цифр, так как немало представителей профессорско-преподавательского состава и студентов, заявивших о намерении одновременно работать и учиться, не смогли приступить к занятиям сразу.

Начавшийся образовательный процесс вселял надежды. Однако два полноценных факультета университетского уровня (факультет общественных наук и медицинский факультет) и один подготовительный (рабочий факультет) не отвечали классическим образцам университетских структур, как и не закрывали потребности молодой республики в сферах политической, общественной и экономической жизни. По этой причине только обращение к опыту вузов других советских республик, дореволюционных университетов и неременное вхождение в европейское пространство высшей школы позволяли строить перспективы развития институциональных характеристик БГУ.

Описывая сложные обстоятельства первого года работы университета, ректор В. И. Пичета вспоминал, что «хозяйство Беларуси было уничтожено», «страна вообще была в руинах», «огромное влияние на организационную работу по строительству университета оказал «большой голод в Поволжье»⁷. Кроме того, негативным фактором выступало не-

регулярное финансирование БГУ. Фактически руководство университетом на протяжении двух с половиной лет осуществлял Наркомпрос РСФСР, тогда как Наркомпрос ССРБ лишь контролировал исполнение московских постановлений.

В. И. Пичета, вспоминая о первых годах деятельности БГУ, лишь штрихами обозначал тяготы 1921–1922 гг. Развернутая же характеристика положения университета в те годы найдена автором статьи в ф. 93 и ф. 205 НАРБ. Так, в докладной записке, поданной в СНК ССРБ в начале февраля 1922 г., В. И. Пичета констатировал, что зарубежная пресса недоброжелательна к БГУ, она искажает многие факты. Далее он излагал суровую прозу повседневных забот и проблем. Катастрофическая нехватка всего даже для минимального обеспечения учебного процесса заставляла беспокоиться: «...многие начинают сомневаться в жизнеспособности университета», это «волнует учащуюся молодежь». В. И. Пичета был убежден в том, что «культурно-экономическое возрождение Белоруссии немисливо без высшей школы». При этом он продолжал использовать в своей аргументации лексику, отражавшую российскую доминанту как в судьбе БГУ, так и в судьбе белорусского государства. Можно привести весьма характерный пример. Когда БГУ отмечал первую годовщину деятельности, председателю ЦИК ССРБ А. Г. Червякову была послана поздравительная телеграмма. Можно предположить, что она написана В. И. Пичетой. В тексте встречаются утверждения о БГУ как о центре «культурного очага края», как об университете, находящемся «на крайней западной границе Советской федерации», а также о «дальнейшей коллективной работе с центральными советскими организациями»⁸. Подобная терминология отражала политические реалии тех лет, когда даже в университетской среде только намечалось осознание смысла, заключенного в названии «Белорусский государственный университет».

⁵ Доклад В. И. Пичеты «Влияние договоров РСФСР с отделившимися государствами (Польшей, Литвой и Латвией) на состояние белорусских архивов» на 1-й Всебелорусской конференции архивных работников 14 мая 1924 г. (протокольная запись) // Первая всебелорусская конференция архивных работников. 12–15 мая 1924 г. : док. и материалы / сост. М. Ф. Шумейко. Минск : БелНИИДАД, 1999. С. 34–35.

⁶ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 24. Л. 2, 3.

⁷ Пичета В. І. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт напярэдадні 10-годдзя Кастрычніцкай рэвалюцыі // Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 1921–1927: да 10-й гадавіны Кастрычніцкай рэвалюцыі. Мінск : [б. в.], 1927. С. 7, 21.

⁸ НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 124. Л. 37 ; Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 25. Л. 6, 6а.

В цитируемой докладной записке излагались объективные, но уже достаточно дежурные проблемы. Больше всего ректора угнетало то, что БГУ «не имеет своей брони и живет милостью дающих» и, несмотря на то что 1921 г. был очень «тяжелым для РСФСР», необходимо «хлопотать перед Наркомпросом РСФСР» даже по самым мелким вопросам. Интересно, что В. И. Пичета, гуманист, предложил СНК РСФСР оригинальную идею изыскания средств на нужды наиболее затратного факультета – медицинского: «...тяжелое финансово-экономическое положение республики ставит на очередь вопрос об организации производственных предприятий, которые могли бы давать известный доход, поступаемый исключительно на оборудование медфака». Также часть студентов он предложил «обложить 10 рублями довоенного времени»⁹. Кстати, вскоре и было введено платное обучение. Ректор также был возмущен тем, что ряд зданий и иное имущество, которое в 1919–1921 гг. было передано БГУ на основании декретов белорусского ЦИК, оказались в распоряжении военных деятелей и чекистов.

В политических условиях тех лет лексика, отражавшая суть БГУ как университета именно белорусского государства, а не некоего края РСФСР, утверждалась медленно, с трудом. Правда, уже в 1922 г. слово «край» стало употребляться в белорусском контексте. Более того, в своих публичных выступлениях и научных работах В. И. Пичета применительно к территории БССР (как до ее укрупнений, так и после них) использовал не только формулировку «Белоруссия», но и определение «этнографическая Белоруссия». В эти дефиниции он вкладывал смысл, известный ему из сочинений Е. Ф. Карского (впрочем, В. И. Пичета исходил и из собственного прочтения истории белорусского народа).

Следует отдать должное всем заинтересованным сторонам, создававшим такую сложную институцию, как БГУ. Благодаря совместным усилиям руководителей двух советских республик, а также правления и профессуры университета в 1922 г. на базе факультета общественных наук был открыт педагогический факультет, а в 1925 г. был учрежден факультет права и хозяйства. Кроме того, состоялся набор 3-го курса медицинского факультета БГУ из числа тех, кто не завершил обучение по этому профилю в других университетах. Характерно, что в течение 1922 г. глава ССРБ А. Г. Червяков практически не покидал Москву. Так, в феврале 1922 г. В. И. Пичета направил ему докладную записку с просьбой о содействии в решении злободневных вопросов. В октябре этого же года в телеграмме из Москвы А. Г. Червяков поздравлял БГУ с первой годовщиной деятельности и напоминал

всему коллективу университета о главной задаче: «восстановление, развитие хозяйства Белоруссии и ее культурное возрождение»¹⁰. Телеграмму подписали также нарком финансов ССРБ С. Я. Талунтис и заместитель полномочного представителя ССРБ в РСФСР Г. Е. Па(о)речин (который к тому же являлся автором монографии «Советские республики в их взаимоотношениях», вышедшей в Минске в 1922 г.).

Руководству СНК и ЦИК ССРБ приходилось просить у СНК и ВЦИК РСФСР содействия даже в мелочах (например, в поиске и закупке оборудования для физического кабинета, химической лаборатории и т. д.)¹¹. В 1922 г. ректор БГУ В. И. Пичета вынужден был работать по напряженному графику: семь дней в Москве и десять дней в Минске¹². В Москве он «выбивал» финансы, оборудование, книги, кадры, а в Минске давал распоряжения по выделенным ресурсам. Многочисленные организационные вопросы ложились также на плечи управляющего делами БГУ И. И. Метлина. Кстати, в Москве в связи с развертыванием деятельности БГУ было открыто отделение университетской канцелярии в составе 19 человек. Однако уже в августе 1922 г. правление БГУ приняло решение упразднить «представительство БГУ в Москве», оставив лишь «агента для особых поручений» Чадовича¹³. Возможно, это был студент БГУ Иван Васильевич Чадович, который после подготовительной учебы на рабочем факультете окончил медицинский факультет в 1928 г.

Положение о высших учебных заведениях РСФСР от 18 октября 1921 г., которому должен был следовать и БГУ, также не поспособствовало оперативности в решении университетских проблем. Только в 1924 г., в условиях СССР, БГУ и Наркомпрос БССР получили относительную самостоятельность, хотя о разрыве «пуповины» с Москвой не могло быть и речи. Разработка стратегии развития, определение основных направлений деятельности вузов и их финансирование обеспечивались Наркомпросом РСФСР. Правительство республики предпринимало все возможные шаги по накоплению местных ресурсов для обеспечения своей автономности, в том числе в отношении деятельности БГУ. Например, 11 марта 1922 г. на заседании СНК ССРБ слушался вопрос «о положении высших школ» (вслед за БГУ был открыт Белорусский государственный институт сельского и лесного хозяйства). Речь шла о «спасении высшей школы Белоруссии от гибели вследствие чрезвычайно ограниченных средств, отпускаемых государством на их содержание». Было принято решение о разверстке: всем «хозяйственным комиссариятам и организациям» вменялось в обязанность «делать ежемесячные отчисления в пользу высшей

⁹НАРБ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 128. Л. 22, 23.

¹⁰Там же. Л. 25.

¹¹Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Т. 2. Л. 329, 390.

¹²Там же. Д. 124. Л. 187.

¹³НАРБ. Л. 193, 89.

школы». Также было решено обратиться к Витебскому и Гомельскому губисполкомам «с воззванием о поддержке университета». Прошло несколько месяцев, и СНК ССРБ вновь декларировал необходимость «войти в тесные сношения» с Витебским, Гомельским и Смоленским губисполкомами насчет средств для БГУ. Таким образом, мартовские решения реализованы не были. Руководству БГУ было поручено самостоятельно установить контакт с российскими губерниями¹⁴.

В отчете правления БГУ за 1922/23 учебный год указывалось, что работа университета проходила «в тяжелых условиях, не было определенного бюджета... средства отпускались в незначительном количестве». Через год в отчетном докладе В. И. Пичеты прозвучали слова о «хронической нехватке денег». Ректор отмечал, что в 1923 г. БГУ получил две трети средств от «шести уездов Советской Беларуси», тогда как Главное управление профессионального образования (далее – Главпрофобр) Наркомпроса РСФСР дало «только одну треть». Тем не менее В. И. Пичета выразил уверенность в том, что БГУ «в скором времени будет стоять на равной высоте со столичными университетами», подразумевая под последними вузы Москвы и Петрограда¹⁵.

Москва принуждала руководство Витебского и Смоленского губисполкомов участвовать в финансировании БГУ. Главпрофобр РСФСР был обязан передать в Минск имущество (главным образом книги) закрытых Витебского и Смоленского отделений Московского археологического института. Однако эти усилия не возымели должного эффекта из-за организационных задержек и бюрократизма советско-партийных чиновников. Решение этих вопросов растянулось почти на всю осень 1922 г.¹⁶ Для сравнения можно привести некоторые данные: за 1922 г. БГУ получил от Наркомпроса ССРБ более 110 млн руб., а от Народного комиссариата финансов ССРБ почти 1 млрд 200 млн руб., из Москвы же из разных источников поступило более 376 млрд руб. в виде реальных и кредитных денег¹⁷.

С 1922 г., помимо налаживания учебного процесса и решения хозяйственных проблем, университет развернул широкую научно-популяризаторскую кампанию с очевидным культурно-просветительским уклоном. Проведение всевозможных собраний, заседаний и чтений по случаю политических, научных и культурных событий стало традицией. Впрочем, данная кампания имела и абсолютно прагматичные цели: все публичные выступления профессоров оплачивались жажущими знаний слуша-

телями. Собранные деньги шли как в кассу БГУ, так и ораторам в качестве гонораров. По предложению ректора были организованы публичные лекции, а полученные средства отдавались на поддержку голодающих. Лекции читали профессора С. Я. Вольфсон, В. Н. Перцев, Д. П. Кончаловский, И. М. Соловьёв, А. Н. Вознесенский и др. Каждая лекция приносила в среднем 500 тыс. руб.¹⁸

Усилия представителей научного сообщества имели огромное идеологическое значение, вот только финансовые поступления в кассу университета от подобных лекций были ничтожны в сравнении с потребностями. Необходимо было предоставлять профессорам более-менее благоустроенные квартиры или общежития, централизованно одевать и обувать их. Например, профессор В. Н. Ивановский получил для семьи три пары детской обуви «из фондов Главсоцвоса (Главного управления социального воспитания и политехнического образования детей Наркомпроса РСФСР. – О. Я.)»¹⁹. Принимались все возможные усилия для того, чтобы интеллектуалы могли продуктивно заниматься своим делом в университетских аудиториях, кабинетах и лабораториях, не беспокоясь за быт своих семей. С 1922 г. решению этих вопросов способствовало белорусское подразделение Центральной комиссии по улучшению быта ученых при СНК РСФСР (далее – БелКУБУ). Очевидно, что его учреждение было инициировано Москвой в целях контроля за кадровым вопросом в БГУ.

В решении СНК ССРБ от 6 октября 1922 г. определялось, что БелКУБУ «действует в контакте с Центральной комиссией по улучшению быта ученых РСФСР»²⁰. Львиная доля материальных ресурсов поступала в Минск через Москву. Сегодня сложно судить о том, насколько остро преподаватели и сотрудники университета нуждались в скрупулезно задокументированных эмалированных тазах и мисках, сковородках с крышками и без крышек, банках сухого супа и сухих овощей, рыбных и мясных консервах, плитках цикория, кусках мыла и коробках гуталина. Получаемые от БелКУБУ пуды кофе и чая – столь привычные стимуляторы умственной деятельности – тщательно взвешивались и рассыпались по порционным фунтам. Для получения одежды, тканей, обуви и продуктов питания БГУ командировал в Москву своих представителей. Все полученные ресурсы следовало доставить в Минск для распределения между научными работниками²¹. Несмотря на то что в Москву направлялись наиболее авторитетные представители из числа профессоров и преподавателей, случались

¹⁴НАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 28. Л. 16, 64.

¹⁵Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 283–284.

¹⁶Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 124. Л. 1–4, 110.

¹⁷Там же. Л. 193.

¹⁸Там же. Л. 188.

¹⁹Там же. Л. 172.

²⁰Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 28. Л. 83.

²¹НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 36. Л. 4–6.

неприятные ситуации, когда сотрудники университета сомневались в порядочности своих коллег.

Постепенно университет строился. Его развитие было возможным благодаря энтузиазму преподавателей и студентов (несмотря на их нищету и полуголодное состояние), а также серьезной организационной работе, проводившейся руководством ССРБ, РСФСР и, конечно, БГУ. В качестве подтверждения можно привести следующие цифры: 29 ноября 1922 г. на последнем заседании приемной комиссии университета был констатирован рост количества студентов медицинского факультета на 231 человека, факультета общественных наук на 517 человек и педагогического факультета на 66 человек²².

В сохранившихся свидетельствах о разных направлениях работы БГУ в 1922 г. весьма странным является то, что в большом перечне мероприятий не упоминаются факты, связанные с подготовкой к учреждению СССР. Возможно, их еще предстоит найти, например в ф. 6 или ф. 205 НАРБ, где хранится часть протоколов заседаний правления БГУ, в том числе за декабрь 1922 г. Как можно судить по архивным материалам, до декабря 1922 г. коллектив БГУ, погружившись в налаживание учебного процесса и осмысление научных перспектив, не предпринимал никаких подготовительных действий к вхождению ССРБ в СССР. Вместе с тем 13 декабря 1922 г. на заседании Минского горсовета от БГУ были избраны три делегата на столь судьбоносный IV Всебелорусский съезд Советов ССРБ (14–18 декабря 1922 г.): ректор БГУ В. И. Пичета, его заместитель С. З. Каценбоген, а также студент, военком, член правления БГУ и работник Народного комиссариата здравоохранения ССРБ С. И. Боркусевич. На съезде Советов Слуцкого уезда в качестве делегата на IV Всебелорусский съезд Советов ССРБ избрали профессора БГУ и наркома просвещения В. М. Игнатовского. Все указанные лица получили право решающего голоса²³. Таким образом, четыре представителя БГУ участвовали в работе съезда, принявшего 18 декабря 1922 г. декларацию о предоставлении всех полномочий белорусской делегации на подписание союзного договора²⁴. Исключительно важным является то, что ректор В. И. Пичета выступал на съезде и довел до сведения этого высшего в республике органа власти «безусловное желание профессоров и преподавателей БГУ принимать искреннее участие в делах социалистического строительства»²⁵.

Уже с 1923 г. в лексике деловых бумаг, которыми все больше «обрастал» университет, начали доминировать отсылки не к РСФСР, а к СССР (как, например, в случае реакции на условия Рижского мирного договора, когда совет БГУ посчитал, что архивы, имеющие главное значение для истории Беларуси, должны остаться в СССР). В том или ином контексте употреблялись формулировки «абшары СССР», «межы СССР», «наш Союз», но не «РСФСР». Весьма характерна в этом отношении лексика, использовавшаяся в обращении ученых БГУ «К ученым Запада», которое было представлено 15 мая 1923 г. на общем университетском собрании по поводу обострения международной ситуации. Если в протокольных записях говорится о «взволнованности общественных кругов Советской России», о реакции «столичных газет РСФСР», то в самом обращении используется формулировка о гибельном развязывании «войны государств Запада с Союзом Советских Социалистических Республик»²⁶.

Уже с 1923 г. тема СССР в разных контекстах вводилась в проблематику учебного процесса, научных изысканий и новых связей с РСФСР в образовательной сфере. Можно привести несколько примеров. Так, на съезде нотариусов БССР (1923) профессор-юрист М. О. Гредингер выступил с докладом «Роль нотариата в СССР и, в частности, его значение при совершении завещательных и дарственных актов». Его младший коллега преподаватель П. О. Гречихо проводил для студентов факультета общественных наук БГУ семинары по проблеме налогообложения в СССР. В отчете о состоявшихся занятиях он отмечал, что изучение местных налогов было пройдено кратко ввиду отмены многих из них. Новое осмысление правовых аспектов взаимоотношений ССРБ и РСФСР представлено в научной статье Н. М. Гутковского «Создание Советской Социалистической Республики Беларуси и формы фактической связи ее с РСФСР», опубликованной в сборнике «Беларусь. Очерки истории экономики, культуры и революционного движения»²⁷. Указанный сборник вышел в Москве в 1924 г., в тот период, когда Н. М. Гутковский работал в постоянном представительстве БССР при правительстве СССР, аппарате союзного ЦИК и некоторое время являлся консультантом Комиссии законодательных проектов при СНК БССР²⁸.

Работая в БГУ, Н. М. Гутковский в 1923 г. первым из правоведов стал проводить лекции и семинары на белорусском языке. Хороший опыт в данном направлении он получил благодаря работе в недавно

²²Там же. Д. 60. Л. 68.

²³Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 91. Л. 458 ; Д. 83. Л. 471.

²⁴Документальная летопись Беларуси (1922). Состоялся 4-й Всебелорусский съезд Советов [Электронный ресурс] // Архив Беларуси. URL: <https://archives.gov.by> (дата обращения: 14.12.2022).

²⁵Пичета В. І. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт напярэдадні 10-годдзя Кастрычніцкай рэвалюцыі. С. 13, 15.

²⁶Працікол агульнага сходу навуковых работнікаў БДУ па пытанні міжнародных адносін // Знеш. палітыка Беларусі : зб. дак. і матэрыялаў. Т. 2. 1923–1927 гг. / склад. У. М. Міхнюк [і інш.]. Мінск : [б. в.], 1999. С. 35–36.

²⁷НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 87. Л. 15–17.

²⁸Гутковский Николай Макарович // Знаменитые люди Гомельщины [Электронный ресурс]. URL: <https://person.goub.by/?p=1165> (дата обращения: 28.12.2022).

созданном Институте белорусской культуры, где занимался переводом юридических терминов на белорусский язык и заложил лексическую основу для разработки законодательства Беларуси. В университете была сформирована группа из 24 студентов, которые под началом Н. М. Гутковского изучали премудрости юриспруденции исключительно на родном языке. Примечательно, что уже тогда лексика в названиях учебных тем, различных заданий и лекционных курсов претерпела определенные изменения. Например, если раньше акцент делался на правоведческой практике РСФСР, то с 1923 г. образовательный процесс стал предполагать изучение «советского права», «советских законов»²⁹.

Одномоментно изменить содержание уже сложившихся за 1919–1922 гг. отношений между Наркомпросом РСФСР и Наркомпросом БССР было не просто. Так, 10 апреля 1924 г. Главпрофобр РСФСР затребовал от руководства БГУ объясниться в срочном порядке, почему не присланы личные карточки научных работников. В своем ответе администрация университета указала, что отныне карточки подаются в Наркомпрос БССР «ввиду состоявшейся передачи вузов Беларуси» в его подчинение. При этом правление БГУ высказало заинтересованность в том, чтобы «сохранять связи с центральными учреждениями» РСФСР и просило по-прежнему высылать все декреты и циркулярные распоряжения о народном образовании Советской России, а также сообщать о проведении ректорских совещаний. Более того, правление БГУ выразило недоумение по поводу того, что не поступили средства на выплату стипендий студентам, которые направлялись на летнюю практику³⁰.

На начало 1923 г. БГУ продолжал неукоснительно исполнять инструкции и циркуляры, которые Главпрофобр РСФСР издавал для российских вузов (например, инструкцию о платном обучении студентов от 2 марта 1923 г.)³¹. Вместе с тем в 1923 г. в БССР уже была осуществлена собственная реформа высшего образования. С учетом этого БГУ требовалось вносить изменения в сырые учебные планы, которые создавались Наркомпросом РСФСР. При этом истоки проведения реформы высшего образования в БССР исходили из Москвы. Заместитель ректора БГУ профессор В. Н. Ивановский 3 июля 1923 г. присутствовал в Москве на ректорском совещании, а по приезде в Минск собрал «частное совещание профессоров и преподавателей», на котором изложил суть новаций. Уже 1 сентября Главпрофобр

БССР уточнил диспозицию: пересмотр учебных планов БГУ, как и прочие изменения «в связи с реформой учебного дела в Беларуси», будет производиться Наркомпросом БССР³².

Несмотря на принятое решение, подробнейший отчет о результатах приема студентов на 1923/24 учебный год БГУ, как и прежде, направил в Главпрофобр РСФСР. Сюда же в декабре 1923 г. университет адресовал отчет о ходе ликвидации Практического института народного образования в Могилёве, а также обратился с просьбой о выделении дополнительных стипендий и с жалобой на то, что Бюро заграничных закупок РСФСР не предоставило «никаких микроскопов»³³. Кроме того, циркуляр Главпрофобр РСФСР от 23 декабря 1923 г. предписывал БГУ, как следует переводить студентов с одного отделения на другое³⁴. За рубежом БГУ также продолжали воспринимать как российский вуз. Например, летом 1924 г. представители недавно созданного в Братиславе университета имени Яна Амоса Коменского обратились в правление БГУ с предложением обмениваться научной литературой, приведя следующий аргумент: медицинский факультет БГУ есть «в списке русских учреждений, имеющих право по постановлению СНК РСФСР от 16 января 1923 г. обмениваться своими изданиями»³⁵.

При знакомстве с отчетами БГУ за 1923 г. создается впечатление, что университет «задышался» от всевозможных писем, отписок, указаний, отчетов и прочих бумаг, которые необходимо было отсылать в два центра подчинения. Постепенно управление университетом переходило к Наркомпросу БССР, хотя количество бюрократических трудностей не снижалось. Так, в мае 1924 г. Главпрофобр БССР предписал правлению БГУ адресовать все заявки на получение оборудования для лабораторий и кафедр в Наркомпрос БССР для последующего рассмотрения СНК БССР³⁶. Среди множества предписаний БГУ особый интерес представляют материалы о проведении первых чисток личного состава университета. В июле 1923 г. в отчете правления БГУ, адресованном Центральной комиссии по борьбе со взяточничеством при ЦИК БССР, были названы первые четыре человека, ставшие жертвами такой чистки. Что интересно, в обвинительных формулировках не фигурировали примеры взяточничества. Людей увольняли за «вялость, отсутствие малейшей любви к делу», отсутствие желания «интересоваться политической жизнью», «антисемитизм» и т. д.³⁷

²⁹НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 87. Л. 18, 19.

³⁰Там же. Д. 96. Л. 10, 11.

³¹Там же. Л. 20.

³²Там же. Д. 99. Л. 12.

³³Там же. Л. 23, 29, 33.

³⁴Там же. Д. 126. Л. 26.

³⁵Там же. Л. 151.

³⁶Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 272.

³⁷НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 104. Л. 45–46.

В рамках союзного государства действовал ряд общих нормативов, среди которых фигурировали и нормы приема в вузы. В фондах НАРБ можно найти сведения на этот счет. Таким образом, БГУ получал уже и союзные предписания по поводу стратегии и тактики действий белорусского университета в системе высшей школы Советского Союза. На 1923/24 учебный год количественная норма приема в вузы СССР была определена в 29 910 мест, хотя по факту приема она была превышена на 7 % (в вузы советских республик были приняты 32 093 студента). В НАРБ представлены данные по 29 московским, 25 петроградским и 3 провинциальным вузам (хотя еще по 12 провинциальным вузам сведений нет)³⁸. Термин «провинциальный вуз», безусловно, привлекает внимание. Для союзных республик его использование уже тогда становилось уничижительным, хотя ранее эта формулировка употреблялась без негативного оттенка. Например, в ноябре 1923 г. заместитель ректора БГУ С. З. Каценбоген в записке, направленной в президиум Мингорисполкома, отмечал, что университет сумел «в своем быстром росте выделиться из ряда провинциальных вузов, приближаясь к типу столичных»³⁹. Приведенные высказывания В. И. Пичеты также свидетельствуют о восприятии белорусского университета как провинциального на фоне столичных вузов.

Чтобы избавиться от такой оценки, понадобилось некоторое время. В циркулярах Главпрофобра РСФСР эта формулировка исчезала постепенно, не так быстро, как того требовал союз равноправных республик. Так, 17 января 1924 г. Главпрофобр РСФСР укорял правление БГУ за то, что «провинциальный» белорусский университет «самочинно направляет инвалидов войны и больных в Москву на лечение» без согласования с Наркоматом здравоохранения РСФСР⁴⁰. Любопытный факт: 10 июля 1924 г. в связи с переходом вузов БССР «в отдельную принадлежность» Главпрофобра БССР правление БГУ обратилось в это ведомство с просьбой затребовать из Главпрофобра РСФСР «жизнеописания и труды всех научных сотрудников, об утверждении которых Правление в свое время просило упомянутый Главпрофобр» СССР. И уже 14 июля из Минска в Москву такой запрос был направлен⁴¹.

Через несколько дней, 22 июля 1924 г., на заседании СНК БССР был заслушан доклад Наркомпроса БССР о количественных нормах приема студентов на 1924/25 учебный год. В результате обсуждения было принято постановление, где были указаны такие нормы приема в вузы БССР (например, на медицинский факультет БГУ планировалось принять 150 человек, на педагогический факультет БГУ – 200 человек и т. д.)⁴².

К этому времени Главпрофобр БССР уже взял под свой контроль утверждение университетских преподавателей в должностях. Правда, о принятых решениях он информировал российских и украинских коллег, что свидетельствует о тесном взаимодействии ведомств в новом союзном государстве⁴³.

Обобщить изложенные факты позволит обращение к материалу, описывающему положение дел в БГУ по прошествии первого отрезка его истории, когда в 1925 г. на всех факультетах состоялись первые выпуски студентов. Так, в НАРБ хранится обширный (более чем 60 страниц машинописного текста) отчет за пять лет деятельности БГУ, написанный по-белорусски. В ряде мест текст отредактирован рукой В. И. Пичеты, о чем свидетельствует его узнаваемый почерк. Он же на первой странице отчета написал чернилами дату «1/1 – 1926 года», а на последней расписался и указал дату «1/1 – 27 года». В отчете лапидарно изложены как хорошо известные, так и достаточно новые факты, например о создании факультетов и эволюции их структуры, материальном состоянии и перспективах его улучшения, кадровом научном потенциале, попытках найти оптимальные подходы к обучению слабо подготовленных студентов с учетом высоких требований к выпускнику классического университета и др.

Уже на первой странице отчета отмечается, что «расійская секцыя (на педагогическом факультете БГУ. – О. Я.) была зачынена... згодна прапазыцыі Наркамасветы» БССР. В тексте повсеместно используется термин «расейцы», а не «рускія», например при описании национального состава студенчества: «...1308 беларусаў, 1049 яўрэяў, 136 расейцаў, 33 палякаў, 39 іншых». В отчете указывается, что уже на начальном этапе деятельности БГУ более 70 % средств для обеспечения его потребностей поступало от ЦИК ССРБ, а из народных комиссариатов РСФСР – «сумы залатога фонду... і з гэтага боку Унівэрсытэт не атрымаў усё тое, што ён павінен быў атрымаць»⁴⁴. На сессии ЦИК ССРБ (26 июня 1922 г.) был представлен доклад о деятельности БГУ за истекший год. В резолюции к докладу были обозначены девять позиций, в которых были изложены направления и формы оказания помощи университету. В их числе присутствовала рекомендация обратиться в Наркомпрос РСФСР с ходатайством о предоставлении «золотого фонда», установлении стипендий «соответственно декрету РСФСР», имени ЦИК и отдельных народных комиссариатов, а также о созыве совещания представителей губернских исполнительных комитетов и губернских отделов народного образования Витебской, Гомельской и Смоленской губерний «о совместной поддержке

³⁸ Там же. Д. 119. Л. 9.

³⁹ Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 303.

⁴⁰ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 126. Л. 11.

⁴¹ Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 392–393.

⁴² Там же. Л. 396.

⁴³ Там же. Л. 397, 400.

⁴⁴ Там же. Д. 1566. Л. 8.

университета» и др.⁴⁵ Далеко не все просьбы были удовлетворены, университет приходилось «поднимать» преимущественно за счет республиканских средств.

Приведенные примеры демонстрируют очевидное преобладание русского языка и традиций российского университетского образования в учебном процессе, несмотря на начавшуюся политику белорусизации. Особенно показательным является то, что на оборудование кабинета российской истории выделялись более крупные суммы (свыше 1,3 тыс. руб.), чем на оборудование кабинета белорусской истории (всего 0,8 тыс. руб.). «Каб паставіць належачым чынам выкладаньне», на оборудование первого кабинета в указанном отчете запрашивалось уже 29 тыс. руб., а на оборудование второго – только 5 тыс. руб.⁴⁶ Пытаясь понять столь существенную разницу в имеющихся и запрашиваемых в первой половине 1920-х гг. суммах, можно предположить, что руководство БГУ исходило из условий тех лет: закупка книг по истории на русском языке была достаточно простой задачей в отличие от закупки белорусскоязычной исторической литературы. Это было не проявлением пренебрежения к истории Беларуси, а отражением общего положения дел в сфере образования и науки на начальном этапе становления белорусской государственности. Университет испытывал катастрофическую нехватку средств на приобретение даже самого элементарного. Прошедшая в 1926 г. в целях экономии оптимизация предметных кабинетов (кабинет российской истории был объединен с кабинетом всеобщей истории, а кабинет белорусской истории – с кабинетами белорусской литературы и краеведения) показала ошибочность данного решения. Выдержки из отчета подтверждают это: «...кожны кабінет мае сваё асабістае значэньне»⁴⁷.

Стоит добавить, что в 1921–1928 гг. на кафедрах педагогического факультета БГУ читались различные курсы по истории России. Курс по истории СССР внедрялся в учебный процесс советских вузов с трудом. В 1936 г. Институт истории Академии наук СССР был нацелен на написание монументальной истории СССР и разработку соответствующего учебника для вузов⁴⁸. Только тогда и в БГУ, и в других вузах стали формироваться кафедры по этому направлению. Фактически в содержании читаемых дисциплин вплоть до начала XXI в. превалировала именно российская история, тогда как обращение к истории союзных республик было поверхностным и необязательным.

В отчете о деятельности БГУ за 1926–1927 гг. читается гордость за то, что создание и развитие университета обеспечивалось в первую очередь местными силами. Достижения БГУ представлены в тексте с определенной долей пафоса. Так, отмечается, что многие десятки первых выпускников – это результат, который БГУ «даў нашай краіне... і тым самым пачаў выконваць тыя задачы і мэты, дзеля якіх урад Беларусі лічыў неабходным адчыніць Вышэйшую Навучальную Установу на абшарах Беларусі, у Менску». Одной из таких задач было то, что БГУ должен был стать «цэнтрам культурна-навуковага жыцця Беларусі... і ён выканаў волю Ураду»⁴⁹. В решении кадровых проблем «прыходзілася орыентавацца на іншыя краіны, галоўным чынам Р.С.Ф.С.Р.». На 1 января 1927 г. в БГУ числились 40 профессоров, 32 доцента, 90 ассистентов, 46 ординаторов, 8 преподавателей иностранных языков и 39 педагогов рабочего факультета, при этом весь штат сотрудников БГУ насчитывал 235 человек. Интересно, что за пять лет из БГУ по тем или иным причинам ушли всего 7 преподавателей⁵⁰.

Заключение

Анализ архивного материала свидетельствует о сложности создания первого университета Беларуси в условиях политического и экономического становления белорусской государственности. Разные по масштабу процессы учреждения университета и формирования государства во многом были взаимообусловленными. Они развивались в контексте сложных отношений с РСФСР, а затем в контексте

вхождения в состав СССР. Очевидной доминантой обоих процессов выступало неуклонное укрепление белорусской государственности. Эволюция институциональных характеристик первого белорусского университета позволила ему стать эффективной и многофункциональной образовательной структурой и сыграть чрезвычайно важную роль в развитии Беларуси.

Библиографические ссылки

1. Турук ФФ. *Белорусское движение: очерк истории национального и революционного движения белорусов*. Москва: Государственное издательство; 1921. 144 с.
2. Игнатенко ИМ. *Великий Октябрь в судьбах белорусского народа*. Минск: Беларусь; 1987. 319 с.

⁴⁵НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1426. Л. 93.

⁴⁶Там же. Д. 1566. Л. 44.

⁴⁷Там же. Л. 43.

⁴⁸Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах. Вып. 1 / отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : ИРИ РАН, 2016. С. 18.

⁴⁹Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1566. Л. 3, 9.

⁵⁰Там же. Л. 4.

3. Круталевич ВА. Рождение Белорусской Советской Республики. На пути к провозглашению республики. Октябрь 1917 – декабрь 1918 г. Хацкевич АФ, Юхо ИА, редакторы. Минск: Наука и техника; 1975. 334 с.
4. Круталевич ВА. Рождение Белорусской Советской Республики. Провозглашение республики. Развертывание национально-государственного строительства. Ноябрь 1918 – февраль 1919 г. Минск: Наука и техника; 1979. 334 с.
5. Скалабан ВВ. Возмутитель научного спокойствия. Письма из архива В. А. Круталевича (1960-е годы). *Беларуская думка*. 2011;8:42–49.
6. Карпенко ИС, составитель. Путем борьбы и труда: материалы научной конференции, посвященной 70-летию образования БССР и Компартии Белоруссии; 22 декабря 1988 г.; Минск, Беларусь. Минск: Беларусь; 1989. 182 с.
7. Игнатенко ИМ. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. Минск: Навука і тэхніка; 1992. 254 с.
8. Игнаценка ИМ. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі: асаблівасці і вынікі. Минск: БелНДЦДААС; 1995. 270 с.
9. Круталевич ВА. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.). Минск: Право и экономика; 2003. 585 с.
10. Шашкевич НС. Трудный путь государственности. *Беларуская думка*. 2008;1:28–33.
11. Шашкевич НС. Белорусская государственность: этапы становления (XX век). *Гісторыя: праблемы выкладання*. 2009;3:3–8.
12. Шашкевич НС. Белорусская государственность: этапы становления (XX век). *Гісторыя: праблемы выкладання*. 2009;4:3–6.
13. Данилов АН, Кошелев ВС, редакторы. Проблемы формирования белорусской государственности в XX – начале XXI века: избранные труды Н. С. Шашкевича. Минск: РИВШ; 2012. 242 с.
14. Хомич СН. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке. От незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo. Минск: Экономпресс; 2011. 416 с.
15. Щавлинский НВ. Белорусское национальное движение в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Минск: РИВШ; 2001. 136 с.
16. Щавлинский НВ. Историография белорусского национального движения в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). В: Божанов ВА, Боголейша СВ, редакторы. *Этноконфессиональные процессы в истории Беларуси: сборник научных статей по итогам Республиканской научно-теоретической конференции; 12 декабря 2016 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БНТУ; 2016. с. 214–230.
17. Коваленя АА, Костюк МП, Данилович ВВ, Бондаренко КМ, Бригадин ПИ, Голубев ВФ и др. *История белорусской государственности*. Минск: Беларуская навука; 2018–2020. 5 томов.
18. Касцюк МП, Ладзьсеў УФ, Данилович ВВ, Смяховіч МУ, Мазец ВГ. *Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе*. Минск: Беларуская навука; 2008. 615 с.
19. Жытко АП, Забаўскі ММ, Смяховіч МУ, Каваленя АА, Данилович ВВ, Касцюк МП і інш. *Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. Кніга 2*. Минск: Беларуская навука; 2012. 654 с.
20. Коваленя АА, Данилович ВВ, Смяховіч НВ, Мазец ВГ, Костюк МП, Альховік НК і др. *История белорусской государственности. Том 3, Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.)*. Мазец ВГ, Смяховіч НВ, Третьяка СА, редакторы. Минск: Беларуская навука; 2019. 639 с.
21. Шумейко МФ. В. И. Пичета как эксперт по архивам в 1920–1947 гг. *Отечественные архивы*. 2014;1:5–14.
22. Шумейко МФ, составитель. *Первая всебелорусская конференция архивных работников. 12–15 мая 1924 г. Документы и материалы*. Минск: БелНИИДАД; 1999. с. 34–35.
23. Шумейко МФ. Влияние Рижского мирного договора на судьбы белорусских архивов. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021;2:17–28. DOI: 10.33581/2520-6338-2021-2-17-28.

References

1. Turuk FF. *Belorusskoe dvizhenie: ocherk istorii natsional'nogo i revolyutsionnogo dvizheniya belorusov* [The Belarusian movement: an essay on the history of the national and revolutionary movement of Belarusians]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo; 1921. 144 p. Russian.
2. Ignatenko IM. *Velikii Oktyabr' v sud'bah belorusskogo naroda* [Great October in the destinies of the Belarusian people]. Минск: Belarus'; 1987. 319 p. Russian.
3. Krutalevich VA. *Rozhdenie Belorusskoi Sovetskoi Respubliki. Na puti k provozglasheniyu respubliki. Oktyabr' 1917 – dekabr' 1918 g.* [The birth of the Belarusian Soviet Republic. On the way to the proclamation of the republic. 1917 October – 1918 December]. Khatskevich AF, Yukho IA, editors. Минск: Nauka i tekhnika; 1975. 334 p. Russian.
4. Krutalevich VA. *Rozhdenie Belorusskoi Sovetskoi Respubliki. Provozglashenie respubliki. Razvertyvanie natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva. Noyabr' 1918 – fevral' 1919 g.* [The birth of the Belarusian Soviet Republic. Proclamation of the Republic. The deployment of national-state construction. 1918 November – 1919 February]. Минск: Nauka i tekhnika; 1979. 334 p. Russian.
5. Skalaban VV. [A troublemaker of scientific tranquility. Letters from the archive of V. A. Krutalevich (1960s)]. *Belaruskaja dumka*. 2011;8:42–49. Russian.
6. Karpenko IS, compiler. *Putem bor'by i truda: materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu obrazovaniya BSSR i Kompartii Belorussii; 22 dekabrya 1988 g.; Minsk, Belarus'* [Through struggle and labour: materials of the scientific conference dedicated to the 70th anniversary of the formation of the BSSR and the Communist Party of Belarus; 1988 December 22; Минск, Belarus]. Минск: Belarus'; 1989. 182 p. Russian.
7. Ignatenko IM. *Oktyabr'skaya revolyutsiya i samoopredelenie Belorussii* [The October Revolution and the self-determination of Belarus]. Минск: Navuka i tjechnika; 1992. 254 p. Russian.
8. Ignacenko IM. *Kastrychnichkaja rjevaljucyja na Belarusi: asablivasci i vyniki* [The October Revolution in Belarus: features and results]. Минск: BelINDCDAAS; 1995. 270 p. Belarusian.
9. Krutalevich VA. *Istoriya Belarusi: stanovlenie natsional'noi derzhavnosti (1917–1922 gg.)* [The History of Belarus: the formation of national statehood (1917–1922)]. Минск: Pravo i ekonomika; 2003. 585 p. Russian.
10. Stashkevich NS. [The difficult path of statehood]. *Belaruskaja dumka*. 2008;1:28–33. Russian.
11. Stashkevich NS. [Belarusian statehood: stages of formation (20th century)]. *Gistoryja: prablemy vykladannja*. 2009;3:3–8. Russian.

12. Stashkevich NS. [Belarusian statehood: stages of formation (20th century)]. *Gistoryja: problemy vykladannja*. 2009;4:3–6. Russian.
13. Danilov AN, Koshelev VS, editors. *Problemy formirovaniya belorusskoi gosudarstvennosti v XX – nachale XXI veka: izbrannye trudy N. S. Stashkevicha* [Problems of formation of the Belarusian statehood in the 20th – early 21st century: selected works of N. S. Stashkevich]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2012. 242 p. Russian.
14. Khomich SN. *Territoriya i gosudarstvennye granitsy Belarusi v XX veke. Ot nezavershennoi etnicheskoi samoidentifikatsii i vneshnepoliticheskogo proizvola k sovremennomu status quo* [The territory and state borders of Belarus in the 20th century. From incomplete ethnic identity and foreign policy arbitrariness to the modern status quo]. Minsk: Ekonompress; 2011. 416 p. Russian.
15. Shchavlinskii NB. *Belorusskoe natsional'noe dvizhenie v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918 gg.)* [The Belarusian national movement during the First World War (1914–1918)]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2001. 136 p. Russian.
16. Shchavlinskii NB. [Historiography of the Belarusian national movement during the First World War (1914–1918)]. In: Bozhanov VA, Bogoleisha SV, editors. *Etnokonfessional'nye protsessy v istorii Belarusi: sbornik nauchnykh statei po itogam Respublikanskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii; 12 dekabrya 2016 g.; Minsk, Belarus'* [Ethno-confessional processes in the history of Belarus: collection of scientific articles on the results of the Republican scientific and theoretical conference; 2016 December 12; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian National Technical University; 2016. p. 214–230. Russian.
17. Kovalenya AA, Kostyuk MP, Danilovich VV, Bondarenko KM, Brigadin PI, Golubev VF, et al. *Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti* [History of the Belarusian statehood]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2018–2020. 5 volumes. Russian.
18. Kascjuk MP, Ladysew UF, Danilovich VV, Smjahovich MU, Mazec VG. *Narys gistoryi belaruskaj dzjarzhawnasci: XX stogodde* [An essay on the history of Belarusian statehood: the 20th century]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2008. 615 p. Belarusian.
19. Zhytko AP, Zabawski MM, Smjahovich MU, Kavalenja AA, Danilovich VV, Kascjuk MP, et al. *Gistoryja belaruskaj dzjarzhawnasci w kancy XVIII – pachatku XXI st. Kniga 2* [The history of the Belarusian statehood at the end of the 18th – beginning of the 21st century. Book 2]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2012. 654 p. Belarusian.
20. Kovalenya AA, Danilovich VV, Smekhovich NV, Mazets VG, Kostyuk MP, Al'khovik NK, et al. *Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti. Tom 3, Belorusskaya gosudarstvennost': ot idei k natsional'nomu gosudarstvu (1917–1939 gg.)* [The history of the Belarusian statehood. Volume 3, Belarusian Statehood: from an Idea to a National state (1917–1939)]. Mazets VG, Smekhovich NV, Tret'yaka SA, editors. Minsk: Belaruskaya navuka; 2019. 639 p. Russian.
21. Shumeiko MF. [V. I. Picheta as an expert on archives in 1920–1947]. *Otechestvennye arkhivy*. 2014;1:3–14. Russian.
22. Shumeiko MF, compiler. *Pervaya vsebelorusskaya konferentsiya arkhivnykh rabotnikov. 12–15 maya 1924 g. Dokumenty i materialy* [The first All-Belarusian conference of archival workers. 1924 May 12–15. Documents and materials]. Minsk: BELNIIDAD; 1999. p. 34–35. Russian.
23. Shumeiko MF. Influence of the Riga Peace Treaty on the fate of the Belarusian archives. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;2:17–28. Russian. DOI: 10.33581/2520-6338-2021-2-17-28.

Статья поступила в редколлегию 20.03.2023.
Received by editorial board 20.03.2023.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕГИОН

В. И. МЕНЬКОВСКИЙ¹⁾, М. ШМИГЕЛЬ²⁾, И. Л. ЖЕРЕБЦОВ³⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Университет Матейя Бела, ул. Народна, 12, 97401, г. Банска-Бистрица, Словакия

³⁾Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, ул. Коммунистическая, 26, 167982, г. Сыктывкар, Россия

Анализируется использование историко-географического и геополитического понятия «исторический регион» по отношению к новым независимым государствам Центральной Азии (Республике Казахстан, Кыргызской Республике, Республике Таджикистан, Туркменистану и Республике Узбекистан), а также роль феномена постсоветской идентичности в формировании современных наций и государств. Термин «исторический регион» интерпретируется как территория, которая в некое историческое время охватывала определенное политическое, экономическое, культурное, этнографическое, языковое и ментальное пространство. Отмечается, что в советское время было предпринято множество мер по нацистроительству на бывших окраинах Российской империи. Показываются особенности центральноазиатской исторической политики в социальном, географическом (геополитическом) и темпоральном отношении. В сложной структуре различных уровней исторической памяти образ советского прошлого интерпретируется как набор описаний, идей и образов прошлого, генерируемых властным дискурсом, как коллективные обыденные представления о прошлом, а также как индивидуальная память, объединяющая личность с определенной социальной стратой. Делается вывод о том, что региональные и глобальные проблемы не позволяют странам Центральной Азии выработать единую стратегию по сохранению исторической памяти. Отмечается, что попытки упрощения ее до некой общей парадигмы искажают реальную ситуацию, так как отношение к имперскому и советскому периодам истории в каждом из государств Центральной Азии имеет свою специфику.

Ключевые слова: Центральная Азия; Республика Казахстан; Кыргызская Республика; Республика Таджикистан; Туркменистан; Республика Узбекистан; советское прошлое; постколониальный дискурс; нацистроительство.

Образец цитирования:

Меньковский ВИ, Шмигель М, Жеребцов ИЛ. Центральная Азия как исторический регион. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;4:54–62. EDN: KOZVZZ

For citation:

Menkovski VI, Šmigel' M, Zherebtsov IL. Central Asia as a historical region. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;4:54–62. Russian. EDN: KOZVZZ

Авторы:

Вячеслав Иванович Меньковский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета.

Михал Шмигель – кандидат наук (история), доцент; доцент философского факультета.

Игорь Любомирович Жеребцов – доктор исторических наук; директор.

Authors:

Viachaslau I. Menkovski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history.

menkovski@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0003-3417-4589>

Michal Šmigel', PhD (history), docent; associate professor at the faculty of arts.

michal.smigel@umb.sk
<https://orcid.org/0000-0003-2255-3135>

Igor L. Zherebtsov, doctor of science (history), director.
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7115-4547>

ЦЭНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ЯК ГІСТАРЫЧНЫ РЭГІЁН

В. І. МЕНЬКОЎСКИ^{1}, М. ШМИГЕЛЬ^{2*}, І. Л. ЖАРАБЦОЎ^{3*}*

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

^{2*} *Універсітэт Мацея Бела, вул. Народна, 12, 97401, г. Банска-Бістрыца, Славакія*

^{3*} *Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення РАН, вул. Камуністычная, 26, 167982, г. Сыктывкар, Расія*

Аналізуецца выкарыстанне гісторыка-геаграфічнага і геапалітычнага паняцця «гістарычны рэгіён» у дачыненні да новых незалежных дзяржаў Цэнтральнай Азіі (Рэспублікі Казахстан, Кыргызскай Рэспублікі, Рэспублікі Таджыкістан, Туркменістана і Рэспублікі Узбекістан), а таксама роля феномена постсавецкай ідэнтычнасці ў фарміраванні сучасных нацый і дзяржаў. Тэрмін «гістарычны рэгіён» інтэрпрэтуецца як тэрыторыя, якая ў нейкі гістарычны час ахоплівала пэўную палітычную, эканамічную, культурную, этнаграфічную, моўную і ментальную прастору. Адзначаецца, што ў савецкі час былі прадпрыняты шматлікія меры па нацыябудаўніцтву на былых ускраінах Расійскай імперыі. Паказваюцца асаблівасці цэнтральнаазіяцкай гістарычнай палітыкі ў сацыяльным, географічным (геапалітычным) і тэмпаральным аспектах. У складанай структуры розных узроўняў гістарычнай памяці вобраз савецкага мінулага інтэрпрэтуецца як набор апісанняў, ідэй і вобразаў мінулага, якія генеруюцца ўладным дыскурсам, як калектыўныя штодзённыя ўяўленні аб мінулым, а таксама як індывідуальная памяць, што аб'ядноўвае асобу з пэўнай сацыяльнай стратай. Робіцца выснова аб тым, што рэгіянальныя і глабальныя праблемы не дазваляюць краінам Цэнтральнай Азіі выпрацаваць адзіную стратэгію па захаванні гістарычнай памяці. Адзначаецца, што спробы спрашчэння яе да нейкай агульнай парадыгмы скажаюць рэальную сітуацыю па той прычыне, што стаўленне да імперскага і савецкага перыядаў гісторыі ў кожнай з дзяржаў Цэнтральнай Азіі мае сваю спецыфіку.

Ключавыя словы: Цэнтральная Азія; Рэспубліка Казахстан; Кыргызская Рэспубліка; Рэспубліка Таджыкістан; Туркменістан; Рэспубліка Узбекістан; савецкае мінулае; посткаланіяльны дыскурс; нацыябудаўніцтва.

CENTRAL ASIA AS A HISTORICAL REGION

V. I. MENKOUSKI^a, M. ŠMIGEL^b, I. L. ZHEREBTSOV^c

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

^b *Matej Bel University, 12 Narodna Street, Banska Bystrica 97401, Slovakia*

^c *Institute of Language, Literature and History Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26 Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar 167982, Russia*

Corresponding author: V. I. Menkovski (menkovski@bsu.by)

The use of the historical, geographical and geopolitical concept of «historical region» in relation to the newly independent states of Central Asia (the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, Turkmenistan and the Republic of Uzbekistan) is analysed, as well as the role of the phenomenon of post-Soviet identity in the formation modern nations and states. The term «historical region» is interpreted as a territory that, at a certain historical time, covered a certain political, economic, cultural, ethnographic, linguistic and mental space. It is noted that in Soviet times, many nation-building measures were taken on the former outskirts of the Russian Empire. The features of Central Asian historical politics in social, geographical (geopolitical) and temporal terms are shown. The image of the Soviet past is interpreted in a complex structure of various levels of historical memory as a set of descriptions, ideas and images of the past generated by power discourse, as collective everyday ideas about the past, and as an individual memory that unites a person with the social stratum. It is concluded that regional and global problems do not allow the countries of Central Asia to develop a unified strategy for preserving historical memory. It is noted that attempts to simplify it to a certain general paradigm distort the real situation, since the attitude towards the imperial and Soviet periods of history in each of the Central Asian states has its own specifics.

Keywords: Central Asia; Republic of Kazakhstan; Kyrgyz Republic; Republic of Tajikistan; Turkmenistan; Republic of Uzbekistan; Soviet past; post-colonial discourse; nation-building.

Введение

Для раскрытия темы необходимо определиться с ключевыми терминами работы. В контексте исследования Центральной Азии как историческо-

го региона наиболее важным аспектом, требующим уточнения, выступает географический (региональный) аспект. С точки зрения географической

науки¹ Центральная Азия – это обширный регион, включающий в себя, помимо Средней Азии и Казахстана, Монголию, западную часть Китая и Южную Сибирь. Объектом настоящего исследования является исторический регион Туркестана, с XIX в. входящий в состав Российской империи. В работе С. Глебова отмечается, что с помощью использования категории «исторический регион» историки преодолевают детерминизм кажущихся самоочевидными национальных нарративов и политических границ, не позволяя проецировать на прошлое современные политические условия. Так, «регионы не являются естественными пространственно-социальными единицами, но складывались исторически, создавались в результате административных реформ, оформлялись в силу географических причин» [2].

Туркестанский регион состоит из трех частей – Восточного Туркестана, Западного Туркестана и Южного Туркестана. После того как во второй половине XIX в. большая часть земель Центральной Азии вошла в состав Российской империи, в употреблении появились понятия «русский Туркестан», «восточный Туркестан» (принадлежавший Китаю) и «афганский Туркестан» (включавший северные районы Ирана и Афганистана). Определение «русский Туркестан» имело только административное значение. Границы этого региона менялись в зависимости от политической ситуации. Первоначально под термином «русский Туркестан» подразумевалось Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте, учрежденное в 1867 г. царским правительством. В 1886 г. оно было переименовано в Туркестанский край. В 1918 г. на территории русского Туркестана была создана Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика – автономная республика в составе РСФСР.

В ходе национально-государственного размежевания в 1920–30-х гг. на территории Туркестана были образованы Туркменская, Узбекская, Таджикская и Киргизская советские республики, в отношении которых стало использоваться определение «Средняя Азия». Возникло новое географическое понятие «Средняя Азия и Казахстан». В 1992 г. на саммите государств Средней Азии президент Казахстана Н. А. Назарбаев предложил отказаться от этого определения в пользу термина «Центральная

Азия», который охватывал все постсоветские государства указанного региона². Таким образом, сегодня именование региона производится на основе не географического, а регионального геополитического принципа³.

Опираясь на множественные определения понятия «исторический регион», авторы статьи предлагают интерпретировать его как территорию, которая в некое историческое время⁴ охватывала определенное политическое, экономическое, культурное, этнографическое, языковое и ментальное пространство. В самосознании местного и окружающего населения, дискурсах местных и внешних властных формирований это пространство могло восприниматься как гомогенная структура.

На определенной территории могут находиться разные исторические области. По площади они могут быть меньше страны расположения, соответствовать ей (необязательно в современных границах) или превосходить ее.

Такие геополитические формулировки, как «постсоветские страны», «новые независимые государства», представляются достаточно противоречивыми. Специалисты отмечают: «Сложность определения феномена постсоветской идентичности связана с несколькими уровнями наслаивающейся социально-политической реальности, которые формируются на основе советского опыта и параллельно ему. Исходя из этого, некоторые эксперты могут отвергать само явление постсоветского пространства, воспринимая его как политический конструкт» [6, с. 54]. В научной литературе до сих пор нет консенсуса по поводу территории, которая более 30 лет назад относилась к Советскому Союзу, а сейчас юридически принадлежит другим государствам. Конечно, понятие «постсоветское пространство» является конструируемым. Вместе с тем необходимо понимать, что формирование такого конструкта, как регион, обусловлено особенностями природного ландшафта, а также отношениями между человеком и тем, что его окружает. Эти основания обеспечивают осязаемость региональной перспективы. Иначе говоря, «подобно нациям и государствам регионы формируются в рамках сложного взаимодействия между изобретенным и реальным, между идеей и материей» [7].

¹ Авторы согласны с мнением А. Усмановой о том, что «география никогда не была политически невинной/нейтральной наукой, хотя под прикрытием процедур достижения научной объективности ее политическое бессознательное удавалось скрывать до тех пор, пока на рубеже XIX–XX веков геополитика не утвердилась в качестве самостоятельного направления исследований на стыке географии, социологии, экономики и политических наук» [1, с. 44].

² Аканаева А. Почему Центральная Азия, а не Средняя [Электронный ресурс] // The Village Казахстан. URL: <https://www.the-village-kz.com/village/city/asking-question/29119-pochemu-tsentralnaya-aziya-a-ne-srednyaya> (дата обращения: 11.05.2023).

³ В данном контексте уместно привести слова Л. П. Репиной о том, что противоречивые дефиниции региональной истории и ее предмета отражают различия в трактовках понятия «регион», прежде всего в его пространственных масштабах (на основе географического критерия) или дифференциации изучаемых регионов на внутрисоветские и надгосударственные (на основе административного или геополитического критерия) [3, с. 7]. Таким образом, «регион – это целостность и одновременно часть целого, обладающая, с одной стороны, признаками гомогенности (однородности), с другой стороны, признаками когерентности (внутреннего единства, системности) [4, с. 36].

⁴ Авторы разделяют точку зрения А. Про о том, что «... время не дано историку как какое-то время, где-то там существующее до начала его исследования. Оно выстраивается историком благодаря специальной работе» [5, с. 116].

Вероятно, понятие «исторический регион» не имеет объективного толкования⁵. Для обозначения этого феномена современные исследователи используют условные термины, которые являются крайне уязвимыми с научной точки зрения. По мнению авторов статьи, использование данных терминов целесообразно, но со временем они будут заменены понятийным аппаратом новой геополитической реальности. Постсоветскость будет восприниматься как прошедшее явление: «...регионы сами по себе историчны. Со временем они меняются – растут, уменьшаются или обретают иной статус. Некоторые становятся отдельными государствами, другие, напротив, теряют свою независимость, и их название дает имя новому региону» [7].

Можно согласиться с утверждением о том, что «понятие “постсоветское пространство” подразумевает многоуровневый процесс дезинтеграции некогда единого государства, который продолжается и в настоящее время; понятие “новые независимые государства” характеризует логику сегодняшнего дня – существование суверенных стран – бывших союзных республик; понятие “ближнее зарубежье” выступает проекцией устремлений бывшего имперского центра на ранее подконтрольные ему территории» [8, с. 45]. В последние годы термин «ближнее зарубежье» практически вышел из употребления и заменяется понятием «русский мир», несущим в себе в большей степени постимперскую, а не постсоветскую коннотацию.

Методология исследования

При подготовке статьи основное внимание уделялось исследованию процесса формирования исторического региона и государственной политики нацистроительства в Центральной Азии. Использование метода интерпретации позволило соотнести отдельные регионы и страны, а также раскрыть содержание процесса нацистроительства через

внешние проявления знаков и символов исторической политики. Метод включенного наблюдения дал возможность изучить определенные социальные группы в повседневных жизненных обстоятельствах, а также государственные структуры в естественных условиях функционирования (в Республике Казахстан и Туркменистане).

Результаты и их обсуждение

Терминология современной политической и исторической науки по отношению к тому, что происходит в постимперский период, достаточно жесткая: «постколониальные исследования», «общества травмы», «постимперский синдром» и т. д. Постколониальный дискурс антагоничен колониальному мышлению предшествующих веков. Колониальный дискурс кратко, но точно укладывается в тезис о миссии белого человека, несущего недоразвитым народам культуру, перспективы и цивилизацию. «Небелые» («другие», «чужие») выступают только в качестве объектов исторического процесса, но никак не в качестве его субъектов⁶. Насилие, применяемое к объектам, конечно, лучше было бы исключить из колониальной практики, но, к сожалению, по-другому с «туземцами» и «иногородцами» строить отношения невозможно в силу их «дикости» и «нецивилизованности».

После распада колониальных империй властным структурам и обществу метрополий пришлось менять алгоритм мышления в отношении бывших покоренных народов, а научному сообществу нужно было выстраивать новую методологию исследования имперского (колониального) и постимперского (постколониального) периодов истории.

В историографии последних десятилетий нет единой точки зрения по поводу советского периода истории Центральной Азии⁷. Часть исследователей утверждают, что Советский Союз был колониальной империей подобно Британской империи или Второй империи во Франции. По их мнению, советское управление Средней Азией обеспечило модернизацию региона, при этом имели место экономическая эксплуатация местных ресурсов, насаждение коренному населению западных культурных норм и установление политического контроля

⁵В данном контексте идет дискуссия не только о постсоветском периоде, но и о многих других прошедших эпохах. Например, М. Мюллер критически относится к термину «постсоциализм». Он пишет о том, что «...пришло время попрощаться с постсоциализмом. Прощаться с термином, который изначально задумывался как временный, но исчерпал себя и связывает нас с прошлым, а не с будущим, привязывает нас к определенной территории, а не помогает преодолевать границы (перевод наш. – В. М., М. Ш., И. Ж.)». (Müller M. Goodbye, Postsocialism! [Electronic resource] // Europe-Asia Studies. 2019. Vol. 71, issue 4. P. 533-550. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09668136.2019.1578337> (date of access: 10.05.2023).)

⁶Исследователи Д. Б. Казаринова и А. А. Дунамалян отмечают, что «...дистанция между коренным населением и государством мало где была более значительной, чем в Средней Азии, которая стала последней крупной территорией, присоединенной к империи. <...> В целом различия между “туземцами” и “европейцами” прослеживались во всех проявлениях повседневной жизни и в организации пространства. <...> В Средней Азии сложилось двухкомпонентное общество, где коренное население и европейцы жили бок о бок друг с другом, при этом практически не взаимодействуя» [9].

⁷Краткий информативный обзор историографии начала XXI в. представлен в одной из публикаций Б. Лоринга. (Loring B. «Colonizers with party cards»: Soviet internal colonialism in Central Asia, 1917–39 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2014. Vol. 15, No. 1. P. 80–82.)

европейского русскоязычного центра, т. е. большевики, несмотря на антиколониальную риторику нового режима, фактически опирались на царский опыт и идею цивилизаторской миссии западного типа. В противоположность этой точке зрения другие исследователи основными направлениями деятельности советской власти в Средней Азии называют гомогенизацию и модернизацию общества. По их мнению, советское управление было нацелено на установление равенства народов бывшей империи и использование практик соседних государств (Турции и Ирана), а не на идею культурного превосходства России. При этом подчеркивается активная роль местных среднеазиатских элит, которые не просто подчинялись Москве, а выступали как союзники центра в программах модернизации региона.

Если для мировой историографии обсуждение вопросов о колониализме (модернизации) является научной дискуссией, то для постсоветского пространства это, скорее, «войны памяти», в которых на первый план выходят идеологические и политические мотивы. Так, в литературе встречается следующее мнение: «Изменения, произошедшие за последнюю четверть века, значительно облегчили контакты между российскими и западными историками. И все-таки мы по-прежнему обитаем в разных мирах» [10, с. 5].

В самом общем виде преобладающая тенденция российских академических публикаций заключается в том, чтобы избирательно фрагментировать прошлое, «забывая» негативные составляющие колониальной истории и замещая их героическими и позитивными. С. Абашин выделяет три основных фактора формирования парадигмы российской исторической памяти о Центральной Азии: символическая конкуренция СССР и Запада, а также желание российских политиков и интеллектуалов представить себя другими по сравнению с западной элитой (с учетом особых отношений с Азией, исключая колониализм западного типа); восприятие и переписывание истории Российской империи и Советского Союза как истории русской нации; разработка новых видов созависимости с бывшими окраинами империи, которые стали самостоятельными странами⁸.

Ситуация постимперского существования, безусловно, не означает невозможности построения нормальных отношений между бывшим центром и бывшими окраинами, но для этого нужны готовность и способность избавиться от имперского дискурса. К сожалению, для значительной части российской историографии это остается серьезной проблемой.

Некоторые исследователи считают, что российской историографии гораздо удобнее развиваться в условиях консервативной стабильности, игнорируя новейшие и вообще любые альтернативные теоретические и методологические подходы к написанию истории [11, с. 9]. Можно привести стандартное для большинства российских авторов описание новых национальных историй: «По сути, все сводится к утверждению своего исторического права на землю, занимаемую сейчас тем или иным государственным образованием, и к формированию образа врага в лице России, всегда препятствующей счастливой жизни того или иного народа»⁹ [12, с. 110]. Анализируя подобный подход к историческим нарративам постсоветских государств, важно обратить внимание на несколько аспектов. Во-первых, новая российская история также построена на излагаемых принципах, только в образе извечного врага предстает Запад, видоизменяющийся в различные исторические эпохи. Во-вторых, во всех центральноазиатских историографиях подчеркивается, что право на землю, существовавшее в отдаленные исторические периоды, не является обоснованием современных претензий на чужие территории, в том числе и агрессивных внешнеполитических действий. В-третьих, в государствах Центральной Азии историческая политика по отношению к имперскому и советскому периодам отличается, поэтому попытки ее упрощения до некоей общей парадигмы искажают реальную ситуацию.

Практически все исследователи согласны с тем, что важнейшими составляющими исторической политики новых независимых государств являются вопросы нахождения на их территории древнейших цивилизаций, описания высшей исторической точки развития нации (золотого века), а также становления современной государственности. В последнем вопросе интерес представляет отношение к истории Российской империи и Советского Союза в контексте реализуемой государствами Центральной Азии исторической политики. В литературе встречаются мнения о том, что, «в отличие от царской России и европейских колониальных держав, которые противопоставляли свои метрополии колонизованным перифериям, Советский Союз определял себя как сумму своих частей» [13]. Ставить знак равенства между Российской империей и Советским Союзом невозможно. Точнее, невозможно это делать с научной точки зрения. В политико-идеологических же целях это делалось и делается.

В научной литературе сложились неоднозначные оценки национальной политики советской власти

⁸Абашин С. Верещагин без колониализма: как постсоветская Россия не отмечает 150-летие завоевания Средней Азии [Электронный ресурс] // Нов. лит. обозрение. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21985/ (дата обращения: 11.05.2023).

⁹При этом автор признает деколонизацию истории и срабатывание постколониального синдрома практически неизбежными в странах, которые получили возможность независимого развития, или в странах с имперским прошлым [12, с. 110].

в регионе. Однако, если выделить основную историографическую тенденцию, можно отметить постепенный переход от жесткой критики деятельности большевиков к более позитивным оценкам их действий¹⁰. Ф. Хирш заключает: парадоксальность ситуации состояла в том, что «...пока западные ученые писали о неожиданно “прогрессивном” характере советской национальной политики, политические лидеры и ученые в постсоветских национальных государствах заговорили на языке деколонизации... Создавая постколониальный нарратив, эти лидеры и ученые опирались на западные работы, написанные в разгар холодной войны и характеризовавшие Советский Союз как колониальную империю и “разрушителя наций”» [13]. Автор подчеркивает, что «...искусная политика большевиков в национальном вопросе помогла им выстроить альянсы с некоммунистами и выиграть Гражданскую войну. Царский режим, Временное правительство и белые пытались игнорировать национальную идею, а большевики интегрировали ее в свою идеологию и свое представление о Советском социалистическом государстве» [13].

Дореволюционная Россия была империей и формально, и реально. Следовательно, характеристика дореволюционного периода производится с использованием имперских категорий. Национальные окраины Российской империи были неоднородными, находились на разных стадиях экономического, политического и культурного развития. Отличной была и степень национального самосознания этих окраин. Однако, характеризуя Российскую империю в частности и империю как геополитическое явление в целом, можно отметить, что государство создавало и использовало властные структуры как центра, так и национальных окраин для контроля над «иностранцами», не обеспечивая равных возможностей различным этническим и национальным группам. Распад Российской империи не являлся уникальным случаем. Если не впадать в различные столь популярные сегодня конспирологические объяснения, можно сделать очевидный вывод: время империй прошло. Если в XX в. распались все империи, почему Россия должна быть исключением? Процесс распада определили не заговоры отдельных лиц, не «мировая закулиса», а логика истории. Попытки противостоять этой логике и противодействовать естественному стремлению людей и наций к свобод-

ному существованию не могут сохранить империю и приводят к человеческим жертвам, гуманитарным катастрофам, крови и страданиям.

Действия советского правительства принципиально отличались от действий властей Российской империи. Авторы статьи разделяют точку зрения о том, что «в советское время очень многое уже было сделано для формирования национального самосознания нерусского населения: проведено национальное размежевание территории СССР с выделением титульных этнических групп, создана национальная интеллигенция и руководящие кадры, на национальных языках в республиках выходили книги и газеты, велось преподавание в школах и вузах, в каждой республике создавалась национальная версия истории, пусть и вписанная в общесоветский исторический нарратив» [14, с. 146]. Более того, современные национальные категории стали употребляться в качестве конкретных этнонимов лишь при советской власти, в имперский же период большинство жителей Средней Азии не определяли себя в национальных терминах. Т. Мартин вводит термин «империя позитивного действия», призванный объяснить уникальную политическую природу Советского Союза. Так, СССР не был ни традиционной империей (поскольку открыто провозглашал себя антиимпериалистическим государством), ни реальной федерацией (поскольку экономически и политически был унитарным государством), ни тем более государством-нацией (поскольку советская власть настойчиво поддерживала процесс национального строительства среди нерусских народов) [15, с. 141].

В Центральной Азии национальное размежевание и формирование республик в 1920-х гг. проходили в чрезвычайно сложных условиях¹¹. В национальных центральноазиатских историографиях данный процесс оценивается неоднозначно. Следует обратить внимание на позицию исследователей, которые отмечают, что было бы неверно говорить о полном нивелировании или демонизации совместного прошлого России и стран Центральной Азии. В Казахстане, например, обвинения в принудительной русификации казахов и в других «имперских грехах» уживаются с признанием существенной роли СССР в модернизации региона. В историографии современной Киргизии делается акцент на том, что киргизы добровольно искали покровительства Российской империи в XVIII–XIX вв. Показательным

¹⁰Martin T. The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2001. 496 p. ; A state of nations: empire and nation-making in the age of Lenin and Stalin / ed.: R. G. Suny, T. Martin. Oxford : Oxford Univ. Press, 2001. 307 p. ; Hirsch F. Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2005. 367 p. (Все книги опубликованы и в переводе на русский язык.)

¹¹Народы многонационального региона находились на разных уровнях экономического и социально-политического развития. Наряду с оседлыми таджиками и в основном оседлыми узбеками в Средней Азии проживали казахи Старшего жуза, киргизы, туркмены и каракалпаки, ведущие кочевой образ жизни. В течение нескольких столетий власть в регионе находилась в руках узбекских правителей Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств. Большинство городов на землях, где кочевали казахи и киргизы, были построены узбеками. В то же время самые древние города Средней Азии – Бухару и Самарканд – до 1925 г. населяли в основном таджики. Между народами региона (шиитами, суннитами, исмаилитами) существовала не только национальная, но и конфессиональная рознь. Ситуация усугублялась наличием большого числа национальных анклавов и сложнейшей национальной чересполосицей, особенно в Ферганской долине [16, с. 6].

в этом смысле является празднование 90-летия со дня образования Киргизской АССР и 80-летия со дня образования Киргизской ССР. В Таджикистане же нахождение государства в составе СССР восприни-

мается в категориях не доминирования, а защиты таджикской культуры, языка и государственности, что усиливается стержневым характером распространенной в государстве арийской идеи [17, с. 68].

Заключение

Репрезентация национальной истории в государствах Центральной Азии сложилась в достаточно устойчивую схему. Национализм, как сплав героического и жертвенного нарративов, составил основу исторической политики. Во всех государствах историографический нарратив базируется на представлении собственной истории как многовекового (или многотысячелетнего) процесса, а также на этноцентризме и всемирной значимости национальной истории и культуры, оказавших первостепенное влияние на динамику мирового развития. Национальная история характеризуется как перманентное движение к суверенитету, который для большинства историков является синонимом свободы. Подобная парадигма характерна как для всех постсоветских государств, так и практически для всех новых независимых государств. Выстраивание такой схемы совершенно естественно для периода формирования и укрепления государственности, а также обретения независимости. Подобные мифологизированные исторические нарративы присущи и старым нациям (государствам) с оговоркой, что их восприятие вызывает значительно меньше эмоций именно в силу давности и привычности существования.

Вместе с тем было бы иллюзией утверждать, что советская трактовка культуры и идентичности в Центральной Азии ушла в небытие. Она, скорее, преобразилась и сегодня представляет собой соединение постколониальных и постимперских подходов с советскими методами историко-политической интерпретации. М. В. Кирчанов отмечает, что «из всех элементов советского политического наследия, вероятно, самыми устойчивыми следует признать те, которые связаны с политизацией истории и формированием коллективных идентичностей» [18, с. 47]. Возможно, процесс и не мог развиваться по-другому в силу того, что политические и интеллектуальные (научные) элиты постсоветских государств состояли в большинстве своем из национальных советских элит. Бывшие советские функционеры могли предложить только те формы реализации исторической

политики, которыми они владели. Конечно, воспроизводство идеологии приспособлялось к новым условиям строительства нации и государства, однако сохраняло и сохраняет многие советские практики¹².

Во всех государствах Центральной Азии действуют структуры, ответственные за исследование и формирование исторической памяти. Современные национальные нарративы в этих странах строятся на принципах монопольности, мифологичности, упрощения, медийности, доступности и способствуют мобилизации социума и централизации государственного управления. Складывающиеся в сфере политики памяти структуры исследователи называют режимами памяти, функцией которых является извлечение политической выгоды из трансформаций исторических нарративов в современных медиа¹³ путем использования мифологизированного привлекательного прошлого.

Взаимные претензии между бывшими советскими республиками, вызванные экономическим противостоянием, военными конфликтами и формированием новых политических альянсов, значительно усилили разобщенность в академической среде: «Геополитическое напряжение между основными акторами глобальной политики привело к расколу среди сильно политизировавшихся постсоветских и восточноевропейских интеллектуалов, о чем можно судить как по академическим публикациям, так и по характеру дискуссий в социальных медиа» [1, с. 52]. Вполне вероятно, что с течением времени в Центральной Азии возникнет необходимость в написании региональной истории, будут созданы условия для совместного анализа прошлого, а также будет найдено понимание невозможности перенесения современных этнических, национальных, государственных категорий в другие исторические эпохи. Однако пока региональной консолидации как в отношении настоящего, так и в отношении прошлого не произошло. Авторам трудно согласиться с утверждением о том, что «формирование традиций и новых опорных мифов в государствах

¹²Новая политическая реальность 1991 г. возникла неожиданно для значительной части граждан бывшего СССР, многие постсоветские государства стали «нациями поневоле». Так, Д. Э. Летняков пишет о том, что «...бывшие союзные республики в основном не являлись гомогенными в этнокультурном смысле, а кроме того, сразу же после распада Советского Союза они вынуждены были пройти через болезненную социальную и экономическую трансформацию, перед элитами этих государств с самого начала встала задача легитимации нового независимого существования и консолидации общества. А для этого нужно было создать политическую нацию со своими мифами и нарративами, обосновать правомерность ее нахождения в существующих границах, обеспечить лояльность населения новой власти, сформировать чувство солидарности и общности по истории и судьбе» [14, с. 145].

¹³Николаи Ф. Режимы памяти, национальные нарративы и политики идентичности: открытое будущее исследований памяти [Электронный ресурс] // Нов. лит. обозрение. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/167_nlo_1_2021/article/23161/ (дата обращения: 11.05.2023).

Центральной Азии оказывает прямое воздействие на выстраивание внешнеполитического курса страны» [19, с. 156]. С точки зрения авторов статьи, при всей сложности взаимодействия прошлого и настоящего ситуация зеркальна. Не исторические мифы оказывают влияние на политику, а политика целенаправленно формирует их. Региональные и глобаль-

ные проблемы не позволяют странам Центральной Азии выработать единую стратегию, касающуюся исторической памяти. Представляется, что именно национально-государственный и постколониальный дискурсы будут преобладать в историографических и историко-политических центральноазиатских нарративах.

Библиографические ссылки

1. Усманова А. Дебаты о постсоциализме и политики знания в пространстве множественных «post-». *Социологическое обозрение*. 2020;19(3):44–69. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-44-69.
2. Глебов С, редактор-составитель. *Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири* [Интернет]. Москва: Новое издательство; 2013 [процитировано 12 мая 2023 г.]. Доступно по: <https://flibusta.club/b/389267/read>.
3. Репина ЛП. История регионов, или «Территория историка» после пространственного поворота. *Диалог со временем*. 2020;69:5–16.
4. Лебедева МЛ. Аспекты понимания термина «регион»: политико-историческая аградация. *Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки»*. 2018;4(2):30–37. DOI: 10.30914/2411-3522-2018-4-2-30-37.
5. Про А. *Двенадцать уроков по истории*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2000. 336 с.
6. Казаринова ДБ, Дунамяян НА. Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции. *Политическая наука*. 2022;1:52–79.
7. Болтунова ЕВ, Боярченков ВВ, Санндрленд В. *Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на) значение* [Интернет]. Москва: Новое литературное обозрение; 2021 [процитировано 12 мая 2023 г.]. Доступно по: <https://flibusta.club/b/648243/read>.
8. Пашковский ПИ. Проблема интерпретации понятия «постсоветское пространство». *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. 2015;1(67);4:41–48.
9. Халид А. *Создание Узбекистана: нация, империя и революция в раннесоветский период* [Интернет]. Тверьянович К, Рудакова А, переводчики. Санкт-Петербург: Библиороссика; 2022 [процитировано 12 июля 2023 г.]. Доступно по: <https://flibusta.club/b/692625/read>.
10. Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. *Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции*. Москва: РОССПЭН; 2019. 285 с.
11. Кирчанов МВ. Политизация исторического знания и национализм в транзитных обществах (проблемы и противоречия). *Общество: политика, экономика, право*. 2014;3:8–12.
12. Скаков АЮ. Пробные учебники истории для классов с русским языком обучения средних школ Туркменистана. *Историческая экспертиза*. 2016;1:110–120.
13. Хирш Ф. *Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза* [Интернет]. Ибатуллин Р, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2022 [процитировано 12 мая 2023 г.]. Доступно по: <https://djuv.online/file/X5SvCOZ4CIIJF>.
14. Летняков ДЭ. Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах. *Мир России*. 2016;25(2):144–167.
15. Новикова ЛГ. Советская национальная политика в оценках трех западных историков. *Отечественная история*. 2006;4:140–145.
16. Дьякова Н. Территории постсоветских республик: от истории к современности. *Россия и новые государства Евразии*. 2011;2:51–73.
17. Франц ВА. Потенциал мягкой силы исторической памяти во взаимном сближении жителей государств Центральной Азии и россиян. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*. 2020;3(40):54–73. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10304.
18. Кирчанов МВ. Историческая наука в политических дебатах и национальном строительстве (постсоветский опыт). *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2013;(21):46–53.
19. Плотников ДС. Конструирование исторического прошлого в государствах Центральной Азии в контексте выстраивания взаимоотношений с Россией на современном этапе. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2016;2:156–167.

References

1. Usmanova A. The debates on post-socialism and the politics of knowledge in the space of the plural «post's». *Russian Sociological Review*. 2020;19(3):44–69. Russian. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-44-69.
2. Glebov S, editor-compiler. *Region v istorii imperii. Istoricheskie esse o Sibiri* [Region in the history of the empire: historical essays on Siberia] [Internet]. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2013 [cited 2023 May 12]. Available from: <https://flibusta.club/b/389267/read>. Russian.
3. Repina LP. History of the regions, or «Historian's territory» after spatial turn. *Dialogue with Time*. 2020;69:5–16. Russian.
4. Lebedeva ML. Aspects of understanding of the term «region»: political and historical transformation. *Vestnik of the Mari State University. Chapter «History. Law»*. 2018;4(2):30–37. Russian. DOI: 10.30914/2411-3522-2018-4-2-30-37.
5. Pro A. *Dvenadtsat' urokov po istorii* [Twelve history lessons]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2000. 336 p. Russian.
6. Kazarinova DB, Dunamalyan NA. Trajectories of development of post-Soviet identities: approaches, models, trends. *Political Science*. 2022;1:52–79. Russian.

7. Boltunova EV, Boyarchenkov VV, Sannderlend V. *Regiony Rossiiskoi imperii: identichnost', reprezentatsiya, (na)znachenie* [Regions of the Russian Empire: identity, representation, (appointment) meaning] [Internet]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2021. [cited 2023 May 12]. Available from: <https://flibusta.club/b/648243/read>. Russian.
8. Pashkovsky PI. The problem of interpreting of the concept «post-Soviet space». *Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Cultural studies*. 2015;1(67);4:41–48. Russian.
9. Halid A. *Sozdanie Uzbekistana: natsiya, imperiya i revolyutsiya v rannesovetskii period* [The making of Uzbekistan: nation, empire, and revolution in the early Soviet period] [Internet]. Tver'yanovich K, Rudakova A, translators. Saint Petersburg: Bibliorossika; 2022 [cited 2023 May 12]. Available from: <https://flibusta.club/b/692625/read/>. Russian.
10. Skhimmel'pennink van der Oie D. *Russkii orientalizm. Aziya v rossiiskom soznanii ot epokhi Petra Velikogo do Beloi emigratsii* [Russian orientalism. Asia in the Russian mind from Peter the Great to the White emigration]. Moscow: ROSSPEN; 2019. 285 p. Russian.
11. Kirchanov MV. [Politicisation of historical knowledge and nationalism in transitive societies (problems and contradictions)]. *Society: Politics, Economics, Law*. 2014;3:8–12. Russian.
12. Skakov AYu. [Trial history textbooks for Russian language classes in secondary schools in Turkmenistan]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 2016;1:110–120. Russian.
13. Hirsh F. *Imperiya natsii: etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soyuz* [Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union] [Internet]. Ibatullin R, translator. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2022 [cited 2023 May 12]. Available from: <https://djvu.online/file/X5SvCOZ4CIIJF>. Russian.
14. Letnyakov DE. Nation-building: identity policies in post-Soviet states. *Mir Rossii*. 2016;25(2):144–167. Russian.
15. Novikova LG. [Soviet national policy in the assessments of three Western historians]. *Otechestvennaya istoriya*. 2006;4:140–145. Russian.
16. D'yakova N. [Territories of the post-Soviet republics: from history to the present]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. 2011;2:51–73. Russian.
17. Frants VA. The potential of the soft power of historical memory in the mutual rapprochement of residents of the Central Asian countries and Russians. *Scientific Journal «Discourse-P»*. 2020;3(40):54–73. Russian. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10304.
18. Kirchanov MV. [Historical science in political debates and national building (post-Soviet experience)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2013;(21):46–53. Russian.
19. Plotnikov DS. Construction the past of Central Asia in the context of building relations with Russia at the present stage. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2016;2:156–167. Russian.

Статья поступила в редакцию 20.06.2023.
Received by editorial board 20.06.2023.

УДК 339.9(47+57:73)(091)

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х гг.

Г. А. ПЕТАЧЕНКО¹⁾, М. А. ШАБАСОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются формы советско-американского экономического сотрудничества в 1920-х – начале 1930-х гг. Отмечается, что советское руководство признавало необходимость заимствования у западных стран, в частности у США, передовой техники и технологий, а также подходов к организации труда. Особое внимание уделяется причинам выбора того или иного варианта экономического взаимодействия. Анализируется практика предоставления и свертывания концессий в СССР в 1920-х гг. Показывается, что с середины 1920-х гг. иностранные предприниматели испытывали давление как со стороны государства, так и со стороны профсоюзов. Описываются аспекты привлечения американских левых и реэмигрантов к восстановлению советского народного хозяйства. Приводятся примеры организации автономных промышленных и сельскохозяйственных колоний в СССР. Исследуется вклад американцев в реализацию плана первой пятилетки и формирование основ советской промышленности. Изучается участие американцев в проектировании советских предприятий, а также пути привлечения американских займов и закупки оборудования. Делается вывод о том, что формы советско-американского экономического взаимодействия были краткосрочными и практиковались всего несколько лет, что не позволило использовать потенциал сотрудничества в полной мере.

Ключевые слова: нэп; концессия; индустриализация; СССР; США; советско-американское экономическое сотрудничество.

ЭВАЛЮЦЫЯ ФОРМ САВЕЦКА-АМЕРЫКАНСКАГА ЭКАНАМІЧНАГА СУПРАЦОЎНІЦТВА Ў 1920-я – ПАЧАТКУ 1930-х гг.

Р. А. ПЕТАЧЭНКА^{1*}, М. А. ШАБАСАВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуюцца формы савецка-амерыканскага эканамічнага супрацоўніцтва ў 1920-я – пачатку 1930-х гг. Адзначаецца, што савецкае кіраўніцтва прызнавала неабходнасць запазычання ў заходніх краін, у прыватнасці ў ЗША, сучаснай тэхнікі і тэхналогій, а таксама падыходаў да арганізацыі працы. Асабліва ўвага надаецца прычынам выбару таго ці іншага варыянта эканамічнага ўзаемадзеяння. Аналізуецца практыка выдачы і згортвання канцэсій у СССР у 1920-я гг. Паказваецца, што з сярэдзіны 1920-х гг. замежныя прадпрыемальнікі адчувалі ціск як з боку дзяржавы, так і з боку прафсаюзаў. Апісваюцца аспекты прыцягнення амерыканскіх левых і рээмігрантаў да аднаўлення савецкай народнай

Образец цитирования:

Петаченко ГА, Шабасова МА. Эволюция форм советско-американского экономического сотрудничества в 1920-х – начале 1930-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;4:63–72.
EDN: GVGLYT

For citation:

Petachenka RA, Shabasava MA. The evolution of the Soviet-American economic cooperation in 1920s – early 1930s. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;4: 63–72. Russian.
EDN: GVGLYT

Авторы:

Григорий Алексеевич Петаченко – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России исторического факультета.

Марина Алексеевна Шабасова – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России исторического факультета.

Authors:

Ryhor A. Petachenka, PhD (history), docent; associate professor at the department of Russian history, faculty of history.

petakoff@yandex.ru

Maryna A. Shabasava, PhD (history), docent; associate professor at the department of Russian history, faculty of history.

shabasovamarina@gmail.com

гаспадаркі. Прыводзяцца прыклады арганізацыі аўтаномных прамысловых і сельскагаспадарчых калоній у СССР. Далейшая ўнёсак ЗША ў рэалізацыю плана першай пяцігодкі і фарміраванне асноў савецкай прамысловасці. Вывучаецца ўдзел амерыканцаў у праектаванні савецкіх прадпрыемстваў, а таксама шляхі прыцягнення амерыканскіх пазык і закупкі абсталявання. Робіцца выснова аб тым, што формы савецка-амерыканскага эканамічнага ўзаемадзеяння былі кароткатэрміновымі і практыкаваліся ўсяго некалькі гадоў, што не дазваляла выкарыстаць патэнцыял супрацоўніцтва ў поўнай меры.

Ключавыя словы: нэп; канцэсія; індустрыялізацыя; СССР; ЗША; савецка-амерыканскае эканамічнае супрацоўніцтва.

THE EVOLUTION OF THE SOVIET-AMERICAN ECONOMIC COOPERATION IN 1920s – EARLY 1930s

R. A. PETACHENKA^a, M. A. SHABASAVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: M. A. Shabasava (shabasovamarina@gmail.com)

The aim of the article is the examination of the different types of the Soviet-American economic cooperation in the 1920s – early 1930s. It is emphasised that the Soviet rulers admitted the need of borrowings of the advanced technique, technologies and the labour organisation from the Western countries, especially from the USA. The special attention is paid to the process of the choosing of suitable forms of economic cooperation. The practice of granting and curtailing of concessions in the 1920s is explored. It is shown that from the mid 1920s American businessmen were suppressed by both the Soviet government and trade unions. The authors analyse the role of the American leftists and reemigrants in the restoration of the Soviet economy. The examples of the industrial and agrarian colonies are given. The contribution of the USA to the fulfillment of the first five-year plan is scrutinised. The authors examine American participation in the designing of the Soviet enterprises, the ways of getting American loans, procurements of American technical equipment. The authors conclude that all forms of the Soviet-American economic cooperation between the countries were short-lived and practiced only for a few years. That did not allow the Soviets to use the potential of economic cooperation with the USA to the full extent.

Keywords: new economic policy; concession; industrialisation; USSR; USA; the Soviet-American economic cooperation.

Введение

После окончания Гражданской войны перед советским руководством стояла масштабная задача по восстановлению народного хозяйства, а в перспективе – задача по обеспечению быстрого роста экономики и модернизации промышленности. Превращение Советской России, а впоследствии и СССР, в передовую промышленную державу казалось целью не только экономического развития, но и выживания социалистического государства во враждебном капиталистическом окружении. Еще в 1917 г. В. И. Ленин писал: «В силу ряда исторических причин... в России раньше других стран вспыхнула революция. Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны... Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически» [1, с. 198].

Буквально в первые месяцы после Октября 1917 г. стало очевидно, что и выживание, и развитие страны возможно только при сотрудничестве с теми самыми капиталистами, которых вскоре, как надеялись большевики, должна будет смести мировая социа-

листическая революция. Советское руководство осознавало, что опора исключительно на собственные силы не сможет обеспечить динамичного развития государства и приведет к увеличению экономической пропасти между западными странами и СССР. Признавая порочность капиталистической надстройки, большевики были совершенно не против того, чтобы перенести капиталистический базис на советскую почву, в частности воспользоваться западными техническими достижениями, квалифицированной рабочей силой и инновациями в сфере организации труда. Однако привлечь капиталистов к сотрудничеству и убедить западных предпринимателей в том, что вложения в СССР принесут прибыль, а бизнес окажется долговечным, было нелегко. Сепаратный мир с Германией, отказ от возвращения займов и национализация банков и предприятий не обеспечивали Москве доверия. В разное время советскому правительству приходилось искать такие формы экономического взаимодействия с западными странами, которые удовлетворяли бы и интересам западных капиталистов с их опасениями и ожиданиями, и запросам советского правитель-

ства. В 1920–30-х гг. выбор форм финансового сотрудничества между СССР и Западом был обусловлен не только экономическими возможностями и целесообразностью, но и идеологическими установками и политической необходимостью.

Особое внимание большевистское руководство уделяло сотрудничеству с Америкой. В конце XIX в. – начале XX в. США превратились в мирового лидера в области развития новейших технологий и внедрения в производство передовой техники. Американское превосходство над голодной и разрушенной Европой отчетливо проявилось после окончания Первой мировой войны. Оглядываясь на США, превознося американскую чудо-технику, стремясь догнать и перегнать заокеанскую державу, большевистские руководители действовали согласно духу времени. Американизация, под которой следует понимать переход к массовому производству, стандартизации, поточно-конвейерному методу, а также к научной организации труда и управлению [2, с. 56], оказалась общим процессом для Старой Европы и молодого Советского государства.

Призывы учиться у американцев раздавались в России на самом высоком уровне. В черновиках к статье «Очередные задачи советской власти» (1918) В. И. Ленин постоянно упоминал тейлоризм, призывал «черпать обеими руками хорошее из-за границы» и вывел поразительную формулу социализма: «Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = Σ = социализм» [3, с. 550].

Преимущества американской модели экономики признавал второй вожь революции Л. Д. Троцкий.

Методология исследования

Методологическую основу работы составляют принципы историзма, системности и объективности. Исторические события, объекты и социально-политические явления рассматриваются в динамике в контексте конкретных условий. Экономические взаимоотношения СССР и США в 1920-х – начале 1930-х гг. выступали подсистемой, функционирование которой было обусловлено общим ходом индустриализации в СССР. Принцип объективности дал возможность изучить особенности деятельности американских компаний в Советском Союзе в 1920-х – начале 1930-х гг. и сделать вывод о сложностях адаптации американского опыта к советским реалиям. Анализ и сопоставление широкого круга источников позволили описать реальный вклад американцев

В статье «Культура и социализм» он писал: «В Соединенных Штатах Северной Америки на жителя приходится в год 500 киловатт-часов энергии, а у нас – всего лишь 20 киловатт-часов, т. е. в 25 раз меньше. Механической двигательной силы вообще у нас в 50 раз меньше на человека, чем в Соединенных Штатах. Советская система, подкованная американской техникой, – это и будет социализм. Наш общественный строй даст американской технике иное, несравненно более целесообразное применение. Но и американская техника преобразует наш строй, освободит его от наследия отсталости, первобытности, варварства» [4, с. 438].

Необходимость перенимать у Америки позитивный опыт признавал и И. В. Сталин. Во время выступления в 1924 г. в Свердловском университете характерными чертами ленинского стиля работы он называл русский революционный размах и американскую деловитость. При этом удельный вес и значимость этих составляющих были равноценными. По мнению вождя, без американской деловитости русский революционный размах рисковал выродиться в «революционную маниловщину» [5, с. 186], т. е. в пустые мечтания и благодушие. Американская деловитость определялась как «неукротимая сила, которая не знает и не признает преград, которая размышляет своей деловитой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело» [5, с. 187]. Использование в одной формулировке имени В. И. Ленина и американских качеств свидетельствовало в 1924 г. о высоком уважении к последним, равно как и о признании полной легитимности идеи учиться и заимствовать у «заграницы».

в развитие советского народного хозяйства. С помощью сравнительно-исторического и статистического методов, а также методов репрезентативности и количественной обработки удалось проследить процесс становления советско-американских экономических отношений, дать его количественную и качественную характеристику и воссоздать условия работы американцев в Советском Союзе. Благодаря методу биографической реконструкции были изучены проблемы социально-культурной адаптации иностранных специалистов к советской действительности. Использование различных методов и принципов обусловило возможность сделать независимые выводы и обобщения, а также обеспечить комплексный подход к исследованию проблемы.

Результаты и их обсуждение

На начальных этапах нэпа экономическое присутствие в СССР иностранцев в целом и американцев в частности должно было реализовываться в виде концессий. В. И. Ленин определял концессию как «договор государства с капиталистом, который берет

поставить или усовершенствовать производство (например, добычу и сплав леса, добычу угля, нефти, руды и т. п.), платя за это государству долю добываемого продукта, а другую долю получая в виде прибыли» [6, с. 248]. Признавая, что концессии являются

вынужденной мерой, а также уступкой капитализму, вождь мирового пролетариата утверждал, что концессии помогут нарастить производство и улучшить положение рабочих и крестьян [6].

Вместе с тем очевидно, что советское руководство, приглашая американский бизнес в страну, рассчитывало и на положительный политический эффект. Через взаимодействие с частными лицами большевики надеялись выйти на диалог с американским правительством. В 1920 г. группа бизнесменов и банкиров из США во главе с предпринимателем В. Б. Вандерлипом предлагала советскому правительству проекты долгосрочной аренды или продажи значительной части Дальнего Востока. Советская сторона вела переговоры с таким расчетом, что выгодное соглашение поспособствует признанию Советской России Соединенными Штатами Америки. Сделка не состоялась из-за отсутствия к ней интереса со стороны американского правительства.

В начале 1921 г. между американской компанией «Синклер» и правительством Дальневосточной республики велись переговоры, целью которых была передача в концессию нефтяных месторождений северной части о. Сахалина. Когда в конце 1922 г. Дальневосточная республика вошла в состав РСФСР, договоренности были поддержаны Москвой. Советское руководство рассчитывало на то, что нефтяная концессия приблизит дипломатическое признание Советского государства, а также надеялось на то, что американцы смогут потеснить японцев на Дальнем Востоке [7, с. 108]. Но договор так и остался на бумаге из-за нежелания американцев идти на открытый конфликт с Японией.

Примером состоявшегося советско-американского экономического сотрудничества стала передача в 1921 г. А. Гаммеру концессии на разработку асбеста на Урале, а также концессии на ведение внешней торговли. Впоследствии А. Гаммер построил фабрику по производству карандашей и других канцелярских товаров. В 1925 г. был подписан договор о передаче марганцевых месторождений в г. Чиатури (Грузия) в концессию компании У. А. Гарримана. По количеству заявок на концессии в 1922–1926 гг. доминировали США, Германия и Великобритания¹.

Советская власть рассчитывала не только на заинтересованность крупного американского бизнеса, но и на солидарность трудящихся. После войны в западных странах наблюдался рост симпатий к левым, обычным явлением становились забастовки, формировались коммунистические партии. Положительное отношение к советскому эксперименту большевики стремились использовать не только для разжигания мировой революции, но и в экономических целях. Вклад в развитие советского народного хозяйства

могли бы обеспечить переселенцы из западных стран, которые ввезли бы в СССР современную западную технику.

Сочувственное отношение к России усиливалось в США преследованиями американских левых и иммигрантов периода «красной угрозы» 1917–1920 гг., когда американские власти активно боролись с каждым, кто мог дестабилизировать политическую обстановку в стране и виделся сторонником коммунизма и революции. Сенатская комиссия Овермана (1918–1919), изучив немецкое и большевистское влияние в США, пришла к выводу о том, что подозрительные иммигранты должны быть отправлены на историческую родину. В конце 1919 г. на пароходе «Буфорд», получившем в прессе красочное название «советский ковчег», 249 выходцев из Российской империи, большинство из которых были членами анархо-синдикалистской организации «Союз русских рабочих в США и Канаде», а еще часть принадлежала к коммунистической и социалистической партиям, были принудительно отправлены в Советскую Россию.

Несмотря на чинимые американскими властями препятствия, в 1919 г. в Нью-Йорке было открыто Русское советское правительственное бюро, которое возглавил Л. Мартенс, ставший фактически первым представителем СССР в США. В Нью-Йорке он учредил Общество технической помощи Советской России, членами которого становились в первую очередь русские эмигранты, а также американские трудящиеся левых убеждений. Несмотря на негативное отношение со стороны американских властей, данное общество развивалось вполне динамично, подобные организации были созданы и в других американских городах. Л. Мартенс утверждал, что в середине 1920 г. количество членов общества насчитывало 2,5 тыс. человек, а к 1921 г. превысило 10,0 тыс. человек [8, с. 148]. Непосредственной целью этой структуры, как следовало из ее названия, была помощь в восстановлении народного хозяйства России. Кроме того, представители общества занимались просветительской деятельностью, стремясь через митинги, доклады и лекции улучшить отношение американского общества к советской власти [9, с. 5].

В конце 1920 – начале 1921 г. только через латвийский город Лиенаю (Либаву) в Россию из Америки прибыло более 16 тыс. реэмигрантов [8, с. 148]. Однако в стране не были отработаны механизмы приема и трудоустройства ценных иностранных кадров. Американцы неделями искали работу и были вынуждены обращаться в инстанции, но те не в силах были помочь американским энтузиастам. Прибывшая в конце 1920 г. группа специалистов, имевших опыт работы на лучших американских автомобиль-

¹Сопроводительная записка делами ГKK при СНК СССР Иванова в СНК СССР и отчет ГKK при СНК СССР за 1925/1926 г. // Иностраные концессии в СССР (1920–1930 гг.): док. и материалы / отв. ред. и сост. М. М. Загоруйко. М.: Современная экономика и право, 2005. С. 217.

ных заводах, в течение месяца безрезультатно обивала пороги московских контор, пока в отчаянии не попыталась решить вопрос на самом высоком уровне, написав письмо В. И. Ленину [9, с. 6–9].

Среди советских руководителей не было согласия по вопросу степени поддержки реэмигрантов. В августе 1921 г. на адрес Общества технической помощи Советской России в США и Канаде была направлена приветственная телеграмма, подписанная В. И. Лениным и Г. В. Чичериным. Нарком иностранных дел подписал телеграмму нехотя и только после уговоров, поскольку опасался, что общество ослабит позиции Коммунистической партии США².

Однако, несмотря на трудности и непоследовательность реализации, идея использования иностранных специалистов представлялась большевикам эффективным инструментом восстановления страны и преодоления технической отсталости. При этом власти рассчитывали как на промышленных рабочих, так и на сельскохозяйственных колонизаторов. В. И. Ленин высказывал заинтересованность в стимулировании притока рабочей силы из Америки и удовлетворении просьб иммигрантов. Предпринимались попытки зафиксировать порядок трудоустройства американских рабочих в законодательстве. Так, 22 июля 1921 г. было принято постановление Совета труда и обороны РСФСР «Об американской промышленной эмиграции», формулировки которого свидетельствовали о готовности властей делать существенные шаги навстречу иностранцам. В частности, в постановлении отмечалось, что сдавать предприятия в аренду группам американских рабочих или индустриально развитых крестьян желательно на условиях хозяйственной автономии³.

Советское правительство не только взаимодействовало с подобными группами и организациями, но и участвовало в их создании. Постановлением Совета труда и обороны РСФСР от 30 сентября 1921 г. учреждалась Русско-американская торгово-промышленная рабочая ассоциация (РАТПРА). Ее целью провозглашалось объединение симпатизирующих РСФСР организаций, учреждений и лиц для оказания содействия советскому правительству в восстановлении промышленности страны. Согласно документу советские власти должны были определить для американцев группу предприятий, восстановление которых представлялось особенно важным. РАТПРА брала на себя ответственность за обеспечение этих

предприятий административно-техническим и инструкторским персоналом, а также за усовершенствование производственной техники. Предприятия со всем оборудованием оставались в собственности государства, но правительство РСФСР гарантировало американцам сохранность вложенного капитала и разрешало РАТПРА получать из прибыли 7 % дивидендов. Предполагалось, что РАТПРА выпустит акции, которые будут распространены сначала среди рабочих коллективов и только потом среди частных лиц, а также приложит усилия для того, чтобы в США эти акции (не менее чем на 1 млн долл. США) не попали в руки враждебных элементов⁴.

РАТПРА интересовали в первую очередь текстильные предприятия Москвы и Петрограда, которые в октябре 1921 г. были переданы американцам вместе со зданиями, машинами, оборудованием и запасами топлива⁵.

Американцы создавали или восстанавливали предприятия, имевшие большое значение для развития народного хозяйства РСФСР. Еще в 1919 г. реэмигранты организовали в Москве первый в России инструментальный завод. В 1921 г. американцам был передан завод Автомобильного московского общества. Однако их самым значительным проектом стало создание международной Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» (далее – АИК «Кузбасс»).

Идея организации рабочей колонии в РСФСР была высказана на III Конгрессе Коминтерна летом 1921 г. голландским инженером С. Рутгерсом, приехавшим в Россию в 1918 г. и вступившим в ряды РКП(б). В организационную группу С. Рутгерса входили также американцы Г. Кальверт, У. Хейвуд, Дж. Байер и англичане Т. Манн и Т. Баркер. Представительства АИК «Кузбасс» были открыты в Берлине и Нью-Йорке⁶.

Между Советом труда и обороны СССР и АИК «Кузбасс» 25 декабря 1922 г. был заключен договор, согласно которому несколько предприятий и шахт северной группы Кузнецкого бассейна (в Кемерово) передавались колонии. Договором также регулировался порядок въезда колонистов в страну. Предполагалось, что АИК «Кузбасс» сохранит определенную автономию в советской системе народного хозяйства. Проект был интернациональным, но значительная часть специалистов приехали из США. Практически сразу после основания АИК «Кузбасс» продемонстрировала прекрасные результаты. За время ее существования общий объем добычи угля в стране

²Ленин В. И. Приветственная телеграмма В. И. Ленина и Г. В. Чичерина Обществу технической помощи Советской России в Соединенных Штатах Америки и Канаде. 10–11 августа 1921 г. // Неизвестные документы. 1891–1922 / Ю. Н. Амиантов [и др.] М. : РОССПЭН, 2017. С. 466.

³Постановление Совета труда и обороны РСФСР об американской промышленной эмиграции. 22 июля 1921 г. // Россия и США. Экономические отношения. 1917–1933 : сб. док. / отв. сост. А. Ю. Бахтурина. М. : Наука, 1997. С. 30.

⁴Постановление СТО РСФСР о создании Русско-американской торгово-промышленной рабочей ассоциации (РАТПРА). 30 сентября 1921 г. // Там же. С. 38–40.

⁵Договор ВСНХ РСФСР и Русско-американской торгово-промышленной рабочей ассоциации о совместном управлении швейными фабриками. 12 октября 1921 г. // Там же. С. 40.

⁶АИК «Кузбасс». Музей-заповедник «Красная горка» [Электронный ресурс]. URL: <https://redhill-kemerovo.ru/istoriya/stati/aik-kuzbass> (дата обращения: 10.06.2023).

вырос в 8,5 раза⁷. Колонисты достроили коксохимический завод в Кемерово, реконструировали шахты, электрифицировали деревни, создали механизированную ферму, благодаря им в Кузбассе появились первые благоустроенные поселки [2, с. 48]. Успехи позволили объединению расширить в 1925 г. сферу хозяйствования за счет Южного Кузбасса с его рудниками и Гурьевским металлургическим заводом.

Группы американцев были готовы трудиться не только на городских промышленных предприятиях, но и на объектах, расположенных в сельской местности. Американские колонисты занимались технологическим вооружением советской деревни и организацией передовых аграрных коллективных хозяйств. Принцип создания иностранных аграрных коммун был схож с принципом создания промышленных колоний. Колонисты, ехавшие в РСФСР (многие из них были реэмигрантами), везли в страну технику, оборудование и продовольствие. Например, в 1922 г. в с. Тойкино Пермской губернии прибыл отряд американцев под руководством Г. Вэра и привез новейшие тракторы «Форд» и «Кейс», бороны, сеялки, молотилки, запас бензина и даже передвижной кинотеатр⁸. Известным примером организации американцами коллективного хозяйства является также Ирская коммуна в Тамбовской губернии. С октября 1922 по август 1925 г. в Россию из США прибыли 14 сельскохозяйственных коммун, состоявших в основном из реэмигрантов [2, с. 49]. Периодически советская власть ставила вопрос о массовом переселении десятков тысяч американцев на неосвоенные, труднообрабатываемые земли Сибири, Кавказа и Поволжья.

Однако надеждам, возлагаемым на американский бизнес и колонистов, не суждено было сбыться. По мере свертывания нэпа иностранные концессии, а также промышленные и сельскохозяйственные колонии стали испытывать трудности, ставящие под угрозу их выживание. Фабрика А. Гаммера по производству карандашей и других канцелярских товаров была признана нежелательным предприятием легкой промышленности и конкурентом для советских предприятий. Она была поставлена в такие условия, что в 1929 г. А. Гаммер был счастлив тому обстоятельству, что фабрику удалось продать государству.

Концессионер мог испытывать давление как сверху, так и снизу. Примером служит печальная судьба компании А. Гарримана «Грузинский марганец». Кроме трудностей со сбытом марганцевой руды на международном рынке, концессия столкнулась с необходимостью приобретать советские рубли у Го-

сударственного банка СССР по невыгодному курсу, а власти не шли на компромисс. Финансовые потери компании были обусловлены действиями профсоюза, требовавшего повысить заработную плату сотрудникам, построить для них жилье и т. д. [10, с. 75]. В 1928 г. А. Гарриман прекратил свою деятельность в СССР.

Не в лучшем положении оказались промышленные и сельскохозяйственные колонии. Важным условием их существования была определенная степень автономии. Однако власти все больше вмешивались в деятельность колоний, стремясь включить их в советскую систему народного хозяйства. Основатель АИК «Кузбасс» С. Рутгерс признавал, что «Москва смотрит на “Кузбасс” как на советское государственное предприятие, управляемое на основе американских методов и, к сожалению, нуждающееся в американцах»⁹. В 1927 г. АИК «Кузбасс» была ликвидирована.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. начался новый этап сотрудничества США и СССР. Экономика нэпа в Советском Союзе была заменена мобилизационным типом экономики с приоритетом развития тяжелой промышленности. Это привело к изменению формы взаимодействия с зарубежными фирмами, которое стало осуществляться не посредством концессий, а путем приобретения техники и оборудования или готовых проектов крупных предприятий. В этот период особый интерес вызывала модель экономики США, так как высокая производительность американских предприятий, которые принадлежали крупным компаниям, была привлекательной для СССР.

Для экономического сотрудничества с американскими предприятиями еще в мае 1924 г. в США была создана акционерная компания «Амторг трейдинг корпорейшн» (далее – «Амторг»). Она получала средства от экспортной выручки СССР на европейских и американских рынках. В обязанности компании входило размещение в США советских заказов, а также коммуникация в американских деловых кругах [11, с. 142].

Применение американского оборудования на промышленных площадках СССР требовало адаптации проектных решений. Проектирование и строительство крупных технически сложных объектов было невозможно осуществлять усилиями только советских специалистов. Неудача постигла первый советский проект Магнитогорского металлургического комбината, а также строительство Сталинградского и Челябинского тракторных заводов, Свирской ГЭС и других крупных объектов [11].

⁷АИК «Кузбасс». Музей-заповедник «Красная горка» [Электронный ресурс]. URL: <https://redhill-kemerovo.ru/istoriya/stati/aik-kuzbass> (дата обращения: 10.07.2023).

⁸Шевырин С. Мериканцы с чудными машинами // Перм. гос. арх. соц.-полит. истории [Электронный ресурс]. URL: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/stati/merikantsy-s-chudnymi-mashinami.html> (дата обращения: 10.07.2023).

⁹АИК «Кузбасс». Музей-заповедник «Красная горка» [Электронный ресурс]. URL: <https://redhill-kemerovo.ru/istoriya/stati/aik-kuzbass> (дата обращения: 10.07.2023).

В связи с этим советская сторона считала необходимым привлечь иностранные проектные и строительные организации. В начале 1927 г. ВСНХ СССР и СНК СССР было решено вести строительство Днепровской ГЭС силами советских организаций. Одновременно СНК СССР предложил ВСНХ СССР заключить договоры с иностранными фирмами о технической консультации строительства. Такой договор был подписан с американской фирмой «Х. Купер и К°», которая оказывала консультационные услуги в течение всего хода строительства. В докладе Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции СССР на тему обследования Днепровской ГЭС от 29 июля 1929 г. говорилось: «Привлечение иностранных консультаций к осуществлению днепровского строительства, несомненно, полностью себя оправдало»¹⁰.

Имея положительный опыт сотрудничества с организациями США, компания «Амторг» в 1929 г. обратилась к услугам американской проектной и строительно-монтажной компании «Альберт Кан ассошиэйтес инкорпорейтед», известной эффективными методами проектирования. Ее глава А. Кан, проектировавший многие заводы концерна «Форд», получил прозвище Архитектор Форда. Компания сотрудничала с еще одним гигантом – корпорацией «Дженерал моторс», а также проектировала генеральные планы крупных американских металлургических заводов.

В апреле 1929 г. руководитель компании «Амторг» С. Г. Брон подписал с А. Каном контракт на проектирование Сталинградского тракторного завода [12]. Проект был выполнен в рекордно короткие сроки. Строительные конструкции изготавливались в США, перевозились в СССР и монтировались в течение года. Следующим заказом стало проектирование Челябинского тракторного завода.

В феврале 1930 г. Всесоюзное объединение строительной индустрии производства стройматериалов ВСНХ СССР заключило договор, по которому фирма А. Кана стала главным проектировщиком и консультантом советского правительства в области промышленного строительства. Согласно договору в Москве было создано Государственное проектно-строительное бюро, являвшееся фактически советским филиалом компании «Альберт Кан ассошиэйтес инкорпорейтед». Оно должно было осуществлять отработку технологий поточно-конвейерного проектирования в СССР, т. е. выступало площадкой, на которой формировалась школа советского проектирования под руководством американских специалистов. Большую ценность представляло то, что сотрудники компании «Альберт

Кан ассошиэйтес инкорпорейтед» имели значительный опыт работы с американским промышленным оборудованием, которое являлось основным видом импорта в СССР. Таким образом, созданное бюро позволяло находить наиболее оптимальные варианты приобретения и использования американской техники. В советском офисе компании А. Кана работало около 1,5 тыс. советских специалистов, которые курировали строительство более 500 объектов. По некоторым данным, за их участие в проектировании советской промышленности правительство СССР заплатило фирме А. Кана около 200 млн долл. США [12]. К концу 1931 г. ВСНХ СССР получил в свои руки самые передовые технологии промышленного проектирования, что позволило советской стороне в 1932 г. не продлевать контракт с компанией «Альберт Кан ассошиэйтес инкорпорейтед».

Руководство СССР понимало, что постоянно полагаться на высококвалифицированных американских специалистов нецелесообразно, поэтому необходимо готовить собственные кадры, способные перенять передовой опыт обращения с современной техникой и практику организации труда на производстве. Эффективным способом такой подготовки стали командировки российских специалистов в США, являвшиеся в 1920–30-х гг. обычным делом.

Помимо приглашения в СССР американских специалистов и командирования советских специалистов в США, Советский Союз нуждался в сотрудничестве с американским банковским сектором, а именно в получении кредитов, необходимых для экспорта оборудования из США. Благодаря успешному заключению в 1928 г. договора с компанией «Дженерал электрик» на поставку электротехнического оборудования на 5 млн долл. США с предоставлением американской компанией кредита¹¹ советское руководство стало задумываться о возможности получения в США крупного кредита для размещения новых заказов. Деловые отношения с американским банковским сектором Советский Союз поддерживал около пяти лет. Главными партнерами выступали два крупных банка – «Чейз нэшнл банк» и «Эквитебл трест компани», которые кредитовали советский экспорт из США. На тему возможностей получения кредитов в США можно процитировать документ Народного комиссариата внешней и внутренней торговли СССР, в котором констатировалось, что «почти невозможно получение от этих двух банков соло-вексельных кредитов в большем размере, чем кредиты, предоставляемые ими в настоящее время»¹².

¹⁰Комментарии // Россия и США. Экономические отношения. 1917–1933 : сб. док. / отв. сост. А. Ю. Бахтурина. М. : Наука, 1997. С. 412.

¹¹Договор между Американским акционерным обществом «Амторг» и Международной всеобщей электрической компанией (ИДЭК) об экспорте в СССР продукции «Дженерал электрик компани» // Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927–1933 / отв. сост. Ю. В. Иванов. М. : МФД, 2002. С. 108–111.

¹²Справка Наркомторга СССР о возможностях для СССР получения кредитов в США // Россия и США. Экономические отношения. 1917–1933 : сб. док. / отв. сост. А. Ю. Бахтурина. М. : Наука, 1997. С. 273.

Единственным способом получения крупных необеспеченных кредитов в Америке был выпуск займов. С учетом политических отношений между СССР и США продавать советские займы в Америке не представлялось возможным. Государственный департамент США установил правило, по которому страны, не договорившиеся относительно своих долгов с Америкой, не могут получать займы на американском денежном рынке.

В 1928 г. СССР попытался разместить займ через дочернюю компанию банка-партнера в США «Чейз секьюритис корпорейшн», однако эта попытка вызвала негативную реакцию как со стороны Государственного департамента США, так и со стороны американской прессы¹³.

В начале 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) решило привлечь кредиты путем размещения в Америке заказов на более чем 200 млн долл. США. В состав заказов вошли сельскохозяйственная техника и запасные части для оборудования нефтяной промышленности, а также для Сталинградского, Челябинского и Харьковского тракторных заводов. Кроме того, планировалось заказать железные конструкции, специальную сталь и оборудование для электростанций. Однако политическая конъюнктура в США не давала советскому руководству возможности поставить вопрос об использовании в закупках долгосрочных кредитов. Для преодоления этого препятствия руководство СССР разработало проект закупок, который мог быть привлекательным для крупного американского бизнеса. В частности, для большей заинтересованности в сотрудничестве с Советским Союзом предлагалось размещать заказы в крупных американских фирмах¹⁴.

Основным переговорщиком, как и прежде, выступала компания «Амторг», задачей которой являлось размещение советских заказов в крупных американских фирмах-производителях и ведение переговоров о снижении закупочной цены на оборудование. Попытки советских представителей установить контакт с такими крупными корпорациями, как «Стальной трест», «Дженерал моторс», равно как и увеличить пакет заказов у компании «Дженерал электрик», были безуспешными, так как стоимость американского электрооборудования для тяжелой промышленности превосходила стоимость европейского, как правило, на 20–30 %. Основная масса советских заказов в США распределялась между большим количеством мелких и средних компаний, формировавших лучшее ценовое предложение. К 1930 г. компания «Амторг» сотрудничала с 1615 американскими фирмами¹⁵.

Главным поставщиком техники в СССР оставались фирмы среднего размера, которые имели кредиты на лимитированные суммы. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. частный бизнес в США находился под контролем банковского сектора, который расценивал наличие советских заказов в портфелях фирм как фактор, негативно влияющий на способность выплачивать ранее полученные кредиты в американских банках. При определении актива фирмы подавляющее большинство банковских учреждений не принимали в расчет советские кредитные документы. Таким образом, кредитные обязательства СССР не имели в США никакой юридической силы. Часто американские фирмы могли кредитовать советские государственные заказы исходя только из собственных возможностей.

В начале 1930-х гг. в газете «Нью-Йорк таймс» была напечатана статья, в которой известный американский журналист У. Дюранти заявил, что экономическая устойчивость Советского Союза определяется зависимостью от урожая. Это мнение было широко растиражировано американской прессой, что создало атмосферу недоверия к финансовым возможностям СССР¹⁶. Также американские деловые круги волновал темп коллективизации сельского хозяйства. В прессе США появились статьи, где высказывались опасения по поводу возможной гражданской войны в СССР, что делало Советский Союз потенциальным должником.

Фактором, неблагоприятно влиявшим на сотрудничество Советского государства с американским банковским сектором, была частая смена руководителей финансового аппарата компании «Амторг». В докладной записке А. И. Микояну и Л. М. Кагановичу от 16 мая 1930 г. указывалось, что за три года в финансовом аппарате организации сменилось шесть заведующих финансовым сектором. За это же время в американских банках, сотрудничавших с СССР, сменился только один представитель. Безусловно, это оказало негативное влияние на советско-американское экономическое сотрудничество¹⁷.

В начале 1930 г. из-за изменившейся политики уже со стороны Государственного банка СССР у компании «Амторг» начались перебои с получениями валюты из Советского Союза. В результате компания была вынуждена задерживать платежи американским фирмам, тем самым вызвав снижение индекса доверия к советским кредитам.

В начале 1930-х гг. невозможность получения выгодных условий кредитования в США создала риск невыполнения импорта необходимого объема обо-

¹³Обзор статей американской периодической печати о продаже советских облигаций железнодорожного займа в США, составленный «Амторгом» // Там же. С. 259.

¹⁴Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О заказах в Америке». 30 января 1930 г. // Там же. С. 323.

¹⁵Письмо правления «Амторга» заместителю наркома внешней и внутренней торговли СССР Л. М. Хинчуку о работе «Амторга» // Там же. С. 327.

¹⁶Там же.

¹⁷Тезисы «Амторга» к докладу наркома внешней и внутренней торговли СССР А. И. Микояна секретарю ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановичу. 16 мая 1930 г. // Россия и США. Экономические отношения. 1917–1933 : сб. док. / отв. сост. А. Ю. Бахтурина. М. : Наука, 1997. С. 331.

рудования для поддержания темпов форсированной индустриализации в СССР. В письме правления компании «Амторг» заместителю наркома внешней и внутренней торговли СССР Л. М. Хинчуку от 22 апреля 1930 г. отмечалось следующее: «Советский Союз взял абсолютно неправильный тон в отношении Америки. В течение нескольких лет Америка не пользовалась заслуженным вниманием. Но однажды взяв курс на Америку, мы потеряли, на мой взгляд, всякую меру, из чего американцы должны были вывести заключение, что выполнение пятилетки зависит от перенесения в Советский Союз американской техники и специалистов»¹⁸.

В 1931 г. в США были приняты законы, ограничивающие импорт из СССР, что послужило причиной заявления И. В. Сталина о перенесении значительной доли советского импорта из Америки в Европу. Позиция И. В. Сталина была обоснована в докладных записках различных организаций. Например, в письме председателя правления Всесоюзного объединения «Машиноимпорт» И. Г. Макарова указывалось, что европейские представители, в первую очередь Германия, могут сделать более выгодные предложения по приобретению средств производства и оборудования, чем США. По некоторым видам продукции расхождение цен составляло 40 % в пользу европейского производителя¹⁹.

В августе 1931 г. было предложено заменить американские станки на оборудование из Германии, поскольку немецкая сторона предоставляла возможность кредитования советского импорта. В телеграмме И. В. Сталин отмечал: «Ввиду валютных затруднений и неприемлемых условий кредитов в Америке я высказываюсь против каких-либо новых заказов в Аме-

рику, прервать все уже начатые переговоры о новых заказах, по возможности порвать уже заключенные договоры с переносом заказов в Европу или на наши собственные заводы». Предлагалось не делать исключений и для советских предприятий. С августа 1931 г. Народный комиссариат внешней и внутренней торговли СССР запретил размещать заказы в Америке. Итогом такого решения стало падение объемов советского импорта из США. Так, импорт упал с 114,4 млн долл. США в 1930 г. до 8,0 млн долл. США в 1933 г.²⁰

Американские инновации оказались слишком дорогостоящими для СССР и плохо адаптировались к условиям плановой экономики. Внедрение технико-технологических новшеств было долгим и сложным процессом. Советские инженеры часто не желали перенимать американский опыт. Неумение рабочих обращаться с новой техникой, поломки и простои отнимали до 60 % рабочего времени, что портило репутацию иностранных компаний и даже приводило к досрочному расторжению договоров по инициативе одной из сторон. По данным СССР, за 1923–1933 гг. из 170 договоров о технической помощи в сфере тяжелой промышленности более трети соглашений по разным причинам были расторгнуты [13].

Резкая смена советско-американских отношений в 1930-х гг. породила серьезные трудности во многих промышленных сферах, начиная от строительства объектов и заканчивая запуском монтажных цехов. Вывести работу заводов на полную мощность часто не представлялось возможным из-за нехватки персонала, отсутствия комплектующих и задержки поставок. Выпускаемая продукция нередко оказывалась устаревшей, так как СССР не мог держать темп в сфере обновления технологий.

Заключение

На протяжении 1920-х – начала 1930-х гг. советско-американское экономическое сотрудничество претерпело значительные видоизменения. Если в первой половине 1920-х гг. ставка делалась на концессии и группы американских энтузиастов, готовых оказать содействие экономическому развитию СССР, то с началом индустриализации советское руководство перешло к непосредственным закупкам американской техники и приглашению на работу квалифицированных специалистов из США.

Формы советско-американского экономического взаимодействия были краткосрочными, практиковались всего несколько лет и зависели от идеологической и политической конъюнктуры, что не позволяло использовать потенциал сотрудничества в полной

мере. Несмотря на частые повороты в экономической политике СССР, неизменным оставалось советское восхищение американской эффективностью, техническими новинками и умением трудиться.

Если практика выдачи концессий и создания промышленных и сельскохозяйственных колоний в 1920-х гг. имела ограниченное значение, то экономические отношения с США на рубеже 1920–30-х гг. стали важным фактором становления и развития советской промышленности. Проведение форсированной индустриализации требовало внедрения новых стандартов и методов работы, а также импорта техники и технологий, что было в значительной мере обеспечено интенсивным сотрудничеством с Америкой.

¹⁸Письмо правления «Амторга» заместителю наркома внешней и внутренней торговли СССР Л. М. Хинчуку о работе «Амторга». С. 329.

¹⁹Письмо председателя правления Всесоюзного объединения «Машиноимпорт» И. Г. Макарова заместителю наркома внешней торговли СССР А. В. Озерскому о сравнении кредита, цен и сроков изготовления продукции в Америке и Европе // Россия и США. Экономические отношения. 1917–1933 : сб. док. / отв. сост. А. Ю. Бахтурина. М. : Наука, 1997. С. 350.

²⁰Из обзора Наркомвнешторга СССР о внешней торговле с США и торговых взаимоотношениях с СССР за 1933 г. // Там же. С. 382.

Библиографические ссылки

1. Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 34, Июль – октябрь 1917*. Москва: Политиздат; 1969. Грозящая катастрофа и как с ней бороться; с. 151–199.
2. Супоницкая ИМ. Американизация советской России в 1920–1930-х гг. *Вопросы истории*. 2013;9:46–59.
3. Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 36, Март – июль 1918*. Москва: Политиздат; 1969. Планы статьи «Очередные задачи советской власти»; с. 543–552.
4. Троцкий ЛД. *Сочинения. Том 21, Культура переходного периода*. Москва: Госиздат; 1927. Культура и социализм; с. 425–446.
5. Сталин ИВ. *Сочинения. Том 6*. Москва: ОГИЗ; 1947. Об основах ленинизма: лекции, читанные в Свердловском университете; с. 69–188.
6. Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 43, Март – июнь 1921*. Москва: Политиздат; 1970. О концессиях и о развитии капитализма; с. 248–249.
7. Иголкин АА. *Советская нефтяная промышленность в 1921–1928 гг.* Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 1999. 184 с.
8. Мартенс ЛК. Воспоминания о Ленине. *Исторический архив*. 1958;5:146–150.
9. Симхович М. *АМО в 1921–1924 годы (IV часть истории автозавода имени Сталина)*. Москва: Автозавод имени Сталина; 1932. 139 с.
10. Шпотов БМ. *Американский бизнес и Советский Союз, 1920–1930-е годы: лабиринты экономического сотрудничества*. Москва: Либроком; 2013. 320 с.
11. Шпотов БМ. Шаг назад и два вперед. Западная техническая помощь и «институциональные ловушки» советской индустриализации (1930-е гг.). *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2014;1:140–152.
12. Меерович МГ. Альберт Кан в истории советской индустриализации. *Архитектон. Известия вузов* [Интернет]. 2009 [процитировано 10 июня 2023 г.];2(26). Доступно по: http://archvuz.ru/2009_2/10.
13. Шпотов БМ. Участие американских промышленных компаний в советской индустриализации, 1928–1933 гг. В: Бородкин ЛИ, Петров ЮА, редакторы. *Экономическая история: ежегодник. Выпуск 7*. Москва: РОССПЭН; 2005. с. 172–196.

References

1. Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 34, Iyul' – oktyabr' 1917* [The complete works. Volume 34, July – October 1917]. Moscow: Politizdat; 1969. [The impending catastrophe and how to deal with its]; p. 151–199. Russian.
2. Suponitskaya IM. [The Americanisation of Soviet Russia in the 1920s and 1930s]. *Voprosy istorii*. 2013;9:46–59. Russian.
3. Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 36, Mart – iyul' 1918* [The complete works. Volume 36, March – July 1918]. Moscow: Politizdat; 1969. [Plans of the article «The next tasks of the Soviet government»]; p. 543–552. Russian.
4. Trotskii LD. *Sochineniya. Tom 21, Kul'tura perekhodnogo perioda* [Essays. Volume 21, Culture of the transition period]. Moscow: Politizdat; 1927. [Culture and socialism]; p. 425–446. Russian.
5. Stalin IV. *Sochineniya. Tom 6* [Essays. Volume 6]. Moscow: OGIZ; 1947. [On the foundations of Leninism: lectures given at the Sverdlovsk University]; p. 69–188. Russian.
6. Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 43, Mart – iyun' 1921* [The complete works. Volume 43, March – June 1921]. Moscow: Politizdat; 1970. [About concessions and the development of capitalism]; p. 248–249. Russian.
7. Igolkin AA. *Sovetskaya neftyanaya promyshlennost' v 1921–1928 gg.* [The Soviet oil industry in 1921–1928]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 1999. 184 p. Russian.
8. Martens LK. [Memories of Lenin]. *Istoricheskii arkhiv*. 1958;5:146–150. Russian.
9. Simkhovich M. *АМО в 1921–1924 гody (IV chast' istorii avtozavoda imeni Stalina)* [AMO in 1921–1924 (4th part of the history of the automobile plant named after Stalin)]. Moscow: Avtozavod imeni Stalina; 1932. 139 p. Russian.
10. Shpotov BM. *Amerikanskii biznes i Sovetskii Soyuz, 1920–1930-e gody: labirinty ekonomicheskogo sotrudnichestva* [American business and the Soviet Union, 1920–1930s: labyrinths of economic cooperation]. Moscow: Librokom; 2013. 320 p. Russian.
11. Shpotov BM. [One step back and two steps forward. Western technical assistance and the «institutional traps» of Soviet industrialisation (1930s)]. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2014;1:140–152. Russian.
12. Meerovich MG. [Albert Kahn in the history of Soviet industrialisation]. *Arkhitekton. Izvestiya vuzov* [Internet]. 2009 [cited 2023 June 10];2(26). Available from: http://archvuz.ru/2009_2/10. Russian.
13. Shpotov BM. [Participation of American industrial companies in Soviet industrialisation, 1928–1933]. In: Borodkin LI, Petrov YuA, editors. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik. Vypusk 7* [Economic history: yearbook. Issue 7]. Moscow: ROSSPEN; 2005. p. 172–196. Russian.

Статья поступила в редколлегию 30.06.2023.
Received by editorial board 30.06.2023.

КРАЙОВСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ: БОЛГАРО-РУМЫНСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА В ЮЖНОЙ ДОБРУДЖЕ И СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО ЗА БОЛГАРИЮ (СЕНТЯБРЬ 1940 – ИЮНЬ 1941 г.)

А. П. САЛЬКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отмечается, что в послеверсальской Европе Южная Добруджа стала предметом локального болгаро-румынского национально-территориального конфликта, который превратился в один из факторов нового территориального передела. Описывается место данного конфликта в системе международных отношений и его особая роль в отношениях Софии и Балканской Антанты в конце 1930-х гг. В развернувшейся в 1939–1940 гг. борьбе между англо-французским и германо-итальянским блоками за привлечение Болгарии на свою сторону и доминирование на Балканах все заинтересованные стороны обещали Болгарии возврат Южной Добруджи. Исследуется соперничество великих держав за патронаж в мирном решении добруджанской проблемы, в котором первенствовали Германия и Италия. София предпочла получить Южную Добруджу именно из их рук. В адрес же Бухареста поступали советы добровольно отказаться от края, но лишь Берлин смог сформулировать Бухаресту предложение, равносильное приказу. Отмечается, что с весны 1939 г. СССР активизировал балканское направление своей внешней политики. Последовавшие советско-германское сближение, падение Польши и присоединение Бессарабии дали Софии основание рассчитывать в решении своих территориальных проблем на сотрудничество и с Москвой, и с Берлином. Это привело к очевидному улучшению отношений с СССР, который сам принял принцип ревизии границ и приступил к ее реализации. Советский Союз дважды предлагал Софии договорную базу взаимоотношений, но и в ноябре 1939 г., и ноябре 1940 г. она отказалась от такой возможности. Отмечается, что Болгария шла на сдержанное улучшение советско-болгарских связей, уклоняясь от политических обязательств и делая ставку на прогерманский нейтралитет. Обосновывается тезис о том, что при всем драматизме разработки болгаро-румынского Крайовского соглашения от 7 сентября 1940 г. было мирным. Южная Добруджа, как спорная провинция, была возвращена Болгарии. Хотя территориальный компонент соглашения носил доминантный характер, его реализация сопровождалась принудительным обменом населением. Делаются выводы о том, что урегулирование получило на редкость единодушно признание на международной арене, носило договорный двусторонний характер и формально не было связано с фашистским арбитражем. Соглашением в Крайове София фактически проигнорировала благожелательную позицию советской дипломатии. Тем не менее Болгария становилась для СССР одним из центральных звеньев советской системы безопасности, а сближение с Софией являлось одной из его приоритетных внешнеполитических задач. Крайовское соглашение предопределило присоединение Болгарии к оси Рим – Берлин – Токио, состоявшееся 1 марта 1941 г. Оно оказало влияние на форму вовлеченности Софии в фашистскую агрессию против Югославии и Греции, а также на характер международных отношений накануне нападения Германии на Советский Союз.

Ключевые слова: болгаро-румынский конфликт; Южная Добруджа; Крайовское соглашение; политика СССР на Балканах.

Образец цитирования:

Сальков А.П. Крайовское соглашение: болгаро-румынское урегулирование конфликта в Южной Добрудже и советско-германское соперничество за Болгарию (сентябрь 1940 – июнь 1941 г.). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;4:73–88.
EDN: FXJNKK

For citation:

Salkov AP. The treaty of Craiova: Bulgarian-Romanian conflict resolution in Southern Dobrudja and Soviet-German competition for Bulgaria (September 1940 – June 1941). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;4: 73–88. Russian.
EDN: FXJNKK

Автор:

Анатолий Петрович Сальков – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета.

Author:

Anatol P. Salkov, PhD (history), docent; head of the department of history of Southern and Western Slavs, faculty of history.
anatsalkov@mail.ru

КРАЁЎСКАЕ ПАГАДНЕННЕ: БАЛГАРА-РУМЫНСКАЕ ЎРЭГУЛЯВАННЕ КАНФЛІКТУ Ў ПАЎДНЁВАЙ ДАБРУДЖЫ І САВЕЦКА-ГЕРМАНСКАЕ СУПЕРНІЦТВА ЗА БАЛГАРЫЮ (ВЕРАСЕНЬ 1940 – ЧЭРВЕНЬ 1941 г.)

А. П. САЛКОЎ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Адзначаецца, што ў пасляверсальскай Еўропе Паўднёвая Дабруджа выступіла прадметам лакальнага балгара-румунскага нацыянальна-тэрытарыяльнага канфлікту, які стаў адным з фактараў новага тэрытарыяльнага перадзелу. Апісваецца месца дадзенага канфлікту ў сістэме міжнародных адносін, а таксама яго роля ў адносінах Сафії і Балканскай Антанты ў канцы 1930-х гг. У барацьбе паміж англа-французскім і германа-італьянскім блокамі за прыцягненне Балгарыі на свой бок і дамінаванне на Балканах, якая разгарнулася ў 1939–1940 гг., усе зацікаўленыя бакі абяцалі Балгарыі вяртанне Паўднёвай Дабруджы. Даследуецца суперніцтва вялікіх дзяржаў за патранаж у мірным вырашэнні дабруджанскай праблемы, у якім першынствавалі Германія і Італія. Сафія палічыла за лепшае атрымаць Паўднёвую Дабруджу менавіта з іх рук. У адрас Бухарэста паступалі парады добраахвотна адмовіцца ад краю, але толькі Берлін змог сфармуляваць Бухарэсту прапанову, раўнасільную загаду. Адзначаецца, што з вясны 1939 г. СССР актывізаваў балканскі напрамак сваёй знешняй палітыкі. Наступнае савецка-германскае збліжэнне, падзенне Польшчы, далучэнне Бесарабіі далі Сафіі падставу разлічваць у вырашэнні сваіх тэрытарыяльных праблем на супрацоўніцтва і з Масквой, і з Берлінам. Гэта прывяло да відавочнага паляпшэння адносін з СССР, які сам прыняў прынцып рэвізіі меж і прыступіў да яго рэалізацыі. Савецкі Саюз двойчы прапаноўваў Сафіі дамоўную базу ўзаемаадносін, але і ў лістападзе 1939 г., і лістападзе 1940 г. яна адхіліла такую магчымасць. Балгарыя ішла на стрыманае паляпшэнне савецка-балгарскіх сувязей, ухіляючыся ад палітычных абавязацельстваў і робячы стаўку на прагерманскі нейтралітэт. Абгрунтоўваецца тэзіс аб тым, што пры ўсім драматызме распрацоўкі балгара-румунскае Краёўскае пагадненне ад 7 верасня 1940 г. было мірным. Паўднёвая Дабруджа, як спрэчная правінцыя, вярнулася Балгарыі. Тэрытарыяльны кампанент пагаднення меў дамінантны характар, але яго рэалізацыя суправаджалася прымусовым абменам насельніцтвам. Робіцца выснова аб тым, што ўрэгуляванне атрымала на рэдкасць аднадушнае прызнанне на міжнароднай арэне, насіла дагаворны двухбаковы характар і фармальна не было звязана з фашысцкім арбітражам. Пагадненнем у Краёве Сафія фактычна праігнаравала добразычлівую пазіцыю савецкай дыпламатыі. Тым не менш Балгарыя пераўтваралася для СССР у адзін з цэнтральных звёнаў савецкай сістэмы бяспекі, а збліжэнне з Сафіяй станавілася адной з яго прыярытэтных знешнепалітычных задач. Краёўскае пагадненне абумовіла далучэнне Балгарыі да восі Рым – Берлін – Токію, якое адбылося 1 сакавіка 1941 г. Яно аказала ўплыў на форму ўцягнутасці Сафіі ў фашысцкую агрэсію супраць Югаславіі і Грэцыі, а таксама на характар міжнародных адносін напярэдадні нападу Германіі на Савецкі Саюз.

Ключавыя словы: балгара-румунскі канфлікт; Паўднёвая Дабруджа; Краёўскае пагадненне; палітыка СССР на Балканах.

THE TREATY OF CRAIOVA: BULGARIAN-ROMANIAN CONFLICT RESOLUTION IN SOUTHERN DOBRUDJA AND SOVIET-GERMAN COMPETITION FOR BULGARIA (SEPTEMBER 1940 – JUNE 1941)

A. P. SALKOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article notes that in post-Versailles Europe, Southern Dobruja acted as a local Bulgarian-Romanian national-territorial conflict, which turned into one of the factors that determined the inevitability of a new territorial redistribution. It describes how this conflict was built into the system of international relations in the late 1930s played a special role in Sofia's relations with the Balkan Entente. In the struggle between the Anglo-French and German-Italian blocs to attract Bulgaria to their side and predominance in the Balkans in 1939–1940, all interested parties promised Bulgaria the return of Southern Dobruja. The unfolding peculiar rivalry of the great powers for patronage over the peaceful solution to the Dobrudzhan problem, in which Germany and Italy took the lead, is explored. Sofia preferred to receive Southern Dobruja from their hands. Romania received advice to cede the region, but only Berlin could formulate a proposal to Bucharest that was tantamount to an order. It is noted that the USSR has intensified the Balkan direction of its policy since the spring of 1939. The subsequent Soviet-German rapprochement, the fall of Poland, and the annexation of Bessarabia gave Sofia reason to count on cooperation in solving its territorial problems with both Moscow and Berlin. This led to an obvious improvement in relations with the USSR, which itself accepted the principle of border revision and began to implement it. The Soviet Union twice offered Sofia a contractual basis

for relations, but in both November 1939 and November 1940 it rejected this opportunity. Bulgaria moved towards a restrained improvement in Soviet-Bulgarian relations, avoiding political obligations and relying on pro-German neutrality. The thesis is substantiated that the Bulgarian-Romanian Agreement of September 7, 1940, with all the drama of its development, was peaceful. Southern Dobruja, as a disputed province, was not dismembered and returned entirely to Bulgaria. Although the territorial component of the agreement was dominant in nature, its implementation was accompanied by a forced exchange of population. It is concluded that the settlement received unusually unanimous recognition in the international arena, was of a bilateral contractual nature and was not formally associated with fascist arbitration. With the Craiova Agreement, Sofia actually ignored the benevolent position of Soviet diplomacy. Nevertheless, Bulgaria became for the USSR one of the central links of the Soviet security system, and rapprochement with Sofia became one of its priority foreign policy tasks. The Craiova Agreement predetermined the accession of Bulgaria to the axis Rome – Berlin – Tokyo, which took place on March 1, 1941. It influenced the form of Sofia's involvement in fascist aggression against Yugoslavia and Greece, as well as the nature of international relations on the eve of Germany's attack on the Soviet Union.

Keywords: Bulgarian-Romanian conflict; Southern Dobruja; treaty of Craiova; USSR policy in the Balkans.

Введение

Причины болгаро-румынского конфликта в Добрудже обусловлены ролью данного региона как транзитного коридора и переходящей военной добычи. Со времен болгарского хана Аспаруха край был первой задунайской областью Первого Болгарского царства и стабильно входил в состав Второго Болгарского царства, охватывавшего все Западное Причерноморье (включая населенные пункты Несебр, Варну, Карвуну и Констанц), дельту Дуная, а также историческую область Буджак до Днестра. Полиэтническое население Добруджи составляли предки современных гагаузов (тюрки-огузы, половцы-куманы, протоболгары и печенеги), а также славяне, греки и татары. С начала XIII в. известно о провинции царства – Карвунской хоры, которая при тюркоязычном православном архонте кыпчакского происхождения Балике «отложила» от центра. Преемник архонта князь Добротица основал Добруджанский деспотат (Карвунское княжество) (ок. 1357–1395 гг.), что способствовало обретению регионом полной независимости. При князе территория хоры была увеличена в 10 раз (до 15 тыс. км²), был обеспечен наиболее широкий выход к устью Дуная и к Черному морю. Тогда же возникла Варненско-Карвунская митрополия (епархия Болгарской Патриархии). В период нестабильности в конце XIV – начале XV в. Карвунское княжество утратило большинство своих территорий, отдельные его земли находились под властью Османского эмирата или были в руках валашского воеводы (господаря Валахии) Мирчи I Старого, а также гегуэцев. К концу первой четверти XV в. Добруджа окончательно была присоединена к Порте в виде Силистрийского санджака [1, с. 204–213].

Долгое время считалось, что Добруджанское княжество – это гагаузское государство, созданное огузами. Однако новейшая болгарская историография свидетельствует о спекулятивности подобных высказываний и несостоятельности сельджукской теории происхождения гагаузов. Утверждается, что еще в XIII в. болгарская народность пережила вторичный этногенез, ассимилировав половцев-куманов.

Их потомки считали себя болгарскими христианами, хотя и говорили на северо-тюркском наречии. Они сохранили свою идентичность под названием «гагаузы» и создали Добруджанское княжество. Именно поэтому данная территория позиционируется как болгарская земля, где проживает болгарское (мезийское) население и где нет валашского влияния [2; 3, с. 60–67, 88, 131, 181–182, 370, 400, 440–444].

В румынской литературе вскользь отмечается, что территория деспотата была поделена между «Османским эмиратом, Болгарским царством и Румынской землей, которая получила временный контроль над территорией до берегов Черного моря» [4; 5, с. 188]. Некоторое время «часть территории с румынским населением (в том числе вся Добруджа. – А. С.) находилась под управлением османов» [5, с. 309]. В работах румынских историков подчеркивается иноэтничный характер колонизации края, указывается на скромную культурную и религиозную жизнь румын [5, с. 447–448; 6]. Период османского владычества насчитывает около 460 лет. В ходе Русско-турецких войн (1768–1774, 1806–1812, 1828–1829) добруджанские города Силистра и Тутракан неоднократно осаждались или были взяты русскими войсками. Забалканский поход России (1829) и ее выход к устью Дуная (по Адрианопольскому миру) на время даже заронили идею о болгарской автономии в Добрудже.

Итоги Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. обострили территориальный вопрос в Добрудже. Сан-Стефанский мир, заключенный без румынского участия, предусматривал вхождение Южной Добруджи (Кадрилатера), включая такие города, как Мангалия, Негру-Водэ и Силистра, в состав автономной Болгарии, обретавшей обширный выход к Черному морю. Румыния, которая признавалась независимой, получала Северную Добруджу [7, с. 284–285]. Однако Берлинский трактат от 13 июля 1878 г. разрушил российский проект великоболгарской идеи и закрепил за Румынией Северную Добруджу (при условии возвращения Южной Бессарабии, потерянной после

Крымской войны, в состав России), дельту Дуная (с такими городами, как Сулина, Тулча, Мачин, Бабадаги и Констанц), а также остров Шерпилор. Южная Добруджа осталась в составе Болгарии. Линия раздела Добруджи изменилась в пользу Румынии, так как к ней отошел участок Мангалия – Негру-Водэ (но без Силистры, которая была приоритетной румынской претензией) площадью 2 тыс. км² [8; 9, с. 294–295, 319–320]. Румынская концепция истории Добруджи была вплетена в доктрину латинизма румын с опорой на тезис о том, что Россия и Австро-Венгрия, преобразовавшие карту румынских земель, принуждали Румынию к территориальным уступкам южнее Дуная. По данной причине к концу XIX в. были сформулированы обоснования румынских исторических прав на всю Добруджу [10; 11, с. 81–104]. При этом официальная София считала Северную Добруджу колыбелью болгарской государственности и до 1878 г. не усматривала в румынских национальных концепциях планов обладания землями к югу от Дуная [12, с. 201–219].

В период формирования антитурецкого Балканского союза был заключен секретный русско-болгарский договор о военном объединении (29 февраля 1912 г.). Согласно ему Россия гарантировала неприкосновенность болгарской Южной Добруджи. Однако договор быстро стал предметом взаимных манипуляций. Во время Первой балканской войны (октябрь 1912 – май 1913 г.) Румыния оказывала давление на Болгарию с целью изменить линию границы в Южной Добрудже в свою пользу. За свой нейтралитет Бухарест потребовал южную часть Южной Добруджи по линии Балчик – Силистра площадью 3,3 тыс. км² (43,6 % территории края), но затем уменьшил претензии до узкой полосы по линии Балчик – Тутракан. Болгаро-румынские переговоры были безуспешными, что грозило конфликтом между блоками. В связи с этим Россия, Франция, Великобритания, Италия, Германия и Австро-Венгрия предложили свой арбитраж. Он завершился 26 апреля 1913 г. подписанием Петербургского протокола. Болгария отделалась небольшими потерями, уступив Румынии только Силистру с окрестностями радиусом в 3 км². Однако вскоре арбитражное решение потеряло смысл. В ходе Второй балканской войны (июнь – июль 1913 г.) Румыния вторглась в Болгарию в районе Добруджи, что привело к полному разгрому края. По Бухарестскому мирному договору от 10 августа 1913 г. Румынии была передана Южная Добруджа (с такими городами, как Балчик, Каварна, Добрич, Дулово, Тутракан и Силистра) площадью 7,8 тыс. км², где проживало 282,8 тыс. человек [13; 14, с. 493–502].

Румыния вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты в августе 1916 г. Проживавшие в Южной Добрудже болгары были сразу же интер-

нированы в Молдову. Этот процесс сопровождался жестоким террором. Румынская армия быстро потеряла ряд серьезных поражений на фронте. С переносом военных действий в Северную Добруджу румынские власти повторили операцию по депортации оттуда болгарского населения. Вскоре болгарская армия заняла всю Добруджу, оттеснив русско-сербско-румынские войска за Дунай. Оказавшись на грани катастрофы, в декабре 1917 г. Румыния была вынуждена выйти из войны, возвратив Болгарии всю Южную Добруджу и два участка Северной Добруджи (Мангалия – Негру-Водэ, а также Текиргюл). В сентябре 1918 г. Болгария сама была разгромлена войсками Антанты. Северную Добруджу оккупировали французские войска, Южную Добруджу – британские и итальянские войска. За несколько часов до окончания Первой мировой войны Румыния повторно вступила в нее на стороне Антанты. Согласно Нейскому договору от 27 ноября 1919 г. между Румынией и Болгарией была сохранена предвоенная граница (по линии 1913 г.) с вхождением всей Добруджи в состав Румынии. Это вызвало тяжелый социально-экономический кризис в южной части края [15, с. 492–498; 16, с. 79–83].

В 1920–30-х гг. болгаро-румынские противоречия в Добрудже обострились. Бухарест считал Румынию мононациональным унитарным государством. Это исключало право добруджанских болгар на освободительное и ирредентистское движение и подвергало их насильственной румынизации, которая с 1924 г. обрела в Кадрилатере жестокие формы. Сопротивление Болгарии (разоблачительная кампания в прессе, многочисленные жалобы в Лигу Наций, террористические набеги с болгарской территории комитаджей из Внутренней добруджанской революционной организации (ВДРО)) не давало результатов. В Южной Добрудже проводилась политика интеграции, которая нашла отражение в процессе колонизации края как выходцами из Старого королевства, так и румынским субэтносом аромунов из соседних стран. Колонизаторская деятельность привела к существенному изменению этнического облика региона. Доля румын в Южной Добрудже выросла с 2,3 % в 1912 г. до 21,0 % в 1940 г. (с 6 до 86 тыс. человек), удельный вес болгар при этом сократился с 43 до 37 % (хотя в абсолютных цифрах вырос со 122 до 152 тыс. человек). Драматично изменилось демографическое положение турок и татар, доля которых уменьшилась с 48 до 26 % (со 136 до 96 тыс. человек) [17, с. 65–66]. Ситуация усугублялась широким распространением теорий этнократического и биополитического государства – гындиризма Н. Крайника¹ (смесь румынского национализма и православного традиционализма) и румынской евгеники как вари-

¹Никифор Крайник – министр национальной пропаганды Румынии в июле – сентябре 1940 г. и в январе – мае 1941 г., один из создателей журнала «Гандиреа» (1921–1944).

анта безрасового расизма Ю. Молдована² с идеей об избавлении от «дегенеративных» этносов [17, с. 92–107].

Влияние на политическую ситуацию в крае могли оказывать четыре активных фактора: деятельность добруджанских эмигрантских организаций (Союза «Добруджа» в Софии, Добруджанской революционной организации в Вене); активность национально-революционных структур в самом крае (ВДРО, областного комитета Кадрилатера Румынской социалистической партии); политика Коминтерна и подчиненных ему болгарских структур (Центрального бюро болгарских коммунистических групп в Одессе, Внутренней Добруджанской революционной организации в Варне); ряд решений 1923–1926 гг., принятых Балканской коммунистической федерацией, Балканской комиссией ИККИ/ЦК РКП(б), а также итоги пленумов ИККИ о самоопределении и полной незави-

симости Добруджи с выходом из состава Румынии. Однако большинство упомянутых институций и мер обнаружили свою политическую бесплодность, не оказав реального воздействия на решение добруджанского вопроса [18, с. 138–151].

Салоникское соглашение Болгарии с Балканской Антантой от 31 июля 1938 г. отменило военные ограничения Нейинского договора. Однако это соглашение, достигнутое за два месяца до Мюнхенского соглашения, не разрешило территориальных споров в регионе [19, с. 28–35]. Латентная проблема Южной Добруджи оказывала влияние на всю систему международных отношений в восточной части Балкан [20]. Главный вектор дипломатического взаимодействия был локализован по линии болгаро-румынских противоречий, резко обострившихся к концу 1930-х гг. [21; 22].

Результаты и их обсуждение

Ситуацию на Балканах, которая сложилась после Мюнхенского соглашения, можно назвать острой. Внешняя политика Болгарии была направлена на решение задач территориальной ревизии, в первую очередь задач по присоединению Южной Добруджи, а затем по выходу к Эгейскому морю. Германия провозгласила политику полного экономического и значительного политического вмешательства в дела Болгарии и Румынии. Берлин, требуя от Бухареста монополии экспорта и кабальных экономических преференций, взамен гарантировал целостность румынских границ. В ответ Болгария начала концентрировать войска на румынской границе в районе Добруджи. СССР, ранее ослабивший свое присутствие на Балканах, весной 1939 г. кардинально изменил внешнюю политику в регионе. Миссия В. П. Потемкина³ в Турцию в апреле – мае 1934 г. показала, что Болгария является ареной противоборства двух альянсов – англо-французского и германо-итальянского, причем последний подогревал ревизионизм Софии, стараясь разжечь ее вражду с Румынией. И. В. Сталин⁴ 3 мая 1934 г. провел рокировку в Народном комиссариате иностранных дел (Наркоминделе) СССР: вместо М. М. Литвинова⁵ наркомом стал В. М. Молотов⁶. Советско-германское сближение и пакт Молотова – Риббентропа от 23 августа 1939 г. пробудили надежды Софии на участие СССР «в положительном разрешении вопроса о Добрудже» [23, с. 79–84].

Началась Вторая мировая война. О своем нейтралитете Болгария заявила 16 сентября 1939 г., а 17 сентября 1939 г. в стране «с небывалым подъемом и ликованием» было встречено известие о том, что Красная армия перешла польскую границу⁷. Демонстрируя сближение с СССР, София рассчитывала убедить своих соседей, особенно Румынию, в необходимости территориальных уступок. При этом Болгария лавировала между двумя воюющими блоками. Развив дипломатическую активность, она, однако, не могла ввязаться в вооруженный конфликт. Сделать это ей не позволяла не только собственная военная слабость, но и позиция Германии, которая в случае военных действий в Дунайском бассейне лишилась бы огромного сырьевого рынка. Таким образом, у Болгарии оставался единственный вариант – дипломатическая торговля с соседями за уступки с их стороны с использованием нажима великих держав, заинтересованных в том или ином поведении Болгарии. Именно этот путь и был избран Софией в вопросе возврата Добруджи [24, с. 231–236].

В Болгарии разжигались ревизионистские «страсти», шла обработка общественного мнения. В массовых акциях крайне правого Всеболгарского союза «Отец Паисий» уже давно звучали идеи о том, что только СССР сможет помочь и с возвратом Добруджи, и с освобождением от немецкой кабалы⁸. Еще осенью 1939 г. Румыния сделала ряд заявлений

²Юлиу Молдован – создатель и глава евгенической школы и движения в Румынии, основатель издания «Евгенический и биополитический бюллетень» (1927–1944).

³Владимир Петрович Потемкин – первый заместитель наркома иностранных дел СССР с апреля 1937 по март 1940 г.

⁴Иосиф Виссарионович Сталин – фактический руководитель СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС с 1922 по 1953 г., глава советского правительства с мая 1941 по март 1953 г.

⁵Максим Максимович Литвинов – нарком иностранных дел СССР с июля 1930 по май 1939 г., заместитель наркома иностранных дел СССР с 1941 по 1946 г.

⁶Вячеслав Михайлович Молотов – председатель СНК с декабря 1930 по май 1941 г., нарком (министр) иностранных дел СССР с мая 1939 по март 1949 г.

⁷Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. 22, кн. 2 / редкол.: В. Г. Комплектов [и др.]. М.: Междунар. отношения, 1992. С. 99–100.

⁸Там же. Кн. 1. С. 456.

о строжайшем нейтралитете, но все же перебросила на новую советско-румынскую границу три армейских корпуса. Часть этих сил была из Добруджи⁹. Вместе с тем в правительственных кругах неофициально высказывалось мнение о том, что Болгария должна получить «свое удовлетворение территориального порядка»¹⁰. С апреля 1940 г. София начала подготовку к возвращению Южной Добруджи. Ввиду благосклонности мировых столиц на тайном совещании в Министерстве иностранных дел Болгарии 4 апреля было принято специальное заключение, в котором край рассматривался как наиболее доступный на данный момент объект мирных болгарских притязаний. Программу возвращения Южной Добруджи разработал И. Попов¹¹ [25, с. 224–225].

Примечательно, что осенью 1939 г. Болгария уклонилась от заключения с СССР договора о дружбе. На встрече с А. И. Лаврентьевым¹² Г. Кьосейванов¹³ 3 ноября 1939 г. отклонил такую перспективу по тем причинам, что договор может «ускорить войну на Балканах» и что нет сведений о планах «Советского Союза относительно Балкан»¹⁴. При этом позиция Болгарии отличалась неким политическим потребительством. Д. Стояи¹⁵ сообщил в Будапешт, что в середине июня 1940 г. П. Драганов¹⁶ во время беседы с Э. Вайцзеккером¹⁷ «весьма резко высказался». Он заявил, что после краха Версальской системы Германия «морально обязана» содействовать союзникам в возвращении потерянных ими территорий: «...бесчестно, если она этого не сделает». Госсекретарь парировал, не думает ли П. Драганов, что «немцы уже могут командовать самим Господом Богом»¹⁸.

На фоне стремительного военного краха Франции (22 июня 1940 г.) и присоединения Бессарабии к СССР (28 июня – 3 июля 1940 г.) Болгария решила на практические шаги в добруджанском вопросе.

Так, 29 июня 1940 г. Борис III¹⁹ предупредил Германию о том, что вслед за Бессарабией антирумынские выступления за возвращение Добруджи начнутся в Болгарии. София пыталась шантажировать Берлин и Рим тем, что в стране может произойти просоветский переворот и новый режим получит край уже из рук Москвы. Болгария угрожала тем, что сама обратится к Москве с просьбой разрешить добруджанский спор. Угроза сработала: А. Гитлер²⁰ в письме Каролю II²¹ от 15 июля 1940 г. дал совет договориться с Болгарией на разумной основе [26, с. 459–461]. Все великие державы были благосклонны к Болгарии в вопросе Южной Добруджи.

Как 8 июля 1940 г. сообщал из Берлина А. А. Шкварцев²², «немцы уделяют исключительное внимание юго-востоку Европы», так как после Бессарабии требования к Румынии выдвинули Болгария и Венгрия. Однако в Бухаресте перестали говорить даже о предварительном обсуждении добруджанской проблемы²³. Ситуация вызвала реакцию в румынской прессе. В газете «Курентул» от 5 августа 1940 г. утверждалось, что среди 751,2 тыс. человек, проживающих в Добрудже, болгар насчитывается только 188,7 тыс. человек, в то время как в Болгарии проживают 225,0 тыс. румын, в связи с чем следует обсуждать не только положение болгар в уездах Калиакра и Дуростор (Южная Добруджа), но и положение румын в Болгарии. Издания «Романиа» и «Тимпул» несколько смягчили тон. Вместе с тем все румынские газеты поместили выдержки из немецкого издания «Франкфуртер альгемайне цайтунг» о том, что болгаро-румынская проблема «до того ясна с политической, этнографической и экономической точки зрения, что ее разумное решение не будет отложено»²⁴.

Решающее значение для урегулирования проблемы края имели встречи А. Гитлера и И. Риббентропа²⁵ с представителями румынского и болгарского

⁹Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии : док. и материалы / авт.-сост.: В. Н. Виноградов [и др.]. М. : Индик, 1996. С. 335–338.

¹⁰Советско-румынские отношения : док. и материалы : в 2 т. Т. 2. 1935–1941 / редкол.: А. А. Авдеев [и др.]. М. : Международ. отношения, 2000. С. 255.

¹¹Иван Попов – министр иностранных дел Болгарии с февраля 1940 по апрель 1942 г.

¹²Анатолий Иосифович Лаврентьев – советский полномочный представитель в Болгарии с сентября 1939 по июнь 1940 г., а также в Румынии с июня 1940 по июнь 1941 г.

¹³Терги Кьосейванов – премьер-министр Болгарии с ноября 1935 по апрель 1942 г., а также министр иностранных дел Болгарии с апреля 1935 по февраль 1940 г.

¹⁴Советско-болгарские отношения и связи : док. и материалы : в 3 т. Т. 1. Ноябрь 1917 г. – сентябрь 1944 г. / ред.: Л. Б. Валев [и др.]. М. : Наука, 1976. С. 468.

¹⁵Дёме Стояи – венгерский посланник в Германии с декабря 1935 по март 1944 г.

¹⁶Прван Драганов – болгарский посланник в Германии с 1938 по 1942 г.

¹⁷Эрнст Вайцзеккер – статс-секретарь МИД Германии с марта 1938 по март 1943 г.

¹⁸Венгрия и Вторая мировая война: секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны / сост.: Л. Жигмонд [и др.]; пер.: Б. Я. Гейгер, Н. Н. Сикачев. М. : Изд-во иностр. лит., 1962. С. 194.

¹⁹Борис III Саксен-Кобург-Готский – царь Болгарии с октября 1918 по август 1943 г.

²⁰Адольф Гитлер – рейхсканцлер Германии с января 1933 по апрель 1945 г., фюрер.

²¹Кароль II Гогенцоллерн-Зигмаринген – король Румынии с июня 1930 по сентябрь 1940 г.

²²Александр Алексеевич Шкварцев – советский полпред в Германии с сентября 1939 по ноябрь 1940 г.

²³ДВП СССР. Т. 23, кн. 1 / редкол.: Г. Э. Мамедов [и др.]. М. : Междунар. отношения, 1995. С. 421.

²⁴Арх. внеш. политики Рос. Федерации (АВПРФ). Ф. 74. Оп. 20. Папка 11. Д. 19. Л. 35–36.

²⁵Иоахим Риббентроп – рейхсминистр иностранных дел Германии с февраля 1938 по апрель 1945 г.

руководства (26 июля 1940 г. состоялась встреча с И. Джигурту²⁶ и М. Маноилеску²⁷, 27 июля 1940 г. – с Б. Филовым²⁸ и И. Поповым) в Зальцбурге. Румыны услышали, что Германия считает требования Болгарии касательно Добруджи и требования Венгрии касательно Трансильвании полностью оправданными. Кроме того, отмечалось, что по итогам Первой мировой войны Румыния стала неестественно большой, нарушив соотношение сил на Балканах. Болгарию проинформировали о поддержке Германии, при этом возникла острая коллизия. Болгары, опасаясь возможных румынских попыток оставить за собой Балчик, выдвинули аргумент о том, что в городском дворце похоронено «сердце королевы Марии» (имелась в виду княгиня Мария Луиза Бурбон-Пармская – супруга будущего царя Болгарии Фердинанда I, умершая при родах в 1899 г.). А. Гитлер ответил, что «нельзя говорить о сердцах, когда могут пасть головы королей». Берлин определенным образом отказался от арбитража, ограничиваясь тем, что «может только советовать и помогать на переговорах»²⁹.

В советских газетах «Правда» и «Известия» от 13 августа 1940 г. появилась благожелательная статья «Южная Добруджа»³⁰. В болгарской печати последовало множество откликов на этот материал. Предположение, высказанное в болгарской газете «Днес» еще в мае 1939 г., реализовалось в полной мере: «Южная Добруджа стала психозом»³¹. Добруджанский сюжет в советско-болгарских отношениях стал предметом домыслов. В Югославии распространялись слухи о том, что В. И. Сталин запретил Борису III посягать на Южную Добруджу, поэтому дружба расстроилась³². Слухи о намерениях СССР оккупировать черноморские города Варну и Бургас (расположены южнее Южной Добруджи) имели англо-турецкое происхождение³³.

Проблема Южной Добруджи обсуждалась на переговорах в Крайове (Румыния) 19 августа – 7 сентября 1940 г. Уже в день их открытия М. Маноилеску сообщил А. И. Лаврентьеву: «...вопрос можно рассматривать как урегулированный»³⁴. В письме А. И. Лаврентьева В. М. Молотову от 23 августа 1940 г. объяснялись причины румынской сговорчивости: Южная Добруджа «относительно невелика» по сравнению с Тран-

сильванией, а при благоприятном отношении Москвы к Болгарии Германия «решительно предложила» Румынии сделать уступку³⁵. Позже А. И. Лаврентьев сообщил о слухах касательно намерений Красной армии занять Северную Добруджу³⁶.

Однако, несмотря на ожидания, переговоры проходили тяжело. Особые разногласия вызывал размер уступки (Румыния настаивала на сохранении в своем составе Силистры и Балчика), а также сроки переселения болгар на передаваемую им территорию [26, с. 463–464]. Острые дискуссии вызвал обмен населением: румыны предлагали обязательный обмен, а болгары – добровольный. Обсуждалась также внушительная денежная компенсация в пользу Бухареста – в размере части румынского государственного долга, которая была пропорциональна доле переходящей к Болгарии территории³⁷. Румынская сторона рассматривала переговоры как возможность начать этническое очищение нации. Первоначально А. Крециану³⁸ предлагал обмен всех болгар Румынии на всех румын Болгарии. Болгары приняли данное предложение, но вскоре обе стороны по разным причинам отказались от этой идеи [17, с. 131].

Этническая характеристика края была весьма противоречивой. В результате 20-летней румынизации региона в национальной структуре населения Южной Добруджи произошли значительные изменения. В 1940 г. в крае проживало 407,5 тыс. чел. Удельный вес болгар сократился, но по-прежнему был наибольшим (37,1 %). Доля румын увеличилась в абсолютном значении почти в 17 раз за счет переселения выходцев из Старого королевства и аромуннов из соседних стран. Суммарная доля румын резко возросла и достигла 26,2 % [27]. Представители влашских субэтнических групп – аромунны (цинцары), мегленорумыны, тимочане (сербские влахи), мокане (трансильванские влахи) – значительно отличались от румын в ментальном и культурно-цивилизационном отношении. Они были не способны выполнить национальную миссию по консолидации населения, становясь источником конфликтов в регионе [28].

Однако общие цели Бухареста оказались достигнуты. В 280 центрах колонизации было размещено

²⁶Ион Джигурту – премьер-министр Румынии с июля по сентябрь 1940 г.

²⁷Михаил Маноилеску – министр иностранных дел Румынии с июля по сентябрь 1940 г.

²⁸Богдан Филев – председатель Совета министров Болгарии с февраля 1940 по сентябрь 1943 г.

²⁹Филев Б. Дневник. София : Изд. на Отечественния фронт, 1990. С. 206–208.

³⁰АВПРФ. Ф. 74. Оп. 19. Папка 9. Д. 6. Л. 94, 144.

³¹Там же. Оп. 20. Папка 11. Д. 22. Л. 69.

³²ДВП СССР. Т. 23, кн. 1. С. 479.

³³Там же. С. 519.

³⁴Там же. С. 522.

³⁵Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг. : документы / редкол.: Т. М. Исламов [и др.]. М. : РОССПЭН, 2000. С. 65.

³⁶Там же. С. 92.

³⁷ДВП СССР. Т. 23, кн. 1. С. 539.

³⁸Александру Крециану – руководитель румынской делегации на переговорах в Крайове, генеральный секретарь МИД Румынии в 1940–1941 гг.

19,8 тыс. семей. Румынский этнический слой в Дуросторе увеличился в 2,1 раза (с 5,5 до 11,5 тыс. человек), а в Калиакре – в 2,5 раза (с 4,1 до 10,3 тыс. человек) [29, р. 183, 198]. Наиболее пострадавшей стороной были болгары. В крайне сложных условиях находилась сфера образования: за 20 лет румынской власти количество болгарских школ сократилось с 276 до 4, количество учащихся в них – с 21,9 до 3,1 тыс., а число учителей – с 458 до 180. Осталось всего несколько церквей (ранее насчитывалось 112 храмов). Доступа к болгарским газетам и книгам не было [30, с. 179–180]. Все это давало Бухаресту возможность применять этнические аргументы в свою пользу. Вместе с тем Румыния боялась худшего – ликвидации своей государственности и повторения судьбы Польши на почве советско-германской договоренности.

Накануне Крайовского договора и в Болгарии, и в Румынии обострилась еврейская проблематика. В Болгарии это выразилось в нарастании антисемитских настроений на государственном и бытовом уровнях³⁹. Давний интерес Софии к бессарабским этническим процессам нашел воплощение в статье «Евреев гонят из Бессарабии» в газете «Дневник» за 26 июля 1940 г. В Москве данный материал расценили как антисоветский⁴⁰. В Румынии был принят ряд антиеврейских мер для Северной Добруджи: запрет на браки между румынами и евреями, предписание закрывать еврейские предприятия в воскресные и праздничные дни, а также запрет на профессии художников и музыкантов⁴¹.

Решения Второго венского арбитража о передаче Северной Трансильвании в состав Венгрии от 30 августа 1940 г. вызвали в Румынии серьезный общественный кризис: к власти пришел генерал Й. Антонеску⁴², а Кароль II вынужден был отречься от престола в пользу сына Михая⁴³. Дневниковая запись Г. Чиано⁴⁴ по этому поводу была безжалостной: «Он [Кароль II] расплачивается, но только частично, за свое глупое шутовство, за свои измены, за преступления»⁴⁵. На внутривластной авансцене решающей силой стало ультранационалистическое движение «железная гвардия», произошло переформатирование политической элиты, Румыния была провозглашена национал-легионерским государством. По внешнему статусу страна стала обретать черты фактической провинции Германии.

Переговоры в Крайове прекратились в ожидании вмешательства Германии. Б. Филев и И. Попов были близки к тому, чтобы начать вторжение в Добруджу. Политическая гибкость Бориса III и жесткие предостережения Берлина предотвратили такой авантюрный сценарий [31, с. 58–73; 32, с. 236]. В конце концов А. Гитлер решил, что переговоры слишком затянулись и 31 августа 1940 г. направил телеграммы в Софию и Бухарест, прямо указав на возврат Южной Добруджи в состав Болгарии, а 4 сентября 1940 г. потребовал немедленного завершения переговоров на данных условиях [17, с. 130].

Наконец 7 сентября 1940 г. Крайовское соглашение было подписано. Румыния возвратила Болгарии «четырёхугольник» (систему турецких крепостей, прикрывавших путь на Балканы со стороны Добруджи, охватывавшую область между такими городами, как Русе, Шумен, Силистра, Варна), т. е. всю территорию, полученную по Нейинскому договору [33, с. 75–76]. Событие последовало вслед за потерей Бессарабии и Северной Трансильвании и воспринималось как судьбоносная утрата, завершившая крах великорумынской идеи. В современной румынской историографии достаточно подробно рассмотрено и само соглашение [34; 35; 36, р. 314–325], и стремительный процесс эвакуации населения Кадрилатера [37; 38, р. 301–313]. Исследование проблемы увенчалось выходом монографии молдавско-американского историка В. А. Солоняра, имеющей и русское издание [17, с. 128–150].

В соответствии с Крайовским соглашением граница «в секторе между Дунаем и Черным морем» должна проходить «от Дуная непосредственно ниже Силистры... достигнет Черного моря примерно в 8 км южнее Мангалии». Линия раздела была объявлена «окончательной и вечной», стороны обязались «никогда не предъявлять никаких претензий территориального характера» друг другу. Болгария должна была выплатить Румынии 1 млрд румынских леев в счет оставленного урожая⁴⁶. Болгария получила территорию площадью 7 696 км² (с населением 378 тыс. человек). Семь южнодобруджанских околий – Аккаданлар (с 1942 г. Дулово), Балчик, Добрич, Касим (с 1942 г. Генерал-Тошево), Куртбунар (с 1942 г. Тервел), Силистра, Тутракан – были включены в состав Шуменской области. В июле 1941 г. была создана Русенская область, в которую вошли Тутраканская

³⁹АВПРФ. Ф. 74. Оп. 19. Папка 9. Д. 6. Л. 80.

⁴⁰Там же. Оп. 20. Папка 11. Д. 22. Л. 68.

⁴¹Răzvan L. Naționalitățile și problemele lor în documentele de arhivă dobrogene (1879–1941). Tulcea : Editura Harvia, 2007. P. 132–135.

⁴²Йон Антонеску – премьер-министр Румынии с сентября 1940 по август 1944 г., кондуктор.

⁴³Михай I Гогенцоллерн-Зигмаринген – король Румынии с сентября 1940 по декабрь 1947 г.

⁴⁴Галеаццо Чиано – министр иностранных дел Италии с июня 1936 по февраль 1943 г.

⁴⁵Чиано Г. Дневник фашиста, 1939–1943. М. : Плац, 2010. С. 332.

⁴⁶Дипломатически документи по участието на България във Втората световна война: дневници на Министерството на външните работи в правителствата на Георги Кьосеиванов, проф. Богдан Филев, Добри Божилов, Иван Багрянов, Константин Муравиев (1939–1944 гг.) / съст. Ц. Билярски, И. Гезенко. София : Синева, 2006. С. 514–531.

и Силистринская околии [39]. Крайовское соглашение стало в период Второй мировой войны едва ли не единственным международным договором, получившим признание всех великих держав независимо от их блоковой принадлежности [40, с. 381].

Решение в Крайове стало поводом для национального праздника. Так, 8 сентября 1940 г. была объявлена всеобщая амнистия. Вечером 10 сентября 1940 г. в Варне состоялось факельное шествие к германскому и итальянскому консульствам с прославлением А. Гитлера и Б. Муссолини⁴⁷ за помощь в освобождении края. Борис III 14 сентября 1940 г. принял германского посланника Г. Рихтгофена⁴⁸ и итальянского посланника М. Маджистрати⁴⁹, а 21 сентября 1940 г. выступил с обращением к народу по поводу ввода болгарских войск в Южную Добруджу. На сессии парламента Б. Филов заявил, что «без Зальцбурга не было бы и Крайовы»⁵⁰. В обзоре провинциальной прессы, который подготовило советское консульство в Варне, сообщалось, что 6 октября 1940 г. в Добриче (вслед за Софией) прошли торжества по случаю присвоения двум улицам имен А. Гитлера и Б. Муссолини⁵¹. Борис III получил поздравления от глав ведущих государств, а позже обменялся с Георгом VI⁵² весьма объемными посланиями [41, с. 328–331].

После одобрения соглашения Народным собранием Болгарии в период с 21 сентября по 2 октября 1940 г. болгарские войска заняли край. Добруджанский вопрос вновь обострился. Как отметил О. Исидор⁵³, если до подписания соглашения политика денационализации румын в Болгарии проводилась скрыто, то с вводом болгарских войск в Южную Добруджу была развернута официальная кампания, направленная против румынского меньшинства [42, р. 126]. Одновременно с Крайовским соглашением было подписано и соглашение об обмене населением. Для наблюдения за ходом обмена была создана смешанная комиссия, а также составлены списки лиц для обмена. Правила обмена были настолько противоречивыми, что стали поводом для многочисленных споров. Ситуация усугублялась тем, что главная роль в идентификации и переселении болгар принадлежала легионерам. Созданный 8 сентября 1940 г.

Генеральный секретариат Южной Добруджи отвечал за перемещение населения. Его возглавил Г. Чуметти⁵⁴, патронировавший легионерскую полицию, которая оказывала поддержку органам полиции и жандармерии в эвакуации этнических болгар, манипулируя параметрами этничности в политических целях «очищения нации» [17, с. 135–137].

В соответствии с Крайовским соглашением был произведен принудительный обмен населением: 67 тыс. болгар без имущества покинули Северную Добруджу, а 84 тыс. румын с движимым имуществом уехали из Южной Добруджи⁵⁵. Осенью 1940 г. в Болгарии был учрежден ряд структур, призванных отстаивать интересы местного населения и переселенцев в Южной Добрудже (Центральный комитет добруджанских болгар, Комитет земледельцев Южной Добруджи, а также общегородские комитеты Силистры и Добрича). Также свою деятельность активизировали организации, созданные в 1920-х гг., – союз «Добруджа» и Объединение болгар, понесших ущерб в Румынии [25, с. 228–233].

Румыны из Кадрилатера оставили в крае 204 672 га пахотных земель и 18 760 домохозяйств, а болгары из Старой Добруджи – только 114 267 га пахотных земель и 11 774 домохозяйства. Это привело к экономическому дисбалансу и конфликтам [43, р. 78]. Болгаро-румынская комиссия по реализации Крайовского соглашения была не в силах разрешить эти проблемы. В отношениях Бухареста и Софии росло напряжение, они начали угрожать друг другу германским арбитражем. В декабре 1940 г. М. Стурдза⁵⁶ посылал сигналы Берлину о готовности принять его арбитражное посредничество. Э. Филотти⁵⁷ также грозил болгарам новым арбитражем. Выходом из тупика могли стать только новые болгаро-румынские переговоры. Они прошли с октября 1940 по апрель 1941 г. и завершились подписанием дополнительного протокола о правилах обмена. Манипуляции с обеих сторон (условное разделение Северной Добруджи по железнодорожной линии Констанца – Чернаводэ с определением этничности по месту жительства, произвольные решения подкомиссий по переселению) привели к значительным человеческим потерям

⁴⁷Бенито Муссолини – председатель Совета министров Италии с октября 1922 по июль 1943 г., дуче.

⁴⁸Герберг Рихтгофен – германский посланник в Болгарии с мая 1939 по июнь 1941 г.

⁴⁹Массимо Маджистрати – итальянский посланник в Болгарии с января 1940 по июнь 1943 г.

⁵⁰АВПРФ. Ф. 74. Оп. 20. Папка 10. Д. 5. Л. 26, 43.

⁵¹Там же. Папка 11. Д. 22. Л. 69–70.

⁵²Георг VI Виндзор – король Великобритании и Северной Ирландии с декабря 1936 по февраль 1952 г.

⁵³Оаня Исидор – румынский консул в Видине.

⁵⁴Г. Чуметти – генеральный комиссар Южной Добруджи с сентября 1940 по январь 1941 г., легионерский деятель, этнический аромун. Он отвечал за реализацию не только болгаро-румынского соглашения об обмене населением (7 сентября 1940 г.), но и германо-румынского соглашения о репатриации немцев Северной Добруджи (22 октября 1940 г.). Около 12 тыс. немцев формально добровольно, но фактически принудительно были переселены в Германию (в ноябре – декабре 1940 г. и мае – июле 1941 г.), а их земля и имущество передавались румынам (в основном аромунам), принудительно эвакуированным из Южной Добруджи.

⁵⁵По состоянию на январь 1941 г. население края составляло 318,8 тыс. человек.

⁵⁶Михай Стурдза – министр иностранных дел Румынии с сентября 1940 по январь 1941 г.

⁵⁷Эуджен Филотти – румынский посол в Болгарии с октября 1938 по июнь 1941 г.

и материальным издержкам. В ходе дополнительного обмена (с 15 мая по 10 июня 1941 г.) из Северной Добруджи были эвакуированы 3150 болгар, а из Южной Добруджи – 3700 румын [17, с. 143–145]. Стал очевидным и политический подтекст событий. Как заметил Й. Антонеску в телеграмме, адресованной Э. Филотти 22 февраля 1941 г., «еще не написана последняя страница крайовской истории», что давало явные надежды на ревизию соглашения [42, р. 128–129].

Болгария, удовлетворенная позицией Германии, попадала во все большую зависимость от нее. Советское влияние ослабевало, проявляясь только на уровне симпатий населения. Софийское бюро Абвера 8 ноября 1940 г. подготовило бюллетень, в котором описывалось значительное русское влияние в Болгарии, однако единственным важным фактом в нем было лишь сообщение о магазине русской книги в центре Софии⁵⁸.

Войска СССР, которые по итогам бессарабского кризиса еще в июне 1940 г. вышли к Дунаю и Северной Добрудже, 5 ноября 1940 г. оккупировали мелкие острова в рукавах рек Килия и Старый Стамбул в дельте Дуная. Их целью было установление контроля за навигацией в Килийском гирле. Ответ А. Я. Вышинского⁵⁹ на румынский протест содержал мнение о том, что этот шаг «не означает недружественного жеста», потому что «несколько дунайских островов не имеют никакого значения для Румынии», которая остается «полной хозяйкой в рукавах Сулина и Св. Георгия». Для СССР же усиление позиций в Килийском гирле, по словам А. Я. Вышинского, представляет оборонительный интерес (советская сторона требовала относительно свободного входа в рукав Сулина и продвижения своих военных судов до Братиславы). Бухаресту был дан совет не омрачать отношения с Москвой «из-за островов, которые в действительности не связаны с интересами Румынии» [44, с. 237].

Балканская политика СССР нашла отражение в результатах визита В. М. Молотова в Берлин 12–13 ноября 1940 г. На переговорах с А. Гитлером и И. Риббентропом нарком озвучил советское требование отнестись болгарский территориальный вопрос к сфере своих интересов, дать ей советские гарантии и ввести в Болгарию советские войска. В ответ СССР было предложено присоединиться к оси Рим – Берлин – Токио. К тому времени уже безнадежный советский натиск на Болгарию был продолжен. В ходе миссии

А. А. Соболева⁶⁰ в Софию 25 ноября болгарам предложили заключить договор о взаимопомощи с советскими гарантиями и обещаниями содействовать в получении Болгарией частей турецкой Восточной Фракии, а также греческой Западной Фракии с выходом к Эгейскому морю. В тот же день советское руководство приняло предложение, выдвинутое Германией еще в ходе визита В. М. Молотова, и озвучило условия присоединения СССР к Пакту трех держав (фактически это было сделано ради влияния в Болгарии; вплоть до марта 1941 г. Москва направляла Берлину запросы по поводу реакции на это решение, но ответа не последовало) [45, с. 514–515, 553–554]. Болгария отвергла предложение А. А. Соболева. Отвечая 30 ноября А. А. Лаврищеву⁶¹, И. Попов попытался обойти острые углы конфликта и акцентировал внимание на мирных средствах устранения несправедливости Нейиского договора, приведя «хороший пример – разрешение вопроса о Южной Добрудже»⁶². Ноябрьский сюжет привлек большое внимание болгарских историков [46].

До начала 1941 г. политическая позиция Софии оставалась неопределенной. Наконец 3–4 января 1941 г. на тайных переговорах Б. Филова с И. Риббентропом в Зальцбурге и с А. Гитлером в Бергхофе были обсуждены условия присоединения Болгарии к оси Рим – Берлин – Токио. София отказалась принять активное участие в нападении на Югославию и Грецию, согласившись задействовать лишь свои пограничные войска⁶³. Как показывал на допросах в советском плену Г. Рихтгофен, на этапе завершающих совещаний в Вене в конце февраля 1941 г. решающим мотивом для вступления Болгарии в Пакт трех держав стало обещание А. Гитлера поддержать ее национальные интересы, т. е. «расширить ее границы за счет включения Македонии, Фракии и частично Добруджи»⁶⁴. Последнюю позицию в перечне этих соблазнительных обещаний нельзя истолковать иначе как «посулу» расширения Болгарии за счет румынской Северной Добруджи с ревизией границы, установленной Крайовским соглашением.

На встрече В. Г. Деканозова⁶⁵ и П. Драганова 18 февраля 1941 г. последний задабривал собеседника фразами о том, что возвращение Добруджи «...стало возможным только после занятия советскими войсками Бессарабии. Таким образом, Советский Союз косвенно помог Болгарии осуществить свои стремления»⁶⁶.

⁵⁸България своенравният съюзник на Третия райх / съст. В. Тошкова [и др.]. София : Св. Георги Победоносец, 1992. С. 13.

⁵⁹Андрей Януарьевич Вышинский – первый заместитель наркома иностранных дел СССР с сентября 1940 по март 1946 г.

⁶⁰Аркадий Александрович Соболев – генеральный секретарь Наркоминдела СССР в 1939–1942 гг.

⁶¹Александр Андреевич Лаврищев – советский полномочный представитель в Болгарии с июня 1940 по сентябрь 1944 г.

⁶²ДВП СССР. Т. 23, кн. 2 / редкол.: Г. Э. Мамедов [и др.]. М. : Междунар. отношения, 1998. С. 159.

⁶³Филов Б. Дневник. С. 220–221.

⁶⁴Тайны дипломатии Третьего рейха. Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и политические атташе в советском плену : док. из следств. дел, 1944–1955 / редкол.: В. С. Христофоров [и др.]. М. : Междунар. фонд «Демократия», 2011. С. 448–449.

⁶⁵Владимир Георгиевич Деканозов – советский посол в Германии с ноября 1940 по июнь 1941 г.

⁶⁶ДВП СССР. Т. 23, кн. 2. С. 402.

Болгарский публицист П. Киранов в очерке «Обзор экономического и политического положения Болгарии», написанном весной 1941 г. и направленном советской миссией в Наркоминдел СССР, подметил важный аспект: после выхода СССР к Дунаю Германия «сделала жест по поводу Южной Добруджи (только Южной)»⁶⁷. Благодаря этому Болгария избежала вероятности «создания общей границы с СССР», при этом она еще во время переговоров в Крайове «неразрывно связала себя с державами оси»⁶⁸.

После длительных задержек 1 марта 1941 г. в Бельведерском дворце Вены в торжественной обстановке были подписаны документы о присоединении Болгарии к Пакту трех держав⁶⁹. Важным мотивом данного шага была уверенность Болгарии в мирном устранении несправедливости Нейинского соглашения, что было подтверждено возвратом Южной Добруджи⁷⁰, при этом подчеркивалась благодарность в адрес Германии, которая «приняла идею урегулирования и внесла свой вклад» в ее реализацию⁷¹. А. Авакумович⁷² на встрече с А. И. Лаврентьевым 12 марта 1941 г. заметил, что присоединение Болгарии к оси было «заранее решено еще в то время, как ей отдали Добруджу»⁷³.

В мае 1941 г. Й. Антонеску разработал аналитическую записку для МИД Румынии о положении на Балканах после вступления Болгарии в фашистский блок и ее присоединения к германской агрессии против Югославии и Греции. Документ носил программный характер и содержал принципиальный политический вывод: «В будущем нас ждут противоречия с Болгарией, так как в результате ошибок Югославии и заблуждений Турции Сан-Стефано был реализован (перевод наш. – А. С.)» [42, р. 135]. Исходя из этого вывода, Й. Антонеску сформулировал ближайшие военно-политические задачи для Румынии: обратить внимание Германии и Италии на появление огромного славянского государства; разбить славянский блок на Балканах путем создания на пространстве от Марицы до Вардара коридора под контролем Германии, в рамках которого обеспечить автономию аромунгов; реинтегрировать Кадрилатер и Банат; создать антиславянский барьер от Балтийского моря до Черного моря; начать борьбу за образование Украины (на основе плана А. Гитлера по формированию на базе Галиции и Волыни национально-государственного объединения, к которому должны присоединиться все другие украинские земли); скоординировать государственную политику Румынии с интересами Германии во всей Европе и с интересами Италии на Балканах, в связи с чем приложить усилия по расторжению

Крайовского соглашения [42, р. 135–136]. Программа Й. Антонеску предстает во всей неприглядности ее агрессивного прогерманского, антиславянского и антиболгарского характера.

В условиях начавшейся 22 июня 1941 г. советско-германской войны московское руководство обрело полную адекватность в оценке происходящих в Болгарии процессов, а также перспектив своего влияния на них. После объявления Софией войны Великобритании и США Вашингтон 13 декабря 1941 г. включил Болгарию в перечень стран-агрессоров и не признал не только ее территориальные захваты в Греции и Югославии в апреле 1941 г., но и получение Южной Добруджи, посчитав, что Болгария действовала силой [47, с. 431].

На протяжении войны за добруджанским регионом сохранялся статус-кво. Однако проблема Южной Добруджи оставалась значимым политическим фактором, который постоянно фигурировал в дипломатическом общении воюющих блоков. В антигитлеровской коалиции сохранилось позитивное отношение к ее решению в пользу Болгарии. Западные союзники проявляли некоторое беспокойство по поводу возможного возрождения болгарских претензий на Северную Добруджу. В советских программах послевоенного урегулирования, разработанных в 1943–1944 гг., Южная Добруджа упоминалась редко, главным образом в связи со стремлением Румынии к ревизии Крайовского соглашения (особенно возврата Силистры и Балчика) и необходимостью решения вопроса о болгаро-румынской границе в соответствии с интересами СССР [48, с. 658–666].

После объявления войны Болгарии советские войска 8 сентября 1944 г. перешли крайовскую границу и без сопротивления заняли Южную Добруджу, оценив традиционный консерватизм местного населения. Новые власти отечественного фронта заявили о том, что Крайовское соглашение выполнено и его положения не могут быть предметом дальнейшего обсуждения. По проекту мирного договора с Болгарией, обсуждавшемуся на Парижской мирной конференции в 1946 г., существовавшая болгаро-румынская граница сохранялась. Вопреки острой дипломатической борьбе по этому поводу проект остался без изменений. Содержание Крайовского соглашения, в отличие от решений Мюнхенского соглашения и венских арбитражей, продиктованных Берлином, было зафиксировано в мирных договорах с Болгарией и Румынией 10 февраля 1947 г. Болгария стала единственной из сателлитов Германии страной, которая во время Второй мировой войны не

⁶⁷ АВПРФ. Ф. 74. Оп. 23. Папка 12. Д. 10. Л. 13–14.

⁶⁸ Там же. Л. 73–74.

⁶⁹ Дипломатически документи по участието на България във Втората световна война ... С. 540.

⁷⁰ България своенравният съюзник на Третия райх. С. 28–29.

⁷¹ Пак там. С. 35.

⁷² Александр Авакумович – югославский посланник в Румынии.

⁷³ ДВП СССР. Т. 23, кн. 2. С. 474.

только не утратила свою территорию, но и расширила ее [45, с. 520–527].

Советский Союз в любых международных обстоятельствах (в ходе борьбы за влияние на Болгарию в конце 1930-х гг. для реализации своих интересов в Черноморском бассейне и районах Босфора и Дарданелл, в условиях сохранения дипломатических

отношений с единственным государством – членом фашистской оси, в стремлении наказать Болгарию при обсуждении соглашения с У. Черчиллем⁷⁴ в октябре 1944 г., при отстаивании ее интересов в ходе послевоенного урегулирования) неизменно поддерживал Болгарию с ее желанием сохранить Южную Добруджу в своем составе.

Заключение

Добруджанский вопрос остро стоял со времен Сан-Стефанского мира и Берлинского трактата, выражаясь в разделе края: Южная Добруджа отошла Болгарии, Северная Добруджа – Румынии. Румынская концепция истории края была вплетена в доктрину латинизма румын. По итогам Первой балканской войны Румыния получила Силистру, по итогам Второй балканской войны – Южную Добруджу, завладев таким образом всем краем. В ходе Первой мировой войны Болгария и Румыния после длительной паузы присоединились к соперничавшим блокам. Осенью 1916 г. болгарские войска заняли всю Добруджу (причем София считала северную часть Добруджи колыбелью болгарской средневековой государственности). Разгром Румынии и сепаратный Бухарестский мирный договор от 7 мая 1918 г. с центральными державами закрепил за Болгарией Южную Добруджу и два участка в Северной Добрудже. Разгром Болгарии и сепаратное Салоникское перемирие с Антантой от 29 сентября 1918 г. предрешили жесткие условия Неййского договора от 27 ноября 1919 г.: была восстановлена граница 1913 г. с включением всей Добруджи в состав Румынии.

В межвоенный период Южная Добруджа выступила предметом болгаро-румынского национально-территориального конфликта. Ситуация усугублялась положениями версальской системы, поэтому новый территориальный передел был неизбежен, особенно учитывая то, что несправедливость диктата в Неййском договоре касательно края являлась очевидной.

Территориальный спор по поводу Добруджи занимал особое место в международных отношениях. В 1938–1939 гг., еще до вступления великих держав в «битву за Болгарию», он имел определенное значение во взаимодействии Софии и Балканской Антанты. Болгарию склоняли вступить в блок ценой добровольного отказа от края, однако она не желала входить в любые региональные блоки, требуя как минимум получения Южной Добруджи. В развернувшейся в 1939–1940 гг. борьбе между англо-французским и германо-итальянским блоками за привлечение Болгарии на свою сторону и преобладание на Балканах все заинтересованные стороны сулили Болгарии прежде всего получение Южной Добруджи.

Такая позиция объяснялась тем, что площадь края была относительно небольшой, острота противоречий между великими державами проявля-

лась не столь сильно, а права Болгарии на регион казались очевидными. София была «обречена» получить Южную Добруджу из рук той или иной мировой силы, тем или иным способом, той или иной ценой. Делая акцент на нейтралитете, маневрируя между державами, Болгария все больше сближалась с Германией в надежде реализовать свои территориальные притязания с ее помощью. За патронаж в мирном решении добруджанской проблемы развернулось соперничество великих держав, в котором первенствовали Германия и Италия. София предпочла получить Южную Добруджу именно из их рук. В адрес же Румынии от всех заинтересованных государств поступали советы добровольно отказаться от края, но лишь Берлин смог сформулировать Бухаресту предложение, равносильное приказу.

Учитывая традиционные геополитические интересы в Дунайско-Черноморском регионе, СССР с весны 1939 г. активизировал балканское направление своей внешней политики. Последовавшие советско-германское сближение, падение Польши и присоединение Бессарабии дали Софии основание рассчитывать в решении своих территориальных проблем на сотрудничество и с Москвой, и с Берлином. Это привело к очевидному улучшению отношений с СССР, который сам принял принцип ревизии границ и приступил к ее реализации. Советский Союз дважды предлагал Софии договорную базу взаимоотношений, но и в ноябре 1939 г., и ноябре 1940 г. она отказалась от такой возможности. Болгария шла на сдержанное улучшение советско-болгарских связей, уклоняясь от политических обязательств и делая ставку на прогерманский нейтралитет.

При всем драматизме разработки болгаро-румынского Крайовского соглашения от 7 сентября 1940 г. было мирным. Для Болгарии его заключение проходило в благоприятной политической обстановке, для Румынии – в драматичной. Вся территория Южной Добруджи была возвращена Болгарии. Территориальный компонент соглашения был доминантным, а этнический компонент – рецессивным. Реализация договора сопровождалась принудительным обменом населением. Урегулирование получило единодушное признание на международной арене, носило двусторонний характер и формально не было связано с фашистским арбитражем.

⁷⁴Уинстон Черчилль – премьер-министр Великобритании с мая 1940 по июль 1945 г.

Заключением соглашения в Крайове София фактически проигнорировала благожелательную позицию советской дипломатии. Тем не менее Болгария, надевшаяся на дальнейшую территориальную ревизию без утери нейтралитета, превращалась для СССР в одно из центральных звеньев советской системы безопасности, сближение с Софией становилось одной из приоритетных внешнеполитических задач СССР. Об этом свидетельствовали цели, которые В. М. Молотов стремился реализовать в ходе своего визита в Берлин 12–13 ноября 1940 г. (главным вопросом переговоров выступала именно Болгария), однако они оказались недостижимыми. В том же месяце войска СССР, уже имевшие выход к Дунаю и Северной Добрудже, оккупировали мелкие румынские острова

в рукавах рек Килия и Старый Стамбул в дельте Дуная, стремясь взять под контроль навигацию в Килийском гирле.

Крайовское соглашение предопределило присоединение Болгарии к оси 1 марта 1941 г., оказав тем самым значительное влияние на характер и форму вовлеченности Софии в фашистскую агрессию против Югославии и Греции (в период Апрельской войны). На этапе реализации Крайовского соглашения возник ряд серьезных разногласий. Болгария старалась решить их полюбовно. Румыния же стремилась вынести их на новый арбитраж в Вене. Однако после утраты ее арбитражных надежд 1 апреля 1943 г. стороны подписали соглашение, по которому Болгария выполнила все финансовые обязательства Крайовы.

Библиографические ссылки

1. Сальков АП. Обзор исторических предпосылок болгаро-румынского конфликта в Южной Добрудже (период Средневековья и Нового времени). В: Фядосік ВА, Еўтухоў ІА, Прохараў АА, Малюгін АІ, рэдактары. *Лістападаўскія сустрэчы – XII: матэрыялы Міжнароднай навуковай выкладчыцка-студэнцкай канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава; 16–17 лістапада 2017 г.*; Мінск, Беларусь. Мінск: БДУ; 2017. с. 204–213.
2. Ангели ФА. *Очерки истории гагаузов – потомков огузов (середина VIII – начало XXI в.)*. Кишинев: Центральная типография; 2007. 640 с.
3. Атанасов Г. *Добруджанското деспотство. Към политическата, църковната, стопанската и културната история на Добруджа през XIV век*. Велико Търново: Фабер; 2009. 496 с.
4. Coman V, Dobrotă C, Turcitu C. *Dobrogea între medieval și modern, 1406–1918*. Constanța: Ex Ponto; 2008. 209 p.
5. Stănciugel R, Bălașa L. *Dobrogea în secolele VII–XIX. Evoluție istorică*. București: DC Promotions; 2005. 258 p.
6. Rădulescu A, Bitoleanu I. *Istoria Dobrogei*. Constanța: Editura Ex Ponto; 1998. 534 p.
7. Димитров С, Жечев Н, Тонеев В, редакторы. *История на Добруджа. Том 3, 1420–1878*. София: Българската Академия на науките; 1988. 327 с.
8. Киссе АИ, Пригарин АА, Станко ВН, редакторы. *Буджак: историко-этнографические очерки народов юго-западных районов Одесщины*. Одесса: PostScriptUm: СМІЛІ; 2014. 744 с.
9. Виноградов ВИ, редактор. *История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.)*. Москва: Красанд; 2012. 336 с.
10. Добрев П, Алексиев-Хофарт А, Нанкинов Д, Икономова И, Добрева М. *Българската държавност на север от Дунав като политически и културен феномен*. София: Тангра; 2008. 302 с.
11. Попов Ж. *Българиите в Северна Добруджа. 1878–1913*. София: Иван Вазов; 1991. 538 с.
12. Нягулов Б. Добруджа като граница и границата в Добруджа (преди и след Берлинския договор, 1878 г.). В: Митев П, Рачева В, съставители. *Империи, граници, политики (XIX – началото XX век). Сборник с материали от международна научна конференция Софийски университет; 27–28 февруари 2015 г.*; София, България. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски»; 2016. с. 197–233.
13. Нягулов Б, Тодоров П, редакторы. *История на Добруджа. Том 4, 1878–1944*. Велико Търново: Фабер; 2007. 648 с.
14. Виноградов ВН, Косик ВИ, Арш ГЛ, Искендеров ПА, Соколовская ОВ, редакторы. *В «пороховом погребѣ Европы». 1878–1914 гг.* Москва: Индрик; 2003. 544 с.
15. Болован И, Поп И-А, составители. *История Румынии*. Москва: Весь мир; 2005. 680 с.
16. Валева ЕЛ, редактор. *Болгария в XX веке: очерки политической истории*. Москва: Наука; 2002. 463 с.
17. Солонарь ВА. *Очищение нации. Насильственные перемещения и этнические чистки в Румынии в период диктатуры Иона Антонеску (1940–1944)*. Санкт-Петербург: Нестор-история; 2020. 456 с.
18. Сальков АП. Проблема Южной Добруджи от Нейи до Мюнхена: версальский диктат, политика Коминтерна в крае, положение в румынском Кадрилатере (ноябрь 1918 – сентябрь 1938 г.). В: Крючков ИВ, Павленко ОВ, редакторы. *Российско-Австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Выпуск VII*. Ставрополь: Северо-кавказский федеральный университет; 2019. с. 130–143.
19. Сальков АП. СССР и проблема Южной Добруджи в международных отношениях 30–40-х гг. XX в. *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права*. 2004;3:28–35.
20. Кузманова А. *От Ньюи до Крайова. Вьпросьт за Южна Добруджа в международни отношения (1919–1940)*. София: Наука и изкуство; 1989. 307 с.
21. Costea M. *Relațiile politico-diplomatice româno-bulgare (1938–1940)*. Cluj-Napoca: Editura Napoca Star; 2010. 475 p.
22. Ungureanu G. *Problema Cadrilaterului în contextul relațiilor româno-bulgare (1919–1940)*. Brăila: Editura Istros; 2009. 456 p.
23. Сальков АП. Болгарско-румынский конфликт вокруг Южной Добруджи от Мюнхена до начала Второй мировой войны (сентябрь 1938 – сентябрь 1939 г.): советский и европейский внешнеполитический формат. В: Каханоўскі АГ, Белавусаў ЛС, Брыгадзін ПІ, Бурачонок АВ, Карасцялёва А, Малюгін АІ, рэдактары. *Пічэтаўскія чытанні – 2019: універсітэцкая навука і гістарычная адукацыя ў Беларусі ў XX – пачатку XXI ст. Да 85-годдзя стварэння гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 23–24 кастрычніка 2019 г.*; Мінск, Беларусь. Мінск: БДУ; 2019. с. 79–84.

24. Сальков АП. Международная и региональная проблема Южной Добруджи от начала Второй мировой войны до Крайовского соглашения (сентябрь 1939 – сентябрь 1940 г.). В: Кохановский АГ, Шумейко МФ, Яновский ОА, редакторы. *Пичетовские чтения – 2020: войны в истории человечества. К 75-летию Победы над фашизмом: материалы международной научно-практической конференции; 21 октября 2020 г.*; Минск, Беларусь. Минск: БГУ; 2020. с. 231–236.
25. Тонев В, Зарчев Й, редакторы. *Кратка история на Добруджа*. Варна: Георги Бакалов; 1986. 438 с.
26. Валева ЕЛ. Возвращение Южной Добруджи Болгарии в сентябре 1940 г. В: Данченко СИ, редактор. *Славяне и Россия. Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева*. Москва: Институт славяноведения РАН; 2017. с. 452–470.
27. Andrei IG. Colonistii români timoceni din Cadrilater. *Magazin istoric* [Internet]. 2006 [citat 2016 noiembrie 12];12(477). Disponibil la: http://web.archive.org/web/20080306075854/http://www.magazinistoric.itcnet.ro/?module=displaystory&story_id=872&format=html.
28. Berciu-Drăghicescu A, compiler. *Aromâni, meglenoromâni, istroromâni: aspecte identitare și culturale*. București: Editura Universității din București; 2012. 788 p.
29. Tudor C. *Administrația românească în Cadrilater (1913–1940)*. Călărași: Agora; 2005. 375 p.
30. Бойчев П. Крайовският договор и освобождението на Южна Добруджа и Тутракан. В: Бойчев П, съставител. *Тутракан в историческото развитие на Добруджа. Материали от научна конференция; 21 септември 1994 г.; Тутракан, България*. Тутракан: [б. и.]; 1995. с. 175–200.
31. Генчев Н. Възвръщане на Южна Добруджа към България през 1940 г. *Исторически преглед*. 1969;6:58–73.
32. Сирков Д. *Външната политика на България. 1938–1941*. София: Наука и изкуство; 1979. 343 с.
33. Сальков АП. Урегулирование проблемы Южной Добруджи (1939–1947 гг.). *Новая и новейшая история*; 2005;5:65–78.
34. Preda-Mătășaru A. *Tratatul între România și Bulgaria, semnat la Craiova la 7 septembrie 1940. Trecut și prezent*. București: Lumina Lex; 2004. 400 p.
35. Rădulescu A, Bitoleanu I. *Istoria Dobrogei*. Constanța: Ex Ponto; 1998. 536 p.
36. Ungureanu D, Dumitrache N. Cedarea Cadrilaterului. Un moment dramatic din istoria românilor. In: Nicolescu G, editor. *România în ecuația păcii și a dictatului*. Pitești: Editura Paraleta 45; 2001. p. 314–325.
37. Crînguș I, Giurcă I. *Cedarea și evacuarea Cadrilaterului în anul 1940*. Râmnicu Vâlcea: Editura Conphys; 2010. 398 p.
38. Giurcă I. Tratatивele de la Craiova. Evacuarea Cadrilaterului în 1940. In: Nicolescu G, editor. *România în ecuația păcii și a dictatului*. Pitești: Editura Paraleta 45; 2001. p. 301–313.
39. Войников И. *Границите на България 1940–1947 г.* [Интернет]. 2010 [цитиран 27 юни 2019 г.]. Наличен в: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksBG/I_Vojnikov_BG_1941.pdf.
40. Валева ЕЛ. Болгария в советско-германских противоречиях на Балканах. В: Волков ВК, Гибианский ЛЯ, редакторы. *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.* Москва: Индрик; 1999. с. 363–404.
41. Недев Н. *Цар Борис III. Дворецът и тайният кабинет*. Пловдив: Хермес; 2009. 584 с.
42. Calafeteanu C. *România și «Micile Puteri» vecine (1940–1944)*. București: Enciclopedică; 2011. 291 p.
43. Răzvan L. *Populația Dobrogei în perioada interbelică* [Internet]. 2009 [citat 2019 martie 13]. Disponibil la: <https://tulcealibrary.ro/wp-content/uploads/2017/02/Razvan-Limona-Populatia-Dobrogei.pdf>.
44. Сальков АП. Придунайский территориальный конфликт Болгарии и Румынии из-за Южной Добруджи (1913–1940 гг.). В: Маловичко СИ, редактор. *Новая локальная история. Выпуск 2: Пограничные реки и культура берегов: материалы второй международной интернет-конференции; 20 мая 2004 г.; Ставрополь, Россия*. Ставрополь: Ставропольский государственный университет; 2004. с. 230–242.
45. Сальков АП. *Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.)*. Минск: БГУ; 2019. 743 с.
46. Цветков П. *Под сянката на Сталин и Хитлер. Том 4, Сталин и Трестранният пакт*. София: Нов български университет; 2016. 984 с.
47. Волокитина ТВ. Болгарский вопрос и союзники по антигитлеровской коалиции (1941–1945 гг.). В: Данченко СИ, редактор. *Славяне и Россия. Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева*. Москва: Институт славяноведения РАН; 2017. с. 425–451.
48. Сальков АП. Региональный фактор Добруджи в межсоюзнических отношениях от начала Великой Отечественной войны до Сентябрьского переворота в Болгарии (июнь 1941 – сентябрь 1944 г.). У: Кароль АД, Шумейка МФ, Яноўскі АА, рэдактары. *Пічэтаўскія чытанні – 2021: 100 гадоў БДУ – першаму ўніверсітэту Беларусі: матэрыялы міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі; 27–28 кастрычніка 2021 г.*; Минск, Беларусь. Минск: БДУ; 2021. с. 658–666.

References

1. Sal'kov AP. [Overview of the historical background of the Bulgarian-Romanian conflict in Southern Dobrudja (Medieval and Modern Times)]. In: Fjadosik VA, Ewtuhov IA, Proharaw AA, Maljugin AI, editors. *Listapadawskija sustrjechy – XII: matjeryaly Mizhnarodnaj navukovaj vykladchyska-studjencaj kanferencyi w gonar akadjemikaw M. M. Nikol'skaga i U. M. Percava; 16–17 listapada 2017 g.*; Minsk, Belarus' [November meetings – 12: materials of the International scientific teaching and student conference in honor of academicians N. N. Nikolsky and V. N. Pertsev; 2017 November 16–17; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2017. p. 204–213. Russian.
2. Angeli FA. *Oчерки истории gagauzov – potomkov oguzov (seredina VIII – nachalo XXI v.)* [Essays on the history of the Gagauz – descendants of the Oguzes (mid-8th – early 21st centuries)]. Kishinev: Tsentral'naya tipografiya; 2007. 640 p. Russian.
3. Atanasov G. *Dobrudzhanskoto despotstvo. K'm politicheskata, c'rkovnata, stopanskata i kulturnata istorija na Dobrudzha prez XIV vek* [The Dobruja despotism. To the political, ecclesiastical, economic and cultural history of Dobruja in the XIV century]. Veliko T'rnovo: Faber; 2009. 496 p. Bulgarian.
4. Coman V, Dobrotă C, Turcitu C. *Dobrogea între medieval și modern, 1406–1918*. Constanța: Ex Ponto; 2008. 209 p.
5. Stănciugel R, Bălașa L. *Dobrogea în secolele VII–XIX. Evoluție istorică*. București: DC Promotions; 2005. 258 p. Romanian.
6. Rădulescu A, Bitoleanu I. *Istoria Dobrogei*. Constanța: Editura Ex Ponto; 1998. 534 p. Romanian.

7. Dimitrov S, Zhechev N, Toneev V, editors. *Istoriya na Dobrudzha. Tom 3, 1420–1878*. [History of Dobrudzha. Volume 3, 1420–1878]. Sofia: B'lgarskata Akademija na naukite; 1988. 327 p. Bulgarian.
8. Kicse AI, Prigarin AA, Stanko VN, editors. *Budzhak: istoriko-etnograficheskie ocherki narodov yugo-zapadnykh raionov Odeshchiny* [Budzhak: historical and ethnographic essays of the peoples of the South-Western districts of Odessa region]. Odessa: PostScriptUm: SMIL; 2014. 744 p. Russian.
9. Vinogradov VI, editor. *Istoriya Balkan. Sud'bonosnoe dvadtsatiletie (1856–1878 gg.)* [The history of the Balkans. The fateful twentieth anniversary (1856–1878)]. Moscow: Krasand; 2012. 336 p. Russian.
10. Dobrev P, Aleksiev-Hofart A, Nankinov D, Ikonomova I, Dobрева M. *B'lgarskata d'rzhavnost na sever ot Dunav kato politicheski i kulturni fenomen* [Bulgarian statehood north of the Danube as a political and cultural phenomenon]. Sofia: Tangra; 2008. 302 p. Bulgarian.
11. Popov Zh. *B'lgarite v Severna Dobrudzha. 1878–1913* [Bulgarians in Northern Dobrudzha. 1878–1913]. Sofia: Ivan Vazov; 1991. 538 p. Bulgarian.
12. Njagulov B. [Dobruja as a border and the border in Dobruja (before and after the Treaty of Berlin, 1878)]. In: Mitev P, Racheva V, compilers. *Imperii, granici, politiki (XIX – nachaloto XX vek). Sbornik s materialy ot mezhdunarodna nauchna konferencija Sofijski universitet; 27–28 februar 2015 g.; Sofija, B'lgarija* [Empires, borders, policies (19th – early 20th century)]. Collection of materials from an international scientific conference Sofia University; 2015 February 27–28; Sofia, Bulgaria]. Sofia: Universitetsko izdatelstvo «Sv. Kliment Ohridski»; 2016. p. 197–233. Bulgarian.
13. Njagulov B, Todorov P, editors. *Istoriya na Dobrudzha. Tom 4, 1878–1944* [History of Dobrudzha. Volume 4, 1878–1944]. Veliko Tarnovo: Faber; 648 p. Bulgarian.
14. Vinogradov VN, Kosik VI, Arsh GL, Iskenderov PA, Sokolovskaya OV, editors. *V «porokhovom pogrebe Evropy». 1878–1914 gg.* [In the «powder magazine of Europe». 1878–1914]. Moscow: Indrik; 2003. 544 p. Russian.
15. Bolovan I, Pop I-A, compilers. *Istoriya Rumynii* [History of Romania]. Moscow: Ves' mir; 2005. 680 p. Russian.
16. Valeva EL, editor. *Bolgariya v XX veke: ocherki politicheskoi istorii* [Bulgaria in the XX century: essays on political history]. Moscow: Nauka; 2002. 463 p. Russian.
17. Solonar' VA. *Ochishchenie natsii. Nasil'stvennye peremeshcheniya i etnicheskie chistki v Rumynii v period diktatury Iona Antonesku (1940–1944)* [Cleansing the nation. Forced displacement and ethnic cleansing in Romania during the dictatorship of Ion Antonescu (1940–1944)]. Saint-Petersburg: Nestor-istoriya; 2020. 456 p. Russian.
18. Sal'kov AP. [The problem of Southern Dobrudja from Neuilly to Munich: the Versailles dictatorship, the policy of the Comintern in the province, the situation in the Romanian Quadrille (November 1918 – September 1938)]. In: Kryuchkov IV, Pavlenko OV, editors. *Rossiisko-Avstriiskii al'manakh: istoricheskie i kul'turnye paralleli. Vypusk VII* [The Russian-Austrian Almanac: historical and cultural parallels. Issue 7]. Stavropol': North Caucasus Federal University; 2019. p. 130–143. Russian.
19. Sal'kov AP. [The USSR and the problem of Southern Dobrudja in international relations of the 30–40s of the 20th century]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhavnaga wniversitjeta. Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava*. 2004;3:28–35. Russian.
20. Kuzmanova A. *Ot Nyoj do Kraiova. V'pros't za Juzhna Dobrudzha v mezhdunarodni otnosheniya (1919–1940)* [From Noy to Craiova. The Southern Dobruja question in international relations (1919–1940)]. Sofia: Nauka i izkustvo; 1989. 307 p. Bulgarian.
21. Costea M. *Relatiile politico-diplomatice româno-bulgare (1938–1940)*. Cluj-Napoca: Editura Napoca Star; 2010. 475 p. Romanian.
22. Ungureanu G. *Problema Cadrilaterului în contextul relațiilor româno-bulgare (1919–1940)*. Brăila: Muzeul Brăilei; Editura Istros; 2009. 456 p. Romanian.
23. Sal'kov AP. [The Bulgarian-Romanian conflict around Southern Dobruja from Munich to the beginning of the Second World War (September 1938 – September 1939): Soviet and European foreign policy format]. In: Kahanowski AG, Belavusaw LS, Brygadzin PI, Burachonak AV, Karascjaljova A, Maljugin AI, editors. *Pichjetawskija chytanni – 2019: universitjeckaja navuka i gistorychnaja adukacija w Belarusi XX – pachatku XXI st. Da 85-goddzja stvarjennja gistorychnaga fakul'tjeta Belaruskaga dzjarzhavnaga wniversitjeta: matjeryjaly mizhnarodnaj navukova-praktychnaj kanferjencyi; 23–24 kastyrychnika 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Pichjeta readings – 2019: university science and historical education in Belarus in the 20th – early 21st centuries. To the 85th year of the creation of the history faculty of Belarusian State University: materials of the International scientific and practical conference; 2019 October 23–24; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 79–84. Russian.
24. Sal'kov AP. [International and regional problem of Southern Dobruja from the beginning of the Second World War to the Craiova Agreement (September 1939 – September 1940)]. In: Kokhanovskii AG, Shumeiko MF, Yanovskii OA, editors. *Pichetovskie chteniya – 2020: voiny v istorii chelovechestva. K 75-letiyu Pobedy nad fashizmom: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 21 oktyabrya 2020 g.; Minsk, Belarus'* [Picheta readings – 2020: wars in the history of mankind. To the 75th anniversary of the Victory over fascism: materials of the International scientific and practical conference; 2020 October 21; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2020. p. 231–236. Russian.
25. Tonev V, Zarchev J, editors. *Kratka istorija na Dobrudzha* [A brief history of Dobruja]. Varna: Georgi Bakalov; 1986. 438 p. Bulgarian.
26. Valeva EL. [Return of Southern Dobrudja to Bulgaria in September 1940]. In: Danchenko SI, editor. *Slavyane i Rossiya. Problemy voiny i mira na Balkanakh. XVIII–XXI vv. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Yu. A. Pisareva* [Slavs and Russia. Problems of war and peace in the Balkans. 18th–21st centuries. To the 100th anniversary of the birth of academician Yu. A. Pisareva]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; 2017. p. 452–470. Russian.
27. Andrei IG. [Colonistii români timoceni din Cadrilater]. *Magazin istoric* [Internet]. 2006 [cited 2016 November 12];12(477). Available from: http://web.archive.org/web/20080306075854/http://www.magazinistoric.itcnet.ro/?module=displaystory&story_id=872&format=html. Romanian.
28. Berciu-Drăghicescu A, compiler. *Aromâni, meglenoromâni, istroromâni: aspecte identitare și culturale*. București: Editura Universității din București; 2012. 788 p. Romanian.
29. Tudor C. *Administrația românească în Cadrilater (1913–1940)*. Călărași: Agora; 2005. 375 p. Romanian.
30. Bojchev P. [The Kraiova treaty and the liberation of Southern Dobrudja and Tutrakan]. In: Bojchev P, compiler. *Tutrakan v istoricheskoto razvitiie na Dobrudzha. Materiali ot nauchna konferencija; 21 septemvri 1994 g.; Tutrakan, B'lgarija* [Tutrakan in the historical development of Dobruja. Proceedings of a scientific conference; 1994 September 21; Tutrakan, Bulgaria]. Tutrakan: [s. n.]; 1995. p. 175–200. Bulgarian.

31. Genchev N. [Return of Southern Dobrudja to Bulgaria in 1940]. *Istorieski pregled*. 1969;6:58–73. Bulgarian.
32. Sirkov D. *V'nshnata politika na B'lgarija. 1938–1941* [Foreign policy of Bulgaria. 1938–1941]. Sofia: Nauka i izkustvo; 1979. 343 p. Bulgarian.
33. Sal'kov AP. Uregulirovanie problemy Juzhnoj Dobrudzhi (1939–1947 gg.). *Novaja i novejsaja istorija*; 2005;5:65–78. Russian.
34. Preda-Mătășaru A. *Tratatul între România și Bulgaria, semnat la Craiova la 7 septembrie 1940. Trecut și prezent*. București: Lumina Lex; 2004. 400 p. Romanian.
35. Rădulescu A, Bitoleanu I. *Istoria Dobrogei*. Constanța: Ex Ponto; 1998. 536 p. Romanian.
36. Ungureanu D, Dumitrache N. Cedarea Cadrilaterului. Un moment dramatic din istoria românilor. In: Nicolescu G, editor. *România în ecuația păcii și a dictatului*. Pitești: Editura Paraleta 45; 2001. p. 314–325. Romanian.
37. Crînguș I, Giurcă I. *Cedarea și evacuarea Cadrilaterului în anul 1940*. Râmnicu Vâlcea: Editura Conphys; 2010. 398 p. Romanian.
38. Giurcă I. Tratatul de la Craiova. Evacuarea Cadrilaterului în 1940. In: Nicolescu G, editor. *România în ecuația păcii și a dictatului*. Pitești: Editura Paraleta 45; 2001. p. 301–313. Romanian.
39. Vojnikov I. *Granicite na B'lgarija 1940–1947 g.* [The borders of Bulgaria 1940–1947] [Internet]. 2010 [cited 2019 June 27]. Available from: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksBG/I_Vojnikov_BG_1941.pdf. Bulgarian.
40. Valeva EL. [Bulgaria in the Soviet-German conflicts in the Balkans]. In: Volkov VK, Gibianskii LYa, editors. *Vostochnaya Evropa mezhdou Gitlerom i Stalinym. 1939–1941 gg.* [Eastern Europe between Hitler and Stalin. 1939–1941]. Moscow: Indrik; 1999. p. 363–404. Russian.
41. Nedev N. *Car Boris III. Dvorec't i tajnijat cabinet* [King Boris 3rd. The palace and the secret cabinet]. Plovdiv: Hermes; 2009. 584 p. Bulgarian.
42. Calafeteanu C. *România și «Micile Puteri» vecine (1940–1944)*. București: Enciclopedică; 2011. 291 p. Romanian.
43. Răzvan L. *Populația Dobrogei în perioada interbelică* [Internet]. 2009 [cited 2019 March 13]. Available from: <https://tulcealibrary.ro/wp-content/uploads/2017/02/Razvan-Limona-Populatia-Dobrogei.pdf>. Romanian.
44. Sal'kov AP. [Danube territorial conflict between Bulgaria and Romania over Southern Dobruja (1913–1940)]. In: Malovichko SI, editor. *Novaya lokal'naya istoriya. Vypusk 2: Pogranichnye reki i kul'tura beregov: materialy vtoroi mezhdunarodnoi internet-konferentsii; 20 maya 2004 g.; Stavropol', Rossiya* [New local history. Issue 2: Border rivers and coastal culture: materials of the second international Internet conference; 2004 May 20; Stavropol, Russia]. Stavropol: Stavropol State University; 2004. p. 230–242. Russian.
45. Sal'kov AP. *Natsional'no-territorial'nye konflikty v Tsentral'no-Vostochnoi Evrope vo vneshnei politike SSSR (1938–1949 gg.)* [National-territorial conflicts in Central-Eastern Europe in the foreign policy of the USSR (1938–1949)]. Minsk: Belarusian State University; 2019. 743 p. Russian.
46. Cvetkov P. *Pod sjankata na Stalin i Hitler. Tom 4, Stalin i Tristranni[at]at pakt* [Under the shadow of Stalin and Hitler. Volume 4, Stalin and the Tripartite Pact]. Sofia: Nov b'lgarski universitet; 2016. 984 p. Bulgarian.
47. Volokitina TV. [The Bulgarian question and allies in the anti-Hitler coalition (1941–1945)]. In: Danchenko SI, editor. *Slavyane i Rossiya. Problemy voyny i mira na Balkanakh. XVIII–XXI vv. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Yu. A. Pisareva* [Slavs and Russia. Problems of war and peace in the Balkans. 18th–21st centuries. To the 100th anniversary of the birth of Academician Yu. A. Pisarev]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; 2017. p. 425–451. Russian.
48. Sal'kov AP. [The regional factor of Dobruja in inter-allied relations from the beginning of the Great Patriotic War to the September Revolution in Bulgaria (June 1941 – September 1944)]. In: Karol' AD, Shumejka MF, Janowski AA, editors. *Pichjetawskija chytanni – 2021: 100 gadow BDU – pershamu wniversitjetu Belarusi: matjeryjaly mizhnarodnaj navukova-tjearjetychnaj kanferjencyi; 27–28 kastychnika 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Readings – 2021: 100 years BDU – the first university of Belarus: materials of the international scientific-theoretical conference; 2021 October 27–28; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 658–666. Russian.

Статья поступила в редакцию 20.06.2023.
Received by editorial board 20.06.2023.

УДК 008(437:476)(091)“18” + 001(437+476)(091)“18”

НАЧАЛО ЧЕШСКОГО НАУЧНОГО И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА К БЕЛОРУСАМ, БЕЛОРУССКОМУ ЯЗЫКУ И УСТНОМУ НАРОДНОМУ ТВОРЧЕСТВУ

П. КАЛЕТА¹⁾

¹⁾Либерецкий технический университет, ул. Студентска, 1402/2, 46117, г. Либерец, Чехия

Рассматривается чешский исследовательский интерес к белорусской проблематике с первой трети XIX в. до начала XX в. Первым чешским деятелем, который включил в свои работы белорусскую тематику, можно считать Павла Йозефа Шафарика. Во второй половине XIX в. рост научного интереса к белорусским сюжетам зафиксирован в чешских научно-популярных периодических изданиях. Наибольшее внимание исследователи (И. Я. Гануш, К. Я. Эрбен, П. Саботка и Я. Махал) уделяли народной словесности (народным песням, мифологии, сказкам или пословицам). Главным источником знаний о белорусах для чешских специалистов были работы русских и польских авторов. В 1880-х гг. два чеха, движимые интересом к славянской проблематике и песенному фольклору, впервые посетили территории белорусских губерний. Одним из них был художник и собиратель музыкального фольклора Людвик Куба, другим – славист и исследователь славянского фольклора Адольф Черный, побывавший на белорусских землях дважды. В чешской исследовательской традиции именно он стал центральной фигурой, автором материалов о развитии национальных устремлений белорусов в начале XX в., опубликованных в чешских периодических изданиях (главным образом в журналах «Славянский обзор» («Slovanský přehled») и «Время» («Čas»)).

Ключевые слова: чехи; белорусы; отношения; публикации; белорусский язык; белорусский фольклор; Адольф Черный.

ПАЧАТАК ЧЭШСКАГА НАВУКОВАГА І ПУБЛІЦЫСТЫЧНАГА ІНТАРЭСУ ДА БЕЛАРУСАЎ, БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ І ВУСНАЙ НАРОДНАЙ ТВОРЧАСЦІ

П. КАЛЕТА^{1*}

^{1*}Ліберэцкі тэхнічны ўніверсітэт, вул. Студэнцка, 1402/2, 46117, г. Ліберэц, Чэхія

Разглядаецца чэшскі даследчыцкі інтарэс да беларускай праблематыкі ў перыяд з першай трэці XIX ст. да пачатку XX ст. Першым чэшскім дзеячам, які ўключыў у свае працы беларускую тэматыку, можна лічыць Паўла Ёзэфа Шафарыка. У другой палове XIX ст. рост навуковага інтарэсу да беларускіх сюжэтаў зафіксаваны ў чэшскай навукова-папулярнай перыядыцы. Найбольшую ўвагу чэшскія даследчыкі (І. Я. Гануш, К. Я. Эрбен, П. Саботка і Я. Махал) звярталі на народную славеснасць (народныя песні, мифалогію, казкі ці прымаўкі). Асноўнай крыніцай ведаў пра Беларусь для чэшскіх экспертаў былі творы рускіх і польскіх аўтараў. У 1880-я гг. два чэхі, апанаваныя інтарэсам да славянскай праблематыкі і песеннага фальклору, упершыню наведалі тэрыторыю беларускіх губерняў. Адным з іх быў мастак і збіральнік музычнага фальклору Людвік Куба, другім – славіст і даследчык славянскага фальклору Адольф Чэрны, які двойчы наведаў беларускія землі. У чэшскай даследчай традыцыі менавіта ён стаў цэнтральнай фігурай, аўтарам матэрыялаў

Образец цитирования:

Калета П. Начало чешского научного и публицистического интереса к белорусам, белорусскому языку и устному народному творчеству. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;4:89–102. EDN: HKGJEW

For citation:

Kaleta P. The beginning of Czech scientific and journalistic interest in Belarusians, the Belarusian language and oral folk art. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;4:89–102. Russian. EDN: HKGJEW

Автор:

Петр Калета – профессор истории; профессор кафедры философии факультета естественных, гуманитарных и педагогических наук.

Author:

Petr Kaleta, professor of history; professor at the department of philosophy, faculty of science, humanities and education.
petr.kaleta@tul.cz
<https://orcid.org/0000-0002-3292-9901>

аб развіцці нацыянальных імкненняў беларусаў на пачатку XX ст., апублікаваных на старонках чэшскіх перыядычных выданняў (перш за ўсе часопісаў «Славянскі агляд» («Slovanský přehled») і «Час» («Čas»)).

Ключавыя словы: чэхі; беларусы; адносіны; публікацыі; беларуская мова; беларускі фальклор; Адольф Чэрны.

THE BEGINNING OF CZECH SCIENTIFIC AND JOURNALISTIC INTEREST IN BELARUSIANS, THE BELARUSIAN LANGUAGE AND ORAL FOLK ART

P. KALETA^a

^aTechnical University of Liberec, 1402/2 Studentská Street, Liberec 46117, Czech Republic

The author of the study analyses Czech research interest in Belarusian issues, especially from the first third of the 19th century to the beginning of 20th century. Pavel Jozef Šafárik can be considered the first personality to include Belarusian themes in his work. In the second half of the 19th century, professional interest was already growing and Belarusian topics appeared in Czech popular science periodicals. Czech researchers (I. J. Hanuš, K. J. Erben, P. Sobotka and J. H. Máchal) showed interest mainly in oral folk literature (national songs, mythologies, fairy tales or proverbs). The basic source for Czech researchers were the works of Russian and Polish authors. In the 1880s, two Czechs, motivated by their interest in Slavic issues, went directly to the territory of Belarusian gubernias, where they collected Belarusian national songs. One of them was the painter and collector of musical folklore Ludvík Kuba, the other was Slavist and researcher with considerable interest in Slavic folklore Adolf Černý, who even visited the Belarusian territory twice. It was Adolf Černý who became the central figure in Bohemia who, with the development of the Belarusian national movement at the beginning of the 20th century, wrote in the pages of Czech periodicals (mainly journals «Slavic Review» («Slovanský přehled») and «Time» («Čas»)) about all the national efforts of Belarusians at that time.

Keywords: Czechs; Belarusians; relations; publications; Belarusian language; Belarusian folklore; Adolf Černý.

Введение

Территория белорусских земель, их население и его духовная культура едва ли были темами, которые находились в центре внимания у чешских национальных деятелей и интеллектуалов XIX в. Белорусы, находясь на границе восточнославянской (русской) и западнославянской (польской) традиций, не могли опереться на собственную исторически непрерывную государственность ввиду того, что их история с середины XVI в. была сплетена с польско-литовским государством, а после его распада – с царской Россией. Несмотря на это для европейских ученых XIX в. культурные, а позже и национальные устремления белорусов представляли некоторый исследовательский интерес. В чешской интеллектуальной среде также оказались авторы, которые смогли включить в свои работы и белорусскую проблематику (во многом благодаря контактам в русских научных кругах). Эта тенденция стала более заметной в период зрелости чешского национального движения, т. е. в последней трети XIX в. В этот период главными источниками знаний о белорусах служили современные работы русских и польских авторов.

На сегодняшний день в чешской историографии и славистике уже создан ряд научных работ, в которых представлена проблематика чешско-белорусских отношений в прошлом, при этом относитель-

но много внимания уделено рассмотрению темы белорусской эмиграции в межвоенной Чехословакии [1–3]. В первую очередь необходимо отметить обширное исследование Вацлава Жидлицкого [4], который первым обобщил интерес чехов к белорусской тематике в XIX в., а также аналогичные работы Итки Луптовцовой и Радки Кунцовой [5], публикации Мечислава Кргоуна о началах национального и литературного движения белорусов [6] или обзор Михала Плавца [7], в котором автор характеризует чешско-белорусские отношения на протяжении всей истории, однако не освещает научный интерес чешских авторов к белорусской проблематике. М. Плавец кратко очертил главную тенденцию чешских народных будителей (от чеш. *buditel* – сторонник возрождения) в интересующую нас эпоху следующим образом: «Чешские возрожденцы, которые в течении всего XIX в. посещали Россию, не замечали различий между русскими, белорусами и украинцами. Для них российская империя представлялась твердой скалой славянства против германской экспансии»¹ [7, s. 253]. Уже некоторые работы чешских ученых конца XIX в. показывают, что существовали авторы (в первую очередь Адольф Черный), которые обращали внимание на особенность белорусской духовной культуры и комплексно изучали ее, они также рассматривали белорусов

¹Здесь и далее перевод кандидата исторических наук, доцента Виталия Валерьевича Репина.

как отдельную восточнославянскую нацию. По этой причине с приведенным утверждением М. Плавца нельзя в полной мере согласиться.

Говоря об отдельных представителях чешского национального возрождения, проявивших интерес к белорусской проблематике, необходимо упомянуть Марцела Черного и его тщательно проработанные публикации о переводческих и литературоведческих активностях Адольфа Черного [8; 9]. О белорусских интересах Павла Йозефа Шафарика писал в одной из своих работ его биограф

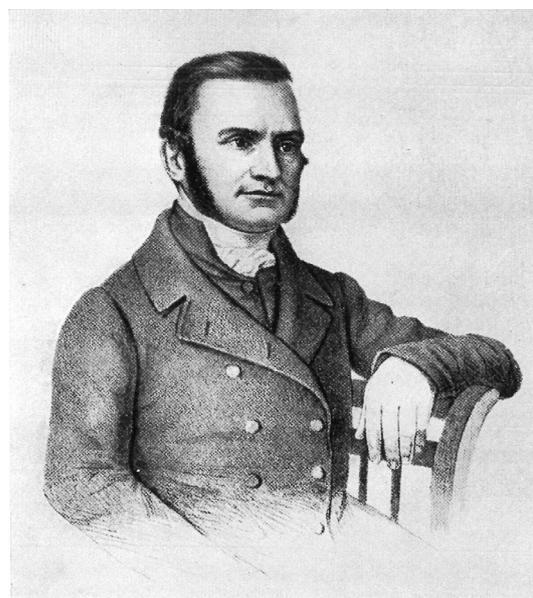
Карел Паул [10]. Целями представленного исследования являются характеристика трех важных этапов развития чешского интереса к белорусскому языку, главным образом к устному народному творчеству, и более подробное рассмотрение роли Людвика Кубы и особенно Адольфа Черного в изучении белорусских народных песен, а также дополнение обнаруженными автором новыми фактами хронологии выхода чешских научных работ и проведения активностей, касающихся белорусской проблематики.

Появление интереса чехов к белорусским темам

Основатели чешской славистики и пионеры чешского национального возрождения конца XVIII в. имели весьма небольшие познания об особенностях белорусского языка и еще меньшие сведения о белорусской духовной культуре, потому что ее развитие произошло в более поздний период (у чешских славистов, как и у русских, интерес к лингвистическим аспектам белорусского языка возник позже). Однако возможно упомянуть двух значимых чешских будителей того времени, проявивших интерес к пражским переводам библейских книг Франциска Скорины: слависта, филолога и ориенталиста Вацлава Фортуната Дуриха и филолога и историка Йозефа Добровского, который считается основателем славистики как научной дисциплины. Оба они обращались к личности Ф. Скорины во взаимной корреспонденции и своих произведениях² [11, s. 26–41, 42–61].

Собственный интерес чехов к белорусским сюжетам появляется в 1820–1830-х гг. Первым представителем чешского научного сообщества, который включил в свои монографии белорусскую проблематику, касающуюся языка, литературы, народных песен, был славист, историк, этнограф и языковед П. Й. Шафарик³ (рис. 1). О белорусском наречии как об одном из трех главных вариантов русского языка он упомянул уже в работе «История славянских языков и литератур по всем наречиям» («Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten»), в которой кратко описал распространение белорусского языка в границах исторической Литвы. Здесь он сообщил, что это наречие стало формироваться после объединения Литвы и Польши, и потому оно содержит большое количество полонизмов [12, s. 93–94]. В данной работе ученый также упомянул и Ф. Скорину, однако как представителя русской (не белорусской) литературы [12, s. 103, 114]. В период подготовки

работы к изданию П. Й. Шафарик, будучи директором гимназии в сербском городе Нови-Сад, еще не имел достаточно тесных контактов с ведущими русскими славистами, занимающимися изучением белорусского языка.

P. J. Šafárik

Рис. 1. П. Й. Шафарик (1795–1861)

Fig. 1. P. J. Šafárik (1795–1861)

Когда же ученый переехал в Прагу, где продолжил заниматься научной работой, у него появилось больше возможностей для доступа к новой научной литературе и установления контактов с ведущими интеллектуалами того времени. Важным источником

²Например, в работах В. Ф. Дуриха «Трактат о славяно-чешском переводе Священного Писания» («De slavo-bohemica Sacri codicis dissertatio») или Й. Добровского «Приложение к путешествию (отчет о путешествии), организованному Чешским королевским обществом наук в 1792 г. в Швецию и Россию» («Anhang von einer auf Veranlassung der Böhm. Gesellschaft de Wissenschaften im Jahre 1792 unternommenen Reise nach Schweden und Rußland»), «Приложение из перевода Библии Скорины» («Anhang von der Skorinischen Bibel-Übersetzung»), «Книга “Плач Иеремии” в русском переводе Франциска Скорины» («Jeremiä Klaglieder von Franz Skarina ins Russische übersetzt»).

³П. Й. Шафарик родился в Верхней Венгрии (нынешняя Словакия) в селе Кобелар (Фекетпатак, ныне Кобельярово) на территории гемерского комитата. С 1833 г. он занимался научной деятельностью в Чехии, став одной из важнейших фигур чешского национального возрождения.

получения информации о белорусском языке и его письменной традиции для П. Й. Шафарика стала книга «Сборник Муханова» (1836), изданная историком Петром Александровичем Мухановым. Интерес исследователя к данной работе выразился в положительной рецензии, опубликованной в издании «Журнал Чешского музея» («Časopis Českého museum»). В работе он упомянул о собранном П. А. Мухановым литовском архиве (написанных на старобелорусском языке источниках, относящихся к периоду Великого княжества Литовского), который стал важным источником для дальнейших изысканий П. Й. Шафарика. В заключении рецензии ее автор написал: «Для пытливых исследователей славянского языка открыт здесь еще один источник подлинного наречия белорусского или литовского, отмеченного своим отличием от великорусского» [13, s. 129; 10, s. 11].

Уже как главный редактор самого значительного чешского научного периодического издания времен национального возрождения («Журнал Чешского музея»), П. Й. Шафарик опубликовал на его страницах библиографический обзор славянских народных песен. Белорусские песни в нем не занимают много места, они представлены между песнями, изданными Лукашом Голембиовским и Яном Чечотом. Наряду с ними П. Й. Шафарик привел белорусские песни из рукописных собраний Зориана Доленги-Ходаковского и Петра Васильевича Кириевского [14, s. 552].

В 1830-х гг. П. Й. Шафарик собирал материал для своей следующей работы «Славянское народописание» («Slovanský národopis») [15]. По вопросам наречий и диалектов русского языка он консультировался сначала с историком Михаилом Петровичем Погодиным, который потом помог ему установить контакт с Осипом Максимовичем Бодянским, специалистом в области восточнославянской диалектологии, от которого немало информации о великорусском, малорусском и белорусском языках П. Й. Шафарик получил в письме от 26 апреля 1836 г. [16, s. XLIII, 12–19]. Прямо накануне издания работы «Славянское народописание» в 1842 г. П. Й. Шафарик получил рецензию с многочисленными замечаниями О. М. Бодянского (письмо от 9 апреля 1842 г.), которые касались прежде всего малорусской и белорусской частей. Однако правки пришли слишком поздно и потому не были внесены в первое издание [16, s. XLVII, 52–59]. И все же информация о белорусском языке в этом труде была гораздо более подробной, чем в первой из названных монографий. В качестве источников выступали также книга «Сборник Муханова» и уже упомянутые работы о славянских народных песнях. Относительно детально П. Й. Шафарик обрисовал территорию распространения белорусского языка и привел главные его признаки. Он обозначил, что в вопросе вариантов языка часть филологов делит белорусский язык на чисто бело-

русский и литовско-русский. Здесь же ученый привел очерк белорусской письменной традиции, где упомянул сделанные Ф. Скориной переводы религиозных текстов. В приложение в качестве примеров славянских наречий он включил и три белорусские песни из изданного в 1840 г. в Париже сборника Александра Феликсовича Рыпинского «Белорусы. Немного слов о поэзии простого люда этой нашей польской провинции, о его музыке, песнях, танцах и т. д.».

К поколению П. Й. Шафарика относился и писатель, славист, лингвист и народный будитель Вацлав Ганка, который поддерживал достаточно хорошие контакты с русскими интеллектуалами. Он занимался изучением русского языка вместе с его наречиями, обсуждая их с русскими коллегами. Из переписки с тогда еще молодым Измаилом Ивановичем Срезневским понятно, как смотрели в 1840-х гг. многие русские языковеды на белорусский язык. В декабре 1843 г. в письме И. И. Срезневский сообщает: «Путешествуем вместе с Бодянским от самого Бреславля, расстались мы в Ковно: он ехал в Петроград, а я в Вильно, чтобы оттуда побывать в Беларуси. Не жалею, что там был. Из многого я наблюдал, что белорусское наречие отделяют от великорусского как южно- или малорусское, что смешно, так же как смешно отделять галичанина от наших малорусов. Белорусы во всем тоже великорусы. И по наречию принадлежат к [их] наречию. А то есть к великорусскому южному, в котором *дзеkanie* появляется на востоке. Так называемое белорусское письменное [наречие] есть по характеру скорее южнорусское. И с народным белорусским не имеет почти ничего общего»⁴.

К младшему поколению чешских будителей относится журналист, писатель и политик Карел Гавличек-Боровский, который был воодушевленным сторонником идеи Яна Коллара о славянской взаимности, однако несколько скорректировал свои взгляды во время полуторалетнего пребывания в России, куда осенью 1842 г. по рекомендации П. Й. Шафарика он отправился к московскому профессору М. П. Погодину, чтобы под его руководством лучше изучить историю и общество России. В итоге его консультантом стал другой профессор, Степан Петрович Шевырев. Среди большинства чешских возрожденцев все еще преобладали русофильские взгляды, однако в начале 1840-х гг. мало кто из них лично отправлялся в столь далекое путешествие в царскую Россию. Как внимательный наблюдатель и талантливый публицист, К. Гавличек-Боровский начал записывать во время своего путешествия очерки «Картины из России» («Obrazy z Rus»), которые опубликовал на страницах чешских журналов в 1843–1846 гг. после возвращения в Прагу. О белорусских землях и их населении он не писал детально, но в некоторых фрагментах части «Иноземцы в России» содержатся путевые заметки на эту тему [17, s. 95–132].

⁴Письмо И. И. Срезневского В. Ганке (Харьков 1/13 декабря 1843 г.) // Журн. Чеш. музея. 1843. № 3. С. 463–467.

В опубликованных записках автор, например, упоминал о значительной культурной и экономической отсталости областей, находящихся западнее Москвы, особенно подчеркнув это в отношении белорусского города Витебска [18, s. 88–89]. Вместе с тем, говоря о русской культуре на белорусских территориях, К. Гавличек-Боровский отметил: «С другой стороны, с запада, ширится опять иная, европейская культура дальше и дальше на восток, и Беларусь – это то место, в котором две эти культуры сходятся, собственно, куда ни одна из них еще не проникла должным образом» [18, s. 89]. К. Гавличек-Боровский не мог не обратить внимания на национальное напряжение между русскими и поляками в Западной Руси (на бывших польских территориях). Интерес представляет описание его опыта общения

с несколькими женщинами из Минской губернии, которые высказались о собственной национальной идентичности: «Народ во всех этих землях не польский, ибо наоборот имеет все причины польскую шляхту, а с ней и польскую народность ненавидеть из-за больших угнетений, которые от них вынужден был выносить; к русским же из-за их религии и одинакового имени национальные симпатии испытывают. Так мне говорили некоторые женщины, пришедшие аж из Минской губернии в паломничество в Москву: *Мы у нас такие же русские, только что не можем хорошо говорить*⁵ (речь белорусская очень отличается от великорусской). При всех этих обстоятельствах, кажется, победит во всех трех областях русский язык польский, но долго еще будет путаница» [18, s. 115].

Белорусы и белорусская народная словесность в чешских научных словарях, периодических изданиях и публикациях

Информацию о белорусском населении и его языке, о Белой Руси⁶ можно найти в чешских научных словарях второй половины XIX в. во многом благодаря слависту Йозефу Первольфу. О белорусах в ряде мест упоминается в первом большом чешском справочном издании Ф. Ригера «Научный словарь» (Riegrův «Slovník naučný»), выходявшем в 1860-х гг. Уже в первом его томе в 1860 г. славист и переводчик Йозеф Коларж подготовил небольшие статьи «Беларусь», «Белая Русь» [19, s. 597], которые написаны главным образом на основе данных Николая Михайловича Карамзина. Более проработанной в этом же томе была статья «Бела-руссы» («Bělo-rusové»)⁷, написанная языковедом и славистом словацкого происхождения Мартином Гатталой, который дал краткую характеристику белорусской литературе, упомянул о народных песнях и отдельно затронул белорусский язык в сравнении с чешским [19, s. 597–598]. Отношение ученого к белорусскому языку заметно с первого утверждения: «Белорусы в настоящее время вместе с малорусами являются товарищами великорусов в письм. языке и литературе» [19, s. 597].

Спустя восемь лет в рамках обширной статьи «Россия» Й. Первольф разработал в словаре раздел «Народ русский», в котором уделил внимание малорусам, белорусам и великорусам по отдельности. Автор очертил географическую территорию проживания белорусского населения и указал его количество (3,75–4 млн человек). Он отметил: «Белорусы составляют некоторый переход между малорусами и великорусами; среднего телосложения, худощавые, с заостренным носом, узкой грудью и длинной шеей, русыми или темными волосами, серыми и голубыми глазами; носят длинные волосы, бреют бороду или

носят усы» [20, s. 1106–1107]. В сравнении с великорусами и малорусами автор изображает их как менее развитых. Й. Первольф описал также жилье, одежду, рацион белорусов и обозначил их праславянское происхождение и идентификацию с территорией Литвы [20, s. 1106–1107]. В разделе «Душевная сторона народа русского, поэзия, поверья и т. д.» этой же статьи автор подчеркнул, что у белорусов нет собственного оригинального исторического эпоса. Все, что они имеют в данной области, является малорусским по происхождению [20, s. 1114]. Автор упомянутых энциклопедических статей Й. Первольф в 1868 г. написал и издал собственным тиражом произведение «Обзор истории народа русского» («Přehled historie národa ruského»), где де-факто опубликовал собственные тексты из книги Ф. Ригера «Научный словарь», повторив свои же сообщения о белорусах. Интересно, что сведения Й. Первольфа о белорусах в неизменном виде заимствовали многие чешские авторы вплоть до Первой мировой войны [21, s. 66; 22, s. 153].

Белорусы упоминаются и в самом большом чешском справочном издании «Научная энциклопедия Отто» («Ottův Slovník naučný»), в котором раздел «Белорусы» был представлен в рамках статьи «Россия (народописание)» (рис. 2). Однако и здесь за основу была взята статья Й. Первольфа из предыдущей энциклопедической серии, упорядоченная и дополненная новой информацией [23, s. 350–351]. В тексте упоминается, что название «белорусы», вероятно, связано с белым цветом их одежды (белая войлочная шапка для мужчин, белый платок для женщин). Интересным выглядит замечание, что среди белорусов встречается очень много случаев альбинизма, особенно в окрестностях Минска [23, s. 350]. В качестве

⁵Здесь и далее в цитатах курсив автора. – П. К.

⁶Термин «Белая Русь» применительно к территории современной Беларуси используют в своих работах чешские исследователи.

⁷В приведенных названиях сохраняются графические особенности оригинала.

причины материального и душевного обеднения значительной части белорусского населения автор приводит угнетение со стороны польской шляхты вместе с ростовщицеством и арендаторством евре-

ев [23, s. 351]. Краткую статью «Беларусь. Белая Русь» с характеристикой белорусов содержит и «Настольный словарь всеобщих знаний» («Příruční slovník všeobecných vědomostí») [24, s. 191].

Рис. 2. Белорусский народный костюм.
Источник: [23]

Fig. 2. Belarusian folk costume.
Source: [23]

В подавляющем большинстве случаев белорусская проблематика появлялась на страницах книг, журналов и газет, которые выходили в Праге, в меньшей мере она рассматривалась в региональных изданиях. В течении XIX в. чешская периодическая печать очень мало информировала читателей о национальных активностях белорусов и их самоопределении. В первом выпуске брненской газеты «Моравская орлица» («Moravská orlice») за 1863 г. среди политических новостей из Царства Польского сообщалось об адресе белорусов из местечка Лепель. Они отмечали, что их оскорбляют заявления поляков о том, что Беларусь и Малая Русь были Польшей, и их желание подчинить белорусов по причине собственного умственного превосходства. В заметке говорится: «Жители Лепеля, белорусы, не испытывают ненависти к польскому народу и с неохотой отвергают посягательства польской шляхты на русскую народность и землю и на отторжение нас от России. Мы знаем, что пережил наш русский народ, когда иезуитское духовенство насильно ему навязывало унию, знаем, что христианство к нам пришло из Киева, а не из Рима, и потому нам нечего ждать от Польши» [25, s. 3]. Краткое сообщение о белорусах можно найти в региональной печати, например, в кромержиском периодическом издании «Велеград» («Velehrad»), выходившем в 1890-х гг. В послесловии к статье, которая является пересказом

работы Антона Семеновича Будиловича «Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Том II. Зарождение общего языка на славянском Востоке», представлен специфический взгляд автора на славянские языки. Он с некоторым пренебрежением выражает свое мнение о белорусском языке, который «искажен разными варваризмами не менее хорватского и лешского... То же видим и в киевских книгах, чей язык есть такой мерзкий и гнусный, что нельзя читать их без отвращения. Белорусы почитают лешские нравы, законы, язык. И поскольку лешская речь слишком испорчена всевозможными примесями, то неудивительно, что и белорусы, черпая из болотного источника, не могут нам дать чистого питья» [26, s. 2].

Чешские собиратели народных песен, пословиц и поговорок, направлявшие интерес на все территории проживания славян, уже со второй половины 1850-х гг. упоминают о белорусском народном творчестве. Среди этих собирателей был и Игнац Ян Гануш – философ, изучавший славянскую мифологию, который в 1857 г. опубликовал заметку «Белорусские пословицы и поговорки» («Běloruská přísloví a rořekadla»), в которой приведены примеры этих жанров фольклора (91), записанные на оригинальном языке и сопровождаемые переводом на чешский язык [27]. В работе «Мифологический календарь славянский или пережитки языческо-праздничных

обрядов славянских» («Bájeslovní kalendář slovanský čili pozůstatky pohansko-svátečných obřadů slovanských») в связи с праздниками весеннего цикла И. Я. Гануш упоминает образ бога Ярилы, который почитался и у белорусов [28, s. 93]. В свои научные труды белорусскую мифологию включил архивист, поэт и собиратель народной словесности Карел Яромир Эрбен, который был автором статей по мифологии в упомянутом издании Ф. Ригера «Научный словарь». В некоторых из них приведены представления белорусов о поверьях и демонологии⁸ [29]. В его работе «Вилы или судицы. Вклад в славянскую мифологию» («Vídý čili sudice. Příspěvek k slovanskému bájesloví»)⁹ приводятся белорусские народные песни из собрания И. П. Сахарова [30, s. 182]. Небольшие отсылки к Беларуси содержит также труд К. Я. Эрбена «Алфавитный словарь славянской мифологии» («Abecední slovník slovanského bájesloví») [31, s. 324, 331, 332, 349, 352, 357, 360, 363, 375, 379, 387, 388, 390, 392, 416, 423, 426]. В работу «Сто простонародных сказок и повестей славянских в оригинальных наречиях. Хрестоматия славянская с объяснением слов» («Sto prostonárodních pohádek a pověstí slovanských v nářečích původních. Čítanka slovanská s vysvětlením slov») он включил часть «Белорусы (Гродненской губернии)», в которой опубликовал на белорусском наречии (как писал К. Я. Эрбен) три сказки: «Мороз, солнце и ветер», «Катигорошек» и «Чудесные мальчики» [32, s. 129–135]. Упомянутые сказки были взяты К. Я. Эрбеном из собрания исследователя народного фольклора Александра Николаевича Афанасьева при посредничестве русского слависта Александра Федоровича Гильфердинга [5, s. 159]. В заключительные пояснения К. Я. Эрбен включил наравне со всеми остальными славянскими языками переводы белорусских выражений на чешский язык. Через четыре года на чешском языке была издана работа «Избранные мифы и народные повести иных ветвей славянских» («Vybrané báje a pověsti národní jiných větví slovanských»), в которую вновь вошли белорусские сказки «Катигорошек» и «Чудесные мальчики»¹⁰ [33, s. 131–136, 245–247].

Белорусские народные песни в собственном переводе в начале 1860-х гг. включил в свои работы журналист, переводчик и знаток славянской мифологии Примус Сobotка. Вначале это касалось его статьи «Примеры славянской символики» («Ukázky ze slovanské symboliky») [34, s. 243–244], затем он цитирует их в своем фундаментальном произведении «Растения и их значение в народных песнях, повестях, мифах, обрядах и поверьях славянских» («Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských»), а позже в статье

«Птицы в народном представлении славянском» («Ptactvo v národním podání slovanském») [35; 36, s. 414]. В периодике П. Сobotка отдельно опубликовал перевод белорусской народной песни «Не есть слезы как слезы» («Nejsou slzy jako slzy») [37, s. 178].

Чешский поэт, переводчик и собиратель народной словесности Франтишек Ладислав Челаковский (1799–1852) не включал белорусские песни или пословицы в свои самые значимые работы. Однако в его рукописном труде «Всеславянская хрестоматия» сохранились 14 белорусских народных песен и произведения «Janej Dzacjuk vic byv sjukavuj», которое является отрывком из анонимной поэмы «Энеида наизнанку» [4, s. 222–223]. В публикации «Чтение о началах истории образованности и литературы народов славянских» («Čtení o počátcích dějin vzdělanosti a literatury národů slovanských») Ф. Л. Челаковский отмечает, что белорусский язык относится к трем главным наречиям русского языка, при этом автор добавляет, что согласно существующим работам речь все же идет не о наречии, а скорее о варианте диалекта. Исходя из этого можно понять, почему он в своем труде не уделил белорусской фольклорной традиции отдельного внимания [38, s. 7]. Больше упоминаний о белорусской мифологии можно найти в работе слависта, историка литературы и специалиста по мифологии Яна Махала «Очерк славянской мифологии» («Nákres slovanského bájesloví»), основанной на трехтомном труде Александра Николаевича Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» и произведении Ореста Федоровича Миллера «Опыт исторического обозрения русской словесности» [39]. Ссылки на белорусскую мифологию удалось найти и в издаваемом в 1879 г. чехами в Америке журнале «Славянин американский» («Slovan americký»), где в статье о моровой деде отмечено: «Белорусы рассказывают о моровой деде, которая принуждает человека, чтобы носил ее по деревьям, она машет при этом красным или пламенным платком на все четыре стороны, а в какую сторону махнет, там все гибнет»¹¹.

Также примеры белорусских народных песен есть в работах нескольких чешских переводчиков славянской поэзии 1870-х гг. Франтишек Вымазал, который в книге «Русская поэзия. Избранное из народного и художественного стихосложения русского в чешских переводах» («Ruská poezije. Výbor z národního a umělého básnictva ruského v českých překladech») издал собственные переводы четырех белорусских песен. Под подзаголовком «Разные песни» он также включил белорусские песни в раздел «Малорусская поэзия», подписавшись инициалами Ф. В. [40, s. 236–237].

⁸ Например, написанные К. Я. Эрбеном статьи «Бельбог» («Bělboh») [19, s. 85], «Ярило» («Jarilo»), «Ежибаба» («Ježibaba») [19, s. 110], «Могила» («Mohyla») [19, s. 121], «Перун» («Perun») [19, s. 128], «Погода» («Pogoda») [19, s. 131], «Русадла» («Rusadla») [19, s. 136], «Сobotки» («Sobotky») [19, s. 145], «Упырь» («Upír») [19, s. 153].

⁹ Erben K. J. Příspěvek k slovanskému bájesloví // Slovanský sborník. 1883. S. 1–14, 57–67, 109–120, 165–174.

¹⁰ В примечании к сказке ошибочно указано, что она происходит из Великороссии.

¹¹ Morová panna // Slovan americký. 1879. 11. červen 1879. S. 4.

Переводчик Франтишек В. Ржиха для сборника «Букеты из народных песен славянских» («Kytice z národních písní slovanských») подготовил белорусскую песню «Пятрусь» («Petrus») [41, s. 79–82]. Примеры белорусских народных песен можно найти и у других чешских авторов того времени [8, s. 82].

В 1880-х гг. белорусские темы в чешской среде уже не были совсем неизвестными. Однако так нельзя сказать о возникающей новой белорусской национальной литературе. Ее упомянул публицист и писатель Эдвард Елинек в периодическом издании «Славянский сборник» («Slovanský sborník»),

который был основан им в 1881 г. Э. Елинек писал на темы из всех областей славянского мира. Как популяризатор чешско-польских сюжетов, он обратил внимание на первые шаги становления белорусской литературы в 1885 г., написав некролог одному из ее родоначальников, поэту и драматургу Винценту Дунину-Марцинкевичу [42, s. 276–277]. Это сообщение можно рассматривать как начало чешского интереса к возникающему белорусскому национальному движению. С развитием белорусской литературы интерес чешских авторов к нему только возрос.

Пик интереса к белорусской культуре

Ощутимые изменения в интересе к белорусской проблематике произошли после 1885 г. благодаря двум чешским популяризаторам славянской культуры, которые познакомились с белорусским фольклором прямо на месте его возникновения. Большая заслуга в расширении интереса к белорусским народным песням у славян в целом и у чехов в частности принадлежит фольклористу, музыковеду, художнику и публицисту Л. Кубе (рис. 3), который вписал свое имя в историю музыкальной фольклористики благодаря своему монументальному произведению «Славянство в своих песнях» («Slovanstvo ve svých zpěvech»), издаваемому в 1884–1928 гг. Значительную часть народных песен, распространенных на отдельных славянских территориях, он записал сам во время полевых экспедиций от местных исследователей и собирателей, которых специально посещал. Сбор восточнославянских песен он начал во второй половине 1850-х гг. Ученый совершал поездки на территорию Российской империи и габсбургской Галиции, где занимался поиском, как он сам описывал в своих работах, песен малорусских, великорусских и белорусских. При характеристике отдельных восточнославянских песенных областей для Л. Кубы региональный характер преобладал над этническим. С целью знакомства с белорусскими народными песнями летом 1886 г. во время экспедиции в Россию еще в Кракове он остановился у известного собирателя польских народных песен, этнографа, фольклориста и композитора Оскара Кольберга [43, s. 733–740], которого можно считать эталоном ученого для тогда еще молодого Л. Кубы. Для его работы О. Кольберг охотно предоставил собственные записи польских народных песен. Благодаря знакомству в 1885 г. в Турчанском-Свети-Мартине с молодым русским историком Алексеем Леонидовичем Петровым¹², занимающимся исследованием истории Угорской Руси, Л. Куба получил контакт этнографа Владимира Николаевича Добровольского, который изучал белорусскую этнографию (исследовал народную культуру Смоленской губернии). По его приглашению Л. Куба

приехал в деревню Даньково (Смоленская губерния), где В. Н. Добровольский жил с 1887 г., прибыв туда со станции Починок Орловско-Витебской железной дороги (интересно, что в первом издании своей статьи о белорусской народной песне Л. Куба не раскрыл конкретное место сбора материала и указал лишь, что речь идет о деревне Д. в Смоленской губернии) [44, s. 168]. Русский этнограф для начала предоставил Л. Кубе вводную информацию о белорусской народной музыке [45, s. 232].

Рис. 3. Л. Куба (1863–1956) в 1890 г.

Fig. 3. L. Kuba (1863–1956) in 1890

Материал, который Л. Куба собрал в Белой Руси, он позже издал в исследовании «Белорусская народная песня. Рассуждения от музыкального путешествия» («Běloruská národní píseň. Úvahy z hudební cesty») [44, s. 24–29, 71–76, 131–138, 163–169]. Эту статью ученый позже еще два раза публиковал

¹² В 1922 г. А. Л. Петров эмигрировал в Чехословакию, где до конца жизни занимался историей Подкарпатской Руси.

с дополнениями и исправлениями [45; 46]. Во введении к первому изданию Л. Куба, как внимательный наблюдатель традиционной народной культуры, констатировал, что Белая Русь с этнографической точки зрения является особенно хорошо сохранившимся регионом. Соглашаясь со своим информантом В. Н. Добровольским, он отмечал, что Белая Русь относительно бедна с точки зрения инструментальной музыки, однако тем более богатыми и интересными являются ее песни. В деревне Даньково он записал 42 песни, 39 из которых опубликовал в своей статье, написанной латиницей на белорусском языке. О белорусских народных песнях Л. Куба порассуждал также в шестой книге серии «Славянство в своих песнях», которая была издана под заголовком «Песни русские» («Písňe ruské») [47; 48]. Здесь были опубликованы 15 белорусских песен, 12 из которых основывались на его личных записях, еще 3 он взял у других авторов. Песни были представлены в переводе на чешский язык с синхронным белорусским кириллическим оригинальным текстом. Л. Куба рассматривал Белую Русь как наиболее пассивный в национальном плане регион из трех восточнославянских территорий. Причины такого явления он видел в меньшем количестве белорусского населения, слабой исторической традиции и отсутствии национального слоя помещиков и дворян [48, s. I]. То, что музыкальные записи белорусских песен до сих пор не были в совокупности изданы, весьма удивило Л. Кубу. Он прокомментировал: «А что Белая Русь отправила на русский литературный рынок из своих темных лесов и безмолвных нив? Говоря о музыкальных записях – ничего» [48, s. II]. Белорусскую песню ученый называл создающей образ страны, нетронутой современной эпохой [48, s. II]. Л. Куба был первым чехом, который издал сборник белорусских народных песен, большая часть которых была записана им самим во время экспедиций.

Еще большее внимание белорусской народной песне, а также белорусам, их традициям, культуре, литературе и политической деятельности уделит современник Л. Кубы, публицист, славист, поэт, переводчик и педагог А. Черный (рис. 4). Можно с уверенностью утверждать, что в его творчестве интерес к белорусским темам, главным образом к народным песням, достиг кульминации. Было бы вернее сказать, что А. Черный посвящал свои работы проблематике лужицких сербов, но в них исследуются и другие славянские народы, особенно поляки, украинцы, а также белорусы. Во время своих поездок в белорусские губернии Российской империи А. Черный жил у представителей польской интеллигенции, общался с ними, обсуждал местные проблемы и прежде всего изучал специфическую мультикультурную и мультиэтническую среду [49, s. 75, 78].

В 1889 г. исследователь совершил свое первое путешествие в Российскую империю, куда направился для знакомства с территорией бывшего поль-

ско-литовского государства, включая и белорусские земли. Он посетил Краков (тогда часть австрийской Галиции), Гродзиск (ныне Гродзиск-Мазовецкий), Варшаву и через Вильно продолжил путь до Санкт-Петербурга, откуда отправился в Прибалтику. Там он заехал в Дерпт (ныне Тарту), где имел возможность впервые встретиться с лингвистом Иваном Александровичем Бодуэном де Куртенэ, с которым переписывался еще с 1887 г. [50, s. 1–3] (о контактах А. Черного с И. А. Бодуэном де Куртенэ см.: [51, s. 227–269]). Этот знаменитый польский языковед и славист также занимался изучением языков малых народов, что объединяло их с А. Черным. К тому же он исследовал белорусские народные песни [52, s. 219–238; 53, s. 225–231], представлявшие тогда первоочередной интерес для А. Черного, который далее через Псков и ливонский Динабург (сейчас Даугавпилс) направился на западные территории Российской империи, где его целью стали деревня Кричево (ныне находится в Миорском районе Витебской области) и ее окрестные поселения [54, s. 185]. Это оставило в памяти чешского исследователя глубокие впечатления, о чем свидетельствует и его более поздняя серия заметок «Воспоминания из Литвы и Беларуси» («Vzpomínky z Litvy a Bělorusi»), где он также привел для чешского читателя и некоторые примеры собранных белорусских песен [55].

Рис. 4. А. Черный (1864–1952).
Источник: архив автора
Fig. 4. A. Černý (1864–1952).
Source: author's archive

В Кричево А. Черный добрался через железнодорожную станцию Балбиново. Яркие впечатления он сохранил от города Друя, где его поразили

церковные сооружения, и ученый смог более явно представить себе религиозную ситуацию в исследуемой области. Город, в котором он задержался, А. Черный посчитал еврейским по населению, что подтверждают и статистические данные того времени, согласно которым в Друе из 4440 жителей было 3065 евреев. Особенно А. Черного очаровали места, где он останавливался и проводил исследования, передвигаясь по территории Дисненского уезда Витебской губернии. Первую остановку, двор в Кричево с прилегающей местностью, ученый описал следующим образом: «Я оказался посреди лесов и лугов, небольших озер и болот, посреди безмолвного, спокойного края, чья тихая задумчивость очень меня впечатлила после возвращения из северного Парижа, из оживленного, шумного Петрограда. Простая, бедная деревенька заменила мне огромный город Петра на Неве. Задумчивая жизнь на литовском дворе пришла на место пестрой, многообразной жизни петроградской. Жизнь без значимых потрясений, такая милая, что не хотелось мне и думать о возвращении» [55, s. 550].

Не менее сильно его впечатлила и следующая остановка – шляхетская усадьба в деревне Каменполье. Там А. Черный имел возможность познакомиться с традиционной культурой белорусской деревни конца XIX в., прежде всего с белорусскими народными песнями, большое количество которых он записал от двух местных женщин и одного старика. Позже он так описал свое пребывание в Каменполье: «На охоту я там не ходил. Зато я сблизился с народом, с простыми жителями бедных, деревянных, покрытых соломой хаток, на которых даже труба не дымит, которые уже так черны от старины и так к земле пригнуты. Слушал я мягкую белорусскую речь и наслаждался простой красотой народных песен» [55, s. 558]. В собранных песнях его особенно привлекли тексты. Мелодия, по его мнению, являлась менее интересной, мотивы были обычно простыми и краткими, не превышающими объем квинты. Нехватка динамики в высоте тонов, неустанное повторение краткого мотива и частое удлинение некоторых тонов, по мнению А. Черного, делали белорусские песни монотонными и задумчивыми. Как славист, он внимательно вслушивался в разговоры и песнопения, пытаясь понять характер белорусского языка. Он уже имел представления о лингвистических оценках места этого языка в восточнославянской семье, данных передовыми славистами того времени. А. Черный признал, что белорусский язык отличается от русского (ученый называл его великорусским) значительно, а от украинского (малорусского) не так значительно. Основываясь на собственном опыте А. Черный так описывает белорусский язык: «Наблюдатель, которого более интересовал бы характер языка с точки зрения его благозвучия, чем его морфологии, которого привлекала бы чисто звуковая, музыкальная сторона

речи, сказал бы, что очарование белорусского языка заключается в соединении широты и полноты русского языка и мягкости польского» [55, s. 558].

При классификации песен в плане содержания А. Черный опирался на подход местных песенниц, разделявших их на свадебные, весенние и жатвенные (некоторые из них назывались житными, осенними и плясовыми). Наравне с упомянутыми типами песен ученый записал и некоторые песни, относящиеся к календарно-обрядовому циклу. В окрестностях Каменполья он также посетил местечко Мироры. Из этого уединенного уголка он вынес немало положительных впечатлений о местном населении, природе и песенном творчестве. Образ Белой Руси А. Черный позже сохранил в таком описании: «...бесконечные задумчивые леса, пастбища со стадами коней, просторы плохо возделанных полей, озера, пруды и болота, приветливые деревенские хаты, деревянные костелики и часовни, высокие кресты перед панскими усадьбами, создающие цельный образ спокойных линий, приглушенных цветов, широких расстояний, молчаливый, тихий, как будто погруженный в сон, никогда не исчезнут из моих мыслей» [55, s. 571].

Результаты своей экспедиции в Беларусь (август 1889 г.) А. Черный опубликовал в 1895 г. в статье «Песни белорусские из повета Дисненского» («Pieśni białoruskie z powiatu Dziśnieńskiego»), изданной антропологической комиссией Академии знаний в Кракове [56]. Во введении он назвал двух респонденток¹³, от которых записал тексты песен. Ими оказались Ефросинья Сульская из деревни Подлипки (Дисненский уезд) и Михалина Астукевич из деревни Каменполье того же уезда. Женщинам было около 40 лет. Имя мужчины в возрасте около 60 лет, от которого были также записаны песни, автор не упомянул. Всего А. Черный опубликовал 56 белорусских народных песен, которые разделил на четыре основные группы: 16 свадебных песен (pieśni weselne), 2 игровые песни (pieśni przy grach), 10 плясовых (tańce) и 28 песен, исполняемых по ходу календарного цикла (1 пасхальная песня (Wielkanoc), 4 весенние песни (pieśni wiosenne), 6 петровских песен (piotrowskie), 8 сенокосных и жатвенных песен (na senokosie i przy żęnciu żyta podczas żniwa), 2 толочные песни (talak), 5 осенних песен (jesienne) и 2 дожинки (dożynki)). Из 56 упомянутых песен еще 4 предоставил А. Черному уже после его возвращения на родину Ян Святополк-Мирский, в доме которого ученый гостил, он же дополнил еще 3 из собранных чешским фольклористом песен. А. Черный напечатал свои песни по образцу белорусско-польских песен, ранее опубликованных И. А. Бодуэном де Куртенэ в польском написании.

В начале 1890-х гг. белорусский фольклор и этнография были уже относительно хорошо известны в чешских научных кругах, поскольку в чешскую среду

¹³В процитированных воспоминаниях он называл только первую из них.

проникало все большее количество новейших публикаций русских и польских этнографов, историков и славистов. От внимания чешских исследователей не ускользнула обширная четырехтомная работа Александра Николаевича Пыпина «История русской этнографии». Филолог, славист и этнограф Йиржи Поливка подготовил на нее рецензию, в которой осветил также и историю белорусской этнографии [57, s. 377–379], ставшей одной из тем четвертого тома издания. На основании данной работы Й. Поливка считал белорусские земли пространством культурного и политического взаимодействия двух славянских народов, в связи с чем процитировал для чешского читателя такие слова А. Н. Пыпина: «Наша враждебная нетерпимость к Польше не может не отражаться и, более того, отражается пагубным образом на наших межславянских отношениях в целом» [57, s. 379].

В июле и августе 1897 г. А. Черный совершил длительное путешествие по всем трем частям разделенной Польши, в рамках которого вновь посетил занятые Россией территории бывшего польско-литовского государства. На Беларусь его опять привели интерес к собиранию народных песен, а также желание найти новые контакты, которые емугодились, когда в следующем году он основал журнал «Славянский обзор». Кроме того, А. Черный в это время являлся корреспондентом нескольких польских журналов [54, s. 166–167]. На обратном пути он посетил губернский центр Гродно, где хотел встретиться с известной польской писательницей Элизой Ожешко, в чьем творчестве была представлена тематика белорусских земель. Однако А. Черный приехал в Гродно вскоре после ее отъезда в Висбаден, так что стал лишь гостем у близких писательницы в ее доме. Он познакомился с городом, который был преимущественно еврейским по составу населения (37 тыс. человек), количество поляков, литовцев и белорусов оценил в 12 тыс. человек, а русских – в 5 тыс. человек [58, s. 1]. Как и в каждой своей поездке, в Гродно А. Черный замечал этнические особенности религиозной и языковой специфики его жителей, что засвидетельствовано в воспоминании о вечерней прогулке на лодке по Неману: «Рыбаки гродненские говорят в большинстве на смешанном польском, другие – на белорусском, литовском или русском. Мы наняли такого рыбака, чтоб провез нас по Неману, речь его была чем-то вроде белорусского польского» [58, s. 2].

А. Черный, для которого белорусская деревня и природа стали одним из самых любимых славянских ареалов, сохранил связь с друзьями из Белой Руси, от них он узнавал новости из жизни региона. Ученый был обрадован, когда в 1906 г. получил из Вильно первый номер (один экземпляр был напечатан латиницей, другой – кириллицей) новой белорусской газеты «Наша доля», которая была совсем скоро запрещена. Автор увидел в издании важный импульс для развития белорусского национально-го движения [59, s. 2; 60, s. 38]. А. Черный наблюдал

в статьях и рубриках газеты значительные изменения, которые произошли в белорусском обществе, отметив: «Посмотрим, как изменились запуганные, покорные и униженные белорусы! Сколько оппозиции не только в первом белорусском журнале – но и в реальности! Свежим, даже резким дыханием веет от строчек белорусского листа, который просматриваю с растущим интересом и радостью, ибо они [строки] – признак жизни» [61, s. 2]. Хотя газета «Наша доля» была запрещена, еще перед конфискацией тиража ее второго номера стала выходить газета «Наша нива», за содержанием которой А. Черный с интересом следил. Заинтересовала его, например, фигура молодого поэта Янки Купалы, чьи патриотические стихи он опубликовал в собственном переводе в одной из своих заметок [62, I, s. 2–3]. Ученый отметил, что белорусское движение привлекло заметное внимание русских, разделив их по этому вопросу на два течения. Группа прогрессивных деятелей смотрела на него как на факт, который нельзя отрицать или остановить. Иное мнение, как пишет А. Черный, было у «истинных русских», заявляющих, что всеобщее школьное образование не является необходимым, как и не нужно вводить белорусский язык в школьное обучение. Он привел аргумент этого крыла интеллигенции о том, что белорусское движение искусственно инициировано поляками. В подтверждение чему А. Черный процитировал слова из газеты «Наша нива»: «Истинные поляки борются против белорусов, утверждая, что белорусский язык вредит их польской идее (на Беларуси), а истинные русские восклицают без конца, что белорусы не отреклись от своей родной речи, потому очевидно, что поляки их подкупили!» [62, s. 2]. А. Черный поддерживал контакты с представителями белорусского национального движения, и один из его лидеров, Антон Иванович Луцкевич, бывший позднее главой правительства Белорусской народной республики, в 1909 г. даже опубликовал в журнале «Славянский обзор» под псевдонимом Ант[он] Новина собственную заметку о национальных активностях белорусов [63, s. 159–163].

Наиболее пристальное внимание А. Черный уделял растущему белорусскому национальному движению в предвоенный период в 1911 г., когда вышло несколько его статей в журналах «Славянский обзор» и «Время». Главным источником новостей для него оставался единственный белорусский еженедельник «Наша нива», печатавшийся латиницей для католиков и кириллицей для православных, на страницах которого наблюдался растущий отклик на национальное самосознание белорусов. А. Черный отметил изменение при использовании в газете латиницы, когда после пражского съезда прогрессивного студенчества издание начало переходить от польской графической системы письма к чешской (изначальное *cz* заменилось на *č*, а *sz* – на *š*). Указывал ученый и на то, что белорусское движение уже

не ограничивалось вопросами языка и литературы, а приобретало общественно-политический характер. Полезной для белорусов в газете «Наша нива» А. Черный считал рубрику о белорусско-украинской взаимности (ввиду схожего положения двух славянских этносов в Российской империи). Как и ранее, он подробно разбирал отношение различных российских и польских кругов к белорусскому вопросу. Учительскую деятельность А. Черный рассматривал как один из принципиальных элементов молодого белорусского движения. Также он не оставлял в стороне религиозный вопрос. Наряду с негативным отношением православного духовенства к инициативам белорусских возрожденцев он отмечал, что белорусское национальное самосознание начало особенно распространяться в среде младшего поколения католических священников, и даже отдельные их представители стали проповедовать на белорусском языке. В качестве самого слабого места развивающихся национальных устремлений белорусов А. Черный называл нехватку национальной интеллигенции, но положительно оценивал активное участие студенчества и молодежи в национальном движении. В области художественного слова он особо отмечал поэзию молодых авторов во главе с Янкой Купалой, творчеству которого уделял много внимания, упоминал об изданных научных работах, поддерживал создание народных библиотек и читален, интересовался становлением белорусского театра и зарождением литературной критики [64; 65; 66, s. 136–137; 67]. А. Черный внимательно следил за появлением работ русских и польских авторов по белорусскому вопросу. Его заинтересовала, например, публикация Леона Василевского «Литва и Беларусь» («Litwa i Białoruś»), в которой автор скептически относился к будущему белорусского национального движения и не верил в то, что белорусы станут нацией, как литовцы. И хотя Л. Василевский был поляком, А. Черного удивило, что тот поддерживал сознательное распространение польской культуры, т. е. полонизацию, среди непольского населения Литвы и Беларуси [68, s. 479–480]. А. Черный продолжал следить и за политическими новостями. Например, в 1913 г. он сообщал о белорусских рабочих из Копыля (Минская губерния), которые обратились к социально-демократической фракции и группе трудовиков, чтобы те заступились за белорусов и обозначили их

право на национальную жизнь, ходатайствуя в думе о равноправии белорусского языка, прекращении политики русификации. К требованиям рабочих также относилось и учреждение в Вильно или другом белорусском городе русского университета [69, s. 131].

А. Черный был чрезвычайно увлечен развитием белорусского движения, языка и культуры в целом, вместе с тем в памяти ученый сохранял навсегда запечатленные воспоминания о романтическом времени, когда он, молодой исследователь, собирал в белорусских деревнях народные песни. В 1906 г. он вспоминал: «Люблю Беларусь, остались у меня милые впечатления о ней. Был там два раза по несколько недель. Светловолосый селянин Нарушевич с бритыми щеками и русскими усами вез меня от станции Балбиново через еврейскую Друю в Кричево и Каменполье, там собирал я белорусские народные песни, записывал их на поле во время выщипывания льна и в домах, куда приглашали местных певиц и певцов. Видел я народ белорусский, собравшийся в миорском деревянном костельчике, который не мог вместить в себя все множество набожных белорусов так, что и все кладбище белело их бело-седыми сермягами. Узнал я тот милый, тихий, даже чересчур тихий, покорный и униженный народ (вспоминаю, как я стыдился, когда Нарушевич за чаевые внезапно мне поцеловал обе руки). И полюбил я этот народ» [59, s. 2].

События Первой мировой войны радикально повлияли как на чешский (чехословацкий), так и на белорусский вопросы. Новая Чехословацкая республика появилась на карте послевоенной Европы, Белорусская народная республика просуществовала всего несколько месяцев, а ее представители оказались в эмиграции. Важным центром белорусской эмиграции стала именно Чехословакия. После возобновления выпуска журнала «Славянский обзор» в 1920-е гг. А. Черный на его страницах и дальше информировал читателей о белорусской проблематике, особенно о белорусах в Польше, а также освещал их жизнь и в Советском союзе. Корреспондентами журнала тогда стали и некоторые представители белорусской эмиграции в Праге. Немалое внимание А. Черный уделял переводу стихотворных произведений Янки Купалы и других белорусских авторов [8, s. 97–105]. Благодаря этому 1920-х гг. стали эпохой, когда беларусистика была прочно укоренена в среде чешской культуры и науки.

Заключение

Очевидно, что главные чешские интеллектуалы XIX в. уже в 1820–40-х гг. имели представление о белорусском языке, который, как правило, наравне с великорусским и малорусским, считали диалектом русского языка, а также знали о белорусских народных песнях столько, сколько и о самих белорусах. Нельзя, однако, согласиться с утверждением М. Кргоуна, что среди чешских писателей XIX в. преобладало представление о белорусах как о самостоятельной

нации: «Для наших писателей было характерно, что они смотрели на белорусов без оглядки на тогдашние взгляды поляков и на официальную позицию носителей государственной власти в царской России как на самостоятельный народ с особой письменной речью и собственной культурой» [6, s. 49]. Такое представление стало утверждаться в чешской среде гораздо позже, а именно в 1880-х гг. К первым сторонникам такой идеи можно отнести полонофила Э. Елинка.

Совсем другую точку зрения в истории чешского интереса к белорусским темам представил славист А. Черный, которого можно считать основателем чешской беларусистики. Сначала он был, как и некоторые его предшественники, очарован фольклорной традицией белорусов, и с развитием белорусского национального движения в начале XX в. его интерес к белорусскому вопросу и его поддержка возросли. Белорусов он рассматривал как самобытную нацию, знакомил чешского читателя с именами представителей белорусской литературы и их произведениями, которые он с большой радостью переводил на чешский язык. Однако это едва ли означает, что вся чешская общественность

с этого времени считала белорусов отдельной нацией. Примером тому может служить ведущий европейский интеллектуал и первый президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик, который смотрел на белорусов как на одну из ветвей русского народа [70, s. 17–22]. После Первой мировой войны чешское научное сообщество уже рассматривало белорусскую литературу как самостоятельную и целостную, находящуюся в одном ряду с русской и украинской литературами, о чем свидетельствует, например, труд Я. Махала «Славянские литературы» («Slovanské literatury»), где содержится глава «О белорусских устремлениях к независимости» [71, s. 301–316].

Библиографические ссылки / References

1. Kolenovská D, Plavec M. *Běloruská emigrace v meziválečném Československu. Studie a dokumenty. Sociopolitický aspekt*. Praha: Univerzita Karlova, Nakladatelství Karolinum; 2017, 287 s.
2. Hlaváček P, Kotau P. *Bělorusko mimo Bělorusko. Běloruští intelektuálové v meziválečném Československu*. Praha: Univerzita Karlova, Filozofická fakulta; 2016, 144 s.
3. Kolenovská D. Běloruská emigrace v Československu (1918–1938). *Soudobé dějiny*. 2007;14(1):78–105, 243–244.
4. Židlický V. Příspěvek k dějinám česko-běloruské vzájemnosti. *Slavia, časopis pro slovanskou filologii*. 1960;2:212–234.
5. Luptovcová J, Kuncová R. Běloruská kultura a literatura 19. a začátku 20. století v českých zemích. V: Kšicová D a kol., redaktoři. *Východoslovenské literatury v českém prostředí do vzniku ČSR*. Brno: Masarykova univerzita; 1997. s. 155–172.
6. Krhoun M. Počátky běloruského národního a literárního hnutí v prvním desetiletí 20. století. *Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity, řada D (řada literárněvědná)*. 1964;11:49–58.
7. Plavec M. Česko-běloruské vztahy od dob nejstarších až po současnost. V: Marková M, Sahanovič H, Šybieka Z. *Dějiny Běloruska*. Praha: NLN; 2021. s. 240–259.
8. Černý M. Adolf Černý jako první český překladatel novodobé běloruské literatury. *Slavia, časopis pro slovanskou filologii*. 2013;1–2:69–111.
9. Černý M. Adolf Černý and the Belarusian literature. *Białorutenistyka Biłostocka*. 2014;6:51–68. Russian. DOI: 10.15290/bb.2014.06.04.
10. Paul K. P. J. Šafařík – Rusíni a Bělorusové. V: *Dvanáctá výroční zpráva české st. reálky v Praze VI za školní rok 1930–1931*. [Praha]: Česká státní reálka v Praze VI; [1931]. s. 3–12.
11. Sokolová F, redaktor. *Francisko Skoryna v díle českých slavistů. Sborník k 500. jubileu narození významného běloruského humanisty. 1490–1990. Výběr z prací českých a slovenských slavistů a málo dostupných textů souvisejících s tímto tématem*. Praha: Národní knihovna v Praze, Slovanská knihovna; 1992. 257 s.
12. Šafařík PJ. *Dejiny slovanského jazyka a literatury všech nářečí*. Košice: Východoslovenské vydavateľstvo; 1992. 416 s.
13. Šafařík PJ. Sborník Muchanova. Moskva 1836, 4. IX, 262 – XXX, 14 str. *Časopis Českého museum*. 1837;1:127–129.
14. Šafařík PJ. Bibliografický přehled sbírek slovanských národních písní. *Časopis Českého museum*. 1838;4:545–561.
15. Šafařík PJ. *Slovanský národopis*. Košice: Vydavateľstvo Oriens Košice pre Univerzitu Pavla Jozefa Šafaříka v Košiciach; 1995. 225 s. + 1 mapa [porvé vydáno roku 1842].
16. Francev VA. *Korespondence Pavla Josefa Šafaříka. I. Vzájemné dopisy P. J. Šafaříka s ruskými učiteli (1825–1861). Část I*. Praha: Česká akademie věd a umění; 1927. 480 s.
17. Havlíček Borovský K. Cizozemci v Rusích. *Časopis Českého museum*. 1846;1:95–132.
18. Havlíček Borovský K. *Obrazy z Rus. Epigramy a aforismy. Satiry. Kritiky a polemiky. Politické písně. Brixenské skladby. Smíšené básně. Korespondence*. Praha: Československý spisovatel; 1986. 609 s.
19. Rieger FL, redaktor. *Slovník naučný. Díl I, A – Bžeduchové*. Praha: Nákladem knihkupectví I. L. Kober; 1860. 1028 s.
20. Rieger FL, redaktor. *Slovník naučný. Díl VII, R – Ržew*. Praha: I. L. Kober; 1868. 1220 s.
21. Mašek JL. *Evropské Rusko. Země, děje a přírodopis. Pro školu a dům*. Praha: Mikuláš a Knapp v Karlíně; 1871. 106 s.
22. Vlach J. *Národové evropští*. Praha: J. Otto; 1908. 202 s.
23. *Ottův Slovník naučný. Ilustrovaná encyklopedie obecných vědomostí. Díl XXII, Rozkošný – Schloppe*. Praha: J. Otto; 1904. 1002 s.
24. Rank J, redaktor. *Příruční slovník všeobecných vědomostí. Díl I, A–J*. Praha: F. Kytka; 1882. 968 s.
25. *Království polské. Moravská orlice*. 1863;179:2–3.
26. O všeslovanském jazyku. Z druhého svazku Antona S. Budiloviče «Všeslovanský jazyk». *Velehrad. Orgán strany slovanské na Moravě*. 1892;17:1–2.
27. Hanuš JJ. Běloruská přísloví a pořekadla. *Koleda. Kalendář na rok obyčejný*. [1859];1858:86–88.
28. Hanuš JJ. *Bájeslovní kalendář slovanský čili pozůstatky pohansko-svátečných obřadův slovanských*. Praha: Kober & Margraf; 1860. 264 s.
29. Erben KJ. *Slovanské bájesloví*. Bechyňová V, Černý M, Kaleta P, redaktoři. Praha: Etnologický ústav AV ČR; 2009. Bájeslovná hesla z Riegrova Slovníku naučného; s. 81–170.
30. Erben KJ. *Slovanské bájesloví*. Bechyňová V, Černý M, Kaleta P, redaktoři. Praha: Etnologický ústav AV ČR; 2009. Vídy čili sudice. Příspěvek k slovanskému bájesloví; s. 173–224 [porvé vydáno roku 1883].
31. Erben KJ. *Slovanské bájesloví*. Bechyňová V, Černý M, Kaleta P, redaktoři. Praha: Etnologický ústav AV ČR; 2009. Abecední slovník slovanského bájesloví; s. 315–452.

32. Erben KJ. *Sto prstonárodních pohádek a pověstí slovanských v nářečích původních. Čítanka slovanská s vysvětlením slov*. Praha: I. L. Kober; 1865. 386 s.
33. Erben KJ. *Vybrané báje a pověsti národní jiných větví slovanských*. Praha: Spolek pro vydávání laciných knih českých; 1869. 258 s.
34. Sobotka P. Ukázky ze slovanské symboliky. *Květy*. 1871;27:211–212, 214; continuation 31:243–244.
35. Sobotka P. *Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských*. Praha: Nákladem Matice české; 1879. 344 s.
36. Sobotka P. Ptactvo v národním podání slovanském. *Světozor*. 1880;35:414.
37. [Sobotka P]. Nejsou slzy jako slzy. *Světozor*. 1884;15:178.
38. Čelakovský FL. *Čtení o počátcích dějin vzdělanosti a literatury národův slovanských*. Praha: Komisi u Františka Řivnáče; 1877. 230 s.
39. Máchal [J]H. *Nákres slovanského bájesloví*. Praha: F. Šimáček; 1891. 221 s.
40. Vymazal F. *Ruská poezije. Výbor z národního a umělého básnictva ruského v českých překladech*. Brno: Matice moravská; 1874. 256 s.
41. Dunovský J, Hrubý J, Jireček JK, Pokorný R, Ritschel A, sebrali. *Kytice z národních písní slovanských*. Praha: Fr. A. Urbánek; 1874. 199 s.
42. Jelínek E. V. Dunin Marcinkěvič. *Slovanský sborník*. 1885;5:276–277.
43. Kuba L. Oskar Kolberg, národopisec polský. *Osvěta*. 1888;8:733–740.
44. Kuba L. Běloruská národní píseň. Úvahy z hudební cesty. *Slovanský sborník*. 1887;1:24–29; continuation 2:71–76; 3:131–138; 4:163–169.
45. Kuba L. *Cesty za slovanskou písní 1885–1929. S hudebními příklady a vlastními kresbami. 2. vydání*. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění; 1953. Běloruská píseň; s. 232–268.
46. Kuba L. *Cesty za slovanskou písní 1885–1929. S hudebními příklady a vlastními kresbami. Svazek první. Slovanský západ a východ*. Praha: Slovanský ústav; 1933. Běloruská píseň; s. 231–266.
47. Kuba L. *Slovanstvo ve svých zpěvech. Sborník národních a znárodnělých (významných) písní všech slovanských národů. Kniha VI, Písně ruské*. Pardubice: L. Kuba; 1885–1888. III: Písně běloruské; s. 385–402.
48. Kuba L. *Slovanstvo ve svých zpěvech. Sborník písní všech národů slovanských s původními texty a českými překlady. Písně ruské, I. Maloruské, II. Běloruské, III. 2. vydání*; Praha: Hudební Matice umělecke Besedy; 1922. II: Písně běloruské. s. 385–402.
49. Černý A. Při čtení "Dziadův". *Světozor*. 1890;7:75, 78.
50. Černý A. Za J. Baudouinem de Courtenay. 13.III.1845 – 3.XI.1929. Praha: Nákladem vlastním; 1929. 19 s.
51. Ďurčanský M, Skrzyński T. Dodatek k edicím listů Baudouina de Courtenay Adolfovi Černému. V: Ďurčanský M, redaktor. *Slovanství a věda v 19. století. Práce z Archivu Akademie věd. Řada A, sv. 8*. Praha: Archiv AV ČR; 2005. s. 227–269.
52. Baudouin de Courtenay J. Pieśni białorusko-polskie z powiatu Sokólskiego gubernii Grodzieńskiej. *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej wydawany staraniem Komisji Antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie*. 1892;16:219–238.
53. Baudouin de Courtenay J. Dodatek do pieśni białorusko-polskich z powiatu Sokólskiego gubernii Grodzieńskiej. *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej wydawany staraniem Komisji Antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie*. 1895;18:225–231.
54. Kaleta P. Češi o Lužických Srbech. *Český vědecký, publicistický a umělecký zájem o Lužické Srby v 19. století a sorabistické dílo Adolfa Černého*. Praha: Masarykův ústav, Archiv AV ČR; 2006. 333 s.
55. Černý A. Vzpomínky z Litvy a Bělorusi. *Světozor*. 1894;45:534–535; continuation 46:550, 552; 47:558; 48:570–571.
56. Černý A. Pieśni białoruskie z powiatu Dziśnieńskiego. *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej wydawany staraniem Komisji Antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie*. 1895;18:192–224.
57. Polívka J. [History of Russian ethnography by A. N. Pypin. St. Petersburg 1890–1892. Sv. I–IV]. *Časopis Musea Království českého*. 1892;2–3:367–380. Russian.
58. Černý A. Grodno. *Národní listy. Odpolední vydání*. 1897;314:1–2.
59. Černý A. Ze slovanského světa (Běloruský časopis). *Čas*. 1906;327:2.
60. Černý A. Feuilleton. [Naša dola]. *Zlatá Praha*. 1906–1907;3:38.
61. Černý A. Ze slovanského světa. *Čas*. 1906;328:2.
62. Černý A. Z Bělorusi. I–II. *Čas*. 1909;6:2–3; continuation 20:2–3.
63. Novina A [Anton Ivanovič Luckevič]. *Národní probuzení Bělorusů. Slovanský přehled*. 1909;11:159–165.
64. Černý A. Běloruské snahy národní a literární v l. 1909–10. *Slovanský přehled*. 1911;13:217–223, 401–416.
65. Černý A. Běloruské snahy národní a literární v letech 1909–10. *Čas*. 1911;203:2–3; continuation 204:2–3; 205:2–3.
66. Č[erný] A. Bělorusové. *Slovanský přehled*. 1911;13:136–137.
67. Černý A. Běloruské snahy národní a literární. I–II. *Čas*. 1911;48:2–3; continuation 49:2–3.
68. Č[erný] A. Leon Wasilewski, Litwa i Białoruś. Przeszłość, terażniejszość, tendencje rozwojowe. Kraków (spółka nakładowa «Książka»). Str XIX. a 361. *Slovanský přehled*. 1912;14:479–480.
69. Č[erný] A. Bělorusové. *Slovanský přehled*. 1913;16:131.
70. Kaleta P. Masaryk and his views on the Belarusian issue after World War I. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;3:17–22. Russian.

Статья поступила в редколлегию 25.03.2023.
Received by editorial board 25.03.2023.

УДК 94(438)323.29“1949/1953”

СОЮЗ ПОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ ПОЛЬШИ (1949–1953)

Л. А. КОЗИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отмечается, что после Второй мировой войны польские власти были заинтересованы в участии интеллигенции в преобразовании страны. Сам факт присутствия известных творческих деятелей в публичном пространстве в значительной мере обеспечивал легитимность властей, которые не требовали от писателей публично озвучивать свои идейные позиции и не вмешивались в их творческий процесс. Ситуация изменилась в 1949 г., когда руководство Польской Республики заявило о строительстве социализма, что нашло отражение и в культурной политике. Ее главной целью стало формирование нового человека с социалистическим мировоззрением. Важная роль в ее реализации отводилась творческой интеллигенции, в первую очередь писателям. Посредством художественной литературы инженеры человеческих душ должны были создать в обществе новую систему ценностей. Подчеркивается, что для управления творческой интеллигенцией польские власти использовали творческие союзы, кроме того, в руках государства находилась деятельность издательств и распространение книжной продукции. Показывается, что Союз польских писателей активно включился в процесс формирования социалистического мировоззрения в обществе. Он транслировал государственный заказ, контролировал творчество писателей, а также проводил с ними идеологическую работу. С 1949 г. от писателей стали требовать создания произведений, которые бы соответствовали социалистическому реализму и пропагандировали новый государственный строй. Контроль за соблюдением государственных установок осуществлялся посредством цензуры, обсуждения в ходе заседаний творческих секций, на съездах Союза польских писателей, на собраниях писателей – членов Польской объединенной рабочей партии, а также на заседаниях культурных комиссий в партийных и государственных структурах. Подчеркивается, что далеко не все писатели соглашались с отведенной им ролью пропагандистов. Отмечается, что появление соцреалистической литературы в Польше в рассматриваемый период свидетельствовало о реализации одной из задач культурной политики польских властей.

Ключевые слова: Польша; Союз польских писателей; культурная политика; социализм; социалистический реализм; инженеры человеческих душ.

САЮЗ ПОЛЬСКИХ ПІСЬМЕННІКАЎ У КУЛЬТУРНАЙ ПАЛІТЫЦЫ ПОЛЬШЧЫ (1949–1953)

Л. А. КОЗИК^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Адзначаецца, што пасля Другой сусветнай вайны польскія ўлады былі зацікаўлены ва ўдзеле інтэлігенцыі ў пераўтварэнні краіны. Сам факт прысутнасці вядомых творчых дзеячаў у публічнай прасторы ў значнай ступені забяспечваў легітымнасць польскіх улад, якія не патрабавалі ад пісьменнікаў публічна агучваць сваю ідэйную пазіцыю і не ўмешваліся ў іх творчы працэс. Сітуацыя змянілася ў 1949 г., калі кіраўніцтва Польскай Рэспублікі заявіла аб будаўніцтве сацыялізму, што знайшло адлюстраванне і ў культурнай палітыцы. Яе галоўнай мэтай стала фарміраванне новага чалавека з сацыялістычным светапоглядам. Важная роля ў яе рэалізацыі адводзілася творчай інтэлігенцыі, перш за ўсё пісьменнікам. Праз мастацкую літаратуру інжынеры чалавечых душ павінны былі стварыць у грамадстве новую сістэму каштоўнасцей. Падкрэсліваецца, што для кіравання творчай інтэлігенцыяй польскія ўлады выкарыстоўвалі

Образец цитирования:

Козик ЛА. Союз польских писателей в культурной политике Польши (1949–1953). *Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2023;4:103–114.
EDN: CKXNIA

For citation:

Kozik L.A. Polish Writers' Union in the cultural policy of Poland (1949–1953). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2023;4:103–114. Belarusian.
EDN: CKXNIA

Автор:

Любовь Антоновна Козик – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета.

Author:

Liubov A. Kozik, PhD (history), docent; associate professor at the department of Southern and Western Slav's history, faculty of history.
lubov.kozik@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1243-1046>

творчыя саюзы, акрамя гэтага, у руках дзяржавы знаходзіліся дзейнасць выдавецтваў і распаўсюджанне кніжнай прадукцыі. Паказваецца, што Саюз польскіх пісьменнікаў актыўна ўключыўся ў працэс фарміравання сацыялістычнага светапогляду ў грамадстве. Ён трансліраваў дзяржаўны заказ, кантраляваў творчасць пісьменнікаў, а таксама праводзіў з імі ідэалагічную работу. З 1949 г. ад пісьменнікаў пачалі патрабаваць напісання твораў, якія б адпавядалі сацыялістычнаму рэалізму і прапагандавалі новы дзяржаўны лад. Кантроль за выкананнем дзяржаўных устаноў ажыццяўляўся праз цензуру, абмеркаванні падчас пасяджэнняў творчых секцый, на з'ездах Саюза польскіх пісьменнікаў, на сходах пісьменнікаў – членаў Польскай аб'яднанай рабочай партыі, а таксама на пасяджэннях культурных камісій у партыйных і дзяржаўных структурах. Падкрэсліваецца, што далёка не ўсе пісьменнікі пагаджаліся з адведзенай ім роляй прапагандыстаў. Адзначаецца, што з'яўленне сацыялістычнай літаратуры ў Польшчы ў азначаны перыяд сведчыла аб рэалізацыі адной з задач культурнай палітыкі польскіх улад.

Ключавыя словы: Польшча; Саюз польскіх пісьменнікаў; культурная палітыка; сацыялізм; сацыялістычны рэалізм; інжынеры чалавечых душ.

POLISH WRITERS' UNION IN THE CULTURAL POLICY OF POLAND (1949–1953)

L. A. KOZIK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

After the end of World War II, the Polish authorities were interested in the participation of the intelligentsia in the post-war transformations. The very fact of the presence of famous figures in the public space gave communists and their allies legitimacy, and they did not directly interfere in the artistic process and did not require writers to declare their ideological positions. The situation changed in 1949, when the leadership of the Polish Republic announced the building of socialism, that also affected the cultural policy. It was stated that its main goal is the formation of a new person with a socialist worldview. An important role in its implementation was assigned to the creative intelligentsia, primarily writers. They were supposed to become engineers of the human souls and form a new system of values in society. The authorities began to use art unions as a means of influencing and controlling the artists. Moreover, at that time the state had taken control of publishing houses and book distribution. The article shows that the Polish Writers' Union was actively involved in the process of forming a socialist worldview in Polish society. It acted as a translator of the state order and at the same time controlled the creative work of writers, carried out ideological work with them. Since 1949, the authorities began to demand a new, socialist content of fiction literature, which should be written in accordance with socialist realism. The writers were supposed to promote the new state system and develop the socialist consciousness in Polish society. Control over the content and its compliance with the state standards was carried out through censorship, discussions in artistic sections and at congresses of the Polish Writers' Union, at meetings of writers who were members of the Polish United Workers' Party, and meetings of various cultural commissions in party and state structures. At the same time, the author mentions that there were some writers who didn't agree with the role of propagandists. It is noted that the appearance of socialist realist literature in Poland during the period under review testified to the realisation one of the tasks of the cultural policy of the Polish authorities.

Keywords: Poland; Polish Writers' Union; cultural policy; socialism; socialist realism; engineers of the human souls.

Уводзіны

Пасля Другой сусветнай вайны Польшча апынулася ў сферы ўплыву СССР, што прадвызначыла яе палітычнае, сацыяльна-эканамічнае і культурнае развіццё амаль на 50 гадоў. У першыя пасляваенныя часы ў краіне панаваў рэжым народнай дэмакратыі, які ў палітычнай сферы характарызаваўся наяўнасцю легальнай апазіцыі, што стварала ўяўленне аб існаванні альтэрнатывы далейшага развіцця. Сітуацыя змянілася ў 1947 г., калі ўлада ў Польшчы апынулася ў руках польскіх камуністаў і іх саюзнікаў. Ужо ў снежні 1948 г. Польская рабочая партыя (ПРП) і Польская сацыялістычная партыя аб'ядналіся і стварылі Польскую аб'яднаную рабочую партыю (ПАРП), кіраўніцтва якой заявіла аб пачатку будаўніцтва сацыялізму. У якасці ўзору быў заяўлены савецкі вопыт грамадска-палітычнага, сацыяльна-эканамічнага і культурнага развіцця.

Гісторыя культурнай палітыкі ў пасляваеннай Польшчы знайшла адлюстраванне ў работах польскіх даследчыкаў. Яны звярталі ўвагу як на сутнасць культурных пераўтварэнняў, так і на пытанні ўзаемаадносін улад з творчай інтэлігенцыяй. Канцэптуальныя падыходы навукоўцаў у Польскай Народнай Рэспубліцы і ў сучаснай Польскай Рэспубліцы маюць істотную розніцу. У перыяд Польскай Народнай Рэспублікі даследчыкі звярталі ўвагу на якасныя змены ў культурным жыцці краіны і грамадства, часам выказвалі крытычныя заўвагі адносна культурнай палітыкі дзяржавы і пазіцыі асобных творчых дзеячаў, але агульная ацэнка дзеянняў улад і развіцця культуры была станоўчай [1]. Пераход Польшчы да дэмакратычнага развіцця адзначаўся ў гістарычнай навуцы свабодай у выбары метадалогіі даследавання і крытычным стаў-

леннем да сацыялістычнага мінулага, у тым ліку да пазіцыі інтэлігенцыі. Апошняю сталі абвінавачваць у абслугоўванні пануючай ідэалогіі і камуністаў, якія прывялі да залежнасці дзяржавы ад СССР [2–4]. Разам з тым прадстаўнікі сучаснай польскай гістарыяграфіі прадпрымаюць спробы паказаць складанасць функцыянавання розных груп насельніцтва ў недэмакратычным грамадстве і прыводзяць больш узважаныя і тым не менш крытычныя ацэнкі сацыялістычнага мінулага [5–10].

Сярод расійскіх гісторыкаў праблему ўзаемаадносін польскіх улад і інтэлігенцыі ў 1918–1980 гг. вывучаў Р. Р. Юсупаў [11]. Ён з’яўляецца аўтарам абгульняючай работы па гісторыі Саюза польскіх пісьменнікаў (СПП) у 1945–1980 гг. [12]. На думку Р. Р. Юсупава, у першыя пасляваенныя гады ў Польшчы адбываўся канфлікт паміж уладамі і інтэлігенцыяй. У часы польскага сталінізму інтэлігенцыя была падпарадкавана дзяржаўнаму кіраўніцтву. Даследчык адзначае, што пад уплывам крызісаў 1956, 1968,

1970 і 1976 гг. усё больш прадстаўнікоў навукі і культуры адмаўляліся ад афіцыйнай лініі і пераходзілі на бок грамадскай апазіцыі.

Праблему фарміравання масавай сацыялістычнай культуры ў Польшчы і ролю СССР у гэтым працэсе ў 1945–1955 г. разглядае ў сваім дысертацыйным даследаванні В. В. Абожда. Аўтар адзначыла як станоўчыя, так і адмоўныя бакі культурнай палітыкі ПАРП, звярнуўшы ўвагу на тое, што ў азначаны перыяд назіраўся апагей саветызацыі як культуры, так і іншых сфер жыцця польскага грамадства¹.

Мэтай даследавання выступае вызначэнне ролі і месца СПП у культурнай палітыцы польскіх улад у 1949–1953 гг. У артыкуле аналізуецца асноўныя задачы тагачаснай культурнай палітыкі, выяўляецца ўплыў партыйна-дзяржаўных інстытутаў на творчую дзейнасць пісьменнікаў, характарызуецца пазіцыі пісьменнікаў і СПП, ацэньваюцца вынікі намаганняў творчай інтэлігенцыі па фарміраванні новай сацыялістычнай культуры.

Метадалогія даследавання

Пад культурнай палітыкай польскіх улад у артыкуле разумеецца «комплекс аперацыянальных прынцыпаў, адміністрацыйных і фінансавых відаў дзейнасці і працэдур, якія забяспечваюць аснову дзеянняў дзяржавы ў галіне культуры»². Рэалізацыя культур-

най палітыкі адбываецца шляхам свядомых дзеянняў, накіраваных на дасягненне пэўных культурных мэт. Даследаванне выканана з выкарыстаннем агульнанавуковых і спецыяльна-гістарычных метадаў у адпаведнасці з прынцыпамі навуковай аб’ектыўнасці.

Палітыка польскіх улад у адносінах да пісьменнікаў у першыя пасляваенныя гады

У першыя пасляваенныя гады польскія камуністы заяўлялі аб дэмакратычных пераменах у грамадстве, у тым ліку ў культуры. У краіне аднаўлялася разбураная эканоміка, праводзіліся сацыяльныя рэформы. Ішла кампанія па барацьбе з непісьменнасцю, была ўведзена бясплатная адукацыя для ўсіх груп насельніцтва, выдаваліся кнігі, выходзіла перыёдыка, адкрываліся бібліятэкі. Аднак, нягледзячы на захады па аднаўленні мірнага жыцця, значная частка насельніцтва Польшчы насцярожана, а часам і ваража ставілася да ўлад. Гэта было звязана як з дзейнасцю польскага ўрада ў эміграцыі, так і з за-

лежнасцю польскіх улад ад СССР. Каб пераламіць негатыўныя настроі, дзяржаўнаму кіраўніцтву неабходна была падтрымка з боку тых груп насельніцтва, якія мелі высокі аўтарытэт у грамадстве. Да ліку такіх груп, несумненна, адносілася інтэлігенцыя³. Трэба ўлічваць той факт, што адразу пасля вайны польскія ўлады адчувалі патрэбу ў кваліфікаваных кадрах⁴, таму пайшлі на прыцягненне даваенных спецыялістаў да працы ў органах дзяржаўнай і мясцовай улады, арміі, сельскіх гаспадарках і на прадпрыемствах⁵.

Сучасныя даследчыкі сыходзяцца ў меркаванні аб тым, што роля інтэлігенцыі ў пасляваенных

¹Абожда О. В. Формирование массовой социалистической культуры в Польше и Советский Союз (1945–1955 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2006. 26 с.

²Востряков Л. Культурная политика: основные концепции и модели [Электронный ресурс] // Министерство культуры Архангельской области. URL: <https://culture29.ru/upload/medialibrary/0bf/0bfb4cb9753cded37c6339eae422bbc7.pdf> (дата обращения: 27.01.2021). Тут і далей пераклад наш. – Л. К.

³На гэта, напрыклад, звяртаў увагу Я. Берман, які ў другой палове 1940-х – пачатку 1950-х гг. быў членам Палітбюро ЦК ПРП (з 1948 г. – ПАРП) і адказаў за палітыку ў галіне навукі, культуры і ідэалогіі [13, s. 348].

⁴Першы сакратар ПРП У. Гамулка на Пленуме ЦК ПРП 11–12 ліпеня 1945 г. з гэтай нагоды адзначаў: «Наша партыя... патрабуе вялікай колькасці інтэлігенцыі. Інтэлігенцыя – гэта ўмова нашага ўплыву ў масах, у кіруючым і гаспадарчым апаратах». На Пленуме ЦК ПРП 3–4 кастрычніка 1945 г. ён жа заявіў, што справа па прыцягненні творчых колаў да пазіцыі афіцыйных улад ідзе вельмі марудна, таму неабходна распачаць «іздэйную і планавую акцыю па “здабычы” інтэлігенцыі». (Archiwum ruchu robotniczego. T. 7. W 40 rocznicę powstania Polskiej Partii Robotniczej / Cent. Arch. KC PZPR. Warszawa : Książka i Wiedza, 1982. S. 97, 124.)

⁵Hass L. Inteligencja polska 1945–1980: postawy i zachowania [Zasoby elektroniczne] // Dzieje Najnow. 2002. T. 34, No. 1. S. 74. URL: https://bazhum.muzhp.pl/media/files/Dzieje_Najnowsze_kwartalnik_poswiecony_historii_XX_wieku/Dzieje_Najnowsze_kwartalnik_poswiecony_historii_XX_wieku_r2002-t34-n1/Dzieje_Najnowsze_kwartalnik_poswiecony_historii_XX_wieku_r2002-t34-n1-s73-94/Dzieje_Najnowsze_kwartalnik_poswiecony_historii_XX_wieku_r2002-t34-n1-s73-94.pdf (data odwołania: 11.03.2023).

пераменах у Польшчы ў значнай ступені забяспечвала легітымнасць польскіх улад, большасць прадстаўнікоў якіх былі камуністамі [11, с. 107; 14, с. 115]. Пры гэтым гісторыкі падкрэсліваюць, што важнае значэнне ў прыняцці дзеячамі культуры пасляваеннай рэчаіснасці адыгрывала як агульная атмасфера ў краіне (аднаўленне эканомікі, адсутнасць выразных дэкларацый аб пабудове сацыялізму, публічныя кантакты ўлад з Рымска-каталіцкай царквой, нацыяналізацыя буйной прамысловасці, транспарту і банкаў, правядзенне аграрнай рэформы і інш.⁶), так і захады з боку дзяржавы ў выглядзе дапамогі інтэлігенцыі (забеспячэнне жыллём, магчымасць выдаваць творы, атрыманне грашовай дапамогі і г. д.), прызнання значнасці дадзенай сацыяльнай групы ў развіцці грамадства. Прадстаўнікі інтэлігенцыі мелі свабоду творчасці (праўда, ва ўмовах дзеяння цензуры⁷ яна была адноснай), а таксама маглі не агучваць публічна сваю ідэйную пазіцыю. Усё гэта стварала ўражанне сталай апекі з боку ўлад, прызнання аўтарытэту інтэлігенцыі, што кантраставала з яе становішчам у міжваенны перыяд і тым больш у гады Другой сусветнай вайны.

Сітуацыя змянілася пасля парламенцкіх выбараў 1947 г.⁸, калі камуністы замацавалі сваю ўладу, выціснулі з палітычнага жыцця апазіцыю і пачалі паступовы пераход да рэалізацыі сацыялістычнай праграмы. З гэтага часу відавочным стала іх імкненне выкарыстаць не толькі імя і аўтарытэт пісьменнікаў, але і іх творчыя здольнасці, што прадугледжвала напісанне твораў, якія б адпавядалі новай рэчаіснасці. Ужо ў красавіку 1947 г. на Пленуме ЦК ПРП было заяўлена аб неабходнасці ўзмацніць ідэалагічнае ўздзеянне на інтэлігенцыю. Адзначалася, што яна павінна адкінуць «буржуазна-капіталістычныя канцэпцыі, варожыя дэмакратыі і рабочаму класу» і заняць прагрэсіўную пазіцыю⁹. У гэтым працэсе партыя брала на сябе арганізацыйныя і кантралюючыя функцыі.

Крокі па рэалізацыі пастаўленай задачы былі зроблены ўжо ў наступным месяцы, калі на пасяджэнні культурна-асветніцкай камісіі Палітбюро ЦК ПРП абмяркоўваліся пытанні па стварэнні картатэкі работнікаў культуры, распрацоўцы творчых планаў, кантролю за мастацкай дзейнасцю, прызначэнні на кіруючыя пасады людзей, блізкіх па поглядах да камуністаў [14, с. 141].

Штуршок да практычных дзеянняў па выкарыстанні творчага патэнцыялу інтэлігенцыі дала пра-

мова прэзідэнта Польшчы Б. Берута на адкрыцці радыёстанцыі ва Уроцлаве 16 лістапада 1947 г. Ён адзначыў, што раней інтэлігенцыя «была адзелена непрабываемым мурам ад шырокіх народных мас, якія стварылі матэрыяльны падмурак для навукі, культуры і мастацтва, а цяпер творца, які фарміруе духоўную спадчыну жыцця народа, павінен унікаць у працоўны пульс народных мас, у іх жаданні і запатрабаванні, чэрпаць з хваляванняў і перажыванняў людзей творчае натхненне для ўласных намаганняў, галоўнай мэтай якіх павінна быць паляпшэнне ўзроўню жыцця народа» (цыт. па [7, с. 14]). Важнай умовай умацавання сувязей інтэлігенцыі з народам, па меркаванні Б. Берута, павінна была выступаць планавая работа ў галіне культуры і мастацтва [15, с. 90].

Выказаныя прэзідэнтам Польшчы ідэі былі развіты праз некалькі дзён намеснікам міністра культуры і мастацтва У. Сакорскім на 3-м з'ездзе Прафсаюза польскіх пісьменнікаў¹⁰. Ён адзначыў, што ў пасляваеннай краіне новая літаратура нараджаецца з цяжкасцямі па прычыне адсутнасці плана і партыйнага кантролю, а таму «задачай арганізатараў сучаснага жыцця ў Польшчы з'яўляецца дапамога пісьменніку ўбачыць сваю трагічную адзіноту на шляху адыходу ў мінулае» (цыт. па [14, с. 153]). Пад мінулым разумеліся творчыя падыходы, ідэі і канцэпцыі, якія дамінавалі ў міжваенны перыяд, а ў новых умовах былі аб'яднаны паняццем «фармалізм» і сталі аб'ектам барацьбы ўлад.

Адным з напрамкаў дзейнасці па выцясненні буржуазных перажыткаў і будаўніцтве новай культуры можна лічыць дыскусіі ў перыядычных выданнях. У другой палове 1948 г. у падобных публікацыях актыўна абмяркоўвалася пытанне наконт такога творчага метаду, як сацыялістычны рэалізм, выказваліся думкі аб неабходнасці барацьбы з касмапалітызмам і пакланеннем перад заходняй культурай, а таксама гучалі заклікі звярнуцца да савецкага вопыту ў галіне культуры [16, с. 54]. Той факт, што ў дыскусіях прымалі ўдзел асобы, цесна звязаныя з ПРП (С. Жулкеўскі, У. Сакорскі, Я. Котт), сведчыць аб праграмнасці выказванняў, аб тым, што гэта быў не прасты абмен меркаваннямі.

Адначасова са спробамі надаць новы сэнс мастацкай творчасці (перш за ўсё літаратуры) і ідэалагічна перавыхаваць старую інтэлігенцыю адбывалася падрыхтоўка маладых кадраў. Меркавалася, што творцы, выхаваныя ў духу марксісцка-ленінскай ідэалогіі,

⁶Hass L. Inteligencja polska 1945–1980: postawy i zachowania. S. 73–74.

⁷Цензура ўсіх публікацый першапачаткова ажыццяўляла створанае ў 1944 г. Ведамства інфармацыі і прапаганды. Праз некаторы час, 5 ліпеня 1946 г., было створана Галоўнае ўпраўленне кантролю прэсы, публікацый і відэаішчаў. (Dekret z dnia 5 lipca 1946 r. o utworzeniu Głównego Urzędu Kontroli Prasy, Publikacji i Widowisk [Zasoby elektroniczne] // Dz. Ustaw. 1946. No. 34, poz. 210. S. 379. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19460340210> (data odwołania: 28.07.2023).)

⁸Козік Л. А. Парламенцкія выбары 19 студзеня 1947 г. у палітычнай гісторыі Польшчы другой паловы 40-х гг. // Росийские и славянские исследования : сб. науч. ст. Вып. 1. Минск : БГУ, 2004. С. 233–241.

⁹Archiwum ruchu robotniczego. T. 7. S. 256, 262–264.

¹⁰Прафсаюз польскіх пісьменнікаў быў створаны ў 1920 г., але ў гады Другой сусветнай вайны яго праца спынілася. Дзейнасць арганізацыі была адноўлена ў верасні 1944 г. на вызваленай тэрыторыі Польшчы, дзе ўлада належала Польскаму камітэту нацыянальнага вызвалення (ПКНВ). У 1947 г. прафсаюз налічваў 400 членаў і 260 кандыдатаў у члены [1, с. 10; 12, с. 7].

змогуць паступова выцесніць старыя кадры і стануць тымі інжынерамі чалавечых душ, якія дапамогуць сфарміраваць новы светапогляд насельніцтва [11, с. 94–95]. І такія спадзяванні мелі пад сабой аснову, бо ў першыя пасляваенныя гады ў Польшчы з’явілася маладое пакаленне пісьменнікаў, якія з энтузіязмам успрынялі перамены і выступілі за стварэнне новага, рэвалюцыйнага мастацтва. І хаця старэйшае пакаленне з лёгкай рукі паэта Ю. Пшыбася паблажліва ахрысціла маладых пісьменнікаў «прышчавымі», менавіта яны (Я. Котт, В. Варашыльскі, А. Важык і інш.) задавалі тон у часопісе «Кузня» («Kuźnica»), дзе выступалі з крытыкай даваеннай літаратуры [7, с. 32].

Задачи будаўніцтва сацыялістычнай культуры

У снежні 1948 г. у ідэйнай дэкларацыі навастворанай ПАРП былі акрэслены перспектывы будаўніцтва сацыялістычнага грамадства ў Польшчы. Адною з яго істотных праяў было названа разгортванне класавай барацьбы, складовай часткай якой выступала пераадоленне культурнай адсталасці насельніцтва. Дадзеную задачу планавалася здзейсніць шляхам выцяснення «са свядомасці народных мас перажыткаў старога ладу, эгаізму, дэмаралізацыі, цемнаты, забабонаў і перадурзятасці рознага роду», прывіцця масам сацыялістычнай свядомасці, выхавання іх у духу ахвярнасці ў імя Айчыны і «сапраўднага патрыятызму, які непадзельна звязаны з пралетарскім інтэрнацыяналізмам»¹¹.

У ідэйнай дэкларацыі ПАРП сцвярджалася, што на шляху развіцця сацыялістычнай культуры трэба пераняць «вялікія дасягненні прагрэсіўных твораў усіх галін польскай культуры... звярнуцца да прагрэсіўных, гуманістычных і дэмакратычных традыцый польскай культуры, выкарыстаць вопыт тых перыядаў развіцця народнай культуры, якія былі непарыўна звязаны з барацьбой прагрэсіўных сіл польскага народа супраць рэакцыі»¹². Адначасова з гэтым падкрэслівалася неабходнасць перамагчы «ў народнай культуры ўсялякі ўплыў рэакцыйных элементаў», заяўлялася, што новая культура, навука і мастацтва павінны быць звязаны з памкненнямі народных мас і «адлюстроўваць іх прагненні, выходзяць народ у духу гуманізму, дэмакратыі, сацыялізму»¹³.

На думку расійскага даследчыка Р. Р. Юсупава, першым практычным крокам па выхаванні новага пакалення інтэлігенцыі выступае семінар для маладых празаікаў і паэтаў, адмыслова арганізаваны ЦК ПАРП у Небарове ў лютым 1948 г. На мерапрыемстве выступілі прадстаўнікі як літаратурнай «левіцы» (Я. Івашкевіч, С. Жулкеўскі, Я. Котт, А. Ват і інш.), так і авангарда (Р. Братны, В. Варашыльскі, Т. Бароўскі і інш.), якія заклікалі да партыйнасці літаратуры [12, с. 8]. Практыка правядзення падобных сустрэч працягвалася і ў наступныя гады, напрыклад у выглядзе з’ездаў маладых пісьменнікаў [9, с. 146].

Задачами па фарміраванні сацыялістычнай культуры ў Польшчы былі названы поўная ліквідацыя непісьменнасці, развіццё вышэйшай адукацыі, выхаванне новых настаўніцкіх кадраў і паляпшэнне іх становішча, павышэнне ідэалагічнага ўзроўню адукацыі і насычэнне яе марксісцка-ленінскімі ідэямі, умацаванне сувязі дзеячаў навукі і культуры з народнымі масамі, стварэнне шырокай сеткі культурных устаноў у гарадах і вёсках, забеспячэнне доступу насельніцтва да ўсіх культурных дасягненняў і актыўны ўдзел народных мас у будаўніцтве новай культуры¹⁴. Кантроль за выкананнем гэтых задач ажыццяўляла кіраўніцтва ПАРП, а адказным за справы ў галіне культуры і ідэалогіі быў член Палітбюро ЦК ПАРП Я. Берман [17, с. 350]. Улічваючы той факт, што пасля вайны асноўным сродкам фарміравання грамадскай думкі было слова ў шырокім яго разуменні, то менавіта пісьменнікі – інжынеры чалавечых душ – павінны былі стварыць новую сацыялістычную культуру і новы светапогляд насельніцтва.

Да канца 1940-х гг. намаганнямі польскіх улад у краіне была адкрыта вялікая колькасць культурных устаноў, акрамя таго, былі забяспечаны тэхнічныя магчымасці для культурнага выхавання насельніцтва¹⁵. Пад кантроль дзяржавы перайшла праца сродкаў масавай інфармацыі, а таксама выдавецкая справа [10, с. 16].

З 1949 г. дзейнасць прыватных выдавецтваў і друкарня была абмежавана. Савет міністраў Польшчы 21 верасня 1949 г. апублікаваў распараджэнне, якое

¹¹ Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku. T. 5. Lata 1945 – 1956 / ed.: A. Koseski [i in.]. Pułtusk : Wyz. Szk. Humanist. im. Aleksandra Gieysztora, 2003. S. 203–204.

¹² Ibid. S. 205. Польскі даследчык Т. Шарота адзначаў, што ў першыя пасляваенныя гады ўлады Польшчы выкарыстоўвалі савецкі досвед культурных пераўтварэнняў і актыўна звярталіся да польскіх і сусветных класічных твораў. Гэта знайшло адлюстраванне ў выданні прац класікаў польскай літаратуры. Прымальнымі лічыліся творы эпохі пазітывізму і асветы, больш асцярожна ставіліся да твораў эпохі рамантызму, аднак гэта не перашкаджала выдаваць творы А. Міцкевіча. (Szarota T. Historia kultury Polski Ludowej [Zasoby elektroniczne] // Dzieje Najnow. 1970. Roczn. 2, No. 3. S. 145. URL: http://rcin.org.pl/Content/49677/PDF/WA303_67765_A507-DN-R-2-3_Szarota.pdf (data odwołania: 10.05.2023).)

¹³ Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku. T. 5. S. 205.

¹⁴ Ibid. S. 205.

¹⁵ Szarota T. Historia kultury Polski Ludowej. S. 145.

прадугледжвала атрыманне дзяржаўнай канцэсіі на выдавецкую справу¹⁶. Аднак гэта было толькі першым крокам. Уся друкаваная прадукцыя павінна была атрымаць дазвол Галоўнага ўпраўлення кантролю прэсы, публікацый і відовішчаў. Выдавецтвам трэба было выконваць шэраг фармальных прадпісанняў. І нават пасля гэтага дзяржава магла адмовіць ім у выдзяленні паперы [18, s. 41]. Праблемы назіраліся і з распаўсюджаннем друкаванай прадукцыі, бо створанае ў студзені 1950 г. дзяржаўнае прадпрыемства «Дом кнігі» атрымала выключнае права на аптovy продаж выданняў. Больш за тое, у яго падпарадкаванні перайшло каля 100 прыватных кнігарань [15, s. 131]. Далейшым крокам па пашырэнні

кантролю за вытворчасцю і распаўсюджаннем друкаванай прадукцыі стала стварэнне ў жніўні 1951 г. Цэнтральнага праўлення выдавецтваў, паліграфічнай вытворчасці і кнігарань [15, s. 157]. У гэтых умовах магчымасці пісьменнікаў рыхтаваць да друку свае творы ў прыватных выдавецтвах і захоўваць творчую незалежнасць скарачаліся, што адбівалася на іх матэрыяльным становішчы. Прадстаўнікі інтэлігенцыі былі вымушаны шукаць іншую працу альбо ісці на супрацоўніцтва з уладамі і выконваць іх патрабаванні да пісьменніцкай дзейнасці. Такім чынам, у канцы 1940-х – пачатку 1950-х гг. дзяржава мела шырокія магчымасці для ўплыву на творчае асяроддзе і выкарыстанне яго патэнцыялу.

Задачы пісьменнікаў у фарміраванні сацыялістычнай культуры

Фарміраванне сацыялістычнай культуры, як і прывядзенне індустрыялізацыі і калектывізацыі, пачалося ў краіне з 1949 г. ПАРП узяла пад кантроль дзейнасць пісьменнікаў і пачала вызначаць напрамак іх творчасці. У сваёй культурнай палітыцы польскае кіраўніцтва выкарыстоўвала досвед СССР (напрыклад, у рэзалюцыі ЦК УКП(б) «Аб палітыцы партыі ў галіне мастацкай літаратуры» (1925) была зафіксавана ключавая роля партыі ў вырашэнні ўсіх пытанняў, нават у выбары формы і зместу літаратурных твораў [19, с. 9]).

Практычным крокам па ажыццяўленні кантролю за развіццём культуры ў Польшчы стала стварэнне творчых саюзаў¹⁷. У студзені 1949 г. на 4-м агульным з'ездзе Прафсаюза польскіх пісьменнікаў, які праходзіў у г. Шчэціне, арганізацыя атрымала назву «Саюз польскіх пісьменнікаў». З падпарадкавання Цэнтральнай камісіі прафсаюзаў аб'яднанне перайшло пад кантроль Міністэрства культуры і мастацтва і аддзела культуры ЦК ПАРП [10, s. 75; 20, s. 44]. Як гаварыў старшыня СПП Л. Кручкоўскі, саюз, абапіраючыся «на свой партыйны актыў, марксісцка-ленінскую тэорыю, павінен стаць арганізатарам грамадскай свядомасці пісьменнікаў... іх калектывізацыі даказнасці за ўсе

з'явы ў пісьменніцкім асяроддзі» (цыт. па [20, s. 44]). На з'ездзе былі агучаны і патрабаванні дзяржаўных органаў да творчасці пісьменнікаў. Так, намеснік міністра культуры і мастацтва У. Сакорскі заявіў, што «не існуе ніякай творчасці па-за часам і па-за прасторай сваёй эпохі... як не існуе нейтральнай пазіцыі пісьменніка» (цыт. па [15, s. 112–113]). Гэту думку развіў член ЦК ПАРП, дырэктар Інстытута літаратурных даследаванняў Польскай акадэміі навук С. Жулкеўскі. Характарызуючы актуальныя задачы польскай прозы, ён адзначыў, што якасць твораў трэба правяраць адказам на пытанне: «Што зроблена для пабудовы сацыялізму ў Польшчы і як проза духоўна ўзбагаціла будаўнікоў сацыялізму?» (цыт. па [15, s. 113]). Працягам такіх разважанняў стала заява У. Сакорскага (якую падтрымалі пісьменнікі – члены ПАРП) аб неабходнасці выкарыстання метаду сацыялістычнага рэалізму¹⁸. Да прысутных на з'ездзе пісьменнікаў былі даведзены наступныя патрабаванні да творчасці: поўнае ангажыраванне чытача ў справы сацыялістычнага будаўніцтва, паказ у літаратуры сацыяльнага авансу новага чалавека, які расце адначасова з перабудовай краіны, а таксама засваенне ведаў аб развіцці грамадства [15, s. 113].

¹⁶Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 21 września 1949 r. w sprawie koncesjonowania przedsiębiorstw wydawniczych książek i druków nieperiodycznych [Zasoby elektroniczne] // Dz. Ustaw. 1949. No. 53, poz. 407. S. 1025. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19490530407/O/D19490407.pdf> (data odwołania: 28.04.2023). На падставе дадзенага дакумента Галоўнае ўпраўленне кантролю прэсы, публікацый і відовішчаў 8 лістапада 1949 г. апублікавала цыркуляр, у якім адзначалася, што недзяржаўныя выдавецтвы павінны да 14 лістапада 1949 г. падаць заяву на атрыманне канцэсіі. Калі гэта не будзе зроблена альбо не будзе атрыманы дазвол Міністэрства ўнутраных спраў, выдавецтва павінна спыніць сваю дзейнасць. (Arch. Państwowe w Rzeszowie. Woj. Urząd Kontroli Prasy, Publ. i Widowisk. Sygn. 59/47/0/3.2/88. K. 33. Warszawa, 8.11.1949 (Okolnik No. 5 Głównego Urzędu Kontroli Prasy, Publikacji i Widowisk) [Zasoby elektroniczne]. URL: <https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/19979618> (data odwołania: 24.04.2023).)

¹⁷У дадзеным выпадку ўзорам можна лічыць таксама СССР, дзе з канца 1920-х гг. адбывалася ліквідацыя творчых аб'яднанняў, а ў 1932 г. быў створаны Саюз пісьменнікаў СССР [19, с. 10–14].

¹⁸Сярод даследчыкаў няма адзінага меркавання аб тым, калі ў Польшчы ў якасці асноўнага творчага метаду быў вызначаны сацыялістычны рэалізм. Адно гісторыкі лічаць, што гэта адбылося на з'ездзе СПП у Шчэціне ў 1949 г., а пазней, у 1950 г., на варшаўскім з'ездзе СПП яго рысы былі канкрэтызаваны [7, s. 15]. Іншыя даследчыкі адзначаюць, што ў 1949 г. сацыялістычны рэалізм не быў заяўлены як абавязковы метад. Сваю пазіцыю яны аргументуюць тым, што згадак пра яго няма ні ў рэзалюцыі, ні ў іншых прынятых дакументах, хаця гэта пытанне ўзнімалася як у дакладах, так і ў дыскусіях, таму пачаткам насаджэння сацыялістычнага рэалізму трэба лічыць 1950 г., калі сутнасць метаду была выразна сфармулявана на 5-м з'ездзе СПП у Варшаве [10, s. 76].

Абавязковымі тэмамі польскай прозы станавіліся левае падполле ў гады Другой сусветнай вайны, адраджэнне Польшчы пры новай уладзе і роля ў гэтым партыі, класавая барацьба ў вёсцы, а таксама барацьба за мір [12, с. 10].

З 1949 г. актывізавалася і ідэалагічная работа ўлад з творчай інтэлігенцыяй. Кіраўніцтва ПАРП арганізавала знаёмства пісьменнікаў з марксізмам як вучэннем, якое раскрывае развіццё грамадства на шляху да сацыялістычнага будаўніцтва. На пасяджэнні партыйных пісьменнікаў 14 студзеня 1949 г. Я. Берман адзначыў, што пісьменнікі павінны актыўна будаваць сацыялізм, а іх творчасць павінна быць адлюстраваннем палітыкі [17, с. 360]. З мэтай рэалізацыі гэтай ідэі было прынята рашэнне аб арганізацыі ідэалагічнага ўплыву на творчае асяроддзе. Адметную ролю ў дадзеным працэсе павінны былі адыграць пісьменнікі – члены ПАРП¹⁹. Меркавалася, што яны змогуць уздзейнічаць на калег і звярнуць іх да сацыялістычных канонаў творчасці. З гэтай мэтай для беспартыйных пісьменнікаў былі арганізаваны адмысловыя курсы, іх запрашалі на партыйныя сходы, дзе абмяркоўваліся актуальныя праблемы літаратуры ці палітычныя падзеі. Паступова расла колькасць членаў партыі і кандыдатаў у члены партыі. Калі да канца 1951 г. з 422 членаў СПП 99 уваходзілі ў ПАРП, то ў чэрвені 1954 г. з 711 членаў СПП 216 уваходзілі ў ПАРП [1, с. 210; 11, с. 182; 15, с. 146; 21, с. 147–149].

На рэспубліканскай канферэнцыі партыйнага актыву работнікаў культуры і мастацтва ў маі 1949 г. Я. Берман адзначыў, што ў актуальных умовах ідэалагічнай барацьбы істотным чынам узрасла «роля літаратуры і мастацтва як форм ідэалагічнага фарміравання новага чалавека», і падкрэсліў, што «без уключэння літаратуры і мастацтва ў барацьбу за сацыялізм не атрымаецца змяніць свядомасць людзей»²⁰. У якасці бліжэйшых перспектыву развіцця

грамадства ён назваў максімальнае распаўсюджанне культуры і напаўненне яе новым зместам. Акрамя таго, Я. Берман падкрэсліў, што калі інстытуцыянальныя ўмовы для гэтага стварыла дзяржава²¹, то забеспячэнне бібліятэк і іншых культурных устаноў выданнямі на актуальную тэматыку залежыць ад творчага патэнцыялу пісьменнікаў²².

Больш дэтальна праблему новага зместу ў польскай літаратуры акрэсліў У. Сакорскі, які адзначыў, што ў апошні час назіраецца «дыспрапорцыя паміж запатрабаваннямі грамадства на творчасць і яе эфектыўнай прадукцыяй». На яго думку, прычына гэтага заключаецца ў тым, што творчая інтэлігенцыя ніяк не адмовіцца ад свайго стаўлення да «такіх важных пытанняў, як фармалізм і касмапалітызм у мастацтве, абстракцыянізм і экзістэнцыялізм у філасофіі бачання жыцця», больш таго, яна пазбягае «тэматыкі, якая датычыцца новых сацыялістычных канфліктаў», цікавіцца «маргінальнымі сенсацыямі жыцця, якія трактуюцца як пазачасавыя і агульныя для грамадства», і звяртаецца да псіхалагізму, што ў сукупнасці выступае праявай фармалізму, «варожага сацыялістычнай свядомасці»²³. Такім чынам, У. Сакорскі падводзіў да высновы: калі пісьменнік прытрымліваецца ў сваёй творчасці фармалізму, то ён выступае прыхільнікам амерыканскага імперыялізму, «не верыць у сацыяльныя рэформы, пабудову лепшага, справядлівага свету, жыццёвыя сілы свайго народа» і яго будучыню²⁴.

У якасці прагрэсіўнай альтэрнатывы такому падыходу прапаноўваўся сацыялістычны рэалізм – «наватарскі творчы метада», які, па меркаванні Я. Бермана, «закладае індывідуальную афарбоўку ў творчасці кожнага пісьменніка», дае яму «поўную свабоду як у выбары тэматыкі, так і ў выбары праблематыкі, калі гэта з'яўляецца ўнёскам у пабудову новага жыцця і новага чалавека»²⁵.

¹⁹У снежні 1948 г. пісьменнікі – члены ПАРП (17 чалавек) і Польскай сацыялістычнай партыі (11 чалавек) аб'ядналіся ў адну арганізацыю як члены ПАРП. У красавіку 1950 г. кіраўніцтва ПАРП, жадаючы мець моцны фактар уплыву ў СПП, вырашыла, што пісьменнікі павінны стварыць явярвічную партыйную арганізацыю пры галоўным праўленні аб'яднання. Тыя творцы, якія жылі па-за межамі Варшавы, станавіліся членамі партыйнай арганізацыі пры рэгіянальных аддзяленнях СПП. (*Jarosz D. Działalność Podstawowej Organizacji Partyjnej PZPR przy Zarządzie Głównym Związku Literatów Polskich w latach 1949–1953: w świetle akt własnych [Zasoby elektroniczne] // Mazowieckie Studia Humanistyczne. 1999. Nr 5/1. S. 5–45. URL: https://bazhum.muzhp.pl/media/files/Mazowieckie_Studia_Humanistyczne/Mazowieckie_Studia_Humanistyczne-r1999-t5-n1/Mazowieckie_Studia_Humanistyczne-r1999-t5-n1-s5-45/Mazowieckie_Studia_Humanistyczne-r1999-t5-n1-s5-45.pdf (data odwołania: 24.06.2023).*)

²⁰Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku. T. 5. S. 210.

²¹Калі ў 1946 г. у Польшчы існавала 943 бібліятэкі (з улікам філіялаў), то ў 1950 г. іх колькасць вырасла да 4193, да якіх трэба дадаць 18100 бібліятэчных пунктаў. Іх сукупны кніжны фонд складаў 10,4 млн тамоў. За 1946–1950 г. павялічылася і колькасць выдадзеных кніг і брашур (з 3254 да 4611 друкаваных адзінак), а аб'ём тыражу вырас з 38,9 млн экз. да 118,9 млн экз. (Польша в цифрах. 1944–1961. Варшава : Центр. стат. упр. Пол. Нар. Респ., 1961. С. 89.)

²²У польскіх даследаваннях адзначаецца, што за 1949–1953 гг. з бібліятэк былі выдалены 2,5 тыс. найменняў кніг. Яны былі прызнаны шкоднымі, а таму былі накіраваны на пераапрацоўку ў якасці макулатуры. (*Zajkowska J. Pisarz versus historia. Recesja twórczości Artura Gruszeckiego w PRL-u (rekonesans) // Biahostockie Studia Literaturoznawcze. 2019. No. 14. S. 51. DOI: 10.15290/bsl.2019.14.04.*) Можна меркаваць, што месца гэтых кніг павінна была заняць новая літаратура, якая б адказвала запатрабаванням улад. Такім чынам справа напаўнення бібліятэк вырашалася б тэхнічна – праз павелічэнне накладаў і колькасці аўтараў.

²³Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku. T. 5. S. 211. (У выступленні У. Сакорскага акцэнт быў зроблены не столькі на даваеннай творчасці пісьменнікаў, колькі на працягу імі ранейшых традыцый. Не апошнюю ролю ў крытыцы пісьменнікаў адыграў той факт, што ў канцы 1940-х гг. папулярнасцю сярод насельніцтва карысталіся перш за ўсё творы польскіх класікаў і так званая лёгкая літаратура, што не адпавядала інтарэсам улад [18, с. 32].)

²⁴Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku. T. 5. S. 211.

²⁵Ibid. S. 212.

Па словах аднаго з ідэолагаў культурнай рэвалюцыі С. Жулкеўскага, «літаратурны твор павінен быць прайвай ідэалагічнай дзейнасці» (цыт. па [17, s. 363]). У сувязі з гэтым былі сфармуляваны патрабаванні і да новых, прагрэсіўных мастацкіх твораў. З'явы ў іх павінны паказвацца «ў працэсе іх дыялектычнага развіцця», крытыку мінулага трэба асвятляць не проста з пункту гледжання распаду капіталізму, а з пункту гледжання яго прычын і наступстваў, заняпаду (і адначасова з паказам прагрэсіўнасці сацыялістычнага жыцця). Письменнікі павінны адлюстроўваць барацьбу старога з новым, а таксама паказваць прыстойнага чалавека, які робіць усё для будаўніцтва сацыялістычнай Айчыны. Былі патрабаванні і да вобраза новага героя – чалавека, які адказна ставіцца «да працы, ідэй міжнароднага братэрства, сяброўства з СССР, патрыятызму, партыі, барацьбы за новы, лепшы свет»²⁶.

Кіраўніцтва Польшчы лічыла, што письменнікі павінны «ўсведамляць веліч свайго паклікання», быць упэўненымі ў правільнасці сацыялістычнага рэалізму, разумець яго глыбінную сутнасць, таму неабходна забяспечыць цесны кантакт інтэлігенцыі з народам, наблізіць мастацтва да народных мас²⁷. Так, 27 кастрычніка 1951 г. на партыйнай нарадзе, прысвечанай мастацкай творчасці, Я. Берман адзначаў, што творца павінен уважліва назіраць за грамадскімі падзеямі, адказваць на грамадскія запатрабаванні, быць удзельнікам барацьбы за пабудову сацыялізму. На думку палітычнага дзеяча, сучасны письменнік – гэта той, хто піша новыя творы і адначасова з'яўляецца прапагандыстам новага ладу [17, s. 363]. Такім чынам, праз свае мастацкія творы письменнікі павінны выходзіць насельніцтва ў духу сацыялізму і прапагандаваць перамены ў грамадстве.

Можна заўважыць, што такая лінія польскіх улад у развіцці сацыялістычнай літаратуры мае адсылку да заяў А. А. Жданова на I Усеаюзным з'ездзе савецкіх письменнікаў (1934). Выступаючы перад прысутнымі, ён так апісаў абавязкі письменнікаў як інжынераў чалавечых душ: «...ведаць жыццё, каб умець яго праўдзіва адлюстраваць у мастацкіх творах, адлю-

страваць... рэчаіснасць у яе рэвалюцыйным развіцці. Пры гэтым праўдзінасць і гістарычная канкрэтнасць мастацкага твора павінны адказваць задачам ідэйнага перавыхавання працоўных людзей у духу сацыялізму»²⁸.

Актыўны ўплыў дзяржаўна-партыйных органаў на дзейнасць творчай інтэлігенцыі не прынес чаканых вынікаў. Частка пісьменнікаў не пажадалі пісаць пра сучаснасць у зададзеным уладамі накірунку²⁹, а творы тых пісьменнікаў, якія згаджаліся на гэта, не заўсёды адпавядалі чаканням партыі. Каб выправіць сітуацыю, праводзіліся сходы пярвочнай партыйнай арганізацыі пісьменнікаў, а таксама творчых секцый³⁰. На іх абмяркоўваліся літаратурныя творы і пазіцыя асобных пісьменнікаў, праводзілася асветніцкая работа па напісанні твораў у адпаведнасці з патрабаваннямі сацыялістычнага рэалізму. Наведванне такіх мерапрыемстваў лічылася абавязковым для членаў СПП³¹ [5, s. 108–109; 9, s. 175; 15, s. 154, 165–166, 167, 168, 172, 173, 180; 21, s. 151].

У канцы 1940-х – пачатку 1950-х гг. перагляду і крытыцы была падвергнута творчаць пісьменнікаў першых пасляваенных гадоў. Іх абвінавачвалі як у недастатковай ідэйнасці, так і ў спробах стварыць рэвалюцыйнае мастацтва, якое было заснавана на асаблівым падыходзе да марксізму³². У гэтых умовах распаўсюджанай у пісьменніцкім асяроддзі з'явай стала выступленне з самакрытыкай [9, s. 127, 129; 21, s. 156–157]. Згаданыя працэсы былі абумоўлены рэпрэсіямі і выключэннямі з СПП (у 1950 г. былі выключаны 20 % пісьменнікаў ад агульнай колькасці членаў аб'яднання). Дарэчы, крытэрыі прыналежнасці да СПП былі вызначаны на варшаўскім з'ездзе аб'яднання ў чэрвені 1950 г. і ўключалі ацэнку даваенных і сучасных творчых дасягненняў пісьменніка, а таксама яго ўдзел у працы творчых секцый [5, s. 105–106, 108; 12, с. 10; 20, s. 45]. Можна меркаваць, што дадатковай падставай для выключэння з СПП стала і ўнясенне ў яго статут у 1950 г. палажэння аб тым, што члены аб'яднання павінны складаць «перадавы аддзел работнікаў культуры народнай дзяржавы, дзяржавы, якая будзе сацыя-

²⁶Zródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku. T. 5. S. 213.

²⁷Ibid. S. 213–215.

²⁸Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934 : стеногр. отчет / сост. С. С. Лесновский. М. : Совет писателей, 1990. С. 6.

²⁹Сярод такіх былі С. Дыгат, В. Жукроўскі, А. Рудніцкі, М. Прамінскі, А. Сандаўэр, П. Хэрц, Т. Бароўскі і інш. Некаторыя даследчыкі ўвогуле называюць пачатак 1950-х гг. эпохай маўчання [12, с. 11]. Польскі гісторык Д. Яраш адзначае, што спробы партыйных пісьменнікаў правесці выхаваўчую працу з П. Хэрцам былі няпростымі. Аднойчы апошні заявіў: «Не магу... сцвярджаць, што ідэі сацыялістычнага рэалізму нельга прыняць. <...> Не магу пагадзіцца з тым, што негатыўна стаўлюся да метадаў сацыялістычнага рэалізму. Дрэнна стаўлюся да вынікаў». А на пытанне аб тым, ці душыць яго партыя, П. Хэрц адказаў: «Як чалавека – не. Як пісьменніка – душыць» [21, s. 167].

³⁰Рашэнне аб стварэнні творчых секцый СПП (прозы, паэзіі, драмы, сатыры, перакладу, літаратуры для дзяцей і моладзі) было прынята ў кастрычніку 1950 г. з мэтай «удасканалення рамяства і ідэалагічнага фарміравання» [15, s. 145].

³¹Членства ў СПП дала пісьменнікам магчымасць выдаваць творы, атрымліваць дзяржаўную стыпендыю, мець пэўныя прывілеі (уласнае жыллё, аўтамабіль, абслугоўванне ў спецыяльных крамах і сталовых, адпачынак у дамах творчасці і г. д.). Выключэнне з СПП разглядалася ўладамі як сродак уздзеяння на творчых дзеячаў, якія не згаджаюцца пісаць на актуальную тэматыку.

³²Гэта датычылася маладых пісьменнікаў, якія выступалі за стварэнне новага, рэвалюцыйнага мастацтва, а таксама тых, хто супрацоўнічаў з часопісам «Адраджэнне» («Odrodzenie»). Доўгі час рэдакцыя гэтага выдання праводзіла ідэі «лагоднай рэвалюцыі», прапанаванай адным з пасляваенных ідэолагаў Е. Барэйшам. Пад уплывам крытыкі рэдакцыйнай палітыкі часопісы «Кузня» і «Адраджэнне» былі ліквідаваны ў 1950 г., а іх нішу ў літаратурнай перыядыцы заняў часопіс «Новая культура» («Nowa kultura»).

лізм» (цыт. па [20, s. 45]). Да ліку такіх складана было аднесці, напрыклад, каталіцкіх пісьменнікаў.

Далёка не ўсе пісьменнікі пагаджаліся з навязанай ім роляй прапагандыстаў сацыялістычнага светапогляду. Адны з іх свядома пераходзілі ў публіцыстыку, іншыя не пісалі і не прымалі ўдзелу ў публічным жыцці [7, s. 126, 135, 140–141, 144]. Былі і тыя, хто выбраў эміграцыю. Яскравым прыкладам выступае паэт Ч. Мілаш, які ў маі 1951 г. заявіў аб нежаданні вяртацца ў Польшчу і папрасіў палітычны прытулак у Францыі³³ [9, s. 179]. У часопісе «Культура» («Kultura»), выданне якога ажыццяўляў Літаратурны інстытут у Парыжы, Ч. Мілаш патлумачыў, што зрабіў гэта ў той момант, калі «перайманне савецкіх узораў стала ў Польшчы абавязковым для пісьменнікаў»³⁴.

Варта прызнаць, што ў адносінах да творчых дзеячаў улады выкарыстоўвалі тактыку бізун і перніка. З аднаго боку, яны патрабавалі ад інтэлігенцыі напісання твораў на зададзеную тэматыку ў лепшых традыцыях сацыялістычнага рэалізму, а з другога – заахвочвалі яе шляхам прызначэння дзяржаўных узнагарод, правядзення творчых конкурсаў і г. д. Рашэнне аб прызначэнні дзяржаўных узнагарод упершыню было прынята польскім урадам у 1949 г. і прымеркавана да 22 ліпеня (дата стварэння ПКНВ у 1944 г.). У тым жа годзе быў абвешчаны і конкурс твораў, прысвечаных грамадска-палітычным і сацыяльна-эканамічным пераменам у Польшчы³⁵ [15, s. 120, 125; 17, s. 359].

Крытыка папярэдняй творчасці, ідэалагічныя ўстаноўкі і матэрыяльнае заахвочванне з боку ўлад не давалі выніку ў выглядзе новых, запатрабаваных чытачом твораў. Не апошняю ролю ў гэтым адыгрывала і цензура. На падставе архіўных дакументаў польскі даследчык К. Будроўска вызначыла, што з канца 1940-х гг. задачай Галоўнага ўпраўлення кантролю прэсы, публікацый і відовішчаў была барацьба з касмапалітызмам, каталіцызмам, недаацэнкай дасягненняў Польшчы і СССР, захапленнем Захадам, а таксама з перабольшваннем недахопаў у пасляваенным развіцці краіны. Паступова спіс таго, што трэба перафразавать, скараціць, выкрэсліць альбо дадаткова патлумачыць, павялічваўся [18, s. 32–34]. Менавіта цензар даваў дазвол на публікацыю, а таксама вызначаў актуальнасць тэматыкі і праблематыкі кнігі, яе

ідэалагічнае і грамадска-выхаваўчае значэнне. У выпадку перавыдання твора цензар не толькі ўказваў на ўмовы абнаўлення выдання (са зменаю ці без іх), але і даваў заключэнне наконт таго, ці падыходзіць кніга для школьных і публічных бібліятэк³⁶. Усё гэта істотна ўскладняла працу пісьменнікаў. Часам іх не ратавала і аўтацензура.

У 1950 г. члены ПАРП, адказныя за культуру, прапанавалі ідэю арганізаваць выезд пісьменнікаў у вёскі і на прадпрыемствы з мэтай паказаць ім жыццё простых людзей. Такія паездкі дазвалялі ацаніць маштаб сацыялістычных пераўтварэнняў у краіне. Аднак з 200 пісьменнікаў, якія выказалі жаданне паўдзельнічаць у такой акцыі, паехалі толькі 80. Па выніках адной з такіх паездак А. Браўн, А. Мандальян і В. Варашыльскі нават падрыхтавалі твор «Вясна шасцігодкі»³⁷. Аднак для большасці пісьменнікаў убачанае не стала натхненнем для напісання прац на вытворчую тэматыку [9, s. 130, 131, 148; 15, 162].

Літаратурнае пытанне разглядалася і на варшаўскім з'ездзе СПП у чэрвені 1950 г. Перш за ўсё былі канкрэтызаваны рысы сацыялістычнага рэалізму: аптымізм, гуманізм, вялікая актуальнасць, паказ новага чалавека – будаўніка сацыялізму, а таксама партыйная пазіцыя пісьменнікаў, у тым ліку беспартыйных [9, s. 134]. Агульны тон прамоў і паводзін выступоўцаў выклікаў у частцы прысутных прыгнечанае ўражанне. Пісьменнік М. Дамброўская запісала ў дзённіку: «З'езд, відавочна, меў мала агульнага з літаратурай, можа, толькі тое, што быў чымсьці падобны да ўрачыстага пахавання літаратуры і пісьменнікаў на карысць пісак – памагатых урада ва ўзмацненні ладу. Гэта быў нават не палітычны з'езд, а з'езд паслушэнства»³⁸.

Нягледзячы на несур'эзнае ўспрыманне сацыялістычнага рэалізму, дзейнасць пісьменнікаў тым не менш стала важнай часткай культурнай палітыкі польскіх улад. Яна была абумоўлена рознымі фактарамі: шчырай верай у светлую будучыню, палітычнай сітуацыяй у краіне (рэпрэсіямі), насаджэннем марксісцка-ленінскай ідэалогіі і матэрыяльнай залежнасцю ад дзяржавы. Такія абставіны дазвалялі ўладам дыктаваць умовы творчым дзеячам. У студзені 1951 г. на пленарным пасяджэнні галоўнага праўлення СПП Е. Путрамент выразна акрэсліў задачу, якую партыя паставіла перад пісьменнікамі, –

³³Пасля вайны Ч. Мілаш працаваў на пасадзе аташэ па культуры ў польскай амбасадзе ў Вашынгтоне, а з восені 1950 г. – у польскай амбасадзе ў Францыі [9, s. 38, 182].

³⁴*Miłosz Cz. Nie* [Zasoby elektroniczne] // *Kultura*. 1951. No. 5 (43). S. 3. URL: <https://staticnowyportal.kulturaparyska.com/attachments/6a/b7/51ac27b26a3de3d145e69b3c32b114db46bde8df.pdf> (data odwołania: 28.04.2023).

³⁵Першую ўзнагароду атрымалі верш М. Яструна «Аповед пра першыя дні» і верш В. Варашыльскага «Ліпеньская справаздача», другую ўзнагароду – верш Т. Бароўскага «Быт вызначае свядомасць» і апавяданне У. Махейка «Айчына без параду» [15, s. 125].

³⁶*Arch. Państwowe w Rzeszowie. Woj. Urząd Kontroli Prasy, Publ. i Widowisk. Sygn. 59/47/0/3.2/27. K. 33–34, 41–42.* Пісьменнік М. Дамброўская 14 мая 1950 г. адзначала: «Цензура мае тры фазы. Пасля ацэнкі рукапісу ставяць штамп “можна набіраць”. Набор ідзе другі раз да цензуры, каб атрымаць штамп “можна друкаваць”, пасля друку – трэці раз да цензуры, каб атрымаць штамп “можна распаўсюджваць”». (*Dąbrowska M. Dzienniki 1914–1965. T. 7. Rok 1950. Warszawa : Pol. Akademia Nauk, 2009. S. 65.*)

³⁷Выданне было прысвечана будаўніцтву прамысловых прадпрыемстваў у Польшчы ў межах рэалізацыі плана развіцця краіны на 1950–1955 гг.

³⁸*Dąbrowska M. Dzienniki 1914–1965. T. 7. S. 102.*

дапамагчы рабочаму класу выканаць шасцігадовы план гаспадарчага развіцця (1950–1955). Прадстаўнікам інтэлігенцыі нават былі раздадзены заданні, прычыну невыканання якіх у вызначаны тэрмін трэба было тлумачыць. Падставай нагадаць пісьменнікам пра іх абавязкі перад дзяржавай і грамадствам з’яўляліся таксама ўрачыстыя даты і мерапрыемствы, да якіх трэба было напісаць хвалебныя творы³⁹ [9, s. 167; 21, s. 169–170].

У кастрычніку 1951 г. на нарадзе, прысвечанай мастацкай творчасці, Я. Берман заклікаў пісьменнікаў не пагарджаць «роляй агітатара і прапагандыста», а максімальна наблізіцца да жыцця простых людзей, што дазволіць пазбегнуць схематызму ў літаратурных творах [15, s. 159–160]. Апошняя з’ява была настолькі актуальнай, што неаднаразова станавілася прадметам дыскусій у перыядычных выданнях. Яе ўдзельнікі ўскосна выказвалі незадаволенасць адміністрацыйнымі метадамі кіравання культурай і вузкім разуменнем сацыялістычнага рэалізму як спосабу прыхарошвання рэчаіснасці [10, s. 88]. Дадатковым эпізодам у крытыцы польскай літаратуры стала выступленне прафесара Акадэміі грамадскіх навук (Масква) А. Ф. Мяснікова на сходзе творчых секцый СПП у сакавіку 1952 г. Ён заявіў, што літаратура сацыялістычнага рэалізму не можа пазбягаць жыццёвых канфліктаў, а недахопам твораў, якія ў апошні час з’явіліся ў СССР, было «няправільнае меркаванне аб знікненні канфліктаў паміж добром і злом у савецкай рэчаіснасці і рашэнне толькі ўяўных канфліктаў паміж добрым і лепшым». А. Ф. Мяснікоў падкрэсліў, што трэ-

ба канцэнтравацца не толькі на вытворчых пытаннях у жыцці чалавека, але і на дэталях яго паўсядзённага асабістага жыцця, акрамя таго, варта надаваць значэнне форме літаратурнага твора [15, s. 167]. Фактычна ён даў польскім функцыянерам у сферы культуры сігнал таго, што неабходна больш шырока падыходзіць да разумення сацыялістычнага рэалізму ў творчасці.

Ужо ў снежні 1952 г. на пасяджэнні мастацкай рады пры Міністэрстве культуры і мастацтва Польскай Народнай Рэспублікі⁴⁰ было паднята пытанне аб неабходнасці больш гнуткай інтэрпрэтацыі сацыялістычнага рэалізму. Дадатковым фактарам перагляду ранейшых падыходаў стала выступленне берлінскага тэатра «Берлінер ансамбль» («Berliner Ensemble») з пастаноўкай твора Б. Брэхта «Мамаша Кураж і яе дзеці», якая істотным чынам адыходзіла ад канонаў сацыялістычнага мастацтва [1, s. 257; 15, s. 172–173]. Як адзначаюць польскія даследчыкі, менавіта ў снежні 1952 г. сталі заўважнымі першыя публічныя сумненні творчага асяроддзя ў правільнасці культурнай палітыкі партыі. Аднак выразную форму і масавы характар праяў яны набылі толькі ў 1953 г. Штуршком сталі падзеі ў СССР пасля смерці І. В. Сталіна і іх водгук у польскіх правячых колах. І хаця кіраўніцтва ПАРП не адмовілася ў гэты час ад сацыялістычнага рэалізму як асноўнага творчага метаду, самі пісьменнікі ўжо выйшлі за яго межы, заклікаючы да больш шырокага разумення рэалістычнага мастацтва [1, s. 257–258; 17, s. 375]. Можна лічыць, што 1953 г. стаў пэўным рубяжом у дзейнасці СПП па рэалізацыі культурнай палітыкі Польшчы.

Заклучэнне

У 1949 г. у Польшчы пачалося будаўніцтва сацыялізму па сталінскай мадэлі. У культурнай палітыцы ўлад гэта адлюстравалася ў арганізацыі дзейнасці па фарміраванні сацыялістычнай свядомасці насельніцтва. Важная роля ў рэалізацыі пастаўленай мэты адводзілася СПП, які аб’ядноўваў пісьменнікаў і адначасова задаваў напрамак іх творчасці. Перад членамі арганізацыі была пастаўлена задача стварыць літаратуру ў лепшых канонах сацыялістычнага рэалізму з апорай на савецкі досвед, а таксама данесці марксісцкія ідэі да шырокіх мас.

Адміністрацыйнае кіраванне творчым працэсам, навязванне пэўных канонаў у ацэнцы мастацкіх

твораў, умяшальніцтва цензуры і жорсткі кантроль за рэалізацыяй вызначаных партыйна-дзяржаўным кіраўніцтвам задач далі дваікі вынік. З аднаго боку, у канцы 1940-х – пачатку 1950-х гг. у Польшчы сталі з’яўляцца творы, прысвечаныя будаўніцтву сацыялізму і ролі ПРП (ПАРП) у гэтым працэсе. З другога боку, некаторыя пісьменнікі адмаўляліся працаваць у вызначаным зверху рэчышчы, пра што, праўда, не заяўлялі публічна. Адлюстраваннем іх пазіцыі выступалі адсутнасць твораў на зададзеную тэматыку, змена роду дзейнасці альбо эміграцыя.

Умяшальніцтва ў творчы працэс і спробы яго рэгламентацыі, пераважная арыентацыя на СССР

³⁹Да іх ліку можна аднесці Нацыянальнае свята адраджэння Польшчы, якое з 1945 г. адзначалася 22 ліпеня – у дзень абвяшчэння Маніфеста ПКНВ. Яно замяніла Дзень незалежнасці 11 лістапада. (Ustawa z dnia 22 lipca 1945 r. o ustanowieniu Narodowego Święta Odrodzenia Polski [Zasoby elektroniczne] // Dz. Ustaw. 1945. No. 32, poz. 194. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19450320194> (data odwołania: 14.05.2023).) Сярод іншых урачыстых падзей гэтага перыяду былі, напрыклад, 70-годдзе І. В. Сталіна, 60-годдзе першага сакратара ПАРП Б. Берута, 25-годдзе са дня смерці Ф. Дзяржынскага і інш. [8, s. 123–138; 9, s. 215–217; 15, s. 128, 129, 155, 168; 21, s. 170].

⁴⁰Мастацкая рада пры Міністэрстве культуры і мастацтва Польскай Рэспублікі была створана 30 студзеня 1952 г. У паўнамоцтвы рады ўваходзіла прыняцце рашэнняў аб асновах дзейнасці саюзаў і таварыстваў у сферы культурнай і мастацкай творчасці, прыём справаздач аб культурнай і мастацкай дзейнасці саюзаў і таварыстваў і ацэнка яе вынікаў, выказанне меркаванняў аб важнейшых культурных падзеях і інш. (Zarządzenie No. 24 Prezesa Rady Ministrów z dnia 30 stycznia 1952 r. w sprawie Rady Artystycznej przy Ministrze Kultury i Sztuki [Zasoby elektroniczne] // Prawo.pl. URL: <https://www.prawo.pl/akty/m-p-1952-a-14-168,16803606.html> (data odwołania: 10.05.2023).) У 1953 г. гэта ўстанова стала называцца радай культуры і мастацтва.

і адмаўленне дасягненняў заходняй культуры прывялі да зніжэння мастацкага ўзроўню польскай літаратуры. Распаўсюджанай з'явай у творчасці стаў схематызм, барацьба з якім пачалася ўжо ў 1951 г. У гэты перыяд так і не было напісана сапраўды значных мастацкіх твораў, якія вытрымалі выпрабаванне

часам. На зніжэнне ўзроўню літаратуры звярнулі ўвагу і самі пісьменнікі, якія пад уплывам падзей у СССР у 1953 г. і іх водгуку ў Польшчы пачалі крытычна ацэньваць культурную палітыку польскіх улад і фактычна сталі адыходзіць ад сацыялістычнага рэалізму.

Бібліяграфія

1. Fijałkowska B. *Polityka a twórcy (1948–1959)*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 1985. 571 s.
2. Trznadel J. *Hańba domowa. Rozmowy z pisarzami*. Lublin: Wydawnictwo «Test» & Zakłady Wydawnicze «Versus»; 1990. 338 s.
3. Trznadel J. *Hańba domowa. Rozmowy z pisarzami*. Wydanie nowe rozszerzone. Warszawa: Wydawnictwo ANTYK Marcin Dybowski; 2006. 434 s.
4. Urbankowski B. *Czerwona msza, czyli uśmiech Stalina*. Warszawa: Alfa; 1998. 2 tomy.
5. Czarnik OS. *Między dwoma Sierpniami. Polska kultura literacka w latach 1944–1980*. Warszawa: Wiedza Powszechna; 1993. 432 s.
6. Murzański S. *Między kompromisem a zdradą. Intelektualiści wobec przemocy 1945–1956*. Warszawa: VOLUMEN; 1993. 272 s.
7. Jarosiński Z. *Nadwiślański socrealizm*. Warszawa: Wydawnictwo IBL; 1999. 328 s.
8. Tomasiak W. *Inżynieria dusz. Literatura realizmu socjalistycznego w planie «propagandy monumentalnej»*. Wrocław: Wydawnictwo Leopoldinum; 1999. 219 s.
9. Bikont A, Szczęsna J. *Lawina i kamienia. Pisarze wobec komunizmu*. Warszawa: Prószyński i S-ka; 2006. 584 s.
10. Rokicki K. *Literaci. Relacje między literatami a władzami PRL w latach 1956–1970*. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu; 2011. 592 s.
11. Юсупов РР. *Власть и интеллигенция. Из истории Польши XX столетия (1918–1980 гг.)*. Казань: Издательство Казанского университета; 1996. 312 с.
12. Юсупов РР. *Из истории Союза польских писателей (1945–1980 годы)*. Казань: Гран Дан; 2002. 83 с.
13. Torańska T. *Oni*. Warszawa: Wydawnictwo ISKRY; 2004. 559 s.
14. Krasucki E. *Międzynarodowy komunista. Jerzy Borejsza. Biografia polityczna*. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN; 2009. 324 s.
15. Fik M. *Kultura Polska po Jałcie. Kronika lat 1944–1981*. Warszawa: Polonia Book Fund LTD; 1989. 835 s.
16. Ligarski S. *Polityka władz komunistycznych wobec twórców kultury w latach 1945–1989. Pamięć i Sprawiedliwość*. 2014;2:51–73.
17. Sobór-Swidorska A. *Jakub Berman. Biografia komunisty*. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej; 2009. 620 s.
18. Budrowska K. *Literatura i pisarze wobec cenzury PRL 1948–1958*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku; 2009. 331 s.
19. Водопьянова ЗК, Домрачева ТВ, Бабаева ЛМ, составители. *Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. Т. 1, 1925 – июнь 1941 г.* Москва: РОССПЭН; 2011. 1023 с. Совместно с фондом «Президентский центр Б. Н. Ельцина».
20. Błażejowska J. *Czołowy oddział pracowników kultury. Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*. 2011;3:39–47.
21. Jarosz D. *Polacy a stalinizm 1948–1956*. Warszawa: Instytut Historii PAN; 2000. 244 s.

References

1. Fijałkowska B. *Polityka a twórcy (1948–1959)*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 1985. 571 s.
2. Trznadel J. *Hańba domowa. Rozmowy z pisarzami*. Lublin: Wydawnictwo «Test» & Zakłady Wydawnicze «Versus»; 1990. 338 s.
3. Trznadel J. *Hańba domowa. Rozmowy z pisarzami*. Wydanie nowe rozszerzone. Warszawa: Wydawnictwo ANTYK Marcin Dybowski; 2006. 434 s.
4. Urbankowski B. *Czerwona msza, czyli uśmiech Stalina*. Warszawa: Alfa; 1998. 2 tomy.
5. Czarnik OS. *Między dwoma Sierpniami. Polska kultura literacka w latach 1944–1980*. Warszawa: Wiedza Powszechna; 1993. 432 s.
6. Murzański S. *Między kompromisem a zdradą. Intelektualiści wobec przemocy 1945–1956*. Warszawa: VOLUMEN; 1993. 272 s.
7. Jarosiński Z. *Nadwiślański socrealizm*. Warszawa: Wydawnictwo IBL; 1999. 328 s.
8. Tomasiak W. *Inżynieria dusz. Literatura realizmu socjalistycznego w planie «propagandy monumentalnej»*. Wrocław: Wydawnictwo Leopoldinum; 1999. 219 s.
9. Bikont A, Szczęsna J. *Lawina i kamienia. Pisarze wobec komunizmu*. Warszawa: Prószyński i S-ka; 2006. 584 s.
10. Rokicki K. *Literaci. Relacje między literatami a władzami PRL w latach 1956–1970*. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu; 2011. 592 s.
11. Jusupov RR. *Vlast' i intelligentsiya. Iz istorii Pol'shi XX stoletiya (1918–1980 gg.)* [The authorities and the intelligentsia. From the history of Poland in the 20th century (1918–1980)]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta; 1996. 312 p. Russian.
12. Jusupov RR. *Iz istorii Soyuza pol'skikh pisatelei (1945–1980 gody)* [From the history of the Polish Writers' Union (1945–1980)]. Kazan': Gran Dan; 2002. 83 p. Russian.
13. Torańska T. *Oni*. Warszawa: Wydawnictwo ISKRY; 2004. 559 s.
14. Krasucki E. *Międzynarodowy komunista. Jerzy Borejsza. Biografia polityczna*. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN; 2009. 324 s.
15. Fik M. *Kultura Polska po Jałcie. Kronika lat 1944–1981*. Warszawa: Polonia Book Fund LTD; 1989. 835 s.

16. Ligarski S. Polityka władz komunistycznych wobec twórców kultury w latach 1945–1989. *Pamięć i Sprawiedliwość*. 2014;2:51–73.
17. Sobór-Świdarska A. *Jakub Berman. Biografia komunisty*. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej; 2009. 620 s.
18. Budrowska K. *Literatura i pisarze wobec cenzury PRL 1948–1958*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku; 2009. 331 s.
19. Vodop'yanova ZK, Domracheva TV, Babaeva LM, compilers. *Mezhdú molotom i nakoval'nei. Soyuz sovetskikh pisatelei SSSR. Dokumenty i kommentarii. T. 1, 1925 – iyun' 1941 g.* [Between a rock and a hard place. Union of Soviet Writers of the USSR. Documents and comments. Volume 1, 1925 – June 1941]. Moscow: ROSSPEN; 2011. 1023 p. Co-published by B. N. Yeltsin Presidential Center Foundation.
20. Błażejowska J. Czołowy oddział pracowników kultury. *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*. 2011;3:39–47.
21. Jarosz D. *Polacy a stalinizm 1948–1956*. Warszawa: Instytut Historii PAN; 2000. 244 s.

Статья поступила в редколлегию 20.05.2023.
Received by editorial board 20.05.2023.

АРХЕОЛОГИЯ

АРХЕАЛОГІЯ

ARCHAEOLOGY

УДК 902/904

ЗЕМЛЕМЕР И АРХЕОЛОГ АЛЕКСАНДР ЛЕОНТЬЕВИЧ АНИХОВСКИЙ: БЕЛОРУССКИЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

А. В. ВАЙТОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется вклад А. Л. Аниховского в развитие белорусской науки и культуры в 1918–1928 гг. До недавнего времени специалистам было известно о результатах его краеведческой и археологической деятельности исключительно в Оренбургском крае. Вклад А. Л. Аниховского в развитие белорусской археологии ошибочно приписывали его тезке – студенту Белорусского государственного университета, краеведу и педагогу А. Г. Аниховскому. В ходе изучения белорусских архивов было доказано, что именно А. Л. Аниховский проводил археологические работы на востоке Беларуси. Показываются этапы его профессионального пути. Реконструируются основные направления полевого археологической деятельности А. Л. Аниховского: составление плана Старого города в Минске, проведение археологических экспедиций на территории Верхнего Поднепровья, участие в обследовании пещер в ур. Дубки, осмотр городища и раскопки кургана в окрестностях д. Черкасово на Оршанщине, исследование курганов около д. Старые Прянички и д. Старый Дедин на Могилёвщине, изучение археологических древностей и поиск полезных ископаемых на территории Оренбургского края. Подчеркивается, что исследователь занимался популяризацией археологического наследия Беларуси, основал краеведческие музеи в Горках и Бугуруслане. Отмечается, что результаты научной деятельности археолога неоднократно подвергались критике. Несмотря на то что А. Л. Аниховский не являлся выдающимся полевым исследователем и не внес весомый вклад в разработку теоретических проблем науки, в своем стремлении заниматься археологической деятельностью он может стать примером для следующих поколений ученых.

Ключевые слова: история археологии; краеведение; история музейного дела; Институт белорусской культуры; Беларусь; Оренбургский край.

Благодарность. Автор высказывает признательность В. Н. Тарасевич, И. И. Баринову и А. И. Груше за помощь в подборе архивных материалов.

Образец цитирования:

Вайтовіч А. В. Землямер і археолаг Аляксандр Лявонцьевіч Аніхоўскі: беларускія старонкі біяграфіі. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2023; 4:115–129. EDN: ZEVNYX

For citation:

Vaitovich AU. Land-surveyor and archaeologist Aljaksandr Ljavonc'evich Anihowski: Belarusian pages of biography. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2023;4: 115–129. Belarusian. EDN: ZEVNYX

Автор:

Александра Владимировна Вайтович – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета.

Author:

Aliaksandra U. Vaitovich, PhD (archaeology), docent; associate professor at the department of archaeology and special historical disciplines, faculty of history. vaitovich.aliaksandra@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8082-4215>

ЗЕМЛЯМЕР І АРХЕОЛАГ АЛЯКСАНДР ЛЯВОНЦЬЕВІЧ АНІХОЎСКИ: БЕЛАРУСКІЯ СТАРОНКІ БІАГРАФІІ

А. У. ВАЙТОВІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуецца роля А. Л. Аніхоўскага ў развіцці беларускай навукі і культуры ў 1918–1928 гг. Да нядаўняга часу спецыялістам было вядома аб выніках яго краязнаўчай і археалагічнай дзейнасці выключна ў Аранбургскім краі. Унёсак А. Л. Аніхоўскага ў развіццё беларускай археалогіі памылкова прыпісвалі яго цёзку – студэнту Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, краязнаўцу і педагогу А. Г. Аніхоўскаму. Падчас вывучэння беларускіх архіваў былі атрыманы сведчанні аб тым, што менавіта А. Л. Аніхоўскі праводзіў археалагічныя працы на ўсходзе Беларусі. Адлюстроўваюцца этапы яго прафесійнага шляху. Рэканструюцца асноўныя напрамкі палявой археалагічнай дзейнасці А. Л. Аніхоўскага: складанне плана Старога горада ў Мінску, правядзенне археалагічных экспедыцый на тэрыторыі Верхняга Падняпроўя, удзел у абследаванні пячор ва ўр. Дубкі, агляд гарадзішча і раскопкі кургана ў ваколіцах в. Чаркасова на Аршаншчыне, вывучэнне курганоў каля в. Старыя Пранічкі і в. Стары Дзедзін на Магілёўшчыне, вывучэнне археалагічных старажытнасцей і пошук карысных выкапняў на тэрыторыі Аранбургскага краю. Падкрэсліваецца, што навуковец дбаў аб папулярызацыі археалагічнай спадчыны Беларусі, заснаваў краязнаўчыя музеі ў Горках і Бугуруславе. Адзначаецца, што вынікі навуковай дзейнасці археолага неаднаразова падвяргаліся крытыцы. Нягледзячы на тое што А. Л. Аніхоўскі не з’яўляўся выбітным палявым даследчыкам і не зрабіў унёсак у распрацоўку тэарэтычных праблем археалогіі, у сваім імкненні займацца археалагічнай дзейнасцю ён можа стаць прыкладам для наступных пакаленняў навукоўцаў.

Ключавыя словы: гісторыя археалогіі; краязнаўства; гісторыя музейнай справы; Інстытут беларускай культуры; Беларусь; Аранбургскі край.

Падзяка. Аўтар выказвае шчырую падзяку В. М. Тарасевіч, І. І. Барынаву і А. І. Грушу за дапамогу ў падборы архіўных матэрыялаў.

LAND-SURVEYOR AND ARCHAEOLOGIST ALJAKSANDR LJAVONC'EVICH ANIHOWSKI: BELARUSIAN PAGES OF BIOGRAPHY

A. U. VAITOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The contribution of A. L. Anihowski to the development of Belarusian science and culture in 1918–1928 is investigated. Until recently, specialists were aware of the results of his local history and archaeological activities exclusively in the Orenburg region. A. L. Anihowski's contribution to the development of Belarusian archaeology was mistakenly attributed to his namesake – a student of the Belarusian State University, local historian and teacher A. G. Anihowski. During the study of the Belarusian archives, it was proved that it was A. L. Anihowski who carried out archaeological work in the east of Belarus. The stages of his professional path are shown. The main directions of A. L. Anihowski's field archaeological activity are reconstructed: drawing up a plan of the Old City in Minsk, conducting archaeological expeditions on the territory of the Upper Dnieper region, participating in the survey of caves in the Dubki tract, inspecting the settlement and excavating a mound in the vicinity of Charkasova village in the Orsha region, exploring mounds near the village Staryja Pranichki and village Stary Dzedzin. It is emphasised that the researcher was engaged in popularisation of the archaeological heritage of Belarus, he founded the museums of local lore in Gorki and Buguruslan. It is noted that the results of the archaeologist's scientific activity have been repeatedly criticised. Despite the fact that A. L. Anihowski was not an outstanding field researcher and did not make a significant contribution to the development of theoretical problems of science, in his desire to engage in archaeological activity, he can become an example for future generations of scientists.

Keywords: history of archeology; local history; history of museology; Institute of Belarusian Culture; Belarus; Orenburg region.

Acknowledgements. The author expresses sincere gratitude to V. M. Tarasevich, I. I. Barinov, A. I. Hruscha for their assistance in the finding of archival materials.

Уводзіны

Неад’емнай часткай гісторыі археалогіі з’яўляюцца біяграфіі людзей, якія зрабілі ўнёсак у вывучэнне далёкай мінуўшчыны. Высвятленне лёсаў даследчыкаў не толькі дазваляе асэнсаваць адметныя рысы папярэдніх этапаў развіцця той ці іншай дысцыпліны, але і спрыяе паглыбленню рэфлексіі над

актуальным станам навукі. Асабліваю цікавасць выклікае час інстытуцыянальнага афармлення беларускай археалогіі, які прыйшоўся на супярэчлівую і трагічную эпоху паміж дзвюма сусветнымі войнамі. Жыццё і дзейнасць многіх навукоўцаў міжваеннага перыяду добра вядомы грамадскасці. Аднак біяграфіі шэрагу краязнаўцаў патрабуюць удакладнення. Некаторыя імёны яшчэ чакаюць свайго вяртання з небыцця. Апошняе сцверджанне справядліва ў дачынненні да Аляксандра Лявонцьевіча Аніхоўскага – землямера, археолага і настаўніка.

На працягу дзесяцігоддзяў праца гэтага неардынарнага чалавека ў Інстытуце беларускай культуры (Інбелкультце), а таксама вынікі археалагічных даследаванняў, якія былі праведзены ім на ўсходзе Беларусі ў другой палове 1920-х гг., памылкова прыпісваліся яго цёзку – студэнту Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, краязнаўцу і педагогу Аляксандру Георгіевічу Аніхоўскаму¹. Толькі ў 2021 г. імя Аляксандра Лявонцьевіча Аніхоўскага з'явілася на старонках беларускай археалагічнай літаратуры [1, с. 21, 78, 88].

Між тым памяць аб А. Л. Аніхоўскім, які ў розныя перыяды жыцця садзейнічаў развіццю археалогіі памежжа Расіі і Казахстана, рупліва зберагаецца краязнаўцамі, археолагамі і музейнымі

супрацоўнікамі Горак (Беларусь), Аранбурга, Бугуруслана, Самары (Расія). Неаднойчы выходзілі з друку публікацыі, прысвечаныя таленавітаму спецыялісту² [2; 3, с. 34–35; 4, с. 99–102]. Аднак гэтыя даследаванні не з'яўляюцца вычарпальнымі. Па-першае, большасць біяграфічных нарысаў грунтуецца на звестках, прадстаўленых у дакументах, якія былі створаны пасля 1928 г. і якія сёння захоўваюцца ў Бугуруслане. Праведзенае аўтарам вывучэнне матэрыялаў беларускіх архіваў дало падставы сцвярджаць, што А. Л. Аніхоўскі, запаўняючы на мяжы дзесяцігоддзяў абавязковы для таго часу працоўны спіс (аналаг сучаснай працоўнай кніжкі), не ўзгадаў некаторыя важныя факты свайёй біяграфіі. Па-другое, апублікаваныя працы асвятляюць толькі асноўныя вехі пакручастага лёсу даследчыка. Па-за ўвагай спецыялістаў застаюцца шматлікія дэталі, зварот да якіх дазволіў бы за энцыклапедычнай характарыстыкай «ученого археолога и инженера по земельной регистрации»³ ўбачыць жывога чалавека – сведку складаных перыядаў гісторыі нашай краіны. Узгаданыя акалічнасці абумовілі мэту артыкула – вызначэнне ролі А. Л. Аніхоўскага ў развіцці беларускай навукі і культуры ў 1918–1928 гг.

Горкі – Аранбург – Саратаў – Яраслаўль – Мышкін

Ва ўсіх біяграфічных нарысах адзначаецца, што А. Л. Аніхоўскі нарадзіўся 19 (31) студзеня 1876 г. З фармулярнага спіса (1912) Яраслаўскай губернскай чарцёжнай землеўпарадкавальнай камісіі вынікае, што будучы даследчык старажытнасцей з'явіўся на свет у студзені 1871 г.⁴ Дзяцінства і юнацтва ён правёў у Горках Магілёўскай губерні. «Як беларус, я люблю сваю бацькаўшчыну»⁵, – прызнаваўся навуковец праз шмат дзесяцігоддзяў⁶.

У пачатку 1890-х гг. юнак скончыў Гора-Горацкія землямерна-таксатарскія класы, атрымаўшы кваліфікацыю землямера і таксатара (лясніка-ацэншчыка). У 1893 г. ён «вступил рядовым на правах вольноопределяющагося 1-го разряда в 1-й Пехотный

Невский Его Величества Короля Эллинов Полк»⁷, гарнізон якога ў той час размяшчаўся ў Раслаўлі – невялікім гарадку побач са Смаленскам⁸. Праз год А. Л. Аніхоўскі здаў іспыт на «чин прапорщика запаса» і быў звольнены ў запас⁹. Пасля гэтага малады чалавек паступіў на грамадзянскую службу ў Бабруйску (мал. 1), а неўзабаве заключыў шлюб з дваранкай праваслаўнага веравызнання Ганнай Пятроўнай Шульцавай¹⁰.

У лютым 1899 г. А. Л. Аніхоўскі быў прызначаны тапографам Тургайскай часовай партыі па нарыхтоўцы перасяленчых і запасных участкаў уздоўж лініі Заходне-Сібірскай чыгункі¹¹. На працягу чатырох гадоў ён падарожнічаў па тургайскіх стэпах,

¹ Віцязь С. П., Мядзведзева В. У., Дуцыц Л. У. Даследчыкі археалагічных старажытнасцей Беларусі : біябібліягр. давед. Мінск : Беларус. навука, 2020. С. 425–426.

² Мишанина Е. В. Оренбургский археолог Александр Леонтьевич Аниховский (1876–1939) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева : материалы Всерос. науч. конф. / под ред. А. А. Выборнова. Самара : Изд-во СГСПУ, 2018. С. 337–340 ; Лившиц В. М. Имя выпускника Горецких землемерно-таксаторских классов на географической карте России // Бацькаўшчына : зб. матэрыялаў раён. краязн. канф., Горкі, 15 снежня 2016 г. / пад рэд. Г. А. Гусарава. Горкі : БДСГА, 2017. С. 34–37.

³ Філ. дзярж. бюджэт. установы «Аб'яднаны дзяржаўны архіў Аранбургскай вобласці» у Бугуруслане (далей – Філіял ДБУ «АДААВ» у Бугуруслане). Ф. 421. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 2 зв.

⁴ Цэнтр. дзярж. арх. г. Масквы (далей – ЦДА Масквы). Ф. 376. Воп. 1. Спр. 117. Арк. 2 зв.

⁵ Тут і далей цытаты і некаторыя крыніцы прыводзяцца з захаваннем моўных асаблівасцей арыгінала.

⁶ Нац. арх. Рэсп. Беларусь (НАРБ). Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1935. Арк. 45 зв.

⁷ ЦДА Масквы. Ф. 376. Воп. 1. Спр. 117. Арк. 2 зв., 3.

⁸ Акимов М. В. Герои былых времен. Краткий боевой путь 1-го, 2-го пехотных и 5-го, 6-го гренадерских полков // Воен.-ист. журн. 2020. № 12. С. 31–39.

⁹ ЦДА Масквы. Ф. 376. Воп. 1. Спр. 117. Арк. 2 зв., 3.

¹⁰ Там жа. Арк. 3. Іншыя звесткі аб членах сям'і А. Л. Аніхоўскага выяўлены не былі. Можна толькі адзначыць, што ў 1941 г. у Бугурусланскім краязнаўчым музеі, заснаваным Аляксандрам Лявонцьевічам, працавала «таварыш Аніхоўская» – магчыма, жонка ці дачка героя артыкула. (Філіял ДБУ «АДААВ» у Бугуруслане. Ф. 421. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 4.)

¹¹ ЦДА Масквы. Ф. 376. Воп. 1. Спр. 117. Арк. 2, 2 зв., 3 зв., 4.

Мал. 1. А. Л. Аніхоўскі падчас службы ў Бабруйску. Фатаграфія.
Крыніца: Філіял ДБУ «АДААВ» у Бугуруслане.
Ф. 421. Воп. 1. Спр. 8. Арк. 4

Fig. 1. A. L. Anihowski during the civil service in Babrujsk. Photo.
Source: Branch of the State Budg. Inst. «Unified State Archive
of the Orenburg region» in Buguruslan.
Fund 421. Invent. 1. Folder 8. P. 4

займаючыся межаваннем зямлі і складаннем карт і планаў. Карпатлівая праца маладога чалавека не засталася незаўважанай: адзін з пасёлкаў, заснаваных перасяленцамі, атрымаў сваю назву ў гонар руплівага землемера¹². Сёння с. Аніхоўка з’яўляецца цэнтрам сельсавета ў Адамаўскім раёне Аранбургскай вобласці Расіі.

У жніўні 1903 г. таленавіты тапограф перайшоў на працу ў Аранбургскае аддзяленне Сялянскага пазямельнага банка і заняў пасаду памочніка справавода. У адпаведнасці са штатным раскладам ён «производил в натуре различного рода межевые работы... а также составлял, вычислял и копировал планы»¹³.

Інтэрэсы А. Л. Аніхоўскага не зводзіліся выключна да працоўных абавязкаў. Праз некалькі гадоў ён узгадаў: «...в Тургайской области... натолкнулся на множество древних курганов, сильно меня заинтересовавших. Это обстоятельство послужило толчком к тому, что с тех пор я все свое свободное от службы время посвящал археологии»¹⁴.

Пачатак краязнаўчай і археалагічнай дзейнасці А. Л. Аніхоўскага неаднаразова выклікаў увагу даследчыкаў [2; 4, с. 99–102]. Аднак варта ўпарадкаваць сучасныя ўяўленні аб гэтай важнай частцы жыцця аранбургскага землемера. У 1901 г. Аляксандр Лявонцэвіч быў абраны сапраўдным сябрам Аранбургскай вучонай архіўнай камісіі¹⁵ (АВАК), аднаго

з самых аўтарытэтных краязнаўчых таварыстваў Расійскай імперыі, і адразу далучыўся да яго працы.

У 1902 г. Імператарская археалагічная камісія (ІАК) выдала АВАК дазвол на правядзенне раскопак у межах Кустанайскага павета Тургайскай вобласці. Па рашэнні АВАК гэты дазвол быў перададзены А. Л. Аніхоўскаму [5, с. 221]. Перад маладым аматарам мінуўшчыны стаяла складаная задача: ва ўмовах адсутнасці фінансавання правесці даследаванне вялікага кургана сармацкай эпохі ў с. Краснагорскае Аранбургскай губерні. Незаконныя раскопкі кургана ўжо былі распачаты мясцовымі жыхарамі. А. Л. Аніхоўскі зачысціў і паглыбіў шурф, зроблены казакамі, апісаў стратыграфію насыпу, зрабіў некалькі фотаздымкаў помніка і знойдзеных артэ-фактаў [4, с. 119–120; 6, с. 386–387]. Па выніках працы Аляксандр Лявонцэвіч падрыхтаваў справаздачу для ІАК [5, с. 221].

Справаздачная дакументацыя трапіла ў рукі вядомага археолага А. А. Спіцына. Азнаёміўшыся з матэрыяламі, ён пакінуў прыпіску на адным з малюнкаў: «NB! По предположению А. Л., когда все слои будут вынуты, должна образоваться воронка» [6, с. 388]. Зразумеўшы, што недасведчаны краянавец не здолее правесці раскопкі помніка на належным узроўні, А. А. Спіцын рэкамендаваў ІАК даручыць далейшае вывучэнне кургана слухачу Маскоўскага археалагічнага інстытута (МАІ) М. Е. Макаранку [6, с. 388]. М. Е. Макаранка, у будучым вядомы ўкраінскі даследчык, завяршыў раскопкі кургана і пры гэтым аспрэчыў высновы, зробленыя А. Л. Аніхоўскім¹⁶.

Крытычныя заўвагі спецыялістаў не сталі перашкодай для маладога даследчыка. Па выніках першага паловага сезона ён падрыхтаваў невялікі артыкул¹⁷ і працягнуў археалагічнае вывучэнне Тургайскай вобласці. У 1903 г. А. Л. Аніхоўскі зноў атрымаў дазвол на правядзенне даследаванняў і прыступіў да раскопак курганоў ва ўр. Жангыз-Агаш Акцюбінскага павета. Тапографа і краязнаўца зацікавілі аб’екты, якія з пункту гледжання сучаснай навукі ўяўлялі сабой рэшткі сярэднявечнага маўзалея. А. Л. Аніхоўскі расчысціў два курганы, апісаў канструкцыі пахавальных збудаванняў, занатаваў мясцовыя легенды, звязаныя з помнікам, і асабліва сціха пахавальнага абраду. Справаздача аб выніках даследаванняў была апублікавана ў працах АВАК¹⁸, аднак так і не была прадстаўлена ў ІАК [5, с. 222].

¹²Мишанина Е. В. Оренбургский археолог Александр Леонтьевич Аниховский (1876–1939). С. 337; Лившиц В. М. Имя выпускника Горецких землемерно-таксаторских классов ... С. 34–37.

¹³ЦДА Масквы. Ф. 376. Воп. 1. Спр. 117. Арк. 3 зв.

¹⁴Цэнтр. навук. арх. Нац. акад. навук Беларусі (ЦНА НАНБ). Ф. 67. Воп. 1. Спр. 6. Арк. 38.

¹⁵Действительные члены // Тр. Оренбург. учен. арх. комис. (далее – Труды ОУАК). 1903. Вып. 11. С. 134.

¹⁶Макаренко Н. Е. Продолжение раскопки кургана около поселка Красногорского Оренбургского уезда // Там же. 1906. Вып. 16. С. 76–88.

¹⁷Аниховский А. Л. Раскопки кургана в поселке Красногорском // Там же. С. 69–76.

¹⁸Он же. Раскопка древних курганов-могильников в Тургайской области, в Актюбинском уезде // Там же. 1914. Вып. 14. С. 66–79.

Руска-японская вайна спыніла размеранае жыццё. Прапаршчык запасу А. Л. Аніхоўскі 5 чэрвеня 1904 г. быў мабілізаваны на службу ў 310-ы пяхотны Сцерлітамакскі полк. Яго адразу прызначылі «адъютантом 3 баталіона», а ў студзені 1905 г. перавялі на пасаду «полкового адъютанта». Падчас вайсковай службы краязнавец займаўся суправаджэннем эшалонаў¹⁹. Службовыя паездкі не перашкаджалі яму знаходзіць час на любімую справу. У пачатку 1905 г. А. Л. Аніхоўскі прыняў удзел у пасяджэнні АВАК²⁰. У маі гэтага ж года Аляксандр Лявонцьевіч па стану здароўя выйшаў у адстаўку²¹. Пасля кароткага адпачынку ён вярнуўся да працы ў банку, а ў хуткім часе разгарнуў кіпучую дзейнасць на ніве краязнаўства і археалогіі.

Яшчэ ў 1904 г. АВАК пастанавіла прыступіць да складання археалагічнай карты Тургайскай вобласці. Важная роля ў рэалізацыі праекта адводзілася менавіта А. Л. Аніхоўскаму²². Нягледзячы на недахоп сродкаў [4, с. 94], дасведчаны землямер здолеў за некалькі гадоў выканаць значную частку прац «по составлению планшетов с картой Кустанайского уезда»²³. У 1907 г. згодна з рашэннем АВАК да стварэння «карты курганов» далучыліся яшчэ два тапографы²⁴. Археалагічная карта Тургайскай вобласці, складзеная пад кіраўніцтвам А. Л. Аніхоўскага, не была надрукавана, тым не менш у студзені 1908 г. на пасяджэнні АВАК Аляксандр Лявонцьевіч выступіў з дакладам аб курганах у Аранбургскай губерні і Тургайскай вобласці²⁵ [4, с. 102]. У жніўні 1907 г. матэрыялы, сабраныя аранбургскімі тапографамі, былі прадстаўлены сябрамі камісіі М. Е. Макаранкам і П. А. Нязнамавым на 14-м археалагічным з'ездзе ў Чарнігаве²⁶. З падрыхтоўкай да важнага навуковага мерапрыемства дапамагаў А. Л. Аніхоўскі, менавіта ён зрабіў макеты мясцовых кургану²⁷.

Значную ўвагу краязнаўцаў нязменна прыцягваў папулярызатарскі накірунак дзейнасці. У 1906 г. аран-

бургская інтэлігенцыя звярнулася да А. Л. Аніхоўскага з просьбай «принять на себя труд заведованием музея»²⁸. Аляксандр Лявонцьевіч падыйшоў да даручанай яму справы надзвычай адказна²⁹. У 1908 г. сябры камісіі адзначалі: «Музей приведен в порядок... и появилась надежда на осуществление мечты о постройке обширного для Музея помещения»³⁰.

Руплівы даследчык мінуўшчыны не забываў і аб асветніцкіх магчымасцях друкаванага слова. Пазней ён узгадваў: «...мелкие... заметки с описанием произведенных мной раскопок, обследований памятников старины и др. были помещены в разное время в "Оренбургской газете", в "Степном крае", в "Тургайской газете", в "Известиях Туркестанского кружка любителей археологии" и др.»³¹.

У публікацыях А. Л. Аніхоўскі мэтанакіравана не ўзнімаў пытанне аб гістарычных рэканструкцыях³². Верагодна, ён усведамляў абмежаванасць сваіх уяўленняў аб мясцовай гісторыі. Нельга не прызнаць, што адмыслоўцу відавочна бракавала ведаў у галіне археалогіі, перш за ўсё ў методыцы палявых даследаванняў. У красавіку 1908 г. А. Л. Аніхоўскі выступіў на пасяджэнні АВАК з дакладам аб выніках «случайных раскопок» кургана каля пас. Давыдзенкаўскі Кустанайскага павета³³. Ён паведаміў, што была разрыта толькі частка насыпу, і абмежаваўся апісаннем знешняга выгляду і памераў помніка. Працы праводзіліся без дазволу, справаздачныя матэрыялы не былі прадстаўлены ні ў АВАК, ні ў ІАК³⁴ [5, с. 224].

У сакавіку 1908 г. Аляксандр Лявонцьевіч быў пераведзены на пасаду справавода Саратаўскага аддзялення Сялянскага пазямельнага банка³⁵. Пераезд і новыя службовыя абавязкі не спынілі актыўнай краязнаўчай дзейнасці А. Л. Аніхоўскага. Ён не толькі застаўся дзейным сябрам АВАК³⁶, але і быў абраны сябрам Саратаўскай вучонай архіўнай камісіі³⁷. Навуковец далучыўся да фарміравання калекцыі музея

¹⁹ЦДА Масквы. Ф. 376. Воп. 1. Спр. 117. Арк. 3 зв., 4, 4 зв., 5.

²⁰Протокол № 1. Очередное заседание 10 января 1905 г. // Труды ОУАК. 1906. Вып. 16. С. 240–242.

²¹ЦДА Масквы. Ф. 376. Воп. 1. Спр. 117. Арк. 4 зв., 5.

²²Протокол № 2. Очередное заседание 31 января // Труды ОУАК. 1906. Вып. 16. С. 4.

²³Протоколы заседаний за 1901–1907 гг. и отчет за 1907 год (рассмотрены редакционным комитетом) // Оренбург. учен. арх. комис. Оренбург : Типолитограф. Б. А. Бреслина, 1909. С. 35–36.

²⁴Там же ; Отчет и протоколы заседаний за 1908 год / сост. Н. А. Незнамов. Оренбург : Скоропечатня З. Озерьер, 1909. С. 57.

²⁵Отчет и протоколы заседаний за 1908 год. С. 36–41.

²⁶Там же. С. 59–60.

²⁷Там же. С. 61.

²⁸Протокол № 4. Очередное заседание 15 марта // Труды ОУАК. 1907. Вып. 19. С. 33.

²⁹Протокол № 8. Очередное заседание 16 мая // Там же. С. 39–45.

³⁰Філіял ДБУ «АДААВ» у Бугуруслане. Ф. 421. Оп. 1. Спр. 5. Арк. 1.

³¹ЦНА НАНБ. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 6. Арк. 38.

³²Аниховский А. Л. Древние курганы-могильники в Кустанайском уезде Тургайской области // Труды ОАУК. 1905. Вып. 14. С. 53.

³³Отчет и протоколы заседаний за 1908 год // Отчет о деят. и состоянии Оренбург. учен. арх. комис. за 1908 г. / сост. П. А. Незнамов. Оренбург : Скоропечатня З. Озерьер, 1909. С. 52.

³⁴Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды ОУАК. 1910. Вып. 22. С. 69–70.

³⁵ЦДА Масквы. Ф. 376. Воп. 1. Спр. 117. Арк. 4 зв., 5.

³⁶Список членов Оренбургской ученой архивной комиссии за 1913 г. // Труды ОУАК. 1916. Вып. 33. С. 12.

³⁷Список членов Саратовской губернской ученой архивной комиссии на 1-е июля 1909 г. // Тр. Саратов. учен. арх. комис. 1909. Вып. 25. С. 97.

ў Саратаве³⁸, а таксама знаходзіў час на вывучэнне археалогіі рэгіёна. У 1909 г. А. Л. Аніхоўскі перадаў у музей Аранбурга керамічны посуд, знойдзены «на месце быўшага татарскага городка “Увек”»³⁹. Відавочна, няўрымслівы аматар мінуўшчыны не мог не наведаць самы вядомы на той час помнік Самарскага краю – гарадзішча, якое засталася ад золатаардынскага горада Укек [7].

У студзені 1909 г. Аляксандр Лявонцэвіч атрымаў прызначэнне ў Яраслаўскае аддзяленне Сялянскага пазямельнага банка. З’яўляючыся дасведчаным спецыялістам, ён некаторы час працаваў справаводам і старэйшым кантралёрам, а ў чэрвені 1912 г. заняў пасаду старэйшага землемера землеўпарадкавальных камісій Яраслаўскай губерні⁴⁰. Паступовае прасоўванне даследчыка па кар’ернай лесвіцы не перашкаджала яго заняткам археалогіяй. У 1912 г. у Яраслаўлі адкрыўся філіял МАІ [8], куды А. Л. Аніхоўскі паступіў на археалагічнае аддзяленне (мал. 2). «Любоў к старыне перакінула мяне з аматара ў спецыялістага», – так праз паўтара дзесяцігоддзя ён апісваў гэты перыяд свайго жыцця⁴¹.

Неабходна падкрэсліць, што дзейнасць археалагічных інстытутаў была накіравана перш за ўсё на падрыхтоўку кадраў для архіваў, бібліятэк і музеяў [8, с. 198–199]. Навучальныя ўстановы давалі толькі базавыя тэарэтычныя веды ў галіне археалогіі. Гэта падцявяджае і асабістая справа А. Л. Аніхоўскага, што захавалася ў фондзе МАІ. Згодна са статутам інстытута Аляксандр Лявонцэвіч, які не меў вышэйшай адукацыі, быў прыняты на навучанне вольным слухачом⁴². Дасведчанаму аматару мінуўшчыны вучоба давалася лёгка: у кніжцы слухача стаяць толькі выдатныя адзнакі. У адпаведнасці з праграмай А. Л. Аніхоўскі праслухаў шэраг спецыяльных гістарычных дысцыплін і ўсяго тры курсы ар-

Мал. 2. А. Л. Аніхоўскі – слухач Яраслаўскага аддзялення Маскоўскага археалагічнага інстытута. Фатаграфія. Крыніца: ЦДА Масквы. Ф. 376. Воп. 1. Спр. 117. Арк. 9 зв.

Fig. 2. A. L. Anihowski as a student of Yaroslavl' department of Moscow Archaeological Institute. Photo. Source: Cent. State Arch. of Moscow. Fund 376. Invent. 1. Folder 117. P. 9 back

хеалагічнага профілю: па гісторыі археалагічных адкрыццяў, першабытнай археалогіі і хрысціянскай археалогіі⁴³. У канцы 1915 г. ён скончыў навучанне са званнем вучонага археолага і быў залічаны ў сапраўдныя сябры МАІ⁴⁴.

Атрыманне гуманітарнай адукацыі не ўнесла істотных карэктываў у жыццё А. Л. Аніхоўскага. У 1916 г. ён перайшоў на пасаду неадменнага сябра Мышкінскай землеўпарадкавальнай павятовай камісіі Яраслаўскай губерні⁴⁵. У маленькім павятовым гарадку Мышкіне Аляксандр Лявонцэвіч сустрэў Лютаўскую рэвалюцыю. У сакавіку 1917 г. ён узначаліў Мышкінскі павятовы зямельны камітэт, аднак неўзабаве вырашыў вярнуцца ў горад юнацтва.

Горкі

Жыццё на новым месцы і ў новых грамадскіх абставінах наладжвалася няпроста. Пазней А. Л. Аніхоўскі адзначаў: «Вследствие временной приостановки землеустройства перешел на педагогическую деятельность»⁴⁶. У верасні 1918 г. Аляксандр Лявонцэвіч пачаў працаваць настаўнікам Горацкай школы другой ступені. У хуткім часе яго прызначылі старшынёй школьнай педагогічнай рады (кажучы сучаснай мовай, дырэктарам), а праз

год – загадчыкам адзінай працоўнай школы пры Горацкім павятовым аддзеле народнай адукацыі. Акрамя таго, вучоны археолаг вёў вячэрнія школьныя курсы для дарослых, а таксама выкладаў на двухгадовых педагогічных курсах⁴⁷.

Гэты перыяд жыцця А. Л. Аніхоўскага адлюстраваны ў мемуарах яго вучня – пісьменніка Л. Э. Разгона. У краязнаўчай літаратуры⁴⁸ неаднойчы прыводзілася характарыстыка, дадзеная літаратарам

³⁸ЦНА НАНБ. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 6. Арк. 38.

³⁹Список пожертвованных // Труды ОУАК. 1911. Вып. 23. С. 274.

⁴⁰ЦДА Масквы. Ф. 376. Воп. 1. Спр. 117. Арк. 5 зв., 6.

⁴¹НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1935. Арк. 45 зв.

⁴²ЦДА Масквы. Ф. 376. Воп. 1. Спр. 117. Арк. 5 зв., 6.

⁴³Там жа. Арк. 27 зв. – 30.

⁴⁴НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1935. Арк. 45 зв.

⁴⁵Там жа. Арк. 4 зв., 5.

⁴⁶Там жа. Арк. 5.

⁴⁷Там жа. Арк. 5 ; Там жа. Арк. 45, 47 зв., 48.

⁴⁸Лившиц В. М. Имя выпускника Горецких землемерно-таксаторских классов ... С. 35.

свайму настаўніку: «Высокий, с рыжими тараканьи-ми усами, всегда ходивший в прекрасно сохранившейся форменной тужурке – он казался ожившей иллюстрацией к романам, повестям, воспоминаниям о царской классической гимназии»⁴⁹.

Як дырэктар адукацыйнай установы, А. Л. Аніхоўскі павінен быў забяспечваць адпаведнасць навучальнага працэсу і грамадскага жыцця школы патрабаванням савецкай улады. Кіраўніцтва Горацкага павятовага аддзела народнай адукацыі высока ацэньвала дзейнасць свайго супрацоўніка: «...безвозмездно и охотно участвовал во всякого рода комиссиях, советах, конференциях и других организациях по вопроса направления школ... по пути осуществления новых начал и принципов в деле просвещения и воспитания молодежи»⁵⁰. Прыстасоўваючыся да паслярэвалюцыйных рэалій, А. Л. Аніхоўскі тым не менш даволі выразна дэманстраваў старарэжымныя погляды. «В школе не было не только комсомольской ячейки, но и ни одного комсомольца. Все старые формы чиновничества по отношению к учителям, а особенно к заведующему, соблюдались неукоснительно», – адзначаў пазней былы вучань Аляксандра Лявонцэвіча⁵¹.

А. Л. Аніхоўскі выкладаў дысцыпліну «Гісторыя культуры». Варта зноў працытаваць Л. Э. Разгона: «Никаких учебников по этому предмету не было, и занятия сводились к тому, что из года в год Анеховский [Аниховский] диктовал своим ученикам курс, начинавшийся со слов: “История культуры есть сумма труда человеческого...” <...> Но вспоминая его, его увлекательные рассказы о дворцах (он называл их “палаццо”) и храмах (они у него именовались “культовые сооружения”), я понимаю, что это была отчаянная попытка вбить в наши замусоренные головы то, что вечно»⁵².

На занятках Аляксандр Лявонцэвіч разважаў і аб археалогіі. Яго своеасаблівыя аповеды добра запомніліся вучням: «Рассказывая о том, как по остаткам материальной культуры устанавливается культурный уровень народа и его государственного строя, Анеховский [Аниховский] обязательно доставал из кармана два карандаша и, поигрывая золотым пенсне на длинном черном шнурке, говорил: “Представьте себе, что будущие археологи

найдут вот этот фаберовский карандаш и по нему станут определять степень культурности строя, при котором он был создан. Они увидят, как тщательно он сделан... Они поймут, что такой карандаш мог быть создан только в государстве, стоящем на высокой ступени культуры. А потом они найдут вот этот советский карандаш – он с гримасой отворачивания вытаскивал некрашенный карандаш – и увидят, как он примитивен... и они сделают вывод о состоянии культуры...”»⁵³.

Горацкія школьнікі, незадаволеныя пазіцыяй свайго настаўніка, неаднаразова скардзіліся на яго павятовым і губернскім уладам. Чыноўнікі займалі аднадушную пазіцыю: «...заведующий большой специалист, а взгляды его не имеют существенно-го значения»⁵⁴. Можна меркаваць, што такая лаяльнасць, яшчэ магчымая ў тыя гады, была абумоўлена не столькі разнапланавымі ведамі, набытымі А. Л. Аніхоўскім у дарэвалюцыйны час, колькі ўнёскам кваліфікаванага тапографа і дыпламаванага археолага ў культурнае будаўніцтва савецкага горада.

У 1919 г. Горацкі павятовы аддзел народнай адукацыі даручыў Аляксандру Лявонцэвічу стварыць «натуральна-гістарычны музей»⁵⁵. Маючы шматгадовы досвед музейнай працы, адмысловец справіўся з гэтай задачай. Музейныя фонды, як пазней заўважаў А. Л. Аніхоўскі, былі «сбраны бяз капейкі грошай»⁵⁶. Аснову калекцыі склалі каштоўнасці, вывезеныя з нацыяналізаванага маёнтка «Раманава», які належыў роду князёў Дандуковых-Корсаковых. Усяго ў зборы трапілі «некалькі тысяч прадметаў»⁵⁷, у тым ліку больш за 50 твораў жывапісу і графікі заходнееўрапейскіх і рускіх мастакоў, шматлікія ўзоры ўсходняга дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва, а таксама бронзавыя ляпмы, медалі, гадзіннікі, старажытная зброя, рыштунак і інш.⁵⁸ Музей карыстаўся папулярнасцю сярод гараджан, у першую чаргу сярод дзяцей і студэнцкай моладзі. «Все то, что было доступно только богачам, стало возможным для всех. <...> И мы могли смотреть на эти вещи, любоваться картинами, трогать (тайком от служителя музея) мягкий ворс бархата, кружевную насечку на пистолетах», – узгадваў Л. Э. Разгон⁵⁹.

У 1923 г. музей спыніў сваё існаванне. Як пазней абураўся А. Л. Аніхоўскі, пасля далучэння Горацкага

⁴⁹Разгон Л. Позавчера и сегодня. Повесть о жизни. М. : [б. и.], 1995. С. 156.

⁵⁰НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1935. Арк. 47 зв.

⁵¹Разгон Л. Позавчера и сегодня ... 1995. С. 156.

⁵²Там жа. С. 160.

⁵³Там жа. С. 156.

⁵⁴Там жа.

⁵⁵Філіял ДБУ «АДААВ» у Бугуруслане. Ф. 421. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 4 зв., 5.

⁵⁶НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1935. Арк. 45 зв.

⁵⁷Там жа.

⁵⁸Казанцева М. В. Из опыта реконструкции коллекции фарфора Белорусского государственного музея 20-х гг. XX в. (на примере коллекции князей Дондуковых-Корсаковых) // София. 2017. № 2. С. 19–24; Кольчевская И. Е. Утраченные ценности: наследие князей Дондуковых-Корсаковых // Бацькаўшчына : зб. матэрыялаў VII Рэсп. краязн. канф., Горкі, 22 снеж. 2020 г. / пад рэд. Н. С. Шатраўка. Горкі : БДСГА, 2021. С. 76–81.

⁵⁹Разгон Л. Позавчера и сегодня ... 1995. С. 166.

павета да Смаленскай губерні «пра сабраныя... цэннасці даведаўся Смаленск і адабраў лепшую частку іх»⁶⁰. Так найбольш значныя калекцыі апынуліся ў фондах Смаленскага губернскага музея⁶¹. Адзінкавыя прадметы засталіся ў Горках. Дзякуючы намаганням былога загадчыка яны ў 1925 г. паступілі ў фонды Беларускага дзяржаўнага музея⁶².

А. Л. Аніхоўскі пасля расфарміравання музея ў чарговы раз быў вымушаны мяняць планы. Восенню 1923 г. ён пачаў выкладаць у Горацкім землемерна-землеўпарадкавальным тэхнікуме пры Горацкім сельскагаспадарчым інстытуце. На працягу трох семестраў дасведчаны спецыяліст чытаў лекцыі па кадастрах, зямельнай рэгістрацыі і тапаграфічным чарчэнні⁶³.

Мінск

Пераезд у сталіцу адкрываў перспектывы вяртання да ўлюбёнага занятку – археалагічных даследаванняў. А. Л. Аніхоўскі прыклаў усе намаганні, каб здзейсніць сваю мару. У маі 1925 г. ён звярнуўся ў Інбелкульт з просьбай прыняць яго ў якасці сябра археалагічнай камісіі. Дакумент быў адпраўлены на разгляд сакратару камісіі В. Д. Дружыцу⁶⁴. У жніўні 1925 г. навуковец перадаў у дэканат педагогічнага факультэта БДУ заяву «аб прадстаўленні яму пасады асістэнта па катэдрах археалогіі»⁶⁵. Прарэктар БДУ С. З. Кацэнбоген, на якога ўсклалі абавязак вырашэння пытання аб працаўладкаванні А. Л. Аніхоўскага, у той час знаходзіўся ў камандзіроўцы і змог азнаёміцца з дасланымі паперамі толькі ў кастрычніку⁶⁶. Не чакаючы адказу ад БДУ, Аляксандр Лявонцэвіч прайнфармаваў Інбелкульт аб сваім жаданні далучыцца да дзейнасці этнаграфічнай секцыі⁶⁹.

Нарэшце бюракратычныя працэдурны завяршыліся, і 10 лістапада 1925 г. А. Л. Аніхоўскі быў прыняты ў склад гістарычна-археалагічнай камісіі Інбелкульту⁷⁰ (мал. 3). Па стану на 1 кастрычніка 1926 г. Аляксандр Лявонцэвіч з'яўляўся адным з «абраных супрацоўнікаў» камісіі⁷¹. У адпаведнасці з тагачаснай практыкай гэта азначала, што навуковец працаваў у галоўнай навукова-асветніцкай установе рэспублікі на добраахвотных пачатках, не атрымліваючы аплаты⁷².

Не заставаўся ён у баку і ад грамадскага жыцця. Так, восенню 1924 г. Аляксандр Лявонцэвіч неаднаразова ездзіў у Мінск, дабіваючыся ад Інбелкульту прызначэння пенсіі ўдаве вядомага аграбіёлага М. В. Рытава⁶⁴.

У снежні 1924 г. А. Л. Аніхоўскі быў запрошаны ў сталіцу на пасаду загадчыка курсаў па перападрыхтоўцы землеўпарадкавальнікаў пры Народным камісарыяце земляробства (Наркамземе) БССР. Праз тры гады ён уладкаваўся статыстыкам – інструктарам па землеўпарадкавальнай статыстыцы пры Цэнтральным статыстычным упраўленні БССР⁶⁵. Менавіта з Мінскам звязаны адзін з найбольш яркіх і найменш даследаваных перыядаў жыцця Аляксандра Лявонцэвіча.

Мал. 3. Супрацоўнікі гістарычна-археалагічнай камісіі Інбелкульту. Фатаграфія. Сядзяць (злева направа): Д. І. Даўгяла, М. В. Доўнар-Запольскі, І. А. Сербай. Стаяць (злева направа): С. А. Дубінскі, А. М. Паноў, П. В. Харламповіч, А. Л. Аніхоўскі. 1926. Крыніца: Беларус. дзярж. арх. кінафотафонадак. E031533

Fig. 3. Employees of the historical and archaeological commission of Institute of Belarusian Culture. Photo. Seated (left to right): D. I. Dawgjala, M. V. Downar-Zapol'ski, I. A. Serbaw. Stand (left to right): S. A. Dubinski, A. M. Panow, P. V. Harlampovich, A. L. Anihowski. 1926. Source: Belarus. State Arch. of Film and Photo Document. E031533

⁶⁰ НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1935. Арк. 45 зв.

⁶¹ Казанцева М. В. Из опыта реконструкции коллекции фарфора ... С. 19–24 ; Кольчевская И. Е. Утраченные ценности: на следие князей Дондуковых-Корсаковых. С. 76–81.

⁶² НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1935. Арк. 45 зв. ; Пополнение государственного музея // Звезда. 1925. 14 февр. С. 4.

⁶³ Філіял ДБУ «АДААВ» у Бугуруслане. Ф. 421. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 5 зв., 6.

⁶⁴ ЦНА НАНБ. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 247.

⁶⁵ Філіял ДБУ «АДААВ» у Бугуруслане. Ф. 421. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 5 зв., 6.

⁶⁶ ЦНА НАНБ. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 6. Арк. 38.

⁶⁷ НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 801. Арк. 166.

⁶⁸ Там жа. Спр. 824. Арк. 112.

⁶⁹ ЦНА НАНБ. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 6. Арк. 145.

⁷⁰ Там жа. Спр. 23. Арк. 156.

⁷¹ Там жа.

⁷² Груша А. И. Уникальность Института белорусской культуры // Наука и инновации. 2021. № 12. С. 63–70.

А. Л. Аніхоўскі адразу актыўна ўключыўся ў рэалізацыю археалагічных праектаў Інбелкульта. Ён увайшоў у «падкамісію па вывучэнні старога Менску», створаную ў другой палове лістапада 1925 г.⁷³, і ўжо ў пачатку снежня адзначыў: «Я желал бы принять на себя изготовление плана части окрестностей г. Минска. Мои условия таковы: план размеров $\frac{1}{2} \times \frac{1}{2}$ ар. С нанесением на нем курганов, по указанию т. Сербова и с копией, изготовленной на плюре⁷⁴, литографской тушью, для печати, будет стоить тридцать рублей»⁷⁵. Менш чым праз два тыдні Інбелкульт накіраваў у штаб стралковага корпуса запіску з просьбай «водпуску... аднаго экзэмпляра карты з гор. Менскам у асяродку у маштабе ў адну вярсту, дзеля неабходных навуковых прац Гістарычна-Археалёгічнай Камісіі ІБК»⁷⁶. У студзені 1926 г. Д. І. Даўгяла паведаміў чытачам часопіса «Наш край», што «плян Старога Менску» А. Л. Аніхоўскім зроблены⁷⁷. У друку дакумент не з'явіўся, а яго лёс застаўся невядомым.

Шматгадовы досвед Аляксандра Лявонцэвіча ў галіне тапаграфіі аказаўся запатрабаваным і падчас экспедыцыі па вывучэнні пячор на Аршаншчыне. У сярэдзіне мая 1926 г. аршанскія школьнікі адкрылі ва ўр. Дубкі⁷⁸ невядомага падземнага лёхі. Мясцовае краязнаўчае таварыства зацікавілася знаходкай і паведаміла аб ёй супрацоўнікам Інбелкульта. Гістарычна-археалагічная камісія направила на абследаванне помніка сваіх сяброў Д. І. Даўгялу, І. А. Сербаву і А. Л. Аніхоўскага. Ужо 2 чэрвеня мінскія спецыялісты прыехалі ў Оршу. Пры дапамозе мясцовых краязнаўцаў і студэнтаў Аршанскага рабочага факультэта яны аглядзелі пагорак, пад якім знаходзіліся штучныя скляпенні, выявілі два ўваходы ў пячоры, высветлілі памеры і канструкцыйныя асаблівасці падземных калідораў. А. Л. Аніхоўскі склаў дэталёвы план пячор (мал. 4), І. А. Сербаву зрабіў фотаздымкі. Навукоўцы выказалі здагадку аб тым, што падземныя аб'екты мелі дачыненне да катлавіны, выкапанай на самым версе пагорка. У працэсе раскопак

катлавіны быў знойдзены фрагмент жалезнага нажа і «невялікая бляшаная пушачка... як-бы для сьвяцільні». Атрыманыя матэрыялы далі падставу сцвярджаць, што катлавіна ўяўляе сабой рэшткі пабудовы, у якой жыву будаўнік пячор. Сам жа помнік, на думку сяброў Інбелкульта, быў звязаны з Аршанскім Куцеінскім манастыром і мог узнікнуць не раней за другую палову XVII ст.⁷⁹

На пасяджэнні прэзідыума Інбелкульта 15 чэрвеня 1926 г. Д. І. Даўгяла прачытаў даклад аб папярэдніх выніках вывучэння пячор⁸⁰. У той жа дзень у цэнтральных газетах былі надрукаваны абвесткі аб найбліжэйшых планах беларускіх археолагаў. Кіраўніком экспедыцыі, нацэленай на «досьлед даўнейшага гарадзішча “Дзедзіно” ў Калінінскай акрузе», быў названы А. Л. Аніхоўскі⁸¹.

У першыя дні ліпеня Аляксандр Лявонцэвіч адправіўся на Аршаншчыну⁸². У ваколіцах в. Чаркасова⁸³ знаходзіліся «старасьвецкія курганы»⁸⁴, добра вядомыя краязнаўцам. Яшчэ ў лютым 1926 г. тэрыторыя, занятая могілнікам, была перададзена Аршанскаму краязнаўчаму таварыству для «арганізацыі гістарычнага заказніка». Нельга выключыць верагоднасці таго, што А. Л. Аніхоўскі, як супрацоўнік Інбелкульта, дапамагаў мясцовым актывістам выконваць задачы па «назіранні і ахове заказніка»⁸⁵.

Археолаг аглядзеў могілнік, склаў яго план (мал. 5), вылучыў і апісаў тры віды курганных насыпаў⁸⁶. Ён «шупом» абследаваў частку помніка, аднак «нічога цікавага не было»⁸⁷. Са значна большай увагай адмысловец паставіўся да апавядання мясцовых жыхароў аб сістэматычным знішчэнні старажытных пахаванняў. Імкнучыся патлумачыць сялянам немэтазгоднасць разбурэння «шведскіх» і «французскіх» магіл дзеля пошуку міфічных скарбаў, Аляксандр Лявонцэвіч вырашыў правесці раскопкі аднаго з курганоў. «Вскрытие насыпи» вылося з дапамогай даволі састарэлай метадыкі – шляхам закладання дзвюх траншэй⁸⁸. У кургане былі выяўлены астаткі двух чалавек (паводле пазнейшага вызначэння

⁷³ ЦНА НАНБ. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 6. Арк. 87; *Даўгяла З.* У Інбелкульце. Гістарычна-Археалёгічная Камісія // *Наш край*. 1926. № 1. С. 54–55.

⁷⁴ Плур – гэта адмысловая тонкая папера, якая выкарыстоўваецца ў літаграфіі.

⁷⁵ ЦНА НАНБ. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 6. Арк. 90.

⁷⁶ Там жа. Арк. 59.

⁷⁷ *Даўгяла З.* У Інбелкульце. Гістарычна-Археалёгічная Камісія. С. 54–55.

⁷⁸ Урочышча знаходзіцца ў левабярэжжы р. Днепр, паміж г. Оршай і в. Ларынаўка Крапівенскага сельскага савета Аршанскага раёна Віцебскай вобласці.

⁷⁹ *Даўгяла Д. І.* Аршанскія пячоры // *Наш край*. 1926. № 8–9. С. 45–50; *Даўгяла Зьм.* Дзейнасць Гістарычна-Археалёгічнае камісіі Інстытута Беларускае культуры ў 1925–1926 акад. годзе // *Гіст.-арх. зб.* 1927. Вып. 1. С. 366.

⁸⁰ *Даўгяла Зьм.* Дзейнасць Гістарычна-Археалёгічнае камісіі. С. 50; ЦНА НАНБ. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 23. Арк. 176.

⁸¹ Археалёгічныя экспедыцыі // *Сав. Беларусь*. 1926. 15 чэрв. С. 6; *Археологические экспедиции* // *Звезда*. 1926. 15 июня. С. 4.

⁸² ЦНА НАНБ. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 23. Арк. 153.

⁸³ Сёння вёска адносіцца да Межаўскага сельскага савета Аршанскага раёна Віцебскай вобласці.

⁸⁴ Курганны могілнік, абследаваны А. Л. Аніхоўскім, у далейшым вывучалі А. М. Ляўданскі (1928), Л. В. Аляксееў (1960), М. І. Лашанкоў (1981), В. М. Ляўко (1989). (*Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т.* Т. 2. Л – Я / рэдкал.: Т. У. Бялова [і інш.]. Мінск: БелЭН, 2011. С. 397.)

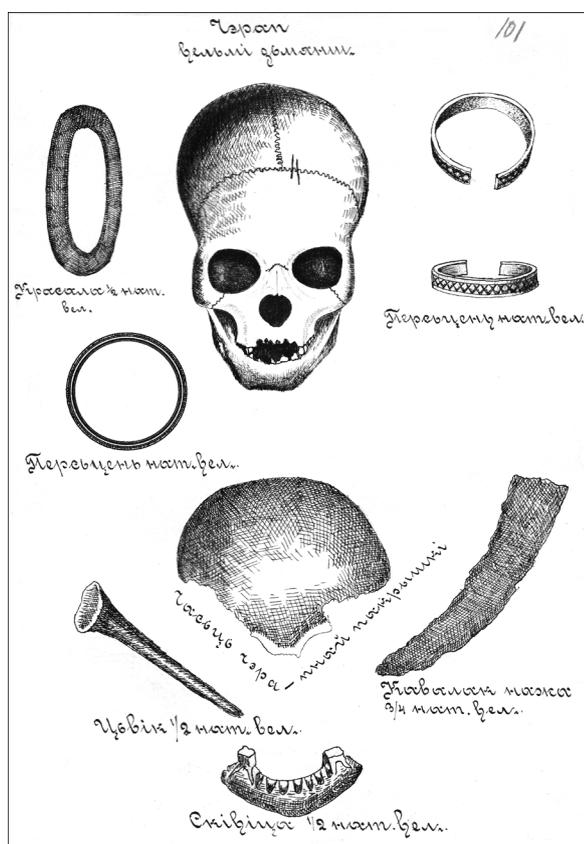
⁸⁵ *Васілеўскі Д.* Ахова помнікаў старажытнасці. Гістарычны заказнік // *Сав. Беларусь*. 1926. 1 мая. С. 5.

⁸⁶ ЦНА НАНБ. ФАНД. Воп. 1. Спр. 213. Арк. 78–82.

⁸⁷ Там жа. Арк. 85.

⁸⁸ Там жа. Арк. 83–94.

А. М. Ляўданскага, гэта былі астанкі жанчыны і дзіцяці, пахаваных па абраду інгумацыі⁸⁹). Падчас раскопак былі знойдзены два гаршкі, прылады працы і ўпрыгожанні (мал. 6). Асабліваці пахавальнага абраду і інвентар далі А. Л. Аніхоўскаму падставу разважаць аб «крывіцкім паходжанні» кургана⁹⁰.

Мал. 6. Матэрыялы раскопак кургана № 1 каля в. Чаркасова (малюнкі А. Л. Аніхоўскага).

Крыніца: ЦНА НАНБ. ФАНД. Воп. 1. Спр. 213. Арк. 101

Fig. 6. Materials of the excavation of the barrow No. 1 near the village Charkasova (drawings by A. L. Anihowski)
Source: The Cent. Sci. Arch. of Natl. Acad. of Sci. of Belarus. Fund of Archaeol. Sci. Documents. Invent. 1. Folder. 213. P. 101

Увагу даследчыка прыцягнула і ўмацаванае паселішча, размешчанае паблізу в. Чаркасова⁹¹. Амаль праз два гады ён адзначаў: «Осмотр городища был произведен вечером, на скорую руку, и хотя были сделаны некоторые измерения яго площади и высоты, но они нуждаются в проверке»⁹². Таксама А. Л. Аніхоўскі паспрабаваў вызначыць магутнасць культурнага слоя: «...копнув в нескольких местах... железной палкой, получил сразу-же черепки от горшков, кости животных и железные шлаки»⁹³. Завяршаючы абследаванне помніка, ён прыйшоў да высновы аб тым, што «правильные раскопки... дадут богатые результаты»⁹⁴.

У хуткім часе пасля вяртання з Аршаншчыны А. Л. Аніхоўскі накіраваўся ў Калінінскую акругу, адміністрацыйным цэнтрам якой былі Клімавічы. Супрацоўніка Інбелкульту цікавілі ваколіцы в. Стары Дзедзін⁹⁵. У гэтай мясцовасці, як паведамляў часопіс «Наш край», быў знойдзены скарб срэбных манет IX–XI стст.⁹⁶ Археалаг адразу пачаў даследаванні, і ўжо 22 ліпеня чытачы выдання «Савецкая Беларусь» даведаліся аб першых выніках гэтай працы⁹⁷. Аляксандр Лявонцэвіч правёў раскопкі чатырох курганоў каля в. Стары Дзедзін⁹⁸ і двух курганоў паблізу в. Старыя Пранічкі⁹⁹. «У большасці раскапаваных курганоў выяўлена пахаваньне стараславянскага тыпу – праз спальваньне трупаў, а ў некаторых знойдзены шкелеты, якія вельмі добра захаваліся (больш позняга пэрыяду)», – інфармавала сваіх чытачоў газета¹⁰⁰. А. Л. Аніхоўскі не абмежаваўся раскопкамі курганоў. Як пазней адзначалі калегі, ён зрабіў «добрая пляны археалёгічных памятнакаў»¹⁰¹. Акрамя таго, у наваколлі в. Стары Дзедзін і в. Раськова¹⁰² Аляксандр Лявонцэвіч выявіў шэраг аб'ектаў – «лейкавідных ям, якія дасягаюць у дыяметры да 34 мэтраў і глыбінёй – да 3 з паловай мэтраў»¹⁰³. Разважаючы над храналогіяй з'яўлення і прызначэннем гэтых ям, навуковец зрабіў даволі смелыя высновы: «...пабудаванні можна аднесці да пэрыяду пераходу ад

⁸⁹ Ляўданскі А. Н. Курганны магільнік каля в. Чаркасова, Аршанскае акругі // Зап. аддз. гуманітар. навук. Т. 2, кн. 2. С. 70.

⁹⁰ ЦНА НАНБ. ФАНД. Воп. 1. Спр. 213. Арк. 94.

⁹¹ Гарадзішча неаднаразова вывучалася спецыялістамі. Яго раскопкі праводзілі С. А. Дубінскі (1928), Л. Д. Побаль (1971), В. М. Ляўко (1989). (Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. Т. 2. Л – Я. С. 397)

⁹² ЦНА НАНБ. ФАНД. Воп. 1. Спр. 213. Арк. 77.

⁹³ Там жа.

⁹⁴ Там жа.

⁹⁵ Сёння вёска адносіцца да Кісялёва-Будскага сельскага савета Клімавіцкага раёна Магілёўскай вобласці.

⁹⁶ Каштоўная архэалёгічная знаходка // Наш край. 1926. № 6–7. С. 76.

⁹⁷ Археалёгічныя раскопкі // Сав. Беларусь. 1926. 22 ліп. С. 5.

⁹⁸ Курганны магільнік, даследаваны А. Л. Аніхоўскім, неаднаразова прыцягваў увагу археолагаў у пасляваенны час. Яго абследавалі Т. М. Карбушкіна (1978), Н. І. Здановіч (1985), В. Ф. Капыцін (1970, 1994). (Копытин В. Ф. Археологические памятники Климовичского района Могилевской области. Могилёв: МГУ им. А. Кулешова. 1998. С. 67–68.)

⁹⁹ Сёння гэта вёска Кісялёва-Будскага сельскага савета Клімавіцкага раёна Магілёўскай вобласці. В. Ф. Капыцін, які абследаваў ваколіцы вёскі ў 1994 і 1996 гг., не выявіў прыкмет курганнага магільніка. (Копытин В. Ф. Археологические памятники ... С. 69.)

¹⁰⁰ Копытин В. Ф. Археологические памятники ... С. 69.

¹⁰¹ ЦНА НАНБ. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 23. Арк. 175 зв.

¹⁰² Сёння вёска адносіцца да Кісялёва-Будскага сельскага савета Клімавіцкага раёна Магілёўскай вобласці. Паўторнае абследаванне помніка ў 1996 г. ажыццявіў В. Ф. Капыцін. (Копытин В. Ф. Археологические памятники ... С. 65–66.)

¹⁰³ Археалёгічныя раскопкі. С. 5.

палеоліту да неаліту. Гэта першае выяўленне на тэрыторыі Беларусі слядоў прабывання старажытнага чалавека»¹⁰⁴. Згаданыя меркаванні, як вядома, не былі падтрыманы спецыялістамі. Таксама А. Л. Аніхоўскі агледзеў «крэйдавае напластаванне» ў ваколіцах в. Стары Дзедзін і сабраў узоры знаходак¹⁰⁵.

Пасля завяршэння палявога сезона Аляксандр Лявонцэвіч пачаў актыўна ўдзельнічаць у навуковым жыцці беларускай сталіцы. Так, 3 лістапада ён выступіў на пасяджэнні сацыяльна-гістарычнай секцыі Інбелкульта (такую назву атрымала гістарычна-археалагічная камісія восенню 1926 г.) з дакладам аб выніках раскопак у ваколіцах «вёскі Чаркасы»¹⁰⁶. А. Л. Аніхоўскі далучыўся да падрыхтоўкі выставы, якую ў канцы лістапада арганізавалі супрацоўнікі Беларускага дзяржаўнага музея. На працягу дзесяці дзён дэманстраваліся артэфакты, знойдзеныя беларускімі археолагамі летам 1926 г., у тым ліку інвентар з курганоў Калінінскай акругі і Аршаншчыны, а таксама зробленыя А. Л. Аніхоўскім «дасканалыя зарысоўкі месца раскопак»¹⁰⁷. У пачатку снежня даследчык прысутнічаў на агульным сходзе гісторыкаў і археолагаў Інбелкульта, дзе У. І. Пічэта выступаў з прамовай аб спрэчных пытаннях беларускай археалогіі¹⁰⁸.

У 1927 г. навуковая актыўнасць А. Л. Аніхоўскага запаволілася. На пасяджэнні сацыяльна-гістарычнай секцыі Інбелкульта 6 студзеня 1927 г. раскопкі ў в. Чаркасова былі ўключаны ў план працы інстытута на новы палявы сезон¹⁰⁹. Праз некалькі дзён, 19 студзеня, Аляксандр Лявонцэвіч зноў азнаёміў калег з вынікамі даследаванняў на Аршаншчыне, звярнуўшы ўвагу на неабходнасць «провести в возможно большем масштабе раскопки как городища, так и наиболее типичных курганов»¹¹⁰. Праз месяц у выданні «Савецкая Беларусь» з'явілася нататка, у якой давалася характарыстыка «гарадзішча курганаў» і акрэсліваліся перспектывы вывучэння помніка ў ваколіцах «в. Чаркасы»¹¹¹. У маі археолаг выступіў перад супрацоўнікамі Інбелкульта з дакладам «Аб медным выліву, прысланым у Музей В. У. Ластоўскім»¹¹². У іншых дакументах галоўнай

навукова-даследчай установы краіны, датаваных 1927 г., прозвішча А. Л. Аніхоўскага адсутнічае. У пачатку 1928 г. адмысловец перадаў спецыялістам тэкст свайго даклада аб раскопках каля в. Чаркасова¹¹³.

Адыход А. Л. Аніхоўскага ад археалагічнай дзейнасці быў абумоўлены шэрагам фактараў. Трэба прызнаць, што руплівы даследчык мінуўшчыны не здолеў заслужыць аўтарытэт сярод беларускіх навукоўцаў. Нягледзячы на дыплом МАІ і шматгадовы досвед краязнаўчых даследаванняў, А. Л. Аніхоўскі так і застаўся адукаваным аматарам. М. М. Улашчык безапеляцыйна называў яго «самым дурным вучоным у Менску»¹¹⁴ і ўзгадваў: «Адзін раз член камісіі Аніхоўскі прывёз планшэт, на якім было нашыта некалькі пляскатых камянёў, кажучы, што гэта помнікі палеаліту; што гэта проста каменьчыкі, ён ніяк не пагаджаўся»¹¹⁵. А. М. Ясінскі, якому ў пачатку 1928 г. было даручана напісаць рэцэнзію на тэкст даклада Аляксандра Лявонцэвіча, таксама быў катэгарычным: «Работа А. Л. Аниховского в том виде, как она представлена, не может быть напечатана»¹¹⁶. А. М. Ляўданскі, публікуючы ў 1930 г. асноўныя вынікі даследаванняў навукоўца на Аршаншчыне, назваў раскопкі свайго папярэдніка «нядбайнымі» і звярнуў увагу на «супярэчнасці дзённіка раскопак з... планам»¹¹⁷.

Абмежаванні на размах археалагічных даследаванняў накладала і дзейнасць у сістэме Наркамзема БССР. Навуковец скардзіўся: «Службовыя абавязкі не даюць магчымасць разгарнуць працу ў тым напрамку і ў той шырыні, як бы я жадаў»¹¹⁸. Па-ранейшаму імкнучыся «прысьвяціць сваю працу археалогіі»¹¹⁹, у снежні 1927 г. А. Л. Аніхоўскі звярнуўся ў Народны камісарыят асветы (Наркамасветы) БССР з просьбай прыняць яго на пасаду загадчыка Беларускага дзяржаўнага музея¹²⁰. Аднак гэтыя спадзяванні не ажыццявіліся.

Акрамя таго, А. Л. Аніхоўскі не мог пахваліцца добрым здароўем. Хутчэй за ўсё, менавіта «болезненное состояние» вымусіла яго ў студзені 1928 г. канчаткова адмовіцца ад працы ў Мінску і перабрацца ў знаёмы па дарэвалюцыйным часе Аранбургскі край¹²¹.

¹⁰⁴Археалёгічныя раскопкі. С. 5.

¹⁰⁵Даўгяла Зьм. Дзейнасць Гістарычна-Археалёгічнае камісіі С. 366.

¹⁰⁶ЦНА НАНБ. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 23. Арк. 153, 176, 178.

¹⁰⁷Там жа. Арк. 154–155; Археалёгічная выстаўка ў Беларускаму дзяржаўнаму музеі // Сав. Беларусь. 1926. 21 ліст. С. 7.

¹⁰⁸ЦНА НАНБ. Арк. 184–184 зв.

¹⁰⁹Там жа. Спр. 24. Арк. 169–170.

¹¹⁰Там жа. Арк. 188.

¹¹¹Даследванне чаркаскіх курганаў // Сав. Беларусь. 1927. 24 лют. С. 8.

¹¹²ЦНА НАНБ. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 23. Арк. 176.

¹¹³Там жа. Спр. 213. Арк. 76–94.

¹¹⁴Улашчык М. М. Краязнаўства. Нататкі пра бадзянні ў 1924–1929 гг.: з рукапіснай спадчыны. Мінск : Пейто БелНДІДАС, 1999. С. 23.

¹¹⁵Улашчык М. М. Даць народу гісторыю: успаміны, лісты. Мінск : Лімарыус, 2016. С. 280.

¹¹⁶ЦНА НАНБ. ФАНД. Воп. 1. Спр. 213. Арк. 103.

¹¹⁷Ляўданскі А. Н. Курганны магільнік каля в. Чаркасова, Аршанскае акругі. С. 58.

¹¹⁸НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1935. Арк. 45 зв.

¹¹⁹Там жа.

¹²⁰Там жа.

¹²¹Філіял ДБУ «АДААВ» у Бугуруслане. Ф. 421. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 5 зв., 6.

Бугуруслан

Вясной 1928 г. А. Л. Аніхоўскі пасяліўся ў Бугуруслане. Апошняя дзесяцігоддзе жыцця Аляксандра Лявонцьевіча апісана даследчыкамі даволі падрабязна¹²² [2; 3, с. 34–35]. Варта тым не менш узгадаць ключавыя эпізоды бугурусланскага перыяду дзейнасці археолага.

Першапачаткова А. Л. Аніхоўскі ўладкаваўся спецыялістам па зямельнай рэгістрацыі пры Бугурусланскім павятовым зямельным упраўленні, а ў кастрычніку 1929 г. звольніўся па ўласным жаданні. У 1930 г. у працоўным спісе даследчыка з'явіўся апошні запіс – пасада выкладчыка чарчэння і геадэзіі ў Бугурусланскім сельскагаспадарчым тэхнікуме. Сваю педагагічную дзейнасць дасведчаны землямер і тапограф завяршыў 1 верасня 1930 г.¹²³

Праца ў землеўпарадкавальнай сферы пакідала дастаткова часу на вывучэнне рэгіёна. У цэнтры інтарэсаў Аляксандра Лявонцьевіча нязменна заставалася археалогія. Запаўняючы дакументы для аддзела кадраў, А. Л. Аніхоўскі прывёў звесткі выключна аб дыпламе МАІ, не ўзгадаўшы ні свой удзел у дзейнасці АВАК, ні працу ў гістарычна-археалагічнай камісіі Інбелкульта. Тым не менш кваліфікацыя «вучоны археолаг», неардынарная для правінцыйнага Бугуруслана, адразу зрабіла А. Л. Аніхоўскага заўважнай і аўтарытэтнай фігурай у асяродку мясцовай інтэлігенцыі.

Амаль адразу пасля прыезду ў Бугуруслан даследчык арганізаваў краязнаўчае таварыства. У жніўні 1928 г. мясцовыя краязнаўцы прапанавалі яму «принять на себя полномочия... по руководству археологической работой в Бугурусланской округе»¹²⁴. У хуткім часе А. Л. Аніхоўскі ініцыяваў маштабнае вывучэнне мясцовых старажытнасцей. Працы вяліся ў адпаведнасці з вызначаным на той час парадкам. Так, да нашых дзён захаваўся дазвол, выдадзены даследчыку Наркамсветы РСФСР у 1929 г.¹²⁵ Вынікі даследаванняў адлюстроўваліся ў справаздачах [2, с. 157].

За некалькі год сістэматычнай і мэтанакіраванай дзейнасці А. Л. Аніхоўскі істотна ўдакладніў археалагічную карту рэгіёна. У ваколіцах Бугуруслана ён выявіў некалькі першабытных паселішчаў, у тым ліку помнік мезалітычнага часу «Ярык-1», неалітычную гарфянікавую стаянку каля в. Кірушына, гарадзішча Слабодская гара. Недалёка ад горада быў адкрыты помнік вытворчай дзейнасці старажытных людзей – рэшткі меднай шахты. Археолог абследаваў дзясяткі адзіночных курганоў, а таксама курганныя могілнікі каля в. Аляксандраўка і в. Пілюгіна. Дзякуючы яго

намаганням навуковая супольнасць даведлася аб знаходжанні на тэрыторыі Бугурусланскай акругі дзвюх каменных антрапаморфных скульптур (так званых каменных баб) эпохі Сярэднявечча. А. Л. Аніхоўскі не абмяжоўваўся палявымі даследаваннямі, а імкнуўся асэнсаваць атрыманыя матэрыялы, у першую чаргу вызначыць час функцыянавання помнікаў [2, с. 156–157; 3, с. 34–35].

Як і ў папярэднія гады, важнай часткай сваёй місіі як археолага А. Л. Аніхоўскі лічыў асветніцкую дзейнасць. У жніўні 1929 г. сябры краязнаўчага таварыства даручылі яму адказную справу па арганізацыі акруговага музея і кіраванні ім¹²⁶. Аляксандр Лявонцьевіч ахотна прыступіў да выканання новых абавязкаў, і ўжо 1 мая 1930 г. Бугурусланскі краязнаўчы музей адчыніў свае дзверы для наведвальнікаў. Аснову музейных фондаў склалі калекцыі, сабраныя ў пачатку ХХ ст. мясцовым краязнаўцам А. М. Карамзіным. Каштоўнай часткай збораў музея сталі артэфакты, атрыманыя А. Л. Аніхоўскім падчас археалагічных даследаванняў у ваколіцах Бугуруслана. Першапачаткова музей не меў пастаяннага памяшкання, таму дырэктар быў вымушаны вырашаць безліч адміністрацыйна-гаспадарчых задач па пошуку належнага будынка для захавання фондаў і стварэння экспазіцыі [2, с. 156–157].

Нельга, аднак, сцвярджаць, што плённая праца краязнаўца разгортвалася ў спрыяльных умовах. Яго прыезд у Аранбургскі край прыйшоўся на час вялікага пералому, калі савецкае кіраўніцтва ўзяло курс на маштабнае сацыялістычнае будаўніцтва. Змянялася дзяржаўная палітыка і ў сферы культуры. У 1930 г. на хвалі рэпрэсій супраць краязнаўцаў Бугурусланскае краязнаўчае таварыства спыніла сваю дзейнасць. Перад мясцовымі энтузіястамі былі пастаўлены задачы вывучэння перш за ўсё вытворчых сіл і прыродных багаццяў краіны [9]. Аляксандр Лявонцьевіч своечасова адчуў новую грамадска-палітычную кан'юнктуру. «Краеведам нужно заниматься исследовательскими работами во многих областях нашего народного хозяйства, им нужно помогать развитию нашего социалистического строительства, обеспечивать его сырьём», – пісаў ён на мяжы дзесяцігоддзяў (цыт. па [10, с. 249]). Маючы веды ў галіне геалогіі, А. Л. Аніхоўскі на працягу 1930-х гг. паслядоўна рэалізоўваў асноўныя ідэі гэтай праграмы. Разам з калегамі, супрацоўнікамі музея, ён абследаваў каля 130 выхадаў карысных выкапняў, размешчаных у ваколіцах Бугуруслана. Галоўным дасягненнем краязнаўцаў стала выяўленне ў 1935 г.

¹²²Мишанина Е. В. Оренбургский археолог Александр Леонтьевич Аниховский (1876–1939). С. 337–340 ; Лившиц В. М. Имя выпускника Горецких землемерно-таксаторских классов ... С. 34–37.

¹²³Філіял ДБУ «АДААВ» у Бугуруслане. Ф. 421. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 6 зв. – 7, 9 зв. – 10.

¹²⁴Там жа. Спр. 2. Арк. 1.

¹²⁵Там жа. Арк. 2.

¹²⁶Там жа. Арк. 8 зв. – 9 ; Там жа. Спр. 5. Арк. 3.

паблізу в. Садкі радовішча асфальтытаў – рэдкіх мінералаў, якія спадарожнічаюць нафце¹²⁷. Дзякуючы гэтаму адкрыццю спецыялісты змаглі знайсці ў Волга-Уральскім рэгіёне запасы вуглявадародаў [2, с. 157; 4, с. 101].

У снежні 1930 г. А. Л. Аніхоўскі прыняў удзел у I Усерасійскім музейным з'ездзе¹²⁸. Менавіта падчас гэтага сходу была выпрацавана канцэпцыя, якая прадугледжвала поўнае падпарадкаванне музейных устаноў ідэалагічнаму кантролю з боку дзяржавы. На змену экспазіцыям, якія расказвалі аб шматграннай гісторыі краіны, павінны былі прыйсці выставы, прысвечаныя дасягненням паслярэвалюцыйнага часу [11].

Заклучэнне

А. Л. Аніхоўскі належаў да пакалення тых, каму было наканавана стаць сведкамі і ўдзельнікамі шматлікіх гістарычных пераўтварэнняў першай трэці ХХ ст. Яму давялося пажыць у розных гарадах сучасных Беларусі і Расіі, і паўсюль ён самааддана працаваў у важных сферах народнай гаспадаркі, навукі і культуры. Можна толькі здзіўляцца таму, што большая частка творчай спадчыны Аляксандра Лявонцэвіча збераглася для нашчадкаў. Дзейнасць выдатнага землямера ўвекавечана на геаграфічнай карце. Шматгадовыя намаганні краязнаўца ў галіне музейнага будаўніцтва таксама не забыты: адзін з двух створаных ім музеяў дагэтуль сустракае наведвальнікаў. Нарэшце, адкрытыя археолагам помнікі мінуўшчыны і сёння выклікаюць цікавасць спецыялістаў.

Імя А. Л. Аніхоўскага займае адмысловае месца ў гісторыі беларускай археалогіі. На працягу некалькіх год – з восені 1925 г. да студзеня 1928 г. – ён з'яўляўся адным з абраных супрацоўнікаў Інбелкульту, сумяшчаючы навуковыя даследаванні з працай у сі-

Аляксандр Лявонцэвіч, «істинный хранитель музея» (як яго калісьці назвалі сябры АВАК¹²⁹), імкнуўся рэалізоўваць новыя ўстаноўкі, захоўваючы пры гэтым асветніцкі і адукацыйны характар працы культурнага цэнтра горада. Пры музеі былі адчынены фотастудыя і мастацкі гурток, для ўсіх ахвотных рэгулярна чыталіся лекцыі [2, с. 157–158].

У сакавіку 1939 г. дзейны дырэктар музея прыступіў да фарміравання «індустрыяльнага аддзела»¹³⁰. Давесці гэту справу да канца Аляксандр Лявонцэвіч не паспеў: 14 красавіка 1939 г. яго сэрца спынілася. Свой апошні спачын А. Л. Аніхоўскі знайшоў на старых гарадскіх могілках Бугуруслана¹³¹.

стэме Наркамзема БССР. Як кваліфікаваны тапограф, Аляксандр Лявонцэвіч складаў план Старога горада ў Мінску. Таксама ён прымаў удзел у абследаванні пячор ва ўр. Дубкі, аглядаў гарадзішча і раскопваў курган у ваколіцах в. Чаркасова на Аршаншчыне, вывучаў курганы каля в. Старыя Пранічкі і в. Стары Дзедзін сучаснага Клімавіцкага раёна на Магілёўшчыне. Акрамя таго, навуковец дбаў аб папулярызацыі археалагічнай спадчыны Беларусі.

А. Л. Аніхоўскі не з'яўляўся выбітным палявым даследчыкам: методыка і вынікі яго працы неаднаразова сустракалі крытыку. Не зрабіў ён унёсак і ў распрацоўку тэарэтычных праблем навукі. Тым не менш не можа не выклікаць павагі яго шчырае захапленне археалагічнай дзейнасцю. Біяграфія Аляксандра Лявонцэвіча ў чарговы раз нагадвае аб тым, што толькі той, хто, нягледзячы на знешнія абставіны, захавае нязломны дух і імпэт да вывучэння старажытнасцей, зможа «прочеть книгу бытия древних насельников и соорудителей... памятников седой старины»¹³².

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Тарасевіч В, Грынёў Д, складальнікі. *Асоба і помнік. Беларуская археалогія ў фотаздымках 1920–1930-х гг.* Мінск: Белмытсервіс; 2021. 119 с.
2. Гарустовіч ГН, Кіяева НН. Из истории краеведения Оренбургской области: А. Л. Аниховский (1876–1939). *Уфимский археологический вестник.* 2012;12:153–158.
3. Мишанина ЕВ, Лебедева НВ. Историографический очерк археологического изучения Бугурусланского района Оренбургской области. В: Моргунова НЛ, редактор. *Археологические памятники Оренбуржья: сборник научных трудов.* Оренбург: Издательский центр ОГАУ; 2017. с. 34–40.
4. Евгеньев АА. *История оренбургской археологии. Том 1, XVIII век – начало XX века.* Оренбург: Издательский центр ОГАУ; 2018. 364 с.
5. Смирнов Н, Соколов А. Тургайские древности в исследованиях русских археологов до 1917 г. Обзор материалов Императорской археологической комиссии сто лет спустя. В: Базарбаева ГА, Джумабекова ГС, редакторы. *Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха.* Алматы: Институт археологии имени А. Х. Маргулана; 2017. с. 207–239.

¹²⁷Філіял ДБУ «АДААВ» у Бугуруслане. Ф. 421. Воп. 1. Спр. 3. Арк. 1–10.

¹²⁸Там жа. Спр. 9. Арк. 3.

¹²⁹Там жа. Спр. 5. Арк. 1.

¹³⁰Аниховский А. Л. Откроем в музее индустриальный отдел // Бугурусл. правда. 1939. 4 марта. С. 4.

¹³¹Мишанина Е. В. Оренбургский археолог Александр Леонтьевич Аниховский (1876–1939). С. 340

¹³²ЦНА НАНБ. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 23. Арк. 188.

6. Зуев ВЮ. Красногорский курган. В: Кривенко ОА, редактор. *Золото, конь и человек: сборник статей к 60-летию А. В. Симоненко*. Киев: КНТ; 2012. с. 385–410.
7. Малов НМ. Золотоордынский Укек и Увекское городище. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2018;4(18):4:523–527. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-4-523-527.
8. Аграфонов ПГ. Деятельность Ярославского и Ростовского отделений Московского археологического института. *Ярославский педагогический вестник*. 2004;3(40):198–204.
9. Козлов ВФ. «Огосударствленное» краеведение. История и уроки (по страницам журнала «Советское краеведение». 1930–1936). *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2013;9:53–83.
10. Макеева ЕД. Самарское краеведческое движение 1920-х–1930-х годов и его вклад в изучение и охрану природы Поволжья. *Самарский научный вестник*. 2017;3(6):246–252.
11. Дмитриенко НМ, Лозовая ЛА. Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела России. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2013;6:193–198.

References

1. Tarasevich V, Gryn’ D, compilers. *Asoba i pomnik. Belaruskaja arheologija w fotadzymbkah 1920–1930-h gg.* [A person and a site. Belarusian archaeology in photographs in the 1920s–1930s]. Minsk: Belmytservis; 2021. 119 p. Belarusian.
2. Garustovich GN, Kiyajeva NN. From the history of local lore, history and economy of the Orenburg district: A. L. Anikhovskiy (1876–1939). *The Ufa Archaeological Herald*. 2012;12:153–158. Russian.
3. Mishanina EV, Lebedeva NV. [Historiographical sketch of the archaeological study of the Buguruslan area of the Orenburg region]. In: Morgunova NL, editor. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh’ya: sbornik nauchnykh trudov* [Archaeological sites of the Orenburg region: collection of scientific papers]. Orenburg: Izdatel’skii tsentr OGAU; 2017. p. 34–40. Russian.
4. Evgen’ev AA. *Istoriya orenburgskoi arkheologii. Tom 1, XVIII vek – nachalo XX veka* [History of Orenburg archeology. Volume 1, 18th century – beginning of 20th century]. Orenburg: Izdatel’skii tsentr OGAU; 2018. 364 c. Russian.
5. Smirnov N, Sokolov A. [Turgai antiquities in the studies of Russian archaeologists until 1917. A review of the materials of the Imperial Archaeological Commission a hundred years later]. In: Bazarbaeva GA, Dzhumabekova GS, editors. *Kul’tura naseleniya Turgaya i sopredel’nykh regionov: chelovek i epokha* [Culture of the population of Turgay and adjacent regions: man and era]. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; 2017. p. 207–239. Russian.
6. Zuev VYu. [Krasnogorsk barrow]. In: Krivenko OA, editor. *Zoloto, kon’ i chelovek: sbornik statei k 60-letiyu A. V. Simonenko* [Gold, horse and man: a collection of articles for the 60th anniversary of A. V. Simonenko]. Kyiv: KNT; 2012. p. 385–410. Russian.
7. Malov NM. The golden horde city of Ukek and the Uvek settlement site. *Izvestiya of Saratov University. New series. Series: History. International relations*. 2018;4(18):523–527. Russian. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-4-523-527.
8. Agrafonov PG. [The activities of the Yaroslavl and Rostov departments of Moscow Archaeological Institute]. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2004;3(40):198–204. Russian.
9. Kozlov VF. «Governmentalisyng» local history. History and Lessons (the pages of the magazine «Soviet kraevedenie». 1930–1936). *RGGU Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*. 2013;9:53–83. Russian.
10. Makeeva ED. Samara regional movement 1920s–1930s and his contribution to the study and conservation on the middle Volga region. *Samara Journal of Science*. 2017;3(6):246–252. Russian.
11. Dmitrienko NM, Lozovaya LA. [The first museum congress as a factor of the evolution of the museology in Russia]. *Tomsk State University Journal of History*. 2013;6:193–198. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.03.2023.
Received by editorial board 20.03.2023.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
АННТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 94(3)(075.8)

Вайтович А. В. История первобытного общества [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0222-01 «История», профилизация «Отечественная и всеобщая история» / А. В. Вайтович ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 189 с. : ил. Библиогр. : с. 187–189. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/303498>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 17.10.2023, № 008917102023.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «История первобытного общества» предназначен для студентов специальности 6-05-0222-01 «История», профилизация «Отечественная и всеобщая история». Содержание ЭУМК включает следующие вопросы: теоретические аспекты изучения истории первобытного общества, антропогенез, реконструкция социальных структур первобытности, технические достижения и духовная культура древнейшего населения. ЭУМК позволяет сформировать у студентов представление об историографии и современных подходах к осмыслению начальных этапов истории человечества.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ	
<i>Лукашевич А. М.</i> Реформа средних военно-учебных заведений в России и ее судьба (1917–1918) ...	6
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ	
<i>Човдури Упенда Рао.</i> Правила поведения в отношении окружающей среды в палийской литературе: опыт изучения	23
<i>Кондраль А. А.</i> Взлет и падение ассоциации «Братья-мусульмане»: ее политический путь и связь с египетским обществом	30
ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ	
<i>Яновский О. А.</i> Эволюция институциональных характеристик первого университета Беларуси в условиях политического и экономического укрепления белорусской государственности (1919–1925)...	41
<i>Меньковский В. И., Шмигель М., Жеребцов И. Л.</i> Центральная Азия как исторический регион	54
<i>Петаченко Г. А., Шабасова М. А.</i> Эволюция форм советско-американского экономического сотрудничества в 1920-х – начале 1930-х гг.	63
<i>Сальков А. П.</i> Крайовское соглашение: болгаро-румынское урегулирование конфликта в Южной Добрудже и советско-германское соперничество за Болгарию (сентябрь 1940 – июнь 1941 г.)	73
<i>Калета П.</i> Начало чешского научного и публицистического интереса к белорусам, белорусскому языку и устному народному творчеству	89
<i>Козик Л. А.</i> Союз польских писателей в культурной политике Польши (1949–1953)	103
АРХЕОЛОГИЯ	
<i>Вайтович А. В.</i> Землемер и археолог Александр Леонтьевич Аниховский: белорусские страницы биографии	115
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	130

ЗМЕСТ

Ад рэдакцыі.....	5
------------------	---

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

<i>Лукашэвіч А. М.</i> Рэформа сярэдніх ваенна-навучальных устаноў у Расіі і яе лёс (1917–1918)	6
---	---

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Чаўдурь Упенда Рао.</i> Правілы паводзін у адносінах да навакольнага асяроддзя ў палітэйскай літаратуры: вопыт вывучэння.....	23
<i>Кондраль А. А.</i> Узлёт і падзенне асацыяцыі «Браты-мусульмане»: яе палітычны шлях і сувязь з егіпецкім грамадствам.....	30

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

<i>Яноўскі А. А.</i> Эвалюцыя інстытуцыянальных характарыстык першага ўніверсітэта Беларусі ва ўмовах палітычнага і эканамічнага ўмацавання беларускай дзяржаўнасці (1919–1925)	41
<i>Менькоўскі В. І., Шмігель М., Жарабцоў І. Л.</i> Цэнтральная Азія як гістарычны рэгіён.....	54
<i>Петацэнка Р. А., Шабасва М. А.</i> Эвалюцыя форм савецка-амерыканскага эканамічнага супрацоўніцтва ў 1920-я – пачатку 1930-х гг.	63
<i>Салькоў А. П.</i> Краёўскае пагадненне: балгара-румынскае ўрэгуляванне канфлікту ў Паўднёвай Дабруджы і савецка-германскае суперніцтва за Балгарыю (верасень 1940 – чэрвень 1941 г.)	73
<i>Калета П.</i> Пачатак чэшскага навуковага і публіцыстычнага інтарэсу да беларусаў, беларускай мовы і вуснай народнай творчасці.....	89
<i>Козік Л. А.</i> Саюз польскіх пісьменнікаў у культурнай палітыцы Польшчы (1949–1953)	103

АРХЕАЛОГІЯ

<i>Вайтовіч А. У.</i> Землямер і археолаг Аляксандр Лявонцэвіч Аніхоўскі: беларускія старонкі біяграфіі	115
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.....	130

CONTENTS

Editorial.....	5
BELARUSIAN HISTORY	
<i>Lukashevich A. M.</i> Reform of secondary military educational institutions in Russia and its fate (1917–1918).....	6
WORLD HISTORY	
<i>Chowduri Upendra Rao.</i> Environmental ethics in Pali literature: a study	23
<i>Kondral A. A.</i> Rise and fall of the Muslim Brotherhood Association: political pass of the movement in connection with Egyptian society.....	30
SPECIAL TOPIC SECTION	
<i>Yanouski A. A.</i> Evolution of the institutional characteristics of the first university of Belarus under the political and economic strengthening of the Belarusian statehood (1919–1925)	41
<i>Menkouski V. I., Šmigel' M., Zherebtsov I. L.</i> Central Asia as a historical region	54
<i>Petachenka R. A., Shabasava M. A.</i> The evolution of the Soviet-American economic cooperation in 1920s – early 1930s.....	63
<i>Salkov A. P.</i> The treaty of Craiova: Bulgarian-Romanian conflict resolution in Southern Dobrudja and Soviet-German competition for Bulgaria (September 1940 – June 1941).....	73
<i>Kaleta P.</i> The beginning of Czech scientific and journalistic interest in Belarusians, the Belarusian language and oral folk art.....	89
<i>Kozik L. A.</i> Polish Writers' Union in the cultural policy of Poland (1949–1953).....	103
ARCHAEOLOGY	
<i>Vaitovich A. U.</i> Land-surveyor and archaeologist Aljaksandr Ljavonc'evich Anihowski: Belarusian pages of biography	115
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	130

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в наукометрические базы данных научных публикаций Scopus и РИНЦ.

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 4. 2023**

**Часопіс Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.
№ 4. 2023**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jhistory@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы *Е. В. Жерносек, А. С. Люкевич*
Технические редакторы *Н. Ю. Окунеvec, В. В. Пишкова*
Корректор *М. Д. Баранова*

Подписано в печать 31.10.2023.
Тираж 50 экз. Заказ 1067.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2023

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 4. 2023**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jhistory@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors *E. V. Zhernosek, A. S. Lyukevich*
Technical editors *N. Yu. Okunevets, V. V. Pishkova*
Proofreader *M. D. Baranova*

Signed print 31.10.2023.
Edition 50 copies. Order number 1067.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2023